

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

Н. Г. Голант

**МАРТОВСКАЯ СТАРУХА
И МАРТОВСКАЯ НИТЬ**

Легенды и обряды начала марта у румын

Санкт-Петербург
2013

УДК 394(=135.1)

ББК 63.5

Г60

Ответственный редактор: *А.А. Плотникова*

Рецензенты: *В.Б. Колосова, А.А. Новик, О.В. Чёха*

Голант Н.Г.

Г60

Мартовская старуха и мартовская нить. Легенды и обряды начала марта у румын. — СПб.: МАЭ РАН, 2013. — 284 с. (Kunstkamera Petropolitana).

ISBN 978-5-88431-241-8

В монографии исследуется один из аспектов румынской календарной обрядности — обычаи и фольклорные тексты, связанные с началом марта, а также проводится сопоставление этих явлений культуры — легенды о мартовской старухе и обычая ношения мартовской нити — с аналогичными явлениями культуры ряда других этносов. В разделах, касающихся обычая ношения мартовской нити, в качестве сравнительного материала приводятся преимущественно сведения из балканских традиций, тогда как в разделы, посвященные исследованию мартовских легенд и мотивированных ими хрононимов, включены сведения из фольклорных традиций многих этносов, проживающих на территории Европы, Азии и Северной Африки.

Книга адресована в первую очередь специалистам по этнографии и фольклору романских и балканских народов, а также всем интересующимся проблемами взаимосвязи языка и культуры — этнолингвистам, культурологам и др.

УДК 394(=135.1)

ББК 63.5

ISBN 978-5-88431-241-8

© Н.Г. Голант, 2013
© Оформление серии.
В. Яковлев, 2013
© МАЭ РАН, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Введение	6

Глава 1. Мартовская легенда в фольклоре и литературе

1.1. Распространение представлений о мартовской старухе	10
1.1.1. Протагонисты легенды	11
1.1.2. Имена основного персонажа	14
1.2. Мартовская легенда у народов Карпато-Балканского региона, Западной Европы и Ближнего Востока: сравнительно-типологический анализ	16
1.2.1. Стадо старухи (и других персонажей легенды)	16
1.2.2. Путь старухи и ее стада	17
1.2.3. Одежда персонажа	18
1.2.4. Погода в начале марта	19
1.2.5. Прялка старухи и мартовская нить	19
1.2.6. Флейта сына старухи	20
1.2.7. Оскорбление месяца	20
1.2.8. Одалживание дней месяцем	27
1.2.9. Наказание старухи (или других протагонистов)	30
1.3. Этиологические функции мартовской легенды	34
1.3.1. Объяснение топонимов и микротопонимов	35
1.3.2. Дополнительные фольклорные мотивы	36
1.3.3. К символике смерти мартовской старухи и ее животных	42
1.4. Переработки легенды о мартовской старухе в румынской литературе	44
1.4.1. Поэма Г. Асаки «Докия и Траян»	45
1.4.2. Реминисценции поэмы Асаки в творчестве М. Эминеску	52

Глава 2. Дни старухи, или Одолженные дни

2.1. Номинация дней, связанных с мартовской легендой	68
2.1.1. Хрононимы типа «старухи» и «старухины дни»	68
2.1.2. Тип «дни (Бабы) Докии», «Докия»	69
2.1.3. Прочие типы хрононимов	70
2.1.4. Обозначения дней, посвященных мартовской старухе, у других народов	70

2.2. Число дней, связанных с мартовской легендой, и расположение их в календаре	77
2.3. Поверья и магические практики, связанные с первыми днями весны	80
2.3.1. Гадания о погоде	81
2.3.2. Обычаи и запреты, соблюдающиеся в начале марта	86
2.3.2.1. Земледельческая магия	87
2.3.2.2. Скотоводческая магия	92
2.3.2.3. Запреты, связанные с прядением	95
2.3.2.4. Очистительная магия	96
2.3.2.5. Встреча птиц	103
2.3.2.6. Магические практики, направленные на сохранение или приобретение здоровья и красоты.	106
2.3.2.7. Обрядовая выпечка	107

**Глава 3. Мартовская нить: предметный код
в ритуально-мифологическом контексте**

3.1. Номинация мартовской нити	110
3.2. Конструктивные параметры мартовской нити.	113
3.2.1. Цветовая символика мартовской нити: типологические параллели	117
3.2.2. Подвески к мартовской нити	121
3.3. Функциональные параметры мартовской нити	126
3.3.1. Период ношения мартовской нити.	130
3.3.2. Мотивация обращения к мартовской нити.	137
3.4. Особенности бытования мартовских нитей в современной городской среде	149

Заключение	173
Приложение 1	177
Приложение 2	254
Приложение 3	263
Библиография	266
Архивные материалы	281
Список сокращений	283

ОТ АВТОРА

Первые строки этой книги хотелось бы посвятить словам благодарности коллегам, без помощи и поддержки которых эта книга не появилась бы на свет, — в первую очередь ответственному редактору Анне Аркадьевне Плотниковой (ИСл РАН) и рецензентам — Оксане Владимировне Чёха (ИСл РАН), Валерии Борисовне Колосовой (ИЛИ РАН) и Александру Александровичу Новику (МАЭ РАН), а также Елене Станиславовне Соболевой (МАЭ РАН), Виталию Ивановичу Сырфу (Институт культурного наследия АН Молдовы), Марии Михайловне Рыжовой (СПбГУ). Моя особая признательность — Николаю Леонидовичу Сухачеву (ИЛИ РАН), чью помощь в редактировании текста трудно переоценить и чье знание балканских и романских языковых и культурных реалий помогло автору избежать ряда существенных ошибок. Также благодарю Галину Ильиничну Кабакову (Университет Париж–4 (Сорбонна)), предоставившую ценнейшие материалы по исследуемой теме из личной библиотеки и архива, Юрия Евгеньевича Березкина (МАЭ РАН) и Михаила Анатольевича Родионова (МАЭ РАН) за исключительно полезные ссылки и советы. Отдельно хочу выразить благодарность Нелли Юрьевне Евдокимовой (РНБ) за помощь в составлении карт и подборе иллюстраций.

ВВЕДЕНИЕ

В публикуемом исследовании мифологические представления и обрядовые действия, связанные у румын с началом весны, сопоставляются с аналогичными явлениями культуры ряда других народов; раскрывается динамика функционирования данных явлений. Некоторые из рассматриваемых обычаев органично вписались в современную жизнь, в том числе в жизнь урбанизированного общества.

Календарная обрядность и мифология народов Карпато-Балканского региона привлекали и привлекают внимание исследователей различных специальностей — этнографов, лингвистов, фольклористов. Однако параллельное и последовательное сопоставление как мифологических представлений, так и обрядовых действий румын, связанных с началом весны, с соответствующими явлениями культуры других народов до сих пор не проводилось.

Прежде всего следует раскрыть ранее недоступный большинству российских читателей потенциал фольклорных и этнографических источников по теме календарной обрядности и мифологии этого интереснейшего региона Европы, в котором слились традиции многих народов и культур. Поэтому автор считает важным подробно аннотировать ряд трудов румынских и других исследователей.

Многие аспекты данной темы нашли отражение в монографиях и статьях отечественных и зарубежных этнографов, лингвистов и фольклористов. Впервые вводятся в научный оборот некоторые материалы фондов и архивов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Российского этнографического музея. Основу книги составили работы румынских исследователей, а также полевые материалы автора, собранные на территории Олтении, Мунтении, Баната, запрутской Молдовы (Румыния), долины реки Тимок (северо-западная Болгария), Республики Молдова и Одесской обл. Украины в 1998–2012 гг.

В сравнительно-историческом аспекте наиболее полно интересующие нас мифопоэтические представления румын (мартовская легенда и мотивированные ею хрононимы) описаны в статьях Л. Шэйняну «Старухины дни и легенда о Докии» [Șăineanu 1896] и Г.И. Кабаковой

«Структура и география легенды о мартовской старухе» [Кабакова 1994]. К ним примыкает энциклопедическая статья Т. Папахаджи «Март» [Papahagi 1979], где приведены примеры аналогичных представлений, отмеченных в ряде романоязычных ареалов. В публикациях Л. Шэйняну и Г.И. Кабаковой рассматривается весь ареал распространения мартовской легенды и сопоставляются ее варианты, бытующие у разных народов. Комплекс обрядов и отчасти мифопоэтические представления, связанные с первыми днями марта у болгар, исследуется Л. Йордановой [Йорданова 1972] и Л. Миковым [Миков 1985]. Мартовские обряды греков подробно исследованы в диссертации А.Н. Анфертьева «Календарные обходы и мартовская обрядность у народов Восточной Европы: преемственность и этнокультурные контакты» (см. также: [Анфертьев 1979а, б]).

О важности данного календарного обрядового комплекса свидетельствует и тот факт, что мартовской обрядности балканских народов был специально посвящен круглый стол «Мартеница. Mărțișor. Март'е. Verone...», прошедший в 2008 г. в Институте славяноведения РАН (Москва). Его материалы были опубликованы отдельным изданием [Мартеница 2009]. В ходе заседаний Т.В. Цивьян показала несколько ипостасей марта. «Многоликий балканский март» может быть приносящим весну и насылающим стужу, бывает март карнавальным и постный, март-мужчина и март-женщина. О.В. Чёха рассматривала те же мотивы на материалах новогреческого фольклора: «Ο Μάρτης ο πεντάγυμος». Л.А. Акимова попыталась проследить связь месяца марта с древнеримским богом войны Марсом и неудачливым соперником Аполлона — фригийским силеном Марсием. А.А. Плотниковой удалось получить новые мартовские сюжеты в полевых исследованиях под Буззу (Румыния) и проанализировать локализацию мартовской нити и других мартовских ритуалов в балканославянской и балканороманской зонах. Эту тему развила И.А. Седакова на примере современной городской культуры Болгарии, показав огромный символический потенциал мартовской нити (*мартеница*) — по сути, небольшой обрядовой реалии, которая в наши дни не только восстанавливает свои исконные семантические связи, но и обрастает новыми народно-религиозными и этнографическими сюжетами в связи с представлениями об этнической идентичности народов Карпато-Балканского региона.

Мифопоэтические представления и обряды, связанные с началом весны, рассматриваются в работах румынских этнографов и фольклористов, посвященных румынской мифологии и календарной обрядности

в целом. Наиболее ценными с точки зрения отражения региональной специфики восточнороманских мифологических представлений, фольклорных текстов и обрядовых действий, связанных с изучаемым нами календарным периодом, следует признать, в частности, следующие издания: А. Фоки «Народные обычаи и ереси конца XIX в.: ответы на вопросы Николае Денсушяну» [Fochi 1976], где содержатся ценные материалы по фольклору и этнографии различных областей Румынии (информация о мартовских легендах и обычаях локализуется по большей части в Олтении, Мунтении и румынской Молдове); И. Мушля и О. Бырля «Типология фольклора» [Muşlea, Bârlea 1970], где также отражены этнография и фольклор практически всех исторических областей страны, однако сведения, непосредственно касающиеся темы нашего исследования, затрагивают главным образом Мунтению, румынскую Молдову и Трансильванию; Т. Герман «Народная метеорология» [Gherman 2002], где приводятся материалы по этнографии и фольклору румын Трансильвании и Марамуреша; В. Скурту «Фольклорные исследования румынской Угочи» [Scurtu 1942], где изложены материалы по фольклору Марамуреша; Э. Петрович «Фольклор долины Алмажа» [Petrovici 1935], где содержатся сведения о фольклоре румын Баната; Т. Папахаджи «Из римского и латинского фольклора» [Papahagi 1923], где приводится информация по этнографии и фольклору арумын.

В настоящее время недостаток информации о региональной специфике румынской календарной (а также семейной) обрядности в определенной мере восполняет соответствующая серия «Румынского этнографического атласа», издаваемого Румынской академией. Отдельные его тома посвящены различным историческим областям Румынии — Олтении (т. 1), Банату, Кришане, Марамурешу (т. 2), Трансильвании (т. 3), Молдове (т. 4), Мунтении и Северной Добрудже (т. 5) [Sărbători... 2001–2009]. К сожалению, мало работ, отражающих трансформацию традиционной обрядности в современных условиях, в том числе в условиях больших городов. Одним из немногих известных автору исследований румынской календарной обрядности, содержащих подробную информацию об этом, является книга О. Хедешан «Лекции о календаре» [Hedeşan 2005].

Что касается отечественной литературы, то наиболее важными источниками информации для написания данной работы явились издания Института славяноведения РАН, в первую очередь монография А.А. Плотниковой «Этнолингвистическая география Южной Славии» (2004), а также различные выпуски серий «Славянский и балканский

фольклор» и «Исследования по славянской диалектологии» и ряд разделов этнолингвистического словаря «Славянские древности» под редакцией Н.И. Толстого. Использовались при написании данной работы и материалы «Малого диалектологического атласа балканских языков», подготовка которого была инициирована и осуществляется под редакцией А.Н. Соболева [МДАБЯ 2005].

Сохранение и развитие рассматриваемых явлений культуры в последние годы, возможно, связано с потребностью румын, как и ряда других этносов, подчеркнуть свою самобытность и древние традиции в рамках Европейского Союза. Многие исторические личности (например, господарь Влад Цепеш — Дракула), памятники архитектуры и искусства (монастыри, фрески), элементы материальной культуры (пища, экологический текстиль) призваны сформировать положительный имидж Румынии, привлечь зарубежных туристов, поэтому данная проблематика достаточно известна и из научно-популярных изданий. Мартовская нить также оказалась одним из устойчивых элементов культуры, привлекательных как для коренного населения, так и для сторонних наблюдателей.

Глава 1

МАРТОВСКАЯ ЛЕГЕНДА В ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

1.1. Распространение представлений о мартовской старухе¹

Различные модификации легенды о мартовской старухе известны не только в Карпато-Балканском регионе, но и в гораздо более широком ареале, который включает значительную часть Европы и Ближнего и Среднего Востока. Что касается ее бытования среди восточнороманских народов, то можно утверждать, что она известна на всей территории Румынии и Республики Молдова, а также в островных румыноязычных ареалах — на Северной Буковине (ныне — Черновицкая область Украины), в долине Тимока (восточная Сербия и северо-западная Болгария) и у арумын, проживающих на территории Греции, Албании, Македонии и Болгарии.

Аналогичный мифологический персонаж обнаруживается в фольклоре многих других народов Карпато-Балканского региона — у болгар, македонцев, сербов, черногорцев, боснийцев, словенцев, греков, албанцев, гагаузов, карпатских украинцев, поляков Галиции. Представления о мартовской старухе у южных славян, при наличии тех или иных версий практически во всех областях Болгарии и Македонии, тяготеют к юго-востоку южнославянского ареала. Так, на территории Болгарии эта легенда фиксируется в восточных районах (Русе, Провадия, Странджа), а также в окрестностях Ловеча, западных Родопх, Пиринском крае [Плотникова 2004б: 123–124]. В Македонии легенда о мартовской

---

¹ Термин «мартовская старуха» автор употребляет вслед за Г.И. Кабаковой (см.: [Кабакова 1994: 209–222; и др.]. Ю.Е. Березкин в соответствующем разделе своего аналитического каталога «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» [URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>] обозначает этот персонаж термином «старуха зимы».

старухе встречается в различных областях (Скопска Црна Гора, Скопска Котлина, Кочани, Штип, район Велеса, Гевгелийска Каза, Мариово, район Охрида, Струги), известна она и у македонцев, проживающих на севере Греции (Долни Вардар) [Там же]. В Сербии сведения о бытовании легенды были зафиксированы в Пиротском крае (Горни Висок), окрестностях Болеваца, Лесковацкой Мораве, в отдельных населенных пунктах сербского Баната, в Косово (Средска, Косово поле), западной Сербии, в том числе в родных местах Вука Караджича, лексику и обычаи которых и отразил первый «Сербский словарь» 1818 г. [Караџић 1969: 15; ср.: Плотникова 2004б: 123–124]. Как мотивирующий компонент соответствующей лексики, связанной с календарной обрядностью, легенда о мартовской старухе отмечена также на юге Черногории (Кучи, Пипери, Риечка Нахия), юге Герцеговины, в центральной Боснии (у мусульман Високо и Купреса) [Плотникова 2004б: 123–124].

Представления о мартовской старухе (которую в некоторых версиях легенды заменяет пастух) и посвященных этому персонажу днях встречаются у турок, персов, таджиков, узбеков Хорезма, армян, народов Северного Кавказа (карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, аварцев, андийцев, лакцев, лезгинов, рутульцев, цахуров), арабов, берберов, португальцев, испанцев, басков, каталонцев, провансальцев, французов, корсиканцев, итальянцев, а также у народов Британских островов. (К последним, по мнению Л. Шэйняну, мартовская легенда попала благодаря морякам — уроженцам Средиземноморья [Şăineanu 1896].)

1.1.1. Протагонисты легенды

Героиней большинства мартовских легенд, как уже говорилось, является старуха-пастушка. Однако встречаются (довольно часто в Западной Европе, но лишь изредка в Северной Африке и Карпато-Балканском регионе) варианты «мартовской» легенды, в которых главный герой — не старуха, а пастух. Они отмечены, в частности, на Корсике (Франция), в Сардинии (Италия), Андалусии и Басконии (Испания), у жителей Беарна (совр. департамент Атлантические Пиренеи, Франция). Население этого региона в прошлом также говорило на баскском языке. Правда, в беарнском варианте герой легенды обозначен не как «пастух», а как некий «богатый человек». Отмечен такой вариант и в Португалии [Şăineanu 1896; Papahagi 1979: 323–328; Кабакова 1994; Contes... 1998; Сатрустеги 1990].

Версия легенды, в которой вместо старухи-пастушки фигурирует пастух, встречается также у греков (о. Сифнос Кикладского архипелага) и славян, живущих на территории Греции (с. Плевня (греч. Πετρούσσα, Петруса) в области Восточная Македония и Фракия), однако она является скорее исключением [Πολίτου 1965: 307; Şăineanu 1896]. У черногорцев племени кучи история старухи-пастушки дублируется историей старика [Дучић 1931: 333. Цит. по: Кабакова 1994: 209–222].

Согласно некоторым румынским вариантам, мартовская старуха — Баба Докия — отправляется в горы не одна, а в сопровождении сына, или (реже) деда (своего мужа?), или батрака [Petrovici 1935; Fochi 1976: 23–29; Marienescu 1994: 233–247; Boteanu, Borloveanu 2003: 323; Olinescu 2003: 256–260; ПМА 2010 (информант Думитру Борловяну)]. В албанском варианте легенды, записанном в с. Мухурр (краина Дибра), говорится о старухе и старике, отправившихся со стадом овец в горы раньше срока (однако главной героиней повествования является все же старуха) [Юллы, Соболев 2003: 422].

Нужно отметить, что легенда, повествующая о несвоевременном выпасе мелкого рогатого скота в горах, закончившемся трагически, была известна древним римлянам. Сходный сюжет приводит Овидий в «Метаморфозах»: некий Керамб (*Kerampos*, *Terambos*) пас свои стада на горе *Othrys* под защитой аркад (нимф холмов), пел нимфам песни и играл для них на лире и флейте. Пан, бог стад, советовал ему покинуть горы, потому что приближалась суровая зима. Керамб не послушал его совета и насмехался над нимфами из-за того, что они не происходят от Зевса. Через некоторое время холод погубил его стада, а нимфы превратили его в жука-усача (*Kerambyx*, *Cerambyx*) [Publius Ovidius Naso. *Metamorphoses*. Libr. VIII, v. 356]. На эту легенду обратил внимание А.М. Мариенеску [Marienescu 1994: 233–247].

У румын, например в Трансильвании и Мунтении, встречается версия мартовской легенды, повествующая не об одной, а о девяти старухах [Legende 1981: 221–222. Цит. по: Кабакова 1994: 209–222; Fochi 1976: 23–29].

У румын встречаются варианты этой легенды, героиней которых является не старуха, а девушка, часто — дочь императора, которая также отправляется в горы со стадом овец, чтобы спастись от преследовавших ее врагов. Такой вариант мартовской легенды в настоящее время изучается в курсе румынского фольклора в средних школах Румынии. Иногда можно встретить тексты, повествующие о девушке или старухе, которая ушла со стадом в горы, чтобы спастись от врагов (тексты запи-

саны румынскими исследователями от информантов-крестьян). Таковы, в частности, легенды о Докии, записанные в с. Попешть (жудец Вылча, Олтения), Думитрешть (жудец Вранча, румынская Молдова), Кристешть (жудец Сучава, Южная Буковина). В олтенской версии легенды о Докии все же говорится как о *старухе*, тогда как молдавская и буковинская версии повествуют о девушке Докии, которая якобы была *дочерью дакийского царя Децебала* [Fochi 1976: 23–29]. Вполне возможно, что эти варианты отражают влияние румынского романтизма (подробнее см. 1.4.1). Традицию романтических переработок мартовской легенды открыл известный писатель и просветитель Георге Асаки (1788–1864) поэмой «Докия и Траян» (1840) (см.: [Asachi 1973: 173–175])¹.

Варианты мартовской легенды, повествующие о гибели и превращении в камень девушки, были, как уже говорилось, записаны от некоторых информантов, однако весьма вероятно, что они являются не более чем эхом названной поэмы Георге Асаки, а не ее фольклорным источником [Babu-Buznea 1988: 119]. Замысел М. Эминеску, чьи рукописи Д.С. Панаитеску начал публиковать только в 1939 г. (под псевдонимом Перпечиссиус), вряд ли мог отразиться на народной традиции.

Легенда, в которой говорится о молодой пастушке, была зафиксирована и у болгар (с. Черни Осъм, община Троян, область Ловеч [Йорданова 1988: 46–47]). Однако большинство вариантов мартовской легенды, бытующих у балканских народов, повествуют все же о старухе, а не о девушке или молодой женщине. Вариант мартовской легенды, в котором речь идет о молодой пастушке, был зафиксирован также в Оверни (южная Франция) [Кабакова 1994: 209–222]. Для западнороманских вариантов рассматриваемой легенды это также скорее исключение, нежели правило.

Встречается также вариант мартовской легенды, в котором вызов месяцу бросает птица, за что она бывает жестоко наказана. У румын Мунтении это самка дрозда, как и у французов в Верхних Вогезах и итальянцев в Бергамо, в Шотландии — утка, хвастающаяся своими двенадцатью утятами [Кабакова 1989а: 174; Şăineanu 1896; Genner 1947:

---

¹ Эта традиция была подхвачена М. Эминеску (1850–1889): в незавершенном замысле эпосе «Децебал» (рукописные наброски между 1872–1874 гг.) Докия — дочь ослепшего царя даков, одновременно любящая и ненавидящая Траяна. Не в силах растаться с родиной и отстав от своего народа, удаляющегося на чужбину, она превращается в камень на глазах у римского императора (см.: [Călinescu 1969: 60; ср.: Babu-Buznea 1988: 119; Marienescu 1994: 233–247].

951, 954]. В этой связи неслучайным представляется тот факт, что в некоторых районах Молдовы после двенадцати «дней старухи» отмечают еще три дня с неустойчивой погодой, которые посвящены птицам, причем два из них — «дни дрозда» [Кабакова 1989а: 174].

У кабиллов Алжира наряду с вариантами, в которых главной героиней является старуха, встречаются и такие, где главное действующее лицо — коза или чернокожий [Бурдые 2001: 169–171; Contes... 2010].

1.1.2. Имена основного персонажа

У румын мартовская старуха чаще всего именуется *Baba Dochia* (*Баба Докия*). Это имя мартовской старухи встречается во всех исторических областях Румынии [Fochi 1976: 23–29; Petrovici 1935: 125–159; Gherman 2002: 150–161]. Существуют также региональные варианты этого имени, которыми обозначается тот же персонаж: *Baba Eudochia* (*Баба Эудокия*) — в жудеце Яломица в Мунтении, *Baba Dochîța* (*Баба Докица*) и *Baba Odotia* (*Баба Одотия*) — на Буковине, *Baba Odochia* (*Баба Одокия*) — в Марамуреше [Mușlea, Bârlea 1970: 353; Кабакова 1994: 209–222; Калашникова 1971: 12–13; Scurtu 1942; Gherman 2002; Antologie... 1983: 424–425]. У русин и гуцулов, где также существуют представления о мартовской старухе, этот персонаж именуется, как и у румын и молдаван, *Баба Докия*, а также *Баба Явдоха* (*Евдоха*, *Еудоха*) (варианты одного и того же имени) [Кайндль 2000: 116–118; Масан 2001].

У румын в жудеце Мусчел (Мунтения) было зафиксировано имя *Baba Chirdosia* (*Баба Курдосия*), также обозначающее мартовскую старуху [Rădulescu-Codin 1910: 4; см.: Кабакова 1994]. Изредка на восточно-романской территории мартовскую старуху называют именем *Baba Marta*. Это имя встречается, в частности, в жудеце Телеорман (Мунтения) [Fochi 1976: 23–29]. По некоторым сведениям, так именовали мартовскую старуху и жители некоторых районов Бессарабии (ныне — территория республики Молдова и части Одесской обл. Украины) [Marian 1994: 304–305]. Именем *Баба Марта* обозначают этот персонаж и румыны (влахи), обитающие на территории Сербии и северо-западной Болгарии [Atlasul... 2011. 1: 100–101; 2011, 2: 102–103 (устное сообщение Милицы Маджарович, уроженки общины Бор)].

Имя *Марта* (*Баба Марта*) встречается в фольклорных текстах о мартовской старухе у болгар, македонцев, сербов [Плотникова 2004б: 121–122; Терновская, Толстой 1995: 122–123]. У болгар термин *Баба*

Марта является и народным названием месяца [Миков 1985: 75–76]. У гагаузов Южной Бессарабии более распространено обозначение данного персонажа именем *Babu Marta* (вариант — *Baba Marta*) — в большинстве гагаузских населенных пунктов на территории Республики Молдова, но встречается и обозначение его именем *Babu Evdochiya* в г. Чадыр-Лунга [Сорочяну 2006: 163]. У албанцев Приазовья мартовская старуха именуется *Babo Martë* (*Бабо Мартэ*), так же в прошлом именовался и март, что, вероятно, объясняется болгарским влиянием (сведения из с. Гергиевка Запорожской обл. Украины) [Новик 2010а]. У албанцев Южной Бессарабии (с. Каракурт, ныне Жовтневе) лексемой *Baba Marta* обозначается первый день марта [ПИМА 2011а].

Имя *Марта* связано с названием первого весеннего месяца и, вероятно, является более древним именем персонажа, нежели другие, встречающиеся в Карпато-Балканском регионе. Это имя в известной степени сходно с именем *Марена* (*Морена*, *Марана*, *Маржана*, *Маржена*, *Мара*) — славянского женского персонажа, связанного с плодородием и одновременно со смертью, сезонным умиранием и воскресением природы, жизненной силой, приобретаемой ценой жизни [Иванов, Топоров 1995б: 253; Топоров 1976]. Впрочем, римско-италийский Марс, которому обязан своим названием месяц март, также являлся божеством, связанным со сменой времен года и плодородием [Топоров 1976].

Имя *Докия*, типичное для румынских фольклорных текстов о мартовской старухе, несомненно, имеет христианское происхождение (это вариант греческого имени *Eudokia*). Мартовская старуха (Баба Докия) у румын получила имя святой, день которой православная церковь отмечает 1 (14) марта. Согласно житию, св. Евдокия родилась в г. Илиополисе (Ливан) во времена правления императора Траяна. Свою молодость она провела в распутстве и скопила большое состояние. К старости Евдокия покаялась в грехах, была крещена епископом Феодотом, раздала свое состояние беднякам и удалилась в монастырь, где будто бы сотворила не одно чудо [Ghinoiu 2001: 11–12]. Однако «биография» мартовской старухи (Бабы Докии) не имеет ничего общего с агиографией св. Евдокии [Evseev 1997: 40–42], как и утверждение Г. Асаки о том, что имя *Докия* (*Dochia*) связано с географическим названием *Дакия* (*Dakia*, *Dachia*, *Dacia*) [Asachi 1981b: 736–738].

Если говорить о традициях других народов, то можно отметить, что имя мартовской старухи упоминают достаточно редко. Так, по имеющимся у нас данным, имя старухи употребляется в легендах греков (*Попина* — текст с о. Тасос, *Дракена* — текст с о. Иброс) и швейцарцев

(*Rullion*, или *Riillon* (Рульон)) [Πολίτου 1965: 298–307; Meyer 1974: 294–297, см.: Кабакова 1994; Şăineanu 1896].

В арумынских мартовских легендах героиня обычно именуется просто «старухой» (*moaşa*) [Şăineanu 1896]. Подобная ситуация достаточно часто встречается и у южнославянских народов, в мартовских легендах которых героиня нередко именуется просто «бабой» [Плотникова 2004б: 121–122]. Наименование героини «старуха», без имени, типично и для мартовских легенд западнороманских народов — итальянцев (*la Vecchia*), провансальцев (*la Vieio*) и др. [Кабакова 1994; Şăineanu 1896]. В таджикских и памирско-таджикских версиях героиня легенды может называться «старуха Оджуз (Оджиз)» (арабское слово, имеющее значение «старуха», в этом случае употребляется в качестве имени старухи) [Толстов 1931: 340–341; Андреев 1927: 20–26; Сефербеков 2004].

1.2. Мартовская легенда у народов Карпато-Балканского региона, Западной Европы и Ближнего Востока: сравнительно-типологический анализ

Основной сюжетобразующий мотив балканских вариантов мартовской легенды — уход старухи-пастушки в горы с овцами или козами, гибель от холода и превращение ее и всех ее животных в камень. С незначительными вариациями он присутствует во множестве фольклорных текстов из Карпато-Балканского региона: встречается у румын, арумын, болгар, македонцев, сербов, албанцев, греков, украинцев (гуцулов). Западноевропейские и ближневосточные варианты мартовской легенды имеют много общего с карпато-балканскими, однако между ними существуют и различия, о которых речь пойдет ниже.

1.2.1. Стадо старухи (и других персонажей легенды)

Итак, главной героиней большинства мартовских легенд является старуха. В начале весны она отправляется на летнее пастбище со стадом овец или коз. В румынских вариантах легенды старуха пасет коз: в версиях из Олтении (жудецы Горж, Вылча, Мехединць), Мунтении (жудецы Телеорман, Олт, Мусчел, Прахова, Бузэу, Яломица, Брэила), Молдовы (жудецы Нямец, Бакэу, Тутова), Трансильвании (жудецы Сибиу,

Брашов, Муреш), Баната (жудец Караш-Северин), Северной (румынской) Добруджи (жудец Констанца) — или овец: в вариантах из Марамуреша (жудец Сату-Маре), Северной Буковины (жудец Сучава), а также в некоторых молдавских (жудец Васлуй), мунтениских (жудец Прахова), олтенских (жудецы Долж, Горж), добруджских (жудец Констанца) и банатских (жудец Караш-Северин) [Muşlea, Bîrlea 1970: 353–354; Gherman 2002; Petrovici 1935; Olteanu 2001: 128–133; Scurtu 1942; Fochi 1976: 23–29].

В отдельных текстах из Олтении (жудец Горж), Мунтении (жудец Прахова), Трансильвании (жудец Сибиу) и Баната речь может идти о смешанном стаде овец и коз [Gherman 2002; Schott 2003: 129–131; Fochi 1976: 23–29]. В арумунских текстах, известных автору, старуха уходит в горы с козами [Şăineanu 1896: 1–45].

В греческих текстах также обычно говорится о владелице коз [Πολίτου 1965: 298–307; Зайковская, Зайковский 2001]. Согласно большинству болгарских текстов, старуха пасет коз или, согласно отдельным вариантам, коз и овец [Попов 1999; Узенева 2001; Захариев 1963: 387; Йорданова 1988: 46–47; Народна проза 1985: 369; Миков 1985: 75]. О старухе — владелице козлят повествует армянская версия легенды [Петросян 2011: 74].

В западноевропейских вариантах мартовской легенды речь чаще идет об овцах [Şăineanu 1896; Caballero 1974: 116–117; Сатрустеги 1990: 34–35]. В отдельных версиях легенды, происходящих из южных областей Франции (департамент Буш-дю-Рон, Прованс), говорится не о мелком рогатом скоте, а о коровах [Кабакова 1994]. В североафриканских вариантах из Марокко и Алжира, зафиксированных у берберов, могут упоминаться овцы, козы либо корова и теленок (хотя последний вариант все же встречается реже) [URL: <http://la.vieille.free.fr/jjbasejoursmaroca.htm>]. О старухе — хозяйке овец говорится в большинстве дагестанских версий легенды; о хозяйке двух быков — в одной из даргинских версий [Сефербеков 2004].

1.2.2. Путь старухи и ее стада

Концепт пути, удаления от дома наиболее выражен в вариантах из Карпато-Балканского региона (особенно ярко — в румынских текстах, где часто упоминается, что путь старухи длился девять или двенадцать дней). Просматривается он и в легендах, записанных на Сицилии, и, по-видимому, в некоторых ближневосточных вариантах. Направление

и цель пути не уточняются, но все же в одном из марокканских вариантов (Аит Вараин) сообщается, что старуха и ее стадо превратились в камни на вершине горы Муса или Салах [Кабакова 1989а; Şăineanu 1896; URL: <http://la.vieille.free.fr/jjbasejoursmaroca.htm>].

1.2.3. Одежда персонажа

В ряде случаев особое внимание уделяется одежде старухи. Так, согласно большинству румынских текстов, Баба Докия отправляется в путь, надев несколько кожухов, чаще всего девять (такой вариант встречается в Олтении, Мунтении, Добрудже, Трансильвании, изредка — в Банате и Молдове) или двенадцать (на Буковине, в Молдове, Марамуреше, Банате). Однако из-за жары или дождя она сбрасывает каждый день по одному кожуху [Fochi 1976: 23–29; Muşlea, Birlea 1970: 353–354; Gherman 2002; Petrovici 1935; Schott 2003: 129–131]. Когда Докия остается в одной рубашке, снова наступают холода, и она погибает и превращается в камень вместе со своими животными. Этот мотив, по-видимому, является относительно поздним и как бы объясняет сюжет с «рациональной» точки зрения.

Число кожухов мартовской старухи обычно бывает равно числу дней, посвященных этому персонажу, которые, согласно поверьям, должны быть непогожими (или с переменчивой погодой) и зачастую несчастливими. Этот мотив иногда встречается и у других народов. Так, согласно варианту легенды из Болеваца (Сербия), старуха отправилась в путь, одев несколько кожухов, и каждый день сбрасывала по кожуху, пока не осталась раздетой [Грбић 1909: 7–8. Цит. по: Кабакова 1994]. Этот мотив мы находим и у поляков Галиции (семьдесят семь кожухов св. Евдохи) [Кабакова 1994]. У болгар существуют представления, согласно которым мартовская старуха (Баба Марта) также одета в кожух, однако в данном случае эта подробность не превращается в сюжетообразующий мотив легенды [Миков 1985: 75–76]. Мотив сбрасывания одежды и последующего замерзания встречается и в одном из вариантов легенды, зафиксированных у узбеков Хорезма [Снесарев 1969: 183–185]. Шуба или пальто как символы зимнего холода довольно часто встречаются в поговорках западнороманских народов, посвященных марту. Такова, например, итальянская поговорка, бытующая в Тоскане: “*Marzo ha comparata la pelliccia a sua madre e tre giorni dopo e l’ha venduta*” («Март купил шубу своей матушке, а через три дня продал») [Şăineanu 1896; Кабакова 1994].

1.2.4. Погода в начале марта

Комплекс мотивов, объясняющих обилие осадков в течение периода, посвященного старухе, связан с вариантом сюжета АТ 480, в котором Баба Докия выступает не в качестве главной героини, а как дарительница. «Старшая дочь» роняет в колодец моток пряжи, в поисках его попадает к Бабе Докии, которая просит ее вытрясти двенадцать подушек (или кожухов). Девушка трясет подушки, и из них высыпается снег, за что Баба Докия одаривает девушку золотом. «Младшая сестра» вытряхивает покрывала, из которых вылетают тучи с молниями, и в награду получает железную одежду, вымазанную в смоле (Буковина) [Кабакова 1994].

Нужно отметить, что у румын для обозначения неустойчивой весенней погоды употребляется формула-клише *baba își scutură cojoacele* — «старуха вытряхивает свои кожухи» [Там же]. Аналогичные термины и формулы-клише, в которых отражены мотивы встряхивания, разбрасывания, разрывания одежды, рассыпания пера, встречаются у западных славян, немцев, французов. Так, в Великопольше о снегопаде говорят: “*To baba peżyne rossypała*” («Это баба перины встряхнула»), а большие хлопья снега именуют *baby*, *baboki*. У чехов ветер и бурю вызывает *Ježi baba* [Азим-заде 1979: 125, 128. Цит. по: Кабакова 1994].

Во Фландрии существовало представление, согласно которому снег идет потому, что Мари-о-Бле (букв. «Мария-в-хлебах (посевах)») устраивает себе гнездышко; во Франш-Конте тетушка Ари рвет свою рубашку, в Гааге это делает Старик Зимовик (*Bonhomme hiver*), в Верхней Бретани — фея Снегоцвет (*Fleur de neige*) вытряхивает белое пальто [Кабакова 1994]. В Германии в том же варианте АТ 480 появляется *Frau Holle* (Госпожа Метелица) [Кабакова 1994: 209–222; Гримм 2009: 148–152]. Немецкую сказку «Госпожа Метелица» сближает с некоторыми текстами о Докии и мотив прядения [Кабакова 1994].

Выражение, указывающее на происхождение снега от выбиваемой «бабушкиной» шубы, встречается и у таджиков [Толстов 1931: 340–341].

1.2.5. Прялка старухи и мартовская нить

В некоторых вариантах мартовской легенды, бытующих у румын, молдаван и сербов, старуха, отправляясь в горы, затыкает за пояс прялку (Трансильвания, Марамуреш, румынская Молдова) или берет с собой прялку с веретенами (Буковина), двенадцать мотков льняной кудели (нижнее Поднестриевье), кудель (Лесковацкая Моравя) [Muşlea, Birlea

1970: 353–354; Gherman 2002: 150–161; Marian 1994: 111–113; Ђорђевић 1958: 373. Цит. по: Кабакова 1994]. Связь румынской мартовской старухи Бабы Докии с прядением можно усмотреть и в том, что в ее день (дни) в ряде местностей разрешается и даже рекомендуется прясть (Фэгэраш) или устраивать «помочи» по прядению (Буковина), при том что на остальные работы может быть наложен запрет [Olteanu 2001: 128–133; Кабакова 1994].

Заметим, что И. Гиною попытался связать происхождение такого украшения-оберега, как рум. *mărțișor* ‘мэрцишор (мартовская нить)’, с рассматриваемой реалией легенды о мартовской старухе. В одной из его работ встречается утверждение, что Баба Докия якобы пряла нить года (*mărțișor*), поднимаясь в гору со стадом, подобно тому как Мойры или Парки прядут нить человеческой жизни [Ghinoiu 2001: 117–118].

1.2.6. Флейта сына старухи

Как уже говорилось, в ряде румынских вариантов легенды Баба Докия отправляется в горы вместе с сыном, которого могут звать Драгобете¹, Йован Драгобете, Драгомир, Никодим или Тодерел. Варианты, в которых упоминается сын Бабы Докии, сообщают о том, что он играл на флуере (продольной флейте) — см. тексты в приложении 1 (1.1.3 и 1.1.4). В этой связи можно вспомнить о флейте Марсия (фригийского силена), послужившей причиной его конфликта с Афиной и Аполлоном. Л.И. Акимова рассматривает Марсия наряду с Марсом как «мартовское» божество, одно из воплощений старого года. Ср. также сведения о роли духовых инструментов (труб) в мартовских праздниках римлян [Акимова 2009].

1.2.7. Оскорбление месяца

В текстах мартовских легенд у различных народов часто встречается мотив оскорбления месяца — чаще всего марта — старухой-

¹ *Драгобете (Dragobete)* — название праздника, отмечавшегося в южных областях Румынии (Олтении, Мунтении и Добрудже) в феврале или марте. Этот праздник, который в ряде населенных пунктов приходился на 1 марта — день св. Евдокии (Докии), был своеобразным «румынским днем влюбленных». В частности, существовало представление о том, что в этот день птицы образуют пары и то же должны делать люди (см.: [Fochi 1976: 23–29; Olteanu 2001: 142–143; Кабакова 1989б: 183]).

пастушкой (или пастухом — в некоторых вариантах из Западной Европы), что вызывает гнев месяца, а вследствие этого — холода, снегопады, дожди, бури, которые приводят к гибели пастушки (пастуха) и стада. Этот мотив мы находим в мартовских легендах жителей некоторых провинций Румынии, например Мунтении и Баната (долина Алмаша, жудец Караш-Северин), а также в легендах арумын [Speranția 1907, vol. IV, ms. 4963, f. 177. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133; ср.: Petrovici 1935; Șăineanu 1896]. Мотив оскорбления месяца и его мести широко распространен в Карпато-Балканском регионе и Средиземноморье. Он встречается у болгар, македонцев, сербов, албанцев, украинцев Прикарпатья, итальянцев, корсиканцев, провансальцев, французов, испанцев, каталонцев, басков, арабов, берберов [Йорданова 1988: 46–47; Узенева 2001; Плотникова 2004б: 121–125; Юллы, Соболев 2003: 422; Șăineanu 1896; Сагрустеги 1990: 34–35; Кабакова 1994].

В различных версиях легенды старуха насмехается над бессилием уходящего месяца или просто радуется уходу зимы. Так, в одной из буковинских версий Баба Докия заявляет: “*Taci, Mărțișor, Că de-acuma n’are să fie ninsóre, Ci tot numai sóre, Țile seninóse Calde și frumoșe, Că Țu am mâncat în luna lui Mart Fragă și căpșune, Nu mă tem de tine!.. Ci me duc cu oile și cu caprele, Ca să le pasc, Și de-î da tu frig Mu-mi va fi nimic, Căci ei sunt îmbrăcată cu 12 cojóce, Și nici de cum mie N’are frig să mi-fie!*” («Молчи, март, ведь отныне не будет снега, а всё лишь солнце, ясные дни, теплые и чудесные. Ведь ела я в месяце марте землянику с клубникой, не боюсь тебя!.. А пойду с овцами и с козами, чтоб их попасти, а нашлешь ты мороз, ничего мне не будет, ведь одета я в 12 кожухов, и никак мне не может быть холодно»). Старуха по очереди сбрасывает все свои кожухи, а затем разводит костер со словами: “*Focușor, focușor, călduros și fălos. De-ar fi și-un moșneag frumos, Tare mi-ar fi de folos!*” («Огонек, огонек, теплый да славный, будь <здесь> и симпатичный старикан, очень бы мне был он впрок!») (Буковина) [Кабакова 1989б: 175–176]¹.

В одном из арумынских текстов старуха говорит: “*Ascîpă’m di Țarna grăăiă, Dĕadi bunlu DumniȚăi, Di furtunĭ amăr di nĕauă și di Șcirtul ațel arăi. Cĭși, cĭși iețlii a nĕi! <...>Vine Marțul, nŃ avĕm frică, — Țĭse mŃașa cĭtră iețĭ — Că putĕarĕa lĭ-ĕaste niică, Cĭt di laiș ș-arău să-l veđi, Cĭș, cĭș iețli a nĕi!*” («Спаслась от тяжелой зимы — смиловивился

¹ Здесь и далее автор, используя материалы Г.И. Кабаковой, попытался максимально приблизить перевод к оригиналу.

Господь — от свирепых снежных бурь и от злого Февраля (букв. Коротышки). Сюда, сюда, мои козлятушки! <...> Приходи, март, не боимся мы тебя, — сказала старуха козлятам. — Ведь сила его мала, каким бы угрюмым (букв. черным) и злым ни казался он. Сюда, сюда, мои козлятушки!» [Marian 1994: 113, 315; Кабакова 1989б: 176]. В тексте из северной Албании старуха, выйдя на вершину горы, сказала: “*H’ipa n’m`aje t’m`a lit, e pr`esha buz n e m`arsit, vet jam e bar`it e gjas i ka*” («Я поднялась на вершину горы и перешла границу марта, я сама, и у меня есть пастухи и овцы») [Юллы, Соболев 2003: 422].

Аналогичный мотив преждевременной радости можно найти во многих западноевропейских текстах мартовской легенды. Г.И. Кабакова, например, ссылается на известную в качестве «энциклопедии народных преданий» поэму Ф. Мистрала «Мирей» (1867). Один из ее персонажей (старуха) сначала радуется уходу февраля: “*Adieu, Fébrié, mé ta febrerado M’as fa ni péu, ni pelado*” («Прощай, Февраль, со своею стужей, ты не взял с меня ни шкуры, ни кожи»), а затем похвальноется, что спаслась и от марта: “*En escapant de Mars e de Marséu Ai escapa mi vaco e mi vedéu*” («Спасшись от Марта, я спасла своих коров и телят») [Mistral 1859: 492, 495; см.: Кабакова 1994].

Во французском тексте из Верхних Вогец старуха говорит: “*Mars n’é pu que trohhee djos, voilà lé métchant mwé qu’a oute, djó hhâprâ l’onnoille-ci*” («У марта всего-то три дня, злой месяц вот-вот пройдет, на этот раз я выпуталась») [Lanher, Litaize 1985: 36; см.: Кабакова 1994]. В швейцарском тексте из Фрибура старуха восклицает: “*A! a! Mâ, ma txivra e mon tservion envernâ*” («О-о! Март, моя коза и мой козленок пережили зиму») [Meyer 1974: 294–297; см.: Кабакова 1994]. В корсиканской версии мартовской легенды пастух восклицает: «Март, март, весна наступает, ты не причинил мне никакого вреда» (коммуна Ольмичча, округ Сартен, департамент Южная Корсика) [Genner 1947: 953; Кабакова 1994].

В ряде случаев, оскорбляя уходящий месяц (в разных версиях легенды речь может идти о марте или феврале), старуха упоминает о своих козлятах или ягнятах, бахвалится ими. В ряде южнославянских текстов, обращаясь к марту (февралю), старуха хвастает силой своих козлят или ягнят, количеством или длиной их рогов. Существуют тексты, в которых старуха прямо бросает вызов месяцу (февралю). Так, в одном боснийском тексте старуха говорит: «*Удри сила на силу...*», то есть «Попробуй одолей моих сильных козлят» [Пећо 1925: 382. Цит. по: Плотникова 2004б: 125]. В боснийских же версиях легенды сообщается, что стару-

хины козлята были необычными — пятирогими. Один из рассказчиков говорит, что *jančičihi петорошчићи* («пятирогие козлята») были заморожены Богом [Филиповић 1949: 291. Цит. по: Плотникова 2004б: 125]. Упоминание о пятирогих козлятах при оскорблении месяца отмечено в формуле из западной Сербии (Болевацкий край): “*Moju jarčiči sve недорочићи!*” («Мои козлята пятирогие») — и в тексте из северной Македонии (Скопска Црна Гора) [Грбић 1909: 7. Цит. по: Плотникова 2004б: 121; Петровић 1907: 446. Цит. по: Плотникова 2004б: 125].

В тексте легенды о мартовской старухе из Лесковацкой Моравы старуха хвастается длиной рогов своих козлят [Ђорђевић 1958: 373. Цит. по: Плотникова 2004б: 125]. В ряде местностей встречается обозначение дней, посвященных мартовской старухе, хрононимами типа «старухины козлята». Эти хрононимы распространены в южной и западной Сербии — *бабини јарци*, в Южном Банате (Сербия) — *бабини козлићи*, в Черногории — *бабини јарчеви*, в Славонском Посавье (Хорватия) — *бабини козлићи* [Плотникова 2004б: 125]. (Подробнее см. в главе 2, раздел 2.1.4.)

Ареал мотива бахвальства старухи длиной или количеством рогов животных значительно шире ареала, где фигурируют мотивированные им термины, обозначающие определенные (или просто непогожие) дни ранней весны. Этот мотив известен в западной части балканославянского ареала, тогда как в Болгарии, большей части Македонии и восточной Сербии, за исключением сербского Баната, мотив такого бахвальства отсутствует [Плотникова 2004б: 125]. Не обнаруживается он и в восточнороманских легендах о мартовской старухе. Мотив, сходный с рассмотренным выше, можно, как нам кажется, увидеть в итальянском варианте мартовской легенды из Абрुццо, в котором старуха говорит:

Marzo, mio marzetto,
L'agnello mio ha messo già il
cornetto.

Март, мой марток,
У моего ягненка уже проступили
рожки.

то есть ягненок уже подрос и ему больше не страшен холод; и, возможно, в баскском варианте легенды, где пастух, обиженный на уходящий март, который выдался холодным и ненастным, говорит ему: «Забодай тебя баран» [Contes... 2006: 178–188; Сатрустеги 1990: 34–35].

Хулительные формулы в различных вариантах мартовской легенды часто намекают на половую импотенцию соответствующего месяца или обыгрывают анальную тему. В качестве одного из поэтических

приемов могут использоваться малопристойные ономотопеи [Кабакова 1994]. В румынских легендах о мартовской старухе для названий месяцев марта и февраля нередко используются следующие рифмы: *Mărțișor* — *ghiemișor* / *ghemișor* (клубочек) — *curișor* (дими́нутив от *cur* — «зад») / *ciurișor* (дими́нутив от “*ciur*” — сито), *Făurariu* — *găunariu* (от *găună* — «маленькая дырка»), *Făurel* — *găurel* (от *gaură* — «отверстие», «дырка») [Там же]. Так, в одном из текстов, записанных у румын в Банате, старуха заявляет [Petrovici 1935]:

Ahă', o trecut Kilendarî,	Ахэ, прошел Январь
Cu sînzîli tarî.	С крещенскими морозами.
Pră Mărțișor	А Мэрцишор (уменьшит. от «март», марток)
Îl pun la curișor.	Я отправлю в з-цу.

В других банатских текстах старуха говорит: “*Pe Făurariu îl trag prin găunariu, Pe Mărțișor prin c(i)urișor*” («Я отправлю Февраль в ж-у и Март в з-цу»); “*Dacă nu m'am temut eî de Făurariu, Care e cu frânghiile tarî, Apoi pe Mărțișor L'oiu legă binișor cu un teișor și l'oiu trage prin curișor*” («Раз я не испугалась февраля с его сильными морозами, то март я хорошенько свяжу липой и пошлю его в з-цу») [Marian 1994: 117; Кабакова 1989б: 177].

Сходные формулы оскорбления встречаются и в вариантах легенды, зафиксированных в Трансильвании: “*Vai de el ce Mărțișor, Eu îl trag prin ciurișor!* <...> *Ce-mî pasă de Făurariu, Eu îl trag prin găunariu, și Mărțișor Prin cel ciurișor*” («Горе Марту, я протащу его сквозь ситечко!¹ <...> Что мне до Февраля, я отправлю его в ж-у, а Март в ситечко») (Бихор), “*Pe Făurelî (îl bag) în găurelî, Pe Mărțișoru înu c... rișorî*” («Февраль я отправлю в ж-у, Март — в з-цу) (Сибиу).

Ср. тексты, записанные на Буковине: “*Eu pe Mărțișor îl pun la curișor Căci sunt îmbrăcată în 12 cojoace, și de dînsul nici nu-mi pasă*” («Пошел тот Март в з-цу, я одета в 12 кожухов, и мне до него дела нет»); “*Eu pe Mărțișor Mi l'oiu face ghiemișor, Și l'oiu băgă'n curișor, Și după ce l'oiu băgă Mai departe voiu plecă, Și m'oiu duce, lui în buț — Cu caprele la păscut Ca să-mi facă Fiecare capră cîte doî varzavoi, Unul de chiag — Și unul de prăsilă*” («Сомну Март в комок, пошлю его в з-цу, а послав, пойду дальше — ему назло — с козами на пастбище, чтобы каждая коза

¹ Здесь обыгрывается сходство слов *ciur* (сито) и *cur* (зад) и образованных от них дими́нутивов и в то же время обыгрывается понятие «дырка».

принесла мне двух козлят — одного на сычуг, одного на развод»). В Нижнем Поднестровье: “*Hei ieu pi Mărțișor l’oi fași on boțișor și l’oi vîri în curișor*” («Ну а Март я сомну в комочек отправлю его в з-цу»). В Мунтении (жудец Мусчел): “*Cînd mi-a venit Făurar, Eu l’am tras prin g...ar, A venit și Mărțișor, O să-l trag prin c...șor*» («Когда пришел Февраль, я отправила его в ж-у, Пришел и Март, я отправлю его в з-у»); “*Ha! ha! Ha! ha! Ha! ha! Că mi s’a dus Făurel! Trecu ca un tăurel, Și mi s’a dus Făurar De l-am tras prin g...! A venit și Mărțișor și o să-l trec prin c...r*» («Ха! Ха! Ха! Ха! Ха! Ха! Пришел Февраль! Он прошел, как бычок, пришел Февраль, я отправила его в ж...! Пришел и Март, и я отправлю его в з-цу») [Кабакова 1989б: 177–178, со ссылкой на: Păcală 1915: 147; Rădulescu-Codin, Mihalache 1909].

В другом трансильванском варианте легенды девять старух, отправляясь в горы, говорят: “*Mărțișor o mîrtăi ș-o pîrții; și noi om face brînzică și urdică, ș-om mînca; și ca să nu ne fie frig, hai să ne luăm fiecare cîte nouă cojoace*» («Март будет перд... и бзд..., а мы будем делать брынзу и творожок, будем есть (их), а чтобы не замерзнуть, возьмем каждая по девять кожухов») [Кабакова 1989б: 177].

Один из арумьских вариантов легенды о мартовской старухе приписывает ей такие слова: “*Pîrți-Marțu, nu nî-u zoră di arăulu Marțu, cā intrăi cu iedlii tu April. Marțu Carțu, Iedlii lîi scoșu Cu perlu aroșu, Pîrți-Marțu*» («Март-пердун, плевать мне на злой март, ведь я с козлятами уже вступила в апрель. Март-Карт, я спасла красных козлят, март-пердун») [Там же]. Сходное наименование марта — ον προύτς Μάρτς («пшик-март», «пук-март», «март-пердун») — мы встречаем в греческой версии легенды о мартовской старухе, записанной в с. Эратира округа Козани (западная часть греческой Македонии). Это название, согласно тексту легенды, объясняется тем, что после того как старуха и ее козы замерзли насмерть, началась жара, от трупов стало исходить зловоние; о словесном оскорблении марта старухой здесь не упоминается [Зайковская, Зайковский 2001].

Тема оскорбления месяца присутствует и в южнославянских текстах о мартовской старухе, предлагающей осквернить бороду месяца (февраля или марта). Здесь более ярко, нежели в восточнороманских текстах, просматривается мотив хвастовства старухи своими животными, их силой, а также (этот момент характерен только для южнославянских текстов) количеством их рогов: болг. «*Тръч, кози на планина да осерем на Сечачко брадата* (Разложко), *Тръш бабини овчици и козици, не бойтесе от Сечко-те, езе че му серем у брадата*» (область Кюстендил),

макед.: «*Циц козица на планина, прдни Марту на брадина*» (Струга), «*Триш, жаре, в планина! Серем се Сечку на брадина!*» (Гевгелия), серб.: «*С...м сечка на брадечка, моји јарчићи све недорочићи!*» (Болевацкий край) [Кабакова 1994; Захариев 1963: 387–388; Китевски 1997: 85; Тановић 1927: 13; Грбић 1909: 7. Цит. по: Плотникова 2004б: 121]. По мнению А.А. Плотниковой, буквальный смысл подобных высказываний старухи — осквернение бороды (в данном случае символизирующей окончание месяца) февраля или марта [Плотникова 2004б: 121]. Обещание осквернить лицо месяца встречается и в западноукраинских (гуцульских) вариантах легенды о мартовской старухе [Кайндль 2000: 116–118].

Словесное оскорбление месяца, нередко обценно-эротического характера, встречается и в западноевропейских вариантах мартовской легенды. Так, в каталанском тексте из Руссильона старуха, вместо того чтобы поблагодарить Март, сохранивший жизнь ее овцам и ягнятам, предлагает тому поцеловать ее в зад: “*Mars som salvat cent ovelles amb cent anyells; Mars, marsot, bésaméle coul, que’l cap mo’n pots*” («Март, спасший мои сто овец и сто ягнят; Март, поцелуй меня в зад, ведь в лицо поцеловать ты меня не можешь») [Genper 1947: 952; Кабакова 1994: 209–222].

У каталонцев в Алт Ампулда зафиксирована такая модификация сюжета: старуха попала в марте под сильный град и забилась в тесную хижину, но зад ее там не поместился, и она сказала: “*Mars, Marsot, trusat al c... que al cap no pots*” («Март, Марток, пни меня в зад, ведь по голове не можешь») [Gomis 1888. Цит. по: Кабакова 1989б: 179]. Данный мотив встречается и у украинцев Прикарпатья. Текст, записанный И. Франко, содержит такое высказывание старухи: «*Перебула-м — каже (старуха) — січень і мічень, а на марець виставлю палець*» [Франко 1898: 160–218. Цит. по: Кабакова 1994: 209–222]. Ритуальное оскорбление уходящего месяца в текстах из Карпато-Балканского региона и западнороманских текстах находит параллель в пикардийском обычае: в Пикардии 1 марта женщины шли в лес, чтобы показать фигу старому году [Wailly, Crampon 1968: 235. Цит. по: Кабакова 1989б: 179–180].

В некоторых румынских вариантах легенды старуха оскорбляет не месяц, а бога, и им же бывает наказана. Так, одна из редуцированных версий легенды о мартовской старухе, записанная в жудеце Прахова (Мунтения), начинается с заявления старухи о том, что, хочет того господь или нет, она все равно приготовит сыр: “*a spus că o vrea D-zeu, n-o vrea, ea tot se duce cu caprele și cu oile la munte, ca să facă brânză*” [Fochi

1976: 23–29]. Мотив оскорбления бога мы встречаем и в одной версии легенды из Трансильвании, согласно которой старуха, сбросив кожаную и замерзнув, зашла в корчму, напилась и стала бранить бога за то, что якобы из-за него она растеряла кожаную и овец. За это бог превратил ее в каменный столб [Gherman 2002]. В мартовской легенде, зафиксированной у турок в Эрзрумском вилайете, старуха тоже обижает не месяц, а Аллаха, который спас ее от вьюги и которому она пообещала принести четыре жертвы. «Бог внял мольбам старухи, а та, недолго думая, поймала четырех блох и раздавила их. “Вот как я обманула Аллаха”, — хвасталась старуха» [Азим-заде 1979: 116–117. Цит. по: Кабакова 1989б: 180].

1.2.8. Одалживание дней месяцем

С мотивом оскорбления месяца старухой (или пастухом) тесно связан другой мотив — заимствование дней одним месяцем у другого с целью вызвать изменение погоды и таким образом покарать обидчицу (или обидчика). У румын мы находим этот мотив в некоторых версиях мартовской легенды из Мунтении и Баната [Speranția, vol. IV, f. 177. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133; Petrovici 1935; Кабакова 1994]. В тексте из Мусчела (Мунтения) Март обращается к Февралю со следующими словами: “*Dă-mi, măi, măi frate, dă mi vreo câteva zile de-ale tele*” («Дай мне, ну, брат, дай мне несколько твоих дней»). Февраль одалживает ему дни и оттого сам становится короче других месяцев [Rădulescu-Codin 1910: 4–7. Цит. по: Кабакова 1994]. В банатском тексте из с. Шопоту-Ноу (жудец Караш-Северин, Банат) не сам март, а бог одалживает для марта несколько дней у апреля [Petrovici 1935]. Впрочем, в большинстве румынских текстов эта часть сюжета отсутствует; старуху зачастую карает сам бог, или же это делают неперсонифицированные природные силы [Кабакова 1994].

Мотив заемных дней встречается и в ряде арумынских текстов. Так, в арумынских вариантах легенды Март обращается к Февралю с такими словами: “*Flivar, Șcurtu: Șcurtu, Șcurtu, cad la tîni Tră dōaiă virvirōasi dîlî*” («Февраль, Февраль (букв. «короткий»), прошу тебя о двух ненастных днях»), или: “*O, laî frate, avdîși țe-nî gri, Mōașa cum ni blistimă? Ah, tî giur și ti sprigiur, Dōaiă dîli s-nîi mprumûți, Z-daî nă nēaiă cît un mur, Ca s-u nglîeț cu îedlîi tuți*” («О, брат, слышишь ли, что мне говорят, как меня проклинаят старуха. Клянусь тебе и заверяю: одолжишь мне два дня, и я нашлю снег стеной, чтобы заморозить ее со всеми козлятами») [Marian 1994: 292; Șăineanu 1896].

В ряде южнославянских текстов формула одалживания становится центральным местом легенды: болг.: «*Мила Марто, мила сестро, а займи ми току три дни и три ношчи*» (область Разлог), «*Сестро Марто, дай ми два-три дена у заем, та да скончам бабата, що насе овци и кози*» (область Кюстендил), макед.: «*Априле, Риле, Мой побратиме, дай ми три дни и три ношчи, да потолчам баби*» (Охрид) [Кабакова 1994; Захариев 1963: 378–388; Шапкарев 1968: 393].

Мотив одалживания дней присутствует и в албанских текстах: «*O prell, or vlla, a po m'jep nja di dit uh'a, se ne një e ka m vet, `ene ta bëj q'akën si di vet!*» («О, апрель, брат мой, дай мне два дня в долг, потому что третий день у меня самого есть, чтобы я смог сделать со старухой, что сам знаю!») (с. Мухурр, краина Дибыр, северная Албания) [Юллы, Соболев 2003: 422]. В некоторых греческих вариантах легенды также встречаются упоминания об одалживании дней (например, тексты с о-в. Имброс, Сифнос и из Аркадии), однако формулы одалживания в этих текстах отсутствуют [Πολίτου 1965: 298–307].

Широко представлен этот мотив и в западнороманских вариантах мартовской легенды. Так, в одном из французских текстов в уста месяца вложены следующие слова: «*Trôhhe qu'i n'â ca, trôhhe qu'i n'èpertâ de m'frère évri, in n'èrê ca assa pou tè fâre èmeûri, ti èca tè hlène, ti' hhu tâs bés blancs lincieux et tè hlène hhu sâs bés blancs ieus*» («Трех (дней), что у меня еще есть, трех, что я займу у своего брата апреля, мне хватит, чтобы убить тебя и твою курицу, тебя на твоей красивой белой простыне, а твою курицу на красивых белых яйцах») (Верхние Вогезы) [Lanher, Litaize 1985: 36, 390. Цит. по: Кабакова 1994].

Аналогичные формулы отмечены и в других районах Франции. В Биваре: «Одолжи мне три <дня>, и еще четыре у меня есть — и я погублю старуху»; в Юре: «Те три дня, что остались у меня, и те три дня, что я займу у своего кума Апреля, не оставят тебе ни баранов, ни овец»; в Оверни: «Ты слишком рано радуешься моему уходу, мне еще осталось жить три дня. Я прихвачу три дня у своего кума апреля и прикончу твоё стадо» [Beauquier 1952: 47. Цит. по: Кабакова 1994; Bidault de l'Isle 1952: 212–213. Цит. по: Кабакова 1994].

В провансальском варианте легенды старуха оскорбляет февраль, а он обращается к марту: «*Presto-me lèu tres jour, e tres n'ai / Pèu e pelado ie farai*» («Одолжи мне три дня, и с теми тремя, что у меня еще есть, я сдеру с нее шкуру и кожу»). Март выполняет просьбу февраля, и из-за сильной вьюги гибнут старухины овцы. Но, потеряв стадо овец, старуха купила коров и, дожив без потерь до конца марта, снова начала говорить

дерзкие слова, теперь уже в адрес марта. Март обращается к следующему месяцу: “*Abriéu, n’ai plus de trei jour; presta-me n’en quatre, Li vaca de la Viéio fareu batre!*” («Апрель, у меня лишь три дня; удовлетворишь мне четвертый, тогда погублю старухиных коров») [Meyer 1974: 294–297. Цит. по: Şăineanu 1896; Mistral 1859. Цит. по: Кабакова 1994].

Сходные формулы встречаются в каталанских текстах, например: “*Abril deixeme n’un, deixeme n’dos, deixeme n’tres, y un que jo’n tinch serán quatre, que à la vella vull pernabatre, y tots sos ovellos*” («Апрель, дай мне один, дай мне два, дай мне три, и с одним, что есть у меня, станет четыре <дня>, ведь затоптать старуху хочу и всех ее баранов») [Gomis 1888: 147. Цит. по: Кабакова 1994].

В испанском варианте мартовской легенды из Андалусии Март, обиженный на пастуха, отказавшегося подарить ему обещанного ягненка, говорит: “*Con tres días que me quedan Y tres que me preste mi compadre Abril, He de poner tus ovejas al parir!*” («С тремя днями, которые у меня остались, И тремя, которые мне одолжит мой кум Апрель, Я погублю твоих овец!») [Caballero 1974: 113–114].

Мотив одалживания дней звучит и в швейцарском тексте из Фрибура, где Март обещает старухе: «Три дня марта и три дня апреля заставят сдохнуть твоих козу и козочку!» [Meyer 1974: 294–297]. В Джирдженти (Италия) Март занимает один день у бога и три у Апреля [Şăineanu 1896: 1–45]. В марокканской легенде *Hâiyan* (период с 25 февраля по 4 марта) обращается к Марту: «О, злой Март, одолжи мне дурной день, Я убью с его помощью злую старуху» [Westermarck 1968: 174. Цит. по: Кабакова 1994]. В тексте из Палестины Шебат (февраль) говорит Адару (марту): «О, брат мой Адар, у меня осталось только три дня, мне не хватит их, чтобы отомстить старухе, высмеявшей меня. Поэтому дай мне три своих» [Там же: 175].

О заеме дней говорится и в армянском варианте легенды, согласно которому март занимает три дня у апреля и убивает старуху и ее козлят [Петросян 2011: 74].

В одних вариантах мартовской легенды, как мы видим, Март занимает дни у Февраля (например, у румын Мунтении и у арумын), в других — у Апреля (у румын Баната) [Speranția 1907, vol. IV, f. 177. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133; Petrovici 1935: 125–159]. Интересно, что в арумынском варианте легенды, записанном в Фессалии, говорится, что в те времена, когда произошла эта история, первые месяцы года шли в другом порядке: январь, март, февраль [Şăineanu 1896]. В другой арумынской легенде сообщается: «Одна старуха, которой наскучила долгая

зима, дождалась конца января. Очарованная первым (днем) *марта*, старуха погнала своих козлят на гору Кодругион, бравируя перед Мартом тем, что он будто бы не сможет ей помешать» [Ibid.]. Намек на подобную ситуацию можно увидеть и в уже упоминавшемся румынском варианте легенды из с. Шопоту-Ноу (жудец Караш-Северин, Банат), где Баба Докия говорит: «Вот, прошел Январь / С трескучими морозами, / Март / Я отправлю в зад» [Petrovici 1935]. Вариант заимствования дней Мартом у Февраля является типичным для греческих текстов (о-ва. Имброс, Сифнос, Аркадия) [Πολίτου 1965: 298–307].

Согласно имеющимся у нас сведениям, в мартовских легендах балканских народов встречаются оба варианта: заем Мартом дней и у Февраля, и у Апреля, тогда как варианты легенды из Западной Европы обычно говорят о том, что Март одалживает дни у Апреля [Olteanu 2001: 128–133; Petrovici 1935; Şăineanu 1896; Юллы, Соболев 2003: 422; Узенева 2001; Сатрустеги 1990: 34–35]. Некоторые легенды говорят о заеме дней Февралем у Марта (такой вариант встречается в Западной Европе, например, у жителей Прованса и Лангедока, а также на Ближнем Востоке — у арабов Палестины) [Şăineanu 1896; Покровская 1977; Contes... 1998: 180–184; Westermarck 1968: 174. Цит. по: Кабакова 1994].

Изредка встречаются варианты, в которых Январь занимает дни у Февраля (в частности, у французов в Пуату и кабилы Алжира) [Contes... 1998: 180–184; Contes... 2010]. Однако во всех этих случаях речь также идет о заеме у *будущего*, а не у *прошедшего* месяца. Вариант, при котором Февраль заимствует дни у Марта, встречается и на Балканах, в частности в ряде областей Болгарии (София, Кюстендил, Разлог) [Contes... 1998: 180–184; Узенева 2001: 127–151; Захариев 1963: 387–388; Кабакова 1994].

Упомянем здесь, что ряд вариантов условно мартовской легенды объясняет, почему февраль короче остальных месяцев. В ряде случаев это следует из того, что март или январь занял у него дни (см. арумьские варианты из Фессалии и Македонии, кабийский вариант из Алжира), в других — оправдывается ссорой с остальными месяцами (вариант из Верхней Бретани) и даже проигрышем в домино (вариант из Нижней Бретани) [Şăineanu 1896; Contes... 2010; Contes... 1998: 180–184].

1.2.9. Наказание старухи (или других протагонистов)

Типичным финалом для вариантов мартовской легенды, бытующих у народов Карпато-Балканского региона, являются гибель и превращение в камень старухи и ее стада.

Во многих румынских вариантах указывается место, где окаменела старуха и ее животные, и сообщается от том, что каменные глыбы, в которые они превратились, можно увидеть и сегодня: “*În muntele Ceahlău (Pionul) se află o piatră în formă de om și pe care oamenii o numesc Dochia*” («На горе Чахлэу (Пион) находится камень в форме человека, который люди называют Докией») (Гура Хангу, жудец Нямц, Запрутская Молдова, Румыния); “*Din cauza acestui timp rău, a murit împreună cu toate oițele, iar ea s-a prefăcut în stâncă de piatră din care curge apă*” («Из-за непогоды она погибла вместе с овцами и превратилась в каменную скалу, из которой течет вода») (Кусгун, жудец Констанца, Добруджа); “*Aproape de Vama Buzăului, în valea Urlătoare, este o stâncă numită “La Piatră”. Acolo este chipul de piatră al unei femei, numită Baba Dochia, împietrită de D-zeu cu oi cu tot. De acolo izvorăște o apă foarte limpede*” («Недалеко от Вама-Бузэулуй, в долине Урлэтоаре, есть скала, называемая “La piatră” (“У камня”). Там есть изображение женщины, называемой “Баба Докия”, которая была обращена Господом Богом в камень (со своими) овцами вместе. Оттуда течет очень чистая вода») (с. Дражна-де-Сус, жудец Прахова, Мунтения); “*Nouă babe au plecat cu caprele la munte în martie; din cauza vremii schimbătoare au murit, fiind preschimbate în piatră, caprele în bolovani <...> la obârșie Râului Doamnei, în Valea Rea*” («Девять старух ушли в марте с козами в горы; из-за изменчивой погоды они погибли <i>i> были превращены в камень <в скалы?), <a> козы — в валуны, у истока реки Доамны, в <местности> Валя-Ря»); “*A noua zi a apucat-o lapovița cu zăpadă și așa a înghețat de ger cu capre cu tot și s-a prefăcut în stâncă de piatră. Din trupul ei, se zice că izvorăște primul izvor al gârlii Cerna*” («На девятый день ее застиг дождь со снегом, и она замерзла на морозе вместе с овцами и превратилась в каменную скалу. Из ее тела, говорят, берет начало первый исток речки Черны») (с. Пожоджь, жудец Вылча, Олтения); “*Timpul frumos însă se schimbă într-un ger mare, iar Dochia îngheță împreună cu caprele. De aci apoi numele muntelui Baba*” («Хорошая погода, однако, сменилась большим морозом, а Докия замерзла вместе с овцами. Отсюда пошло название горы — Баба») (с. Шинка Веке, жудец Брашов, Трансильвания) [Fochi 1976: 23–29] (рис. 1, 2).

Концовка легенды, описывающая превращение старухи и ее животных в камень, распространена и у других народов Карпато-Балканского региона. Так, в болгарских вариантах легенды: «*Свива обаче голям студ и тя става на камък. От този камък после потекло вода, която и досега тече. Понеже името на тази възрастна жена било баба Марта, и месеца взели да наричат “баба Марта”*» («Вскоре снова на-

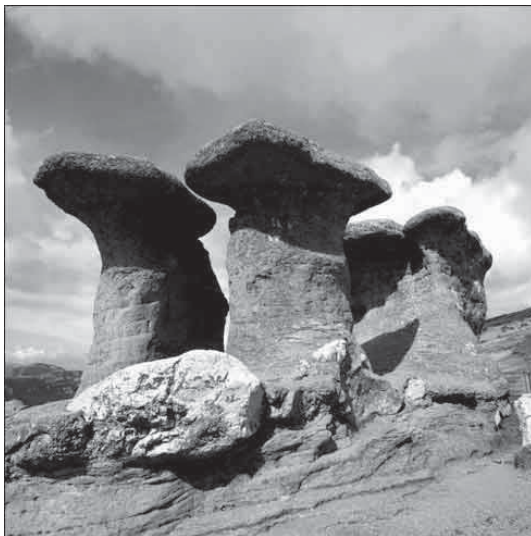

Рис. 1. «Бабы» (Babele) в горах Бучеджь, жудец Прахова, Мунтения, Румыния

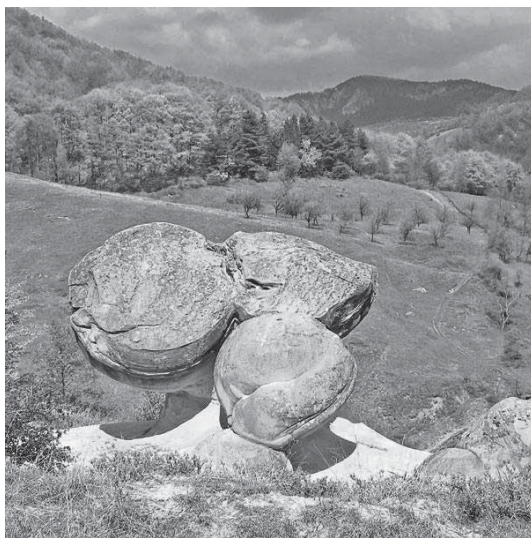

Рис. 2. «Бабы» (Babele) на вершине Бозиору в горах Бузэу, жудец Бузэу, Мунтения, Румыния

чались сильные морозы, и баба Марта окаменела. Из камня (в который она превратилась) потекла вода, которая течет до сих пор. Поскольку имя этой старой женщины было баба Марта, месяц также стали называть “баба Марта”») (с. Ново Село, область Русе); «*И пуснала козите там отгъръ в Пирина да пасат. Като удъръ един студ, и сняг залетяло, и я вкаменило там. Там стана̀ла камен, и козите и сичко. Там остана̀ло камен*» («И выпустила коз там наверху, на Пирин-планине, пастись. Как ударил мороз и снег пошел, и она окаменела там. Там она стала камнем с козами вместе. Там остался камень») (область Благоевград); «*(Сечко) скончил ба̀бата и овците, и козите, та се станали на камѐнье — така си е и до днѐска*» («(Февраль) прикончил и старуху, и овец, и коз, и они превратились в камни — и так стоят до сего дня») [Миков 1985: 75; Народна проза... 1985: 369; Захариев 1963: 387].

Согласно варианту из северной Албании (с. Мухурр, краина Дибр), старуха погибла в горах вместе со стариком, собаками и лошадьми. Все они превратились в каменные глыбы [Юллы, Соболев 2003: 422]. В гуцульском варианте говорится, что обледенелый столп, в который превратилась Баба Евдоха, до сих пор стоит на Черной горе [Кайндль 2000: 118]. Превращение старухи и ее коз в камень является типичным финалом и для греческих вариантов мартовской легенды [Πολίτου 1965: 298–307]. Аналогичный финал легенды — превращение старухи в камень — встречается и на Ближнем Востоке, в частности у кабиллов Алжира [URL: <http://la.vieille.free.fr/jjbasejoursmaroca.htm>]. Легенда, отдаленно напоминающая «мартовскую», — о том, как доисламский пророк по имени Худ, чтобы спастись от врагов, превратил в камень свою верблюдицу, известна в местности Вади Хадрамаут в южной Аравии (в настоящее время — провинция Хадрамаут Йеменской Республики). Скала, напоминающая верблюжий горб, примыкает к могиле (кенотафу) пророка [Rodionov 2010: 341–345].

Л. Шэйняну, исследовавший легенду о Докии, а вслед за ним Б.П. Хашдеу, А. ван Геннеп и другие отмечали, что важнейшим отличием западного варианта (то есть текстов, бытующих у западнороманских народов и у жителей Британских островов) от восточного является отсутствие мотива окаменения [Кабакова 1989б: 183; Şăineanu 1896].

В принципе, в основном варианты мартовской легенды, бытующие у народов Западной Европы, говорят о гибели стада, но не о смерти пастушки или пастуха [Кабакова 1994; Şăineanu 1896; Покровская 1977; Сатрустеги 1990: 34–35; Caballero 1974: 110–115]. Анализируя варианты легенды, зафиксированные у различных западноевропейских народов,

можно сделать вывод, что сходный с финалом балканских версий вариант встречается в Италии (на Сицилии, в провинции Палермо) [Șăineanu 1896]. Легенды из других областей Италии, а также корсиканские, французские, провансальские, испанские, баскские легенды говорят только о гибели животных (как правило, овец) [Кабакова 1994; Șăineanu 1896; Покровская 1977; Сатрустеги 1990: 34–35; Caballero 1974: 110–115]. На юге Франции, в Русильоне, впрочем, встречается вариант легенды, согласно которому старуха умирает от горя, когда из двухсот ее овец погибают сто девяносто девять и остается лишь одна — паршивая [Genner 1947: 952].

Баскский вариант мартовской легенды также имеет довольно жестокий финал: он повествует о кривом пастухе, оскорбившем Март, после чего тот устроил бурю и наводнение, во время которого все стадо утонуло, а пастух, пытаясь спасти последнего оставшегося в живых барана, потерял свой единственный глаз [Сатрустеги 1990: 34–35].

У швейцарцев встречается весьма гуманный вариант этой легенды: старуха (Рульон), услышав угрозы Марта, не выгоняет своих коз пастись в лес, благодаря чему и она сама, и ее животные остаются в живых [Șăineanu 1896]. Согласно другому швейцарскому варианту этой легенды старуха остается в живых, но ее коза и козленок гибнут [Meuer 1974: 294–297. Цит. по: Кабакова 1994].

Варианты рассматриваемой календарной легенды, зафиксированные у народов Западной Европы, которые говорят о гибели животных, ставших жертвами ярости оскорбленного месяца, но не о гибели пастушки (или пастуха), могут быть интерпретированы в качестве косвенного подтверждения версии о том, что старухины животные могут служить своеобразной жертвой, приносимой во имя благополучия наступающего года [Покровская 1977; Сатрустеги 1990: 34–35].

1.3. Этиологические функции мартовской легенды

В фольклорной традиции рассматриваемая легенда служит прежде всего для объяснения ряда топонимов и микропонимов, по преимуществу в Карпато-Балканском регионе, чему, вероятно, могли способствовать семантические сближения, формируемые по принципу народной этимологии (ср. рус., укр., болг., серб., словен., чеш., польск. *баба* ‘старуха’, которое обычно объясняется как слово детского языка, и омонимичную этому слову форму в значении ‘каменная баба, идол’ < *турк. baba* ‘изваяние’, которое предположительно связано с *baba* ‘отец’, а этот

омоним, в свою очередь, возводится к детской речи (см., например: [Фасмер 1964, 1: 99–100]. Кроме того, различные варианты легенды о мартовской старухе контаминировали с другими фольклорными сюжетами, послужив для их «рационального» истолкования. Это еще раз подтверждает широкое распространение легенды и ее живучесть в прошлом в мифопоэтическом сознании.

1.3.1. Объяснение топонимов и микротопонимов

С легендой о мартовской старухе в Карпато-Балканском регионе связаны многие географические названия. Так, у румын известны уже упоминавшиеся скала *Baba Dochia* в долине Урлэтоаре (жудец Бузэу, Мунтения), *Baba Dochia* в горах Чахлэу (жудец Нямц, Молдова), *Baba* у села Шинка-Веке (жудец Брашов, Трансильвания), а также *La Baba* ‘У Бабы’ в ущелье в долине Путны (жудец Вранча, Молдова), *Dealul Babelor* ‘Холм Старух’ у села Негрилешть (жудец Вранча, румынская Молдова), *Dealul Babei* ‘Холм Старухи’ и *Valea Babei* ‘Долина Старухи’ (жудец Бихор, Трансильвания), *Baba Dochia* у Вашкэу (жудец Бихор, Трансильвания), *Babe* — две скалы на Караймане (Олтения), *Baba* в местности Обыршия Лотрулуй (жудец Вылча, Олтения), *Baba Dochia și fiul ei Dragomir* ‘Баба Докия и ее сын Драгомир’ (жудец Мехединць, Олтения), *Săprăreasă* ‘козопаска’ — у истоков Арджеша (Мунтения).

У румын отмечены *Moșă* ‘старуха’ — в горах Кодругион; у южных славян — несколько гор *Bàba* (восточная Сербия, Македония, Герцеговина)¹, *Bàбина Глава* (Восточная Сербия), *Bàбина гóра*, *Bàбин Врх* (Хорватия), *Bàбуна* (Македония), *Bàбин Зуб*, *Bàбин Нòс* (Болгария, Стара планина), *Старь бабь* (Болгария, окрестности Казанлыка) [Кабакова 1994; Șăineanu 1896; Fochi 1976: 23–29]. Аналогичные названия известны и у греков [Кабакова 1994].

Во многих румынских вариантах легенды упоминается о том, что из камня, в который превратилась старуха, забил источник. Иногда говорится о том, что это исток какой-либо реки (например, Черны или Олтеца — в олтянских вариантах легенды, Неры — в банатских, Изы — в марамурешских, Сучавы — в буковинских и т.д.) [Scurtu 1942; Petrovici 1935; Fochi 1976: 23–29; Olinescu 2003: 256–260; Gherman 2002]. В других текстах сказано, что вода эта прозрачная, что она хороша для питья [Fochi 1976: 23–29].

¹ Впрочем, эти оронимы могут отражать и соответствующий тюркизм.

Повествование о превращении старухи в камень типично и для арумьских, болгарских, сербских, албанских, гуцульских вариантов легенды о мартовской старухе [Миков 1985: 75; Йорданова 1988: 46–47; Узенева 2001; Плотникова 2004б: 121; Юллы, Соболев 2003: 422; Кайндль 2000: 118]. Мотив петрификации (превращения в камень) характерен для вариантов мартовской легенды из восточного Средиземноморья [Кабакова 1994]. В некоторых болгарских и сербских вариантах мартовской легенды, как и в румынских, упоминается о том, что из камня, в который превратилась старуха, забил источник. Болгарские тексты, как и румынские, акцентируют внимание на том, что эта вода прозрачная, целебная и т.д. [Миков 1985: 75]. Согласно вариантам, зафиксированным у гуцулов, из подножия каменного столба, в которую превратилась Баба Евдоха, вытекает источник необычайно прохладной и освежающей воды [Кайндль 2000: 118]. Сербский же вариант легенды, который был зафиксирован в Пиротском крае, говорит об источнике, который якобы забил из окаменевшего тела старухи: «Баба обмочилась» или «Баба осрамилась» [Плотникова 2004б: 122]. Аналогичные представления существуют у черногорцев племени пипери: легенда о бабе, выгнавшей скот на пастбище за месяц-два до срока и замерзшей. В память о ней назван источник *Бабино сикало* [Соболев 1999].

1.3.2. Дополнительные фольклорные мотивы

Для многих румынских текстов о мартовской старухе характерным является дополнительный мотив: старуха (Баба Докия) является злой свекровью, которая всячески притесняет и пытается погубить свою невестку. В подобных вариантах легенды может упоминаться и сын старухи (см. 1.2.6).

Существуют два наиболее распространенных варианта поручений злой свекрови: 1) Баба Докия зимой посылает невестку в лес за земляникой¹; 2) Баба Докия велит невестке мыть в реке черную шерсть, пока она не побелеет, и/или мыть белую шерсть, пока она не почернеет².

---

¹ В Трансильвании зафиксирован текст, в котором говорится о том, как старуха сама отправляется собирать землянику в начале марта (см.: [Muşlea, Bârlea 1970: 353–354]).

² Ср. шотландский текст: шесть белых овец исчезли 1 апреля и вернулись к хозяйке через два дня, но черными (см.: [Genner 1947: 954; Кабакова 1989б: 183]).

Варианты легенды, которые повествуют о поисках земляники, встречаются в Молдове (Бакэу), Мунтении (Телеорман), Олтении (Вылча, Горж) и Трансильвании [Fochi 1976: 23–29; Gherman 2002]. Варианты, которые повествуют о том, как невестка мыла шерсть, были зафиксированы в Олтении (Вылча, Мехединць), Банате (Караш-Северин) и Марамуреше [Scurtu 1942: 123–301; Petrovici 1935; Gherman 2002]. В Олтении, как мы видим, распространены оба варианта. Более того, некоторые олтенские варианты легенды представляют собой контаминацию этих двух. Таков, например, вариант из Пожоджь (жудец Вылча), опубликованный А. Фоки, который рассказывает о том, как Баба Докия послала невестку на реку белить черную шерсть и чернить белую, а затем отправила ее зимой в лес за земляникой [Fochi 1976: 23–29]. Невестке, однако, удается выполнить поручения свекрови благодаря чудесному помощнику — богу (в вариантах из Молдовы, Мунтении, Олтении, Трансильвании), богу и св. Петру (в вариантах из Олтении и Баната), Богоматери (Банат), ангелу (Банат, Марамуреш) или священнику (Трансильвания) [Scurtu 1942; Petrovici 1935; Fochi 1976: 23–29; Gherman 2002; Marienescu 1994: 233–247].

В некоторых румынских вариантах легенды, в частности в варианте из округа Мусчел (Мунтения), повествующем о поисках земляники, и в некоторых банатских вариантах, где речь идет о мытье шерсти, в роли чудесного помощника выступает Март. Когда невестка, выполнив поручение, возвращается домой со спелой земляникой или с цветами, полученными от бога или другого чудесного помощника, Баба Докия, решив, что наступило лето, отправляется с овцами (или козами) в горы, где и погибает. Варианты, в которых говорится о поисках ягод, близки к АТ 503, ср. чешскую сказку о старухе, пославшей падчерицу Марушку за земляникой, где в роли волшебного помощника героини также выступает Март, и аналогичную польскую [Кабакова 1989б: 183].

В этой связи можно вспомнить и немецкую сказку «Три человечка в лесу», в которой мачеха, надеясь избавиться от падчерицы, посылает ее зимой в лес за земляникой, а затем, после того как девушка выполняет это поручение с помощью трех маленьких человечков, отправляет ее на реку мыть шерсть (правда, второе поручение мачехи не изображается как невыполнимое) [Гримм 2009: 79–85]. Если первый вариант поручения старухи — поиски ягод в зимнем лесу — имеет аналогии в славянском и германском фольклоре, то второй — отбеливание черной шерсти — сходен с ирландской легендой о Старухе Кайлех (*Cailleach*), которая захватывает в плен возлюбленную Весны (иногда отождеств-

ляемую с Бригитой) и дает ей невыполнимое поручение: мыть шерсть черных овец, пока она не станет белой. Весна, чтобы освободить возлюбленную, обращается за помощью к Солнцу, Солнце запускает в старуху копыя, и та убегает и прячется в некоем священном кустарнике. *Cailleach* исчезает в ночь с 30 апреля на 1 мая [URL: <http://la.vieille.free.fr/jjbasejourseuropea.htm>].

Варианты легенды о Бабе Докии, которые повествуют о взаимоотношениях свекрови и невестки, характерны для Мунтении, Олтении, Трансильвании, Баната, Марамуреша и Молдовы [Hedeşan 2005: 156; Olinescu 2003: 256–260; Fochi 1976: 23–29; Scurtu 1942; Petrovici 1935]. В вариантах из Северной Добруджи, согласно сведениям А. Фоки, не упоминается о невестке Докии, рассказывается только о неудачном начале выпаса скота на летнем пастбище, который Баба Докия начала слишком рано. Аналогичные варианты легенды, более сходные с «классическими» балканскими, изредка встречаются в Мунтении, Олтении и Трансильвании [Fochi 1976: 23–29; Gherman 2002].

Подчеркнем, что повествование о взаимоотношениях невестки и свекрови типично именно для румынских вариантов легенды о мартовской старухе. В то же время истории о злой свекрови, ее невестке и чудесном помощнике, которые столь часто включены в румынские тексты легенды, весьма сходны с некоторыми сказками, в частности славянскими и немецкими, о *мачехе* и *падчерице* (но не о *свекрови* и *невестке*) [Кабанова 2004: 203–208]. Необходимо упомянуть о том, что в Олтении был зарегистрирован и вариант мартовской легенды, в котором речь идет не о *свекрови* и *невестке*, а о *мачехе* и *падчерице*. Здесь мачеха также дает падчерице трудновыполнимые поручения: сделать белые шерстинки черными, а черные — белыми и собрать две оки¹ пшеницы, рассыпанной по полу. Девочка выполняет эти поручения с помощью мудрой старухи-соседки. Мачеха, вернувшись из церкви, видит на завалинке зеленые веточки плюща и можжевельника и отправляется со стадом в горы, где и замерзает [Speranția 1907, vol. I, f. 214 v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

Согласно гуцульскому варианту, который, вероятно, возник под влиянием румынских фольклорных текстов, Баба Евдоха является злой мачехой, которая посылает падчерицу в марте на поиски малины. Сходство этого варианта с многочисленными румынскими проявляется

¹ *Рум. уст.* ока (ocă — из тур., отмечено с XVII в.) как мера массы в Мунтении. Была равна 1271 гр. (в Молдове — 1201 гр.) (см., например: [Ciorănescu 2007: 555]).

и в том, что в качестве волшебных помощников здесь выступают бог и святой Петр [Кайндль 2000: 116–118].

Возвращаясь к румынским версиям легенды о мартовской старухе, упомянем о нетипичном варианте из Мунтении (Крэчуней-де-Жос, жудец Олт), повествующем не о злой свекрови, а о злой невестке, которая с помощью лживых слов отправила свою свекровь с козами на горное пастбище задолго до положенного времени [Fochi 1976: 23–29]. Существуют локальные версии, согласно которым причиной старухиных бед оказывается избыточная сексуальная энергия. Так, у румын Буковины записана легенда, согласно которой старуха, забравшись в горы, просит у бога вина, хлеба и постель. Господь выполняет все ее просьбы, но она не унимается: «Ну теперь, господи, все хорошо, согреться согрелась, отдохнуть отдохнула, поесть поела, попить попила, но что плохо, так это что я одна. Дай мне, боже, еще и мужика» [Marian 1994: 106; Кабакова 1994]. В другом варианте легенды старуха разводит костер, скинув с себя все кожухи, и говорит: «Огонек, огонек, теплый да славный, будь <здесь> и симпатичный старикан, очень бы мне был он впрок!» [Marian 1994: 115; Кабакова 1994].

Этот мотив обнаруживает параллели в обрядности и мифологии некоторых других народов. Так, в итальянском тексте, записанном на Сицилии, рассказывается о старухе, которая хотела выйти замуж за какого-нибудь красивого парня. Однажды приходит к ней Март и говорит: «Хочешь выйти замуж? Если хочешь выйти за меня, спи эту ночь на кирпичах, а завтра мы с тобой поженимся!» Она, обрадовавшись, сказала, что согласна. Вечером старуха отправилась спать на указанное место, а Март одолжил день у Апреля, заморозив старуху со словами: “*Marzu scorcia la vecchia 'nta la jazzu*” («Март оддерет старуху на лежанке») [Șăineanu 1896].

У болгар в с. Бабово (община Сливо поле, область Русе) существовал обычай: в начале марта стоит плохая погода — надо выбирать молодого мужа для Бабы Марты. Если после этого погода менялась в лучшую сторону, считалось, что «муж» Марте понравился [Миков 1985: 76]. Согласно одной болгарской легенде, у Бабы Марты было два мужа, одного из них она любила, а другого ненавидела. И когда она видела того, которого любила, смеялась, когда же видела того, которого ненавидела, злилась и плакала; начинались метели и лил дождь [Миков 1985: 76]. По словам жителей с. Голец (община Угърчин, область Ловеч), «*Марта се сърди, защото на Сечко курът му е къс, а на април — мек*» («Марта сердится, потому что у Февраля пенис маленький, а у Апреля — мягкий») [Попов 1999: 293–320].

Похожее представление существует у греков. По одной из легенд, изменчивый характер Марта объясняется тем, что у него две жены: одна красивая и бедная, а другая — богатая и уродливая. К какой из них повернется лицом — такая и будет погода (эта легенда была зафиксирована, в частности, в Афинах, Константинополе и греческой Македонии) [Чёха 2009: 53–61].

Приведенные примеры из болгарского фольклора показывают, что для болгарской традиции характерно отождествление мартовской старухи (Бабы Марты) и месяца марта [Кабакова 1994]. Заметно оно и в болгарских легендах о мартовской старухе. Например, в легенде, записанной в с. Черни-Осьм (община Троян, область Ловеч), рассказывается о том, как Марта заморозила молодую пастушку, дерзнувшую в марте отправиться со стадом в горы, сказав, что Марта, сама будучи женщиной, не сделает другой женщине ничего дурного [Йорданова 1988: 46–47]. В тексте с. Гега (община Петрич, область Благоевград) старуха оскорбляет февраль и март, говоря, что она «на...ла на бороду Сечко и на платок Бабе Марте» [Узенева 2001].

О восприятии мартовской старухи как сверхъестественного существа свидетельствуют и те болгарские фольклорные тексты о Бабе Марте и ее братьях (других месяцах года), в которых рассказывается о том, как братья выпили вино Бабы Марты (подобные тексты встречаются в различных областях Болгарии, в частности на северо-востоке, в окрестностях Разграда, и на юго-западе, в области Благоевград) [Габровски 1977: 13–17; Народна проза... 1985: 369]. Нужно отметить, что сходная легенда зафиксирована и у арумын, однако в ней ситуация обратная — Март (*Mart*), который когда-то был первым месяцем года, выпил и свое вино, и вино всех остальных месяцев [Paparhagi 1923].

Вариант легенды, где речь идет о Бабе Марте и ее брате, Феврале, зафиксирован у албанцев Приазовья. Согласно этому варианту, Баба Марта обратилась к своему старшему брату со словами: «Эй, *bame*¹, ты маленький, я тебя не боюсь, а я большая» (“*Eee... bate, ti i jogël, unë ga ti nok e kam frikë, unë e malle*”)². Из этого примера, а также из того, как

¹ *Bate* — обращение к старшему брату и старшему по возрасту человеку у албанцев Украины. То же обращение к старшему брату употребляется у болгар. Аналогично им и румынское обращение — *badea*.

² Варианты о конфликтах между первыми месяцами года, в известной степени сходные с упомянутыми здесь болгарскими, арумынским и албанским, зафиксированы на территории Бретани (см. приложение 1, 1.10.1, 1.10.2) [Con-tes... 1998: 180–184].

албанцы Приазовья говорили о наступлении месяца марта: “*Babo Martë jert, Babo Martë këtu*” («Бабо Мартэ пришла, Бабо Мартэ здесь»), очевидно, что у них также бытовало представление о старухе как о персонализации месяца (сведения из с. Георгиевка Запорожской обл. Украины) [Новик 2010а].

Отождествление мартовской старухи и месяца марта выражается и в обрядности 1 марта, когда болгары «встречают» Бабу Марту, вывешивая во дворах и в садах красные пояса, платки и разжигая ради нее костры [Миков 1985: 13–15; Кабакова 1994]. Общее представление о погоде в конце зимы и начале весны и характере соответствующих месяцев у болгар выражено пословицами: «*Сечко сече, Марта дере, Април кожи бере, Сечко сече, Марта дере, април кожи събира*» («Февраль рубит, Марта обдирает, Апрель кожи собирает») [Узенева 2004а, 2004б].

Некоторые румынские тексты также описывают мартовскую старуху (Бабу Докию) как некое сверхъестественное существо, а не как смертную женщину. Таковы, в частности, тексты из Молдовы и Буковины, в которых говорится, что Баба Докия вытряхивает кожухи, вызывая снегопады и метели [Fochi 1976: 23–29]. Некоторые тексты из того же региона говорят о том, что она «ходит по лесам, громко крича, что ей холодно, и дрожа как осиновый лист» [Speranția 1907, vol. VII, f. 105 v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133], или «пасет овец господу бога в горах, одетая в двенадцать кожухов [Ibid., vol. VIII, f. 100 v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Согласно одной версии легенды о Бабе Докии из Мунтеии, «неизвестно, жива она или умерла, потому что никто ее не встречал. Она вроде как прячется от людей. В руке у нее посох из рога, на который она опирается, чтобы не поскользнуться» [Ibid., vol. V, f. 249 v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Видимо, можно говорить о том, что в некоторых местностях Румынии Баба Докия воспринимается как сверхъестественное существо, возможно, как хозяйка первых дней марта¹.

У кабиллов Алжира встречается вариант этой легенды, согласно которому Старуха была праматерью, породившей звезды, облака, овец, обезьян и смерть людей. Затем она оскорбила один из месяцев года, когда он заканчивался (в данном случае январь), тот занял несколько дней

---

¹ В то же время нужно отметить, что, судя по упомянутым здесь фольклорным текстам народов Карпато-Балканского региона, Западной Европы, Ближнего Востока, март в большинстве традиций — существо мужского рода. Исключение составляют болгарская, македонская и отчасти восточносербская традиции.

у последующего месяца (февраля) и превратил ее в камень. (Заметим, что о восприятии Старухи как мифологического существа свидетельствует и обрядовая трапеза, которую у кабиллов принято устраивать в посвященный ей период, ради того чтобы Старуха не забрала детей [URL: <http://la.vieille.free.fr/jjbasejoursmaroca.htm>; <http://mazir.blog.ru/3970899.html>].) Представление о том, что мартовская старуха убивает детей, существовало и у таджиков-хшартобцев — в период, посвященный старухе, они не выпускали детей из дома и не давали «на сторону» огня [Андреев 1927: 20–26].

Представления о старухе как мифологическом существе, властвующем над погодой, демонстрирует и обычай, существовавший у памирских таджиков-шугнанцев. Согласно ему если снегопады или дожди длились слишком долго, дети делали из тряпок куклу и выставляли ее в дымовое отверстие, исполняя песню, в которой напоминали «бабушке», что от столь обильных осадков замерзают ее дети на дне оз. Шива [Толстов 1931: 341].

1.3.3. К символике смерти мартовской старухи и ее животных

Можно ли воспринимать гибель мартовской старухи в легендах как жертву, смерть во имя возникновения чего-то нового (в данном случае — во имя прихода весны и ради благополучия людей в наступившем году)? На Балканах с давних пор известна легенда о превращении в камень женщины, оскорбившей высшие силы. Такова древнегреческая легенда о Ниобе, фиванской царице, которая оскорбила богиню Лето (Латону), за что дети последней, Аполлон и Артемида, убили своими стрелами всех детей Ниобы, коих было четырнадцать, после чего сама Ниоба превратилась в каменное изваяние, из которого забил источник [Ярхо 1988]. Этот источник — слезы матери, оплакивающей своих детей.

Нужно отметить, что многие румынские авторы, в том числе и Л. Шэйняну, сравнивали миф о смерти и превращении в камень Докии с греческой легендой о Ниобе [Șăineanu 1896; Evseev 1997: 41]. Однако сюжеты и пафос легенды о Ниобе и легенды о мартовской старухе существенно отличаются друг от друга. Мотив хвастовства потомством, который занимает столь важное место в легенде о Ниобе, присутствует только в тех (сравнительно редко встречающихся) версиях мартовской легенды, где главной героиней является птица [Кабакова 1994]. Если же

сравнивать легенду о Ниобе и легенду о мартовской старухе, то нельзя не отметить, что в первом случае речь идет о трагической гибели молодой женщины и ее детей, во втором — о смерти старухи, которая кажется практически естественной, как смена зимы весной или старого года — новым.

Если рассматривать легенду о мартовской старухе в контексте эпоса балканских народов, то ее смерть не может восприниматься в качестве *жертвенной*, принесенной во имя созидания чего-то нового, как, например, в другой общебалканской легенде — легенде о строительной жертве (на восточнороманской территории она известна как легенда о мастере Маноле). Ареал распространения легенды о строительной жертве в значительной мере совпадает с ареалом распространения легенды о мартовской старухе — она встречается в восточнороманском, южнославянском, греческом, албанском, венгерском фольклоре. Во всех версиях восточнороманской баллады о мастере Маноле и аналогичных фольклорных текстах других балканских народов в жертву бывает принесено человеческое существо, полное жизни, — чаще всего молодая женщина, реже — девушка или ребенок [Гацак 1967: 11; Eliade 1943; Арнаудов 1968: 680]. Во многих текстах упоминается о том, что у молодой женщины, которую замуравывают в опоры моста или фундамент здания, есть грудной ребенок. Во многих вариантах баллады — румынских, арумьнских, болгарских, сербохорватских и албанских — героиня просит оставить в стене отверстие, чтобы она могла кормить ребенка грудью [Taloş 1997: 141–146; Песни южных славян 1976: 371–376; Старинные... 1958: 217–220].

Некоторые тексты говорят о том, что таким образом возникает целебный источник, как, например, черногорская баллада «Построение Скадра» [Песни южных славян 1976: 371–376]. Для культуры балканских народов в принципе характерно восприятие источника как символа скорби об умерших. Это отражено не только в многочисленных фольклорных текстах, но и в традиции оборудовать источник в память об умершем. Традиция сохраняется до сих пор, причем не только среди сельского населения. Так, в центре Тимишоары имеется источник, устроенный в память о горожанах, погибших во время революции 1989 г., на котором написаны все их имена.

Между тем, как уже говорилось, фольклорные тексты легенды о мартовской старухе отнюдь не повествования о трагической смерти. В них нет места повествованию о горе матери, потерявшей детей или разлученной с ребенком, или о горе мужа, вынужденного принести

в жертву жену. Старуха в принципе не вызывает сочувствия. Источник, в который она превращается, не ассоциируется с потоком слез. В некоторых болгарских текстах родник, пробившийся из скал, в которые превратились баба и ее стадо, ассоциируется с молоком, но, разумеется, с овечьим или козьим, а не с женским, как в ряде вариантов баллады о замурованной женщине [Плотникова 2004б: 122]. В некоторых же текстах из восточной Сербии (Пиротский край) и западной Болгарии (область Перник) о роднике, бьющем из скалы, в которую якобы превратилась старуха, говорится, что «баба обмочилась» или «осрамилась» [Плотникова 2004б: 122; Трефилова 2006].

В работе А.А. Плотниковой «Этнолингвистическая география Южной Славии» описан обычай «инсценировки» легенды о мартовской старухе, встречающийся в архаических районах восточной Сербии, когда 14 марта (в первый день весны по старому стилю) пожилые женщины проходят по селу, ведя коня, нагруженного одеялами, ведрами и другими предметами, необходимыми на горном пастбище, и уверяя окружающих, что отправляются в горы. Если в это время идет снег или дождь, собравшиеся кричат этим женщинам, что они «обмочились» [Плотникова 2004б: 122]. В таких эпизодах можно усмотреть связь рассматриваемого персонажа с карнавальными традициями.

Отметим, что бытование у части южных славян хрононимов, мотивированных легендой и переводимых как «старухины козлята» — серб. *бабини јарци*, *бабини козлићи*, черногор. *бабини јарчеви* [Плотникова 2004б: 121–125], наряду с хрононимами типа «старухины дни» или просто «старухи», вероятно, говорит о том, что животные изначально являлись, как и мартовская старуха, значимыми персонажами легенды.

Косвенным подтверждением версии о том, что жертвой, приносимой во имя благополучия наступающего года, являются именно животные, могут служить варианты данной календарной легенды, зафиксированные у ряда народов Западной Европы, которые говорят *только* о гибели животных, ставших жертвами ярости оскорбленного месяца, но не о гибели пастушки или пастуха [Покровская 1977; Сагрустеги 1990: 34–35].

1.4. Переработки легенды о мартовской старухе в румынской литературе

Самое раннее, по всей вероятности, упоминание легенды о мартовской старухе и связанном с ней мифологическом комплексе в румын-

ской литературе мы находим у Д. Кантемира в «Описании Молдавии» (1716). Кантемир пишет о каменном изображении на горе Чахлэу. «Самая высокая гора — это Чахлеу, и если бы она была известна в древних легендах, то прославилась бы не менее, чем Олимп, Пинд или Пелиас. Она находится в округе Нямец, недалеко от истоков реки Тазлеу; средняя часть горы покрыта вечными снегами, вершина же всегда свободна от снегов, видимо, оттого что она находится выше снежных туч. С ее вершины, которая возносится очень высоко в виде башни, низвергается источник прозрачной как слеза воды и, катясь с большим шумом со стремнин, впадает в реку Тазлеу. На середине горы видна очень древняя статуя высотой в пять локтей, изображающая старую женщину, окруженную, если не ошибаюсь, двадцатью овцами, и из естественной части которой вытекает источник. Трудно с достоверностью судить, является ли эта статуя игрой природы или ее высекла искусная рука мастера, ибо она покоится не на каком-либо основании, но вплотную связана со всей скалой, причем спина и живот остаются открытыми. Если бы даже допустить, что стыки были замазаны искусно приготовленной известью, ибо мы не отрицаем, что многие такого рода скульптуры древних погибли с течением времени, то все же с трудом можно себе представить, каким образом эта труба была проведена через ногу к естественному месту, так как кругом нигде не обнаруживается следов источника или какого-нибудь ручейка. Возможно, что эта статуя была воздвигнута для поклонения языческим идолам, жрецы которых имели обыкновение делать что-либо при помощи средств природы или магии, чтобы этим возбудить удивление и веру в языческое божество у доверчивого простого народа» [Кантемир 1973: 30–31].

1.4.1. Поэма Г. Асаки «Докия и Траян»

Этим камням с горы Чахлэу посвятил немало строк Г. Асаки. Опираясь отчасти на фольклорные источники, Асаки фактически занимался созданием новой национальной мифологии (как позже это делали представители романтического направления в румынской литературе). В 1840 г. в Яссах выходит брошюра Г. Асаки, озаглавленная “*Dochia și Traian dupre zicerile populare a românilor, cu itinerarul multelui Pionul*” («Докия и Траян по народным преданиям румын, с путеводителем по горе Пион»). В брошюре опубликовано описание горы Чахлэу (Пион), сопровождающееся рекомендациями для путешественников по осмотру местных достопримечательностей, текст поэмы (или, пользуясь терми-

нологией Асаки, баллады) «Докия и Траян», ноты этой баллады¹, а также литография, изображающая Траяна и Докию на горе Чохлэу, выполненная Ф. Хоффманном по рисунку Скьявони [Asachi 1973: 685–686] (рис. 3). Поэма «Докия и Траян» начинается с упоминания скалы, которая когда-то была Докией [Ibid.: 173–175]:

Рис. 3. Траян и Докия. Гравюра Ф. Хоффманна по рисунку Скьявони [Asachi 1973: 685–686]

¹ При повторной публикации текста этой баллады в журнале “Icoana lui meî” [1840. № 7. 17 нояб.] Асаки снабдил ее примечанием: «Поется на мотив известной молдавской песни».

Între Piatra Detunată	Между Камнем, опаленным молнией,
Ș-al Sahastrului Picior,	И подножием Сахастру,
Vezi o stâncă ce-au fost fată	Ты видишь скалу, что была дочерью
De un mare domnitor.	Великого правителя.
Acolo de rea furtună	Там злой бури
E lacașul cel cumplit,	Грозное жилище,
Unde vulturul răsună	Где орел оглашает
Al său cântec amorțit.	Свою затухающую песнь.
Acea doamnă e Dochie,	Эта княжна — Докия,
Zece oi, a ei popor,	Десяток овец — ее народ,
Ea domnează-n vizunie	Она царит в ущелье,
Preste turme și păstori.	Меж стад и пастухов ¹ .

В Докию влюбляется завоеватель Дакии, римский император Траян [Ibid.]:

La frumusețe și la minte	Красотой и умом
Nici o giună-i samana,	Ни одна девушка не могла с ней сравниться,
Vrednică de-a ei părinte;	Достойна своего отца,
De Decebal, ea era.	Децебала, она была.
Dar când Dacia-au împilat-o	Но когда стал угнетать Дакию
Fiul Romei cel mărit,	Прославленный сын Рима,
Pre cel care-ar fi scapat-o,	Того, кто освободил бы ее,
De-a iubi a giuruit.	Любить она пообещала.
Traian vede astă zână;	Траян видит эту фею;
Deși e învingător,	Хотя он и победитель,
Frumuseței ei se-nchină,	Склонился перед ее красотой,
Se subgiugă de amor.	Подчинился любви.

Докия, видя свою родину порабощенной, пытается скрыться в горных лесах, став пастушкой [Ibid.]:

Împăratu-n van cată	Император напрасно пытается
Pe Dochia-mblânzi;	Смягчить Докию;
Văzând patria ferecată,	Видя родину в оковах,
Ea se-ndeamnă a fugi.	Она решила бежать.
Prin a codrului potică	На лесной тропе
Ea ascunde al ei trai,	Она прячет свою жизнь,

¹ Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, перевод наш.

Acea doamnă tinerică	Эта юная княжна
Turma paște peste plai.	Пасет стадо на плоскогорье.
A ei haină aurită	Ее золоченая одежда
O preface în șaiag,	Превратилась в сукно,
Tronu-i iarba înverzită,	Ее трон — зеленая трава,
Schiptru-i este un toiag.	Ее скипетр — посох.

Однако Траян находит ее, и тогда Докия обращается к богу Замолк-сису с просьбой о помощи. Бог выполняет просьбу и превращает Докию в камень [Ibid.]:

Traian vine-n astă țară,	Траян приходит в эту страну,
Și de-a birui deprins	И, привыкший побеждать,
Spre Dochia cea fugară	К бежавшей Докии
Acum mâna a întins.	Теперь протянул руку.
Atunci ea, cu grai ferbinte,	Тогда она горячими словами:
Zamolxis, o, zeu, striga,	«Замолксис, о, Бог», — кричит:
Te giur pe al meu părinte,	«Заклинаю тебя именем моего отца,
Astăzi rog nu mă lăsa!	Сегодня, прошу, не оставь меня!»
Când întinde a sa mână	Когда протягивает свою руку
Ca s-o strângă-n braț Traian,	Траян, чтобы заключить ее в объятия,
De-al ei zeu scutita zână	Освобожденная своим богом фея
Se preface-n bolovan.	Обращается в камень.

Безутешный Траян надевает на голову каменного изваяния свою корону. Из слез Докии рождается дождь, из вздохов — гром, а сама она сияет среди туч, как путеводная звезда для пастухов [Ibid.]:

El petroasa ei icoană	Он ее каменный образ
Nu-ncetează a iubi;	Не перестает любить;
Pre ea pune-a sa coroană,	Надевает на нее свою корону —
Nici se poate despărți.	Невозможно ее отделить.
Acea piatră chiar vioaie	Эта скала будто живая,
De-aburi copere-a ei sin,	Облака прикрывают ее грудь,
Din a ei plâns naște ploaie,	Из ее слез рождается дождь,
Tunet din al ei suspin.	Гром — из ее вздохов.
O ursită-o priveghează,	Судьба (ursită) ¹ ее оберегает,

¹ Возможно, имеется в виду женское мифологическое существо — *ursită* (*ursitoare*), предсказывающее и определяющее судьбу.

Și Dochia deseori	И Докия часто
Preste nouri luminează	Сияет сквозь тучи,
Ca o stea pentru păstori.	Как Пастушья звезда ¹ .

Поэма Г. Асаки унаследовала от легенды о мартовской старухе такие характерные для ее восточнороманских и балканских вариантов черты, как пастушеская тематика и мотив петрификации. Однако героиня из старухи превратилась в девушку, а превращение ее в камень стало не наказанием за неуважение к высшим силам, а благом, спасением от плена и бесчестия. Рискнем предположить, что данная поэма была написана Асаки не без влияния древнегреческого мифа об Аполлоне и Дафне, изложенного Овидием в поэме «Метаморфозы». Согласно этому мифу, нимфа Дафна, спасаясь от преследований влюбленного в нее Аполлона, попросила своего отца, речного бога Пенея, отнять у нее женский образ, причиняющий ей одни страдания, и была превращена в дерево (лавр). Аполлон же надел лавровый венок, украсил зеленью лавра свой лук и кифару и благословил лавр быть вечнозеленым [Тахо-Годи 1987]. Сходство между греческим мифом, включенным в поэму Овидия, и поэмой Асаки усиливается тем, что Докия в тексте поэмы (баллады) дважды названа «феей» (*zână*)², хотя Асаки, по всей вероятности, употребляет это слово в переносном значении.

По словам выдающегося румынского литературоведа Джордже Кэлинеску, Асаки пытался определить «мифические пункты» на молдавской территории и создать пантеон божеств, чтобы перенести на землю гетов и даков эллинистическую мифологическую систему. «Священной горой» объявлена гора Чахлэу (которую Асаки именует «Пион»), где находится каменное «изображение» Докии [Călinescu 1988: 99].

В описании горы Чахлэу (Пион), которое предшествует тексту поэмы, Г. Асаки пишет: «(Гора) Пион занимает важное место в истории и народных преданиях румын. Согласно им, в пещерах этой горы будто бы пряталась когда-то княжна Дакия (*Dachia*), дочь Децебала (*Decheval*),

¹ Пастушья звезда — Венера, так что образ Докии у Асаки обыгран и в античном, и в фольклорном ключе.

² *Zână* в восточнороманском фольклоре — мифологическое существо, наделенное сверхъестественными способностями и даром бессмертия [DEX 1998: 1182]. Румынские феи (*zâne*), обитающие в лесах и горах, сходны с древнегреческими нимфами. Впоследствии упоминания о «зыне» Докии встречаются и у Михая Эминеску, в частности в поэмах «Memento mori» и «Мурешану» [Eminescu 1997: 100–150, 291–312].

когда после порабощения ее родины и смерти отца, чтобы спастись от преследований римлян, она будто бы жила здесь под видом пастушки, пася стадо овец. Согласно этим преданиям, Дакия (*Dachia*), будучи преследуема Траяном, который воспылал к ней любовью, вместе со стадом превратилась в скалу в то самое мгновение, когда должна была быть схвачена победителем. Во времена Кантемира ее фигура еще была видна, но разрушительное время сохранило для нас только ее остатки и сказочную историю. В более поздние времена имя “Дакия” (*Dachia*) превратилось в “Докию” (*Dochia*) — имя, являющееся именем одной из святых нашей церкви, день которой празднуется в начале марта, то есть в начале весны, когда солнце входит в знак Овна. Эти обстоятельства присваивают Докии <...> власть над первыми днями этого времени года, которые здесь называются “Днями Докии” (*Zilele Dochiei*) [Asachi 1981b: 736–738].

Далее следует стихотворный текст, озаглавленный «Докия и Траян», который, по словам Асаки, является «национальной песней (балладой), сохраняющей традицию вышесказанного» [Ibid.].

Румынский историк литературы Д. Каракостя высказал предположение, что, помимо древнегреческих мифов и румынского фольклора, еще одним источником вдохновения для написания этой поэмы явилось для Асаки житие святой Евдокии, которое читалось в церкви 1 марта — в день рождения Асаки [Caracostea 1928: 83–84]. Дж. Кэлинеску в соответствующем разделе своей «Истории румынской литературы» также упоминает о том, что Асаки родился в день св. Евдокии, и приводит, очевидно, слова самого Асаки, согласно которым он появился на свет «в день святой Докии, <имя которой> омонимично (*humonimă*)¹ Дакии» (“în ziua sfintei Dochia, *humonimă* cu *Dachia* sau *Dacia*”) [Călinescu 1988: 94].

В настоящее время, к сожалению, практически невозможно восстановить именно те фольклорные источники, на которые мог опираться Асаки, слагая данную поэму. Имя «Докия», как говорилось выше, является типичным для румынских вариантов легенды о мартовской старухе. Достаточно часто та или иная местная традиция связывает расположенные в данной местности скалы (камни) с представлениями о мартовской старухе, не вовремя отправившейся на летнее пастбище со стадом овец или коз и превратившейся в камень (такие представления могут отражаться как в фольклорных текстах, так и в топонимике).

¹ На самом деле формы Докия и Дакия не омонимичны — их сближение осуществлено Г. Асаки по законам народной этимологии.

Однако фольклорных текстов, сюжет которых сходен с сюжетом поэмы «Докия и Траян», зафиксировано немного, и фиксация их всегда относится к более позднему времени, нежели публикация рассматриваемой поэмы Асаки. Так, в работе Адриана Фоки «Народные обычаи и ереси конца XIX в.» можно найти следующие былички и топонимические предания, где наряду с именем Докии упоминаются имена Траяна или Децебала.

«У нее двенадцать кожухов, она их вытряхивает в конце февраля и шесть дней в начале марта, вызывая метели, потому что она была преследуема одним древним императором, Трояном. Из-за этого она и делает сугробы [*troieni*]¹, чтобы ее больше не нашли» (с. Адынката, жудец Дорохой (ныне — район Адынката в Черновицкой обл. Украины), информант Дж. Мэрджиняну, 4.07.1896 г.) [Fochi 1976: 23–29].

«(Камни) находятся в горах этого жудеца»; «Некоторые говорят, что это овцы Докии, дочери Децебала» (с. Кристешть, жудец Сучава, 19.06.1893 г.) [Ibid.].

«Докия была дочерью Децебала. На вершине горы есть каменная баба, называемая “Докия”» (с. Думитрешть, жудец Рымнику-Сэрат (ныне — жудец Вранча), Мунтения, информант И. Думитреску, 1.06.1893 г.) [Ibid.].

С.Фл. Мариан, один из основоположников румынской этнографии, в своей работе «Праздники у румын», перечисляя варианты легенды о Докии, также упоминает, опираясь на материалы, собранные на Буковине, текст, согласно которому Докия была дочерью некоего знаменитого императора, красивой и умной девушкой. Многие царские сыновья хотели взять ее в жены, однако отец Докии им всем отказывал. Однажды отец Докии был побежден на войне, и император-завоеватель решил принудить Докию к браку. Чтобы спастись, Докия, одевшись в двенадцать кожухов, ушла в горы со стадом овец. Когда она отправилась в путь и позже, когда она поднималась с овцами на гору, была ясная, теплая погода, поэтому она стала сбрасывать один кожух за другим, пока не сбросила все. Но когда Докия наконец сбросила все кожухи, началась буря с дождем и снегом, которая длилась двенадцать дней подряд, становясь все более жестокой. Вместо того чтобы попросить Бога спасти ее, Докия возроптала на него, за что и была превращена в скалу [Marian 1994: 281].

---

¹ В данном тексте присутствует игра слов — имя «Troian» (очевидно, модифицированное «Traian») омонимично румынскому слову «troian» (сугроб).

Этот вариант легенды С.Фл. Мариан приводит наряду с более распространенными вариантами, начинающимися с повествования о том, как Баба Докия зимой посылает свою невестку в лес за земляничкой или на реку мыть шерсть, а затем, увидев принесенные невесткой ягоды или цветы, которые та получила от некоего чудесного помощника, решает, что наступило лето, и отправляется со стадом на горное пастбище, где замерзает и превращается в камень [Ibid.].

Нужно отметить, что и текст, повествующий о девушке Докии, который приводит в своей книге С.Фл. Мариан, сохраняет типичный для большинства вариантов мартовской легенды, встречающихся в Европе или на Ближнем Востоке, мотив оскорбления высших сил (в данном случае имеет место оскорбление бога). В поэме Асаки, как уже говорилось, этот мотив отсутствует.

Дж. Кэлинеску в разделе своей «Истории румынской литературы», посвященном румынскому фольклору, включает «миф» о Траяне и Докии в число «основных» мифов, сформировавших, по его мнению, румынскую культуру и духовность, наряду с мифами о Миорице (вещей овечке), Мастере Маноле (строительной жертве) и Збурэторе (крылатом змее). «Миф» «Траян и Докия», по мнению Дж. Кэлинеску, символизирует происхождение румынского народа [Călinescu 1988: 56–58]. Исследователь вполне отдает себе отчет в том, что бытование в румынском фольклоре этой легенды (а точнее — этого варианта легенды о мартовской старухе) является всего лишь отзвуком поэмы Асаки, однако пишет, что данный «миф» все же «приобрел устойчивость и овладел умами» [Ibid.].

1.4.2. Реминисценции поэмы Асаки в творчестве М. Эминеску

Самый известный румынский поэт второй половины XIX в., будучи представителем романтического направления, вслед за Георге Асаки и Димитрие Болинтиняну стремился трактовать народную мифологию в эпических и драматических поэмах, хотя многие его проекты так и остались проектами [Călinescu 1988: 446–449; 1998: 16]. Имя Докии мы встречаем в ряде произведений поэта, прежде всего в тех, что связаны с дакийской тематикой. Нужно отметить, что в юности Эминеску был одержим проблемой происхождения румынского народа и планировал написание развернутых эпосов или драм, посвященных дако-римскому прошлому, пытаясь творить мифологию ad-hoc [Călinescu 1978: 249]. Наиболее полно образ Докии, не раз появлявшийся в его произве-

дениях, на наш взгляд, раскрыт в проектах его эпопеи и драмы «Децебал».

Над проектом «Децебал» поэт, по всей видимости, работал в студенческие годы, то есть в период между 1869 и 1874 гг. Поначалу он планировал написание эпопеи, которая должна была состоять из четырех песен (сохранилась лишь заметка, в которой намечен план эпопеи) [Călinescu 1969: 58]. Докия названа в этой заметке юной ворожейей (vîjjiitoare). В первой песне планируемой эпопеи она должна была находиться среди дакийских богов; также рядом с ними присутствует слепой певец Огур, услаждавший своим пением их трапезы. Затем Огур спускается в колеснице Солнца к дакийскому народу, чтобы вдохновить его на борьбу с римлянами. Вторая песнь должна была повествовать о приготовлениях к войне римлян и даков, строительстве римлянами моста через Дунай (мост Апполодора), союзниках даков. В третьей песне поэт предполагал описать оборону последней дакийской крепости, битву римских и дакийских богов и бегство последних, падение в замерзшее море слепого Огура, которого понесли кони; здесь же должен был присутствовать эпизод «Траян и Докия». В последней, четвертой, песне Огур, оказавшийся на дне замерзшего моря, в чертогах северных (германских) богов, рассказывает им о несчастье Дакии, и Север (Nord) хочет отомстить Риму, вызвав нашествие варваров [Călinescu 1969: 58–59; 1988: 446–449; 1998: 23].

В более поздних заметках к предполагаемой эпопее Эминеску делит материал по историческим этапам дако-римских войн [Călinescu 1969: 59]¹. Однако и в этом случае наряду с историческими лицами появляются мифологические персонажи и вымышленные герои. Например, 86 г. датируются вторжение Децебала в Мезию и гибель наместника этой римской провинции Оппия Сабина; победы, а затем поражение командующего римской армией Корнелия Фуска, префекта претория, отнесены к 90 г., как и «фальшивый», по мнению Эминеску, триумф императора Домициана в Риме по случаю заключения мира с даками на приемлемых для Рима условиях² (это реальные исторические факты), а 98–99 гг. датировано мифическое посещение дунайских стран германской богиней Фрейей.

---

¹ Этот замысел, по словам Дж. Кэлинеску, напоминает такие произведения, как «Траянида» Д. Болинтиняну (1869), «Децебал» И. Поп-Флорантина или «Траяна в Дакии» Ал. Пелимона (1875) [Călinescu 1988: 446–449; 1998: 19–20].

² Триумф Домициана имел место в конце 89 г.

Во фрагменте, посвященном Второй дакийской войне, поэт повествует о Траяне, знаменитом мосте Аполлодора из Дамаска, борьбе Децебала с языгами, у которых он отвоевал часть земель (данное событие послужило для Рима формальным поводом к началу войны). В качестве одного из основных персонажей выведен Лонгин, римский офицер, которого Децебал захватил в плен и в обмен на его свободу требовал от римлян возврата захваченных территорий и выплаты контрибуций¹. Эпизод, связанный с Докией, в этом втором плане эпопеи «Децебал» намечен штрихами. Докия, согласно записям Эминеску, является дочерью некоего *Дюмпареу* (*Diutpareu*)², слепого, который прежде был царем, а затем стал верховным жрецом даков. У Докии есть возлюбленный, которого зовут *Дачио* (*Dacio*), однако в то же время она любит (и одновременно ненавидит) Траяна. После падения Дакии она собирает оставшихся в живых даков, чтобы вместе с ними покинуть страну. Однако еще в начале пути Докия отстает от них, она не может расстаться со своей землей. Перед ее глазами стоит образ Траяна, и при появлении самого Траяна Докия превращается в камень, «как Ниоба» [Ibid.: 59–60].

Из приведенных набросков следует, что на замысел Эминеску, несомненно, оказала влияние поэма Асаки «Траян и Докия».

М. Эминеску работал также над планом театральной пьесы «Децебал», которую начал писать в берлинский период своего творчества (1872–1874). Согласно сюжету этой драмы Децебал недавно победил языгов, у которых взял заложника по имени Яромир (*Jaromir*), и готовится к войне с римлянами, предвидя восстания многих народов против Рима. Среди персонажей драмы присутствует некий Борис (так расшифровывает это имя, написанное неразборчиво, Дж. Кэлинеску), который, по-видимому, является претендентом на трон и тайным врагом Децебала [Ibid.: 63–64].

---

¹ Гай Кассий Лонгин был одним из высших штабных офицеров Траяна, которого Децебал пригласил к себе якобы для переговоров и захватил в плен. Однако попытки выведать у важного заложника подробности стратегического плана римского командования провалились. Тогда царь даков предложил императору обмен. Он обещал освободить Лонгина за возврат территории, занятой римскими войсками; при этом император должен был возместить дакам потери, понесенные ими в ходе военных действий. Однако, как сообщает Дион Кассий, офицер избавил Траяна от трудного выбора. Достав с помощью своего вольноотпущенника яд, Лонгин покончил жизнь самоубийством [Дион Кассий, LXVIII, 12, 3].

² Имеется в виду Дурас-Дюрпанеус, дядя Децебала и его предшественник на троне Дакии, добровольно передавший ему власть [Дион Кассий, LXVII, 6, 1].

Одним из важных моментов драмы является спор Децебала и Яромира, заложника-языга. Яромир осуждает Децебала за его подготовку к войне с Римом (называя ее «бунтом»), за войну с языгами — союзниками Рима, нарушение принесенной римлянам клятвы «быть другом их друзьям и врагом их врагам». Децебал напоминает о своих военных заслугах, о том, что убил Оппия Сабина и победил Корнелия Фуска, о том, что Мезия была в его руках [Ibid.: 68].

Лонгин, римский легат, просит Децебала вернуть то, что он отнял у языгов. «Рим хочет <этого>, — отвечает Децебал, — но посмотрим, захочу ли я». Лонгин спрашивает, хочет Децебал мира или войны. Снаружи слышится шум и угрожающие боевые кличи, и царь отвечает Лонгину: «Ты слышишь! Ты слышишь ответ, римлянин!» Докия озабочена дерзостью Децебала. Перед приездом римского легата она жалуется на это Борису, который, однако, пытается успокоить ее, говоря, что падение Децебала не станет падением Дакии, что они вдвоем могли бы наследовать царю, и предлагает не отговаривать Децебала, а, наоборот, подстрекать к необдуманным действиям, чтобы способствовать его гибели:

E bine Doamnă... cade Decebal,	Ладно, госпожа... падет Децебал,
Nu cade Dacia... Lasă să turbeze	Не падет Дакия... Оставь бесноваться
Pe acest taur... Îl vom moșteni	Этого быка... Ему будем наследовать
Noi doi... Să nu-l liniștim,	Мы двое... Не будем его успокаивать,
Să-l tot împungem c-un bold ars în foc,	Будем колоть его булавкой, раскаленной в огне,
Doar s-o scula, pentru a cade-mort...	Он восстанет лишь затем, чтобы пасть мертвым...

Из этих слов Докия делает вывод, что Борис — «змея» [Ibid.].

Когда Децебал побуждает народ к войне: «Pe cai, pe cai! Războiul este gata!» («На коней, на коней! Война началась!»), Докия пытается убедить его быть разумным с помощью пессимистических слов [Ibid.: 68–69]:

Sunt un copil. Am ochii de copil,	Я ребенок. У меня глаза ребенка,
Văd lucrurile astfel precum sînt.	Я вижу вещи такими, какие они есть.
Ah, Decebal — cât chin e-n astă lume.	Ах, Децебал, сколько мўки в этом мире.
Viața ei este un spasm lung,	Жизнь — один долгий спазм,
Total e mărginit — durerea nu.	Всему есть предел — боли предела нет.

Un singur lucru e mai bun ca viață, Pentru că nu-i nimic, nimic chiar — moartea. Ah, cum nu suntem pe atunci pe când	Одна-единственная вещь лучше жизни, Потому что нет ничего, совсем ничего — смерть. Ах, почему мы не находимся в том времени, когда
Nici ființă nu era — nici neființă, Nu marea aerului, nu azurul, Nimic cuprinzător — nici cuprins, Nu era moarte, nemurire nu Și fără suflet răsufla în sine Un ce unic ce poate nici n-a fost	Ни бытия не было, ни небытия, Ни моря воздуха, ни лазури, Ни формы, ни содержания (?), Не было смерти, не было бессмертия, И без дыхания вздыхал про себя Один-единственный, которого, может быть, и не было,
Dar, vai! Un simburе în acest caos Mișcându-se rebel-a nimicit Eterna pace, și de atunci durere, Numai durere este n-astă lume. Unde e starea ceea unde zеii Nu exista, nici oameni, nici pământ, Pe când acea ființă nențeleşă Nu și aruncase umbrele în lume, Umbrele ce sînt moartea și nemurirea.	Но, увы! Одно семя в этом хаосе, Мятежно двигаясь, уничтожило Вечных мир (покой), и с тех пор боль, Только боль есть в этом мире. Где то состояние, в котором боги Не существовали, ни люди, ни земля, Пока это неведомое существо Не бросило свои тени в мир, Тени, которые суть смерть и бессмертие.

Персонаж по имени «Докия» играет более или менее значимую роль в таких поэмах Эминеску, как «Memento mori» (1972), «Мушатин и лес» («Mușatin și codrul») и «Сказка о Докии и Парках»¹ («Povestea Dochiei și Ursitorile»²). Последние две поэмы, по мнению такого исследователя творчества Эминеску, как акад. Перпессичиус (Думитру С. Панаитеску), являются своего рода ответвлениями поэмы «Мирон и бесплотная красавица» («Miron și frumoasa fără corp», 1873–1874)³ [Eminescu 1963: 511].

В поэме «Memento mori» представлена пессимистическая хроография истории человечества, наподобие той, что характерна для

¹ Название этой поэмы, не переводившейся на русский язык, автор приводит вслед за Л.И. Куручом (см.: [Куруч 1964: 8]).

² *Ursitori*, или *ursitoare* (pl. f.; sg. — *ursitoare*) — в румынской мифологии демоны судьбы, сходные с древнегреческими мойрами, римскими парками и др.

³ Эта поэма опубликована на русском языке в переводе И. Миримского [URL: <http://www.malpertuis.ru/page/emin3>].

“Légende des siecles” В. Гюго. Вместо того чтобы демонстрировать прогресс, она документирует ничто. (Нужно отметить, что еще со времен Мирона Костина и Димитрия Кантемира тема эфемерности цивилизаций и властителей была присуща румынской литературе [Călinescu 1988: 446–449; 1998: 19–20].) Перед глазами читателя поочередно проходят эпоха палеолита с людьми, одетыми в медвежьи шкуры, халдейский Вавилон, ассирийская Ниневия, Палестина, Египет, Греция, Рим Цезарей, Дакия, нашествие варваров на Рим, Французская революция, времена Наполеона [Călinescu 1988: 446–449; 1998: 21]. «Дакийский эпизод» поэмы, являющийся самым объемным, фактически делится на две части. В первой части описываются «рай старой Дакии, царство богов» (“*Ăsta-i raiul Daciei veche, -a zeilor împărăție...*”), обиталища Солнца и Луны (Луну поэт называет «зыной Дакии» (“*Luna, zâna Daciei*”). Появляется здесь и персонаж по имени Докия, ее жилище расположено в горах [Eminescu 1997: 100–150]:

Munți se-nalță, văi coboară, râuri
limpezesc sub soare,
Purtând pe-albia lor albă insule
fermecătoare,
Ce par straturi uriașe cu copacii
înfloriți

Горы возвышаются, реки сверкают
под солнцем,
Неся в своем белом русле волшебные
острова,
Которые кажутся гигантскими
грядками с цветущими деревьями —

Acolo Dochia are un palat din stânce
sure,
A lui stâlpi-s munți de piatră, a lui
streșin-o pădure,
A cărei copaci se mișcă între nouri
adânciți.

Там у Докии есть дворец из серых
скал,
Его колонны — каменные горы, его
навес — роща,
Верхушки деревьев которой
движутся меж облаков.

В тексте поэмы Докия, как и у Асаки, именуется «феей» (*zână*), однако если Асаки употребляет этот термин фигурально, в значении «очень красивая девушка», то у Эминеску Докия действительно изображена как мифологический персонаж [Ibid.]:

Peste podul cel ușure, zâna Dochia
frumoasă
Trece împletindu-și părul cel de-auree
mătășă,

По невесомому мосту прекрасная
зына Докия
Идет, заплетая волосы из золотистого
шелка,

Albă-i ca zăpadă noaptea, corpu-i nalt e mlădiet,	Она бела, как снег ночью, тело у нее стройное и гибкое,
Aurul pletelor strecoară prin mânuțele-i de ceară	Она перебирает золото своих прядей белыми руками,
Și prin haine argintoase străbat membrele-i ușoare,	И сквозь серебристые одежды просвечивает ее легкое тело,
Abia podul îl atinge mici picioarele-i de-omăt.	Едва касаются моста маленькие белоснежные ноги.
Trece râul și ușoară nalte scări de stânci ea suie;	Она переходит реку и легко поднимается по высоким лестницам,
La ivirea-i zi se face în spelunci de cetățuie,	При ее появлении день приходит в развалины крепости,
Ca o zi ea intră mândră în palatul ei de stânci;	Как день, она гордо входит в свой дворец из скал,
Luna e plină de raze sub căldura-i argintoase,	Луна согрета теплом серебристых лучей,
Orice stea e-o piatră scumpă iară florile focoase,	Каждая звезда — драгоценный камень, а огненные цветы —
Giuvaeruri umezite cu luminile adânci.	Драгоценности, пропитанные глубоким светом.
Umede tremur lumine pe boltirea cea albastră.	Трепещут влажные огоньки на голубой арке,
Zâna Dochia cu glasu-i cheam-o pasăre, măiastră,	Зына Докия кличет волшебную птицу,
Ce zburând prin aer vine cu-a ei pene de păun;	Которая, летя сквозь воздух, приближается в своих павлиньих перьях,
Când acea pasăre cântă, lumea râde-n bucurie,	Когда эта птица поет, мир смеется от счастья,
Pe-umărul cel alb o-așează și coboară-n văi aurie,	(Докия) ее сажает на белое плечо и спускается в золотистые долины,
Unde-a râului lungi unde printre papură răsun.	Где волны длинной реки звенят между камышами.
Într-o luntre lemn de cedru ce ușor juca pe valuri,	В лодку из кедрового дерева, которая легко играет на волнах,

Zâna Dochia se suie dezlegând-o de la maluri	Зына Докия спускается, отвязывая ее от берега,
Și pe-a fluviului spate ea la vale îi dă drum;	И по спине реки пускает ее вниз по течению,
Repede luntrea aleargă spintecând argintul apei,	Быстро бежит лодка, рассекая серебро воды,
Culcată pe jumătate, Dochia visa, frumoasă.	Полулежа, прекрасная Докия спит,
Și la luntrea ei bogată lebede se-nham-acum.	И в ее богатую лодку теперь впрягаются лебеди ¹ .

Во второй части «дакийского эпизода» говорится о переходе римлянами моста через Дунай, построенного Аполлодором из Дамаска, описывается Сармизегетуза, охваченная пламенем. Автор выводит на сцену различных божеств: Замолксис (в тексте — *Zamolx, Zamolxe*), верховный бог даков, со своей свитой выходит из Черного моря и борется с богами греко-римского пантеона, пришедшими с запада, — Зевсом, или Юпитером (в тексте — *Zeus, Joe*), Марсом (*Marte*) и др. Один и Фрейя, германские боги, наблюдают за происходящим и, очевидно, поддерживают гетов². Юпитеру удается ранить Замолксиса, поразив его молнией, и дакийские боги обращаются в бегство, а последние защитники обреченной на гибель Сармизегетузы тем временем пьют яд из кубков-черепов³ [Eminescu 1997: 100–150; Călinescu 1988: 446–449; 1998: 21]. Децебал произносит пророчество-проклятие, предвещая гибель римлян [Eminescu 1997: 100–150]. В следующем эпизоде поэмы Один и другие боги из Вальхаллы принимают решение о том, что Рим должен погибнуть, и отправляются в поход на вечный город [Ibid.].

В поэме «Мушатин и лес» (“*Mușatin și codrul*”) идет речь о господаре из рода Мушатов (из текста очевидно, что имеется в виду Штефан Великий). В этой поэме национальный герой Молдовы предстает как орфический персонаж, который попадает в чащу леса и ведет диалог

¹ Здесь, как и в других случаях, кроме особо отмеченных, перевод наш. Отрывки из поэмы “*Memento mori*” на русском языке можно найти в кн.: [Кожевников 1968: 95–98].

² Эминеску, вслед за Якобом Гриммом, по всей видимости, отождествляет гетов (гето-даков) с готами [Călinescu 1988: 446–449; 1998: 16].

³ Коллективное самоубийство жителей Сармизегетузы с помощью яда — исторический факт.

с природой [Bhose 1989]. Лес и вода хотят удержать его рядом с собой, но любовь юного героя к странствиям сильнее даже его тоски по матери. В конце концов лес говорит, что на самом деле является зачарованной крепостью. Этой крепостью правит прекрасная императрица по имени Докия. Крепость и ее обитатели принимают свой истинный облик лишь по ночам, и расколдовать их может только звучание триумфального рога Децебала [Eminescu 1977: 105–108]:

Tu să știi, iubite frate,
 Că nu-s codru, ci cetate,
 Dar demult sunt fermecat
 Și de somn întunecat;
 Numai noaptea când sosește
 Luna-n cer călătorește,
 Umbra-mi toată mi-o petrece
 Cu lumina ei cea rece.
 O, atunci un corn îmi sună,
 Toți copacii împreună
 Sună jalnic frunza-n lună,
 Iară lumea mea s-adună,
 Căci copac după copac
 Toți deodată se desfac.
 Din stejar cu frunza deasă
 Iese mândră-o-mpărăteasă,
 Cu păr lung pân-la călcăie
 Și cu haine aurie,
 Mândră-i este rochia
 Și o cheamă Dochia.
 Din copaci fără de număr
 Ies copii cu șoimi pe umăr
 Și copile multe iese
 Cu-a lor mânece sumese,
 Și pe umerele goale
 Poartă donițe și oale;
 Și pornește-atunci un zbucium,
 Sună-un dulce glas de bucium,
 Pe cărări fără de urme
 Vin cerboaicele în turme
 Și mugesc încet atât,

Знай, любимый брат,
 Что я не лес, а крепость,
 Но с давних пор я зачарован
 И омрачен сном;
 Лишь когда приходит ночь,
 Луна путешествует по небу,
 С меня сходит вся тень
 Под ее холодным светом.
 О, тогда во мне звучит рог,
 Все деревья вместе
 Печально звенят листьями под луной,
 Снова мои жители собираются,
 Ибо дерево за деревом
 Все вдруг раскрываются.
 Из густолиственного дуба
 Выходит прекрасная императрица,
 С волосами до пят
 И в золотистых одеждах,
 На ней красивое платье,
 И зовут ее Докия.
 Из бесчисленных деревьев
 Выходят юноши с соколами на плечах
 И выходит много девушек
 С засученными рукавами,
 И на обнаженных плечах
 Они несут подойники и горшки;
 И тогда поднимается волнение,
 Звучит нежный голос рога,
 По нехоженым тропам
 Приходят стада ланей
 И мычат так тихо,

Cu talangele de gât	С колокольцами на шеях,
Și așteaptă răbdătoare	И терпеливо ждут
Mâni frumoase de fecioare,	Чтобы красивые девичьи руки
De le mulg în donicioare.	Подоили их в подойники.
Căci să știi, iubite frate,	Ибо знай, любимый брат,
Că nu-s codru, ci cetate,	Что я не лес, а крепость,
Dar vrăjit eu sunt demult,	Но с давних пор я зачарован,
Până când o să ascult	До тех пор, пока не услышу
Răsunând din deal în deal	Звучащий от холма к холму
Cornul mândru triumfal	Гордый триумфальный рог
Al craiului Decebal.	Короля Децебала.
Atunci trunchii-mi s-or desface	Тогда мои стволы раскроются
Și-n palate s-or preface,	И превратятся во дворцы,
Vei vedea ieșind din ele	Ты увидишь выходящими из них
Mii copile tinerele,	Тысячи юных девушек,
Și din brazii cât de mici	И из самых маленьких елей
Vei vedea ieșind voinici,	Увидишь выходящими богатырей,
Căci la sunetul de corn	Ибо от звука рога
Toate-n viață se întorn.	Всё возвращается к жизни.

Слова леса о том, что он когда-то был крепостью Децебала, укрепляют героя в решении продолжать путь и вдохновляют его на ратные подвиги, в результате чего ему удастся значительно расширить границы Молдовы [Ibid.].

В поэме «Сказка о Докии и Парках» (“Povestea Dochiei și Ursitorile”) Докия изображена молодой вдовой, которая живет вместе с маленьким сыном в чаще леса. Она рассказывает сыну, что ее отец был пастухом, у которого были большие стада и множество работников, он владел горами, лесами и многочисленными селами и крепостями [Eminescu 1963: 511]:

Tată-meu era cioban,	Мой отец был пастухом,
Câte clipe-s într-un an	Сколько мгновений в году,
Tot atâția baci avea,	Столько у него было старших чабанов,
Cu mii turme-alătura,	С тысячами стад возле них,
Turme mii de mielușele,	Тысячи стад ягнят-самок,
Ciobănașii după ele,	Пастушки за ними,
Turme mândre și de oi,	И красивые стада овец,
Ciobănașii dinapoi	Пастушки позади них

Cu fluieri și cimpoi,
 Mai avea de mă pricepi,
 Hergheții de cai sirepi,
 Ce ca vijeliile
 Îi împleau câmpiile,
 Îi pășteau moșiile,
 Și de-a lungul râurilor
 S-așterneau pustiurilor,
 Și în valurile ierbii
 Pășteau ciutele și cerbii,
 Și prin munți pierduți în nouri
 Avea cârduri mari de bouri,
 Ș-avea munți, ș-avea păduri,
 Și cetăți cu-ntărituri,
 Ș-avea sate mii de mii
 Presărate pe câmpii,
 Ș-avea sate mari și mici,
 Pline toate de voinici.

С флейтами и волынками,
 Еще у него были, знай,
 Табуны необъезженных коней,
 Которые, как ураганы
 Заполняли его равнины,
 Паслись в его имениях,
 И вдоль рек
 Простирались пустоши,
 И в волнах травы
 Паслись лани и олени,
 И в горах, теряющихся среди туч,
 У него были большие стада зубров.
 И были у него горы, и были у него леса,
 И крепости с укреплениями,
 И были у него тысячи тысяч сёл
 Рассыпанных по равнинам,
 И были у него сёла большие и маленькие,
 Полные богатырей.

[Ibid.]

Покойный муж Докии был «императором с Запада»:

Da-mpăratul din Apus
 Au venit și nu s-au dus,
 Două vorbe că mi-au spus,
 Inima că mi-au supus.
 Era mândru și-narmat,
 Un oștean împlătoșat,
 Era mândru și voinic,
 N-avea grijă de nimic.

Но император с Запада
 Пришел и не ушел,
 Два слова мне сказал,
 Сердце мое покорил.
 Он был красив и вооружен,
 Воин, закованный в броню,
 Он был красив и силен,
 Не заботился ни о чем.

[Ibid.]

Замужество привело к вторжению в страну ее отца множества иноземных народов, в результате чего страна была разграблена, а муж Докии погиб. Завершается поэма фрагментом, повествующим о приходе к сыну Докии *урситоаре* (фей-предсказательниц), которые дарят ему бессмертие и вечную молодость [Ibid.].

Упоминания о Докии встречаются и в других произведениях Эминеску, в частности в поэмах «Мурешану» (“Mureșanu”, 1876) и «Сар-

мис» (“Sarmis”, 1881), также связанных с дакийской тематикой, и в Сонете I (1879).

«Мурешану» (1876) — поэма в стиле «Фауста», в которой трансильванский патриот изображен как философ шопенгауэровского толка, теоретик пантеизма и зла. Дакия служит здесь, как и классическая Греция в поэме Гёте, местом возвращения для румына — современника Эминеску [Călinescu 1988: 446–449; 1998: 16]. Имя Докии (зыны Докии) упоминается в монологе одного из персонажей этой поэмы — Короля Сна (*Regele Somn*) [Eminescu 1997: 291–312]:

Răsună corn de aur și împle noaptea clară	Звучит золотой рог, и наполняет ясную ночь
Cu chipuri răătăcite din lumea solitară	Образами, бродящими в уединенном мире
A codrilor... în cârduri veniți, genii șăgalnici,	Лесов... Вы приходите толпами, шаловливые гении,
Ce-acum împleți pământul cu sunetele jalnici,	Те, что сейчас оплетают землю жалобными звуками,
Acum ascunși în umbră sau tupilați sub foaie,	Сейчас, спрятавшись в тени или притаившись под листом,
Pișcați picioarele-albe a fetelor bălaie,	Щиплете белые ноги белокурой дев,
Și zimbrii zânei Dochii, pe frunți cu stemă mare,	И зубры зыны Докии, с большим гербом (драгоценным камнем) на лбу,
Și voi, cai albi ai mării, cu coame de ninsoare...	И вы, белые кони моря со снежными гривами...
Învie codru! Duhuri cu suflet de miresme,	Оживи, лес! Духи с благоуханным дыханием,
Zburați prin crengre negre ca străvezie iesme,	Летайте меж черными ветвями, как прозрачные привидения,
Cu sunetul de pasuri s-aducă pasul numa,	Со звуком шагов схож (?) только шаг,
Pe corpuri albe haină de diamantină brumă	На белых телах одежда из бриллиантового инея,
Să scânteie în umbră, să spânzure feeric	Чтобы сверкать в тени, чтобы свисать феерически —
Treceți încet prin aer călcând pe întuneric.	Идите медленно сквозь воздух, топчя сумерки.

В незаконченной поэме «Сармис» (1881), представляющей собой скорее зарисовку, посвященную любви царя «Гетии» (*Getia*) Сармиса и его невесты, также упоминаются «зубры зыны Докии» [Ibid.: 394–398]:

Din codrii singurateci un corn părea că sună.	Из уединенных лесов, кажется, доносится звук рога.
Sălbaticele turme la țărături se adună.	Дикие стада подходят к берегу.
Din stuful de pe mlaștini, din valurile ierbii	Из болотных камышей, из волн травы
Și din poteci de codru vin ciutele și cerbii,	И с лесных тропинок приходят лани и олени,
Iar caii albi ai mării și zimbrii zânei	А белые кони моря и зубры зыны
Dochii	Докии
Întind spre apă gâtul, la cer înalță ochii.	Вытягивают шеи к воде, поднимают глаза к небу.

Интересно, что поэт не единожды упоминает в своих произведениях, связанных с дакийской (гето-дакийской) тематикой, о «зубрах зыны Докии». Известно, что зубр считается символом Молдовы (Эминеску, как и Асаки, был уроженцем Молдовы). Голова зубра с XIV в. изображалась на печатях и монетах молдавских господарей. В настоящее время голову зубра можно увидеть на гербе Республики Молдова, а также на гербе Румынии (на последнем молдавский зубр соседствует с валашским золотым орлом, трансильванским черным орлом и семью замками, добруджскими дельфинами, олтенским львом и банатским мостом).

«Сонет I» (1879) — единственное из рассматриваемых в данной работе произведение поэта, упоминающих о «фее Докии» (*zâna Dochia*), которое неоднократно переводилось на русский язык [Eminescu 1982: 144].

Sonet I

Afară-i toamnă, frunză-mprăștiată,
Iar vântul zvârle-n geamuri grele picuri;
Și tu citești scrisori din roase plicuri
Și într-un ceas gândești la viața toată.

Pierzându-ți timpul tău cu dulci nimicuri,
N-ai vrea ca nime-n ușa ta să bată;

Dar și mai bine-i, când afară-i zloată,
Să stai visând la foc, de somn să picuri.

Și eu astfel mă uit din jeț pe gânduri,
Visez la basmul vechi al **zânei Dochii**;
În juru-mi ceața crește rânduri-rânduri;

Deodat-aud foșnirea unei rochii,
Un moale pas abia atins de scânduri...
Iar mâini subțiri și reci mi-acopăr ochii.

В самом раннем по времени переводе Ю. Кожевникова имя «Докья» опущено, а слово «zâna» переведено как «весенняя фея» [Эминеску 1958: 184; 1989: 200]:

За ставней осень, листьев желтых стая,
Дождем по окнам ветер бьет жестокий,
А ты читаешь старых писем строки,
За час всю жизнь опять переживая.

В безделках милых время забывая,
Не ждешь гостей, ведь осенью глубокой
Приятней, коль сидишь ты, одинокий,
У камелька о чем-нибудь мечтаю.

И я сию, мечту свою лелею,
Вокруг меня густой туман слоится,
Мне снится сказка о весенней фее.

Вдруг скрипнула чуть слышно половица,
Прошелестело платье, тихо вея...
И пальцы тонкие легли мне на ресницы.

В переводе Ю. Александрова слово «zâna» переведено как «снежная фея» [Эминеску 1968: 72]:

Срывает осень хрупкие листы,
Дожди шумят, по стеклам ударяя...
Поблекших писем строки разбирая,
Всю жизнь свою припоминаешь ты.

В чудесных пустяках часы теряя,
 Блаженствуешь, а двери заперты,
 И скоро песня выюг из темноты
 Тебя баюкать станет, замирая.

Сижу один я около огня,
 О Докии мечтаю, фее снежной;
 Ночная мгла плывет на смену дня;

Твои шаги скользят во тьме мятежной,
 И руки тонкие, обвинив меня,
 Коснулись глаз моих прохладой нежной.

В переводе Н. Малярчука слово «zâna» переведено как «богиня» [Eminescu 1982: 145]:

Роняет осень листья золотые,
 А в стекла в каплях бьют дожди с ветрами,
 Читаешь письма с блеклыми листьями
 И вспоминаешь вмиг всю жизнь, мечтаю.

Теряешь время в чарах с пустяками,
 Не хочешь, чтоб стучали в дверь, родная;
 Гораздо лучше, если слякоть злая,
 Дремать, проникшись у огня мечтами.

В мечтах о сказке **Докии богини**
 Задумчиво смотрю из кресла в мленье
 И в грезы погружаюсь при камине.

Твой шаг воздушный на полу в строенье
 И шорох платья слышу вдруг в кручине,
 Ты ж заслоняешь мне руками зренье.

Литературные переработки легенды о мартовской старухе оказали определенное влияние и на румынский фольклор (о чем уже говорилось выше), и на представления современных румын о нем. Так, в настоящее время информацию, касающуюся легенды о Докии, можно найти на многих румынских интернет-сайтах, в частности на образовательных

и туристических порталах, в интернет-версиях дамских журналов и т.д. На страничках этих сайтов нередко приводится одновременно несколько вариантов рассматриваемой нами легенды, причем цитируются как варианты легенды, основанные на фольклорных источниках, так и варианты, в основе которых лежат литературные источники. Варианты, имеющие под собой фольклорную основу, зачастую бывают взяты из работ румынских этнографов и фольклористов, на которые, однако, авторы, пишущие тексты для сайтов, практически никогда не ссылаются. Если же в соответствующем разделе пересказывается вариант легенды, в котором говорится о Докии-девушке и встречаются имена Децебала и Траяна, то нередко присутствуют ссылки на поэму Георге Асаки «Докия и Траян» (см., например: [URL: <http://www.artadeatrai.ro/arhiva/29/dochia.29.php>; http://www.neamt.ro/Date_gen/Ceahlau/Leg_Dochiei.html]). Кроме того, «право на существование» этого варианта легенды часто пытаются поддержать ссылкой на авторитет Джордже Кэлинеску и цитатами из его «Истории румынской литературы» (см., напр.: [URL: <http://www.e-scoala.ro/martie/dochia.html>; <http://www.garbo.ro/articol/lifestyle/935/Baba-Dochia-legend-a-primaverii.html>]).

Глава 2

ДНИ СТАРУХИ, ИЛИ ОДОЛЖЕННЫЕ ДНИ

2.1. Номинация дней, связанных с мартовской легендой

Дни, связанные с легендой о мартовской старухе, могут обозначаться двумя основными типами хрононимов: хрононимами типа «старухи» («бабы»), «старухины (бабины) дни» и другими названиями, включающими посессив «бабин» — «бабины (старухины) козлята», «бабины (старухины) порывы ветра», а также хрононимами типа «заимствованные (одолженные) дни».

2.1.1. Хрононимы типа «старухи» и «старухины дни»

Хрононимы типа «старухи» и «старухины дни» в дакорумынских ареалах часто обозначают время, соотносимое с легендой о мартовской старухе у румын и молдаван (можно сказать, что именно эти обозначения дней, посвященных мартовской старухе, являются у них наиболее распространенными).

«Старухи» — *babe(le)* — встречаются в Мунтении (с. Гура Сэрэций, Бечень, Мынзэлешть, жудец Бузэу; с. Уда-де-Жос, жудец Арджеш; с. Албешть, жудец Олт), Олтении (с. Стэнешть, Орлешть, Шириньяса, Бодешть, Мэлая, Сэлиштя, Чюнджет, жудец Вылча; с. Половрадзь, жудец Горж; села коммуны Поноареле, жудец Мехединць), Банате (с. Рудэрия, долина Алмэжа, жудец Караш-Северин), Трансильвании (с. Орлат, жудец Сибиу), в румынской Молдове (с. Докань, Перинень, Плопана, жудец Васлуй; с. Ускаць, жудец Нямц) [Fochi 1976: 23–29; Muşlea, Bârlea 1970: 353–354; Petrovici 1935; Marienescu 1994: 233–247; Плотникова 2009; Голант 2008; Голант, Плотникова 2012; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009; ПМА 2010]. Повсеместно встречается хрононим такого типа и у арумын — *moaşi(le)* [Rosetti 1964: 123. Цит. по: Кабакова 1994].

Термин «старухины дни» (*zilele Babei, zile ale Babei*) отмечен в Мунтении (села коммуны Мынзэлешть, с. Сэрата-Монтеору, жудец

Бузэу), Молдове (с. Мастакань, Костиша, жудец Нямц), а также в Банате (жудец Караш-Северин) [Плотникова 2009; Голант, Плотникова 2012; Fochi 1976: 23–29; Schott 2003: 129–131].

Бытует на восточнороманской территории также термин «дни старух» — *zile ale babelor* (с. Герасень жудец Бузэу, Мунтения), *zilele babelor* (Сэрата-Монтеору, села коммуны Мынзэлешть, жудец Бузэу, Мунтения; жудец Караш-Северин, Банат) [Fochi 1976: 23–29; Marienescu 1994: 233–247; Плотникова 2009; Голант, Плотникова 2012].

2.1.2. Тип «дни (Бабы) Докии», «Докия»

На восточнороманских территориях встречаются также модификации наименования «старухины дни» — «дни Бабы Докии» или просто «дни Докии». Хрононим «дни Бабы Докии» (*zilele Babei Dochia*) встречается в Мунтении (с. Бэлтаць, жудец Олт; с. Чақыру, жудец Брэила) и Северной Добрудже (с. Жижила, жудец Тулча) [Fochi 1976: 23–29]. Хрононим «дни Докии» (*zilele Dochiei*) мы находим в запрутской Молдове (с. Мастакань, Плопана, жудец Нямц), *zilele Odochiei* — в Марамуреше (румунская часть области Угоча) [Fochi 1976: 23–29; Scurtu 1942].

Цикл дней, посвященных мартовской старухе, может называться просто ее именем — «Баба Докия» (*Baba Dochia*) — с. Албешть, жудец Олт, Мунтения; «Баба Марта с девятью кожухами» (*Baba Marta cea cu nouă cojoace*) — с. Грындрень, жудец Телеорман, Мунтения; «Баба Докия с девятью кожухами» (*Baba Dochia cu nouă cojoace*) (коммуна Пловрадзь, жудец Горж, Олтения; последний хрононим используется для обозначения особенно ненастных дней в начале марта) [Fochi 1976: 23–29; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009]. Чаще, однако, наименование «Баба Докия» у румын употребляется для обозначения первого дня марта (1 марта — день св. Евдокии) [Fochi 1976: 23–29].

В некоторых районах Румынии встречается традиция называть каждую «старуху» именем собственным, например Докия, Тодора и Тодосия; Докия, Луника (от *luni* — понедельник), Марцика (от *marți* — вторник), Мэркурана (от *miercuri* — среда), Жояна (от *joi* — четверг), Вирита, Ситица (возможно, эти два имени происходят от диалектных наименований пятницы и субботы), Доминика (от *duminică* — воскресенье). Другие наименования дней — Докия, Барбура, Сава, Иляна, Косынзяна, Мэриуца, Саломния, Ние и Афтиние, или Докия, София, Сья, Лина, Реби, Лучия, Фрэсина, Кэтэлина и Жофика. Баба Докия обычно считается старшей, а также самой безобразной и отвратительной из всех

старух [Gherman 1926: 41–42. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133; Bârlea 1976: 13–16].

Такая традиция, по всей видимости, существовала, в частности, у румын Баната. Подобная ситуация описана в стихотворении “Zâlili Babilor” («Дни старух») современного румынского поэта Ионела Якоба-Бенчея, который пишет на банатском диалекте. Девять старух, олицетворяющие первые девять дней марта, именуются здесь следующим образом: Параские, Вета, Джюла, Ленка, Сóфи, Сафта, Кета, Руци и Сида. Это стихотворение, впрочем, является в первую очередь политической сатирой [Iacob-Bencei 1996: 370–372].

2.1.3. Прочие типы хрононимов

У румын бытуют и другого типа обозначения дней, связанных с легендой о мартовской старухе. Это, например, хрононим *împrumutăřili* (*împrumutăřele*) — букв. «заимствования», «одалживания», который встречается в румынском Банате (с. Шопоту-Ноу, жудец Караш-Северин), а также такие хрононимы, как *vântoase(le)* «ветреные», «ветреницы» — в Трансильвании или *cojoace(le)* «кожухи» — на Буковине [Petrović 1935: 125–159; Плотникова 1996: 21; Marian 1994: 292; Gorovei 1995: 101]. Последние два термина, на наш взгляд, можно также условно отнести к типу хрононимов с посессивом «бабин» («старухин»). Термин *cojoacele* — «кожухи», несомненно, мотивирован текстом легенды, согласно которому старуха сбрасывала один кожух за другим, когда поднималась в гору (ср. также упоминавшийся выше хрононим «Баба Марта с девятью кожухами» — “*Baba Marta cea cu nouă cojoace*”, обозначающий первые дни марта в жудеце Телеорман) [Fochi 1976: 23–29]. Румынский термин *vântoase(le)* — «ветреницы» можно сопоставить с южнославянскими терминами *бабини (х)укови* (Сербия), *бабини (х)уже* (Босния) — «старухины порывы ветра» (см. 2.1.4). И у румын, и у южных славян этот термин обозначает дни ранней весны, посвященные мартовской старухе, которые часто бывают непогожими.

2.1.4. Обозначения дней, посвященных мартовской старухе, у других народов

У болгар, живущих в окрестностях Смоляна, Мадана, Ардина, Девина, Асеновграда, а также в Родопах, бытует хрононим *бабини дѐне* — ‘старухины дни’ [Плотникова 2004б: 121–125]. Кроме того, на юго-

западе Болгарии, в пограничных с Грецией и Македонией районах, дни, связанные с легендой о мартовской старухе, обозначаются, в частности, такими терминами, как *трите баби* — ‘три старухи’, *лошите баби* — ‘дурные, плохие старухи’, *заетите баби* — ‘заемные (одолженные) старухи’ [Узенева 2001: 127–151]. Термин *трите баби* употребляется для обозначения таких дней, в частности, в области Кюстендил (Кюстендилска Каменица) [Плотникова 2004б: 121–125].

Существуют у болгар и хронимы, в которых упоминается имя мартовской старухи — Марта. Так, в некоторых районах Западной Болгарии первые дни марта обозначаются термином *Мартина неделя* [Колева 1977: 274–295]. Термином *Баба Марта* или *Марта* у болгар в прошлом обозначался месяц март [Миков 1985: 75]. В настоящее время, однако, этим термином чаще всего обозначается первый день марта. Так, поздравление с 1 марта, с приходом весны звучит как «*Честита Баба Марта!*» Эту фразу часто можно увидеть на открытках, к которым прикреплены особые мартовские обереги — *мартеници* (см. главу 3).

Хронимы типа «старухи» и «старухины дни», обозначающие определенные дни в начале весны, бытуют и у других балканских славян. Так, у сербов хроним *ба́бе* — ‘старухи’ встречается во Враньском крае и Косово, *бабини дни* — в западной Сербии и Лесковацкой Мораве [Плотникова 1996: 21; 2004б: 121–125]. У жителей Драгачева (западная Сербия) морозные мартовские дни именуются *Баба Марта* [Там же]. У черногорцев племени кучи бытует хроним *бабини и ђедови дни* — «бабини и дедовы дни» [Плотникова 2004б: 121–125]. Хроним *баби* — ‘старухи’ бытует у македонцев, живущих в окрестностях Охрида и Велеса [Там же]. У македонцев встречается хроним *баба*, обозначающий первый день марта по старому стилю, то есть 14 марта (с. Пештани, окрестности Охрида) [Там же]. Термин *бабини дни* для обозначения определенных дней марта употребляют македонцы Струги и Гевгелии [Там же].

Хронимом типа «старухи» обозначаются соответствующие дни у албанцев — *pl`akat* (с. Лешня краины Скапар, район Чоровода), *q`akat* (с. Мухурр краины Дибыр, район Пешкопия) [МДАБЯ 2005: 92–93; Юллы, Соболев 2003: 422].

У южных славян бытуют и другие хронимы с посессивом «бабин» («старухин») — хронимы типа «старухины козлята», а также «старухины порывы ветра».

Хронимы типа «старухины козлята» встречаются у сербов и черногорцев. Они, как и все прочие рассматриваемые в этой главе термины,

мотивированы легендой о мартовской старухе. Как уже упоминалось выше, согласно некоторым южнославянским версиям старуха, отправляясь задолго до положенного времени на горное пастбище, хвастается силой своих животных, количеством или длиной их рогов. У сербов термин *бабини јарци*, обозначающий определенные дни ранней весны, встречается в Драгачево, на западе Сербии (кроме того, в этой местности те же дни могут обозначаться термином *деветорожчићи* — «девятирогие»), и в Косово. Термин *бабини козлићи* бытует у сербов Южного Баната (с. Црвена Црква) и в Славонском Посавье, на территории Хорватии [Плотникова 1996: 21; 2004б: 121–125]. У черногорцев хрононим *бабини јарчеви* бытует в области Риечка Нахия и на территории племен пипери и ускоки [Плотникова 2004б: 121–125; Соболев 1999].

У сербов и мусульман Боснии для обозначения дней, посвященных мартовской старухе, употребляются термины, которые переводятся как «старухины порывы ветра». У сербов в западной Сербии они именуются *бабини хукови* или *бабини укуви*, у боснийцев в окрестностях Високо и Купреса в центральной и восточной Боснии — *бабини хуке* (*бабини уке*) [Плотникова 1996: 21; 2004б: 121–125]. Эти термины семантически сходны с румынским *vântoasele* — «ветреные» [Плотникова 1996: 21].

У южных славян дни, посвященные мартовской старухе, часто обозначаются и терминами типа «заемные (одолженные) дни». У болгар встречаются такие термины, как *заемници* (области Благоевград (община Разлог и др.), Монтана (с. Железна, община Чипровци), Ловеч), *заёмн 'аци* (область София (с. Неделиште общины Драгоман, с. Гурмазово общины Бужуриште, бывшие села Горна Бая и Суходол, ныне ставшие кварталами Софии), *заёдници* (область Благоевград (Пиринский край), *заёмляци* (область Кюстендил), *заётите дни* (с. Гега, община Петрич, область Благоевград), *заемни дене* (окрестности Пловдива), *заемните дни* (область Хасково), *заёмните дани* (г. Средец (Грудово), с. Българи (община Царево), область Бургас, Странджа) [Плотникова 2004б: 121–125; Узенева 2001: 127–151].

У македонцев бытуют хрононимы *зајамници* (Скопска Црна Гора) и *заими дни* (Гевгелийска Каза) [Плотникова 1996: 21; 2004б: 121–125]. У сербов встречаются хрононимы *зајемци* (Лесковацкая Морава), *заёмци* (с. Равна Гора в районе Власотинцев; Горни Висок), *заёмњаци* (Горни Висок), *зајмъени дани* (Болевацкий край), *узајмице*, *узајмица* (Косово Поле, Косово); у мусульман Боснии — *зајменици* (в окрестностях Купреса) и *зајменици* (в окрестностях Високо) [Там же].

У греков встречается хрононим типа «старухины дни» — οἱ μερεστήσυρίδες [Кабакова 1989а: 12]. В некоторых районах северной Греции три первых (и три последних) дня марта обозначаются термином «Δρύμιας» [*drimias*] — по имени мифологических существ в образе женщин, обитающих в воде, которые якобы активизируются в течение трех первых, трех средних и трех последних дней марта, а также в соответствующие дни августа [Иванова 1977б: 313–329; Плотникова 1996: 21–22].

Что касается Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока, то здесь мы встречаем те же основные типы хрононимов, обозначающие дни, связанные с мартовской легендой, что и у балканских народов.

Хрононимы типа «дни старухи» встречаются у провансальцев: *Reguignado de la Vieïo* — ‘волнение старухи (выходка старухи?)’, французов: *Les jours de la Vieille* — ‘дни старухи’, франко-швейцарцев: *le dza a la villë* — ‘дни старухи’ [Meyer 1974: 294–297. Цит. по: Şăineanu 1896: 1–45; Покровская 1977: 30–48]. У берберов Марокко время *Ha'ïyan* (25 февраля — 4 марта) называется также и *Tamğart* — ‘Старуха’ — Аит Вараин; у арабов (Хиаина) «старухиним» (*nhâr lā 'guz*) называется второй день этого периода [Westermarck 1968: 174–175. Цит. по: Кабакова 1994: 209–222]. В Кабилии (Алжир) термином *thimgharine* — «старухи» или *thamghart* — «старуха» могут обозначать либо момент перехода от одного месяца к другому (от декабря к январю, от января к февралю, от февраля к марту, а в Айн Ахбэль также от марта к апрелю), либо момент перехода от зимы к весне. Иногда кабилы используют термин *thimgharine* для обозначения всего периода перехода — с конца января до середины марта [Бурдые 2001: 169–171]. У таджиков практически повсеместно распространен хрононим «дни старухи Оджиз (Оджуз)» (это «имя», как уже говорилось, в переводе с арабского означает «старуха») [Толстов 1931: 340–341]. Встречаются хрононимы типа «старухины дни» и у народов Дагестана: у даргинцев (*рухънала бурхИни*), лезгин (*къаридикъар*), цахуров (*къари йыгбыр*), рутульцев (*къаринене* — «бабушкины дни»), цухадарцев (*хуххула берме* — «бабушкины дни») [Сефербеков 2004].

Распространены у народов Западной Европы и хрононимы типа «одоженные дни»: *les jours d'Emprunt* — у французов, *as dias d'emprestimo* — у португальцев, *manllabats, dias emmanllavats* — у каталонцев, *borrowing, borrowed days* — у англичан (шотландцев) [Şăineanu 1896; Покровская 1977; Genner 1947: 952; Gomis 1888: 146. Цит. по: Кабакова 1994; Banks 1939: 191–195. Цит. по: Кабакова 1994]. Встречается

хрононим этого типа и на Ближнем Востоке — «одолженными» (*el Mustakridât*) назывались три (вероятно, первых) дня марта у арабов Палестины [Westermarck 1968: 175. Цит. по: Кабакова 1994]. В некоторых районах Кабилии дни на рубеже декабря и января, января и февраля, февраля и марта, марта и апреля, зимы и весны именуется также *amerdil* — ‘*ссуда*’ [Бурдые 2001: 169–171].

В Западной Европе хрононимы, связанные (опосредованно) с названиями животных (причем коров, а не овец или коз), обнаруживаются только на территории Южной Франции: *li Vaqueriéu* — «пастушки», «коровницы», *Vaquieîriéu* — «пастушка» — Прованс, *Jours de la Vaquéïro* («дни пастушки») — Буш-дю-Рон, *Vaccharials* — Лангедок [Meyer 1974: 294–297; Şăineanu 1896].

У армян зафиксирован хрононим «козлята Старухи» (*Парви улер*) [Петросян 2011: 74]. На Кавказе встречаются и хрононимы с посевом «старухин»: «старухины ветра» (*рухънала дагъ*) у даргинцев (ср. рум. *vântoase(le)*) и серб. и босн. *бабини (х)укови*, *бабини (х)уке*) и «холод старухи» (*къарил дяркъу*) у лакцев [Сефербеков 2004].

Хрононимы, отражающие версию легенды, в которой старуху замещает пастух, встречаются крайне редко. Так, в Марокко, в окрестностях Тетуана (в населенном пункте Анжера), известен хрононим «День пастуха», также связанный с так называемой мартовской легендой (текст этого варианта легенды, к сожалению, найти не удалось). Нужно отметить, что в этом населенном пункте зафиксирован и вариант легенды, повествующий о Старухе и ее козе [URL: <http://la.vieille.free.fr/jjbasejoursmaroca.htm>].

Хрононимы этого же типа встречаются и на Сицилии, однако они мотивированы легендой, сильно отличающейся от «общепринятой» версии. Сицилийская версия, зафиксированная в Борджетто (коммуна, расположенная в провинции Палермо), говорит о пастухе, который, возвращаясь домой «на побывку», чтобы провести со своей семьей последние дни карнавала, потратил на дорогу больше времени, чем рассчитывал, и, встретив по пути Христа и апостолов, узнал от них, что уже заканчивается последнее воскресенье карнавала и завтра начинается пост. Христос решил помочь пастуху и присоединил к периоду карнавала понедельник и вторник. (Эта версия легенды является своего рода объяснением того, почему у католиков Великий пост начинается в среду, а не в понедельник.) С тех пор последние два дня карнавала — понедельник и вторник — называются в этой местности «днями пастуха» [Contes... 2006: 178–188].

Рассмотренные типы хрононимов, связанные с идеей принадлежности мартовских дней некоей старухе («бабе»), в содержательном плане подталкивают к анализу того, о какой именно старухе идет речь. Анализ географического распределения терминологии, связанной с мартовской обрядностью, во многом способствует выяснению этой детали культурного контекста. А.А. Плотникова на основании изучения данных южнославянских диалектов сделала следующие выводы: в восточной части южнославянского диалектного континуума распространены названия месяца марта, указывающие на персонификацию его в образе старухи, женщины: болг. и макед. *Марта*, *Баба Марта*. Ареал этих наименований марта охватывает также восточную Сербию (Пиротский край, Заглавак, район Заечара), отдельные свидетельства фиксируются севернее (Ново Милошево в сербском Банате). Персонификация марта в женском облике существует и на юго-востоке Сербии — в Лесковацкой Мораве.

Западнее указанной зоны персонификация месяца марта в женском облике отсутствует; в народе март называют *марач*, *марц* (нужно отметить, что при отсутствии персонификации марта в женском облике «Бабой Мартой» в легенде часто зовется старуха-пастушка, выгнавшая стадо на пастбище раньше срока и бросившая вызов марту). Эта западная зона практически совпадает с ареалом распространения хрононимов, включающих «зоологический» компонент (наименования типа «старухины козлята»).

Есть все основания полагать, что в ареале бытования хрононима «старухины козлята» существующий параллельно термин «старухины дни» (например, черногор. *бабиньаци*, *бабини дневи* и т.п.) соотносится с «реальным» персонажем легенды — старухой-пастушкой¹, тогда как в восточной части южнославянского ареала термины типа «бабины дни» и тем более «бабы» (по которым гадают о погоде в течение года) связаны с персонификацией марта как «старухи», «бабы», «женщины» [Плотникова 2004б: 127–128].

На восточнороманских территориях, однако, и термин «бабины дни» (*zilele Babei*), и термин «бабы» (*Babele*) могут соотноситься с «ре-

¹ Показателен пример из зоны Струги (юго-западная Македония), где последние холодные и ветреные дни марта называют *бабини дни*, взятые, по легенде, у апреля мартом — месяцем, персонифицированным в мужском облике, что закреплено в клишированной формуле-оскорблении в тексте легенды. Старуха, увидев, что погода стала теплой, выгоняет на пастбище коз со словами: «Циц козица на планина, прдни Марту на брадина» («Иди, козочка, в горы, п..и марту в бороду») [см.: Плотникова 2004б: 127–128].

альной» старухой-пастушкой. Тексты, в которых говорится о мартовской старухе как о сверхъестественном существе, встречаются, как уже говорилось, в Молдове, на Буковине (где есть и хронимы типа «старухи», и хронимы типа «дни старухи») и лишь изредка — в Мунтении [Fochi 1976: 23–29; Speranția 1907, vol. VII, f. 105v.; vol. V, f. 249v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. В большинстве текстов из Мунтении, Олтения, Баната, Трансильвании, где также встречается хроним «бабы» (*babe, babele*), о мартовской старухе (Бабе Докии) говорится как о «реальном» персонаже, смертной женщине [Fochi 1976: 23–29; Olinescu 2003: 259–260].

Представление о днях на рубеже зимы и весны как о «заемных», отраженное в ряде вариантов мартовской легенды, по мнению многих исследователей, связано с тем, что эти дни в прошлом маркировали период от старого года к новому [Агапкина 2002: 151; Кабакова 1994].

Первый день марта, который, как правило, является и первым днем цикла «дней старух», у румын может называться *Mărțișor* — ‘маленький март’ (Олтения — жудецы Долж, Горж, Мехединць, Вылча, Олт; Трансильвания — жудецы Алба, Бистрица-Нэсэуд, Брашов, Клуж, Ковасна, Харгита, Хунедоара, Муреш, Сибиу; Мунтения — жудецы Арджеш, Брэила, Бузэу, Кэлэрэш, Дымбовица, Джурджу, Яломица, Илфов, Прахова, Телеорман; Северная Добруджа — жудецы Констанца и Тулча; румынская Молдова — жудецы Бакэу, Ботошань, Галац, Яссы, Нямц, Васлуй, Вранча; Южная Буковина — жудец Сучава), *Marț* (Мунтения — жудец Бузэу), *Mărțiș* (Мунтения — жудец Бузэу), *Dragobete* — внутренняя форма *drag* ‘любовь’ (Олтения — жудецы Вылча, Горж, Мехединць; Мунтения — жудец Арджеш), *Cap de primăvară* — ‘голова весны’ (Олтения — жудецы Горж, Вылча; Трансильвания — жудецы Бистрица-Нэсэуд, Харгита; Мунтения — жудецы Арджеш Прахова), *Dragobete, Cap de primăvară* (Трансильвания — жудец Сибиу; Мунтения — жудец Бузэу), *Dochia* (Трансильвания — жудецы Бистрица-Нэсэуд, Харгита; Мунтения — жудецы Дымбовица, Прахова; Молдова — жудецы Бакэу, Яссы; Южная Буковина — жудец Сучава), *Baba Dochia* (Мунтения, жудец Брэила; Молдова — жудец Бакэу), *Iudochia* (Южная Буковина — жудец Сучава), *Baba Marta* (долина р. Тимок, область Видин, Болгария; румыны, живущие на побережье Дуная в областях Враца и Плевен, Болгария), *Ghiocel* — ‘подснежник’ (Южная Буковина — жудец Сучава) [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284; Atlasul... 2011, 1: 100–101; 2011, 2: 102–103].

Итак, наименование первого дня марта у румын в большинстве случаев либо совпадает с названием мартовской нити — украшения-оберега (см. главу 3), либо также мотивировано легендой о мартовской старухе. Обозначение первого дня марта именем мартовской старухи (Баба Марта) распространено у болгар, а также у гагаузов и албанцев Южной Бессарабии, испытавших сильное влияние болгарской народной культуры [Сорочяну 2006: 163; ПМА 2011а].

2.2. Число дней, связанных с мартовской легендой, и расположение их в календаре

Это число в большинстве случаев равно трем, семи, девяти или двенадцати. Как правило, соответствующие дни приходятся на март, реже — на конец февраля или на начало апреля.

У **румын** количество дней «девять» и «двенадцать» обычно совпадает с числом кожухов, которые мартовская старуха (Баба Докия) надевает, отправляясь на горное пастбище, и сбрасывает по одному в день.

Двенадцать дней (с 1 по 12 марта) делятся «старухины дни» (*zilele Babei*) во многих районах Молдовы и Буковины [Ghinoiu 1997: 64–65; Fochi 1976: 23–29; ПМА 2011б]. В отдельных местностях Молдовы «старухины дни» (*zile ale Babei*), или «дни Докии» (*zilele Dochiei*), приходятся на шесть последних дней февраля и шесть последних дней марта (с. Мастакань, жудец Галац, Молдова) [Fochi 1976: 23–29]. Те же двенадцать кожухов в течение двенадцати дней марта сбрасывала с себя старуха в одной из банатских версий легенды (с. Шопоту-Ноу, жудец Караш-Северин) [Petrović 1935]. Единичное упоминание о том, что *babele* делятся двенадцать дней, встретилось в коммуне Поноареле (жудец Мехединць¹, Олтения) [ПМА 2010]. У влахов долины р. Тимок в восточной Сербии «бабы» (*babele*) также делятся двенадцать дней — с 10 по 22 марта, то есть до дня Сорока мучеников (*Sâmbți*)², который, как и другие праздники, в этой консервативной местности отмечается по старому стилю [Hedeşan 2005: 155].

В Мунтении, как правило, отмечают девять дней, посвященных мартовской старухе (Бабе Докии), с 1 по 9 марта, то есть от св. Евдокии до Сорока мучеников [Fochi 1976: 23–29]. Встречается этот вариант также в Добрудже, Олтении, Банате (первые девять дней апреля), Тран-

¹ Область, пограничная с Банатом.

² Литературная форма этого слова — *Sfinți* ‘святые’.

сильвании и Марамуреше [Fochi 1976: 23–29; Scurtu 1942; Gherman 2002; Schott 2003: 129–131; Muşlea, Bârlea 1970: 353–354].

В некоторых селах жудецов Вылча (Олтения) и Арджеш (Мунтения) «старухи» (*babele*) могут длиться три дня, с 1 по 3 марта [Fochi 1976: 23–29; Scurtu 1942].

В Банате наряду с уже упоминавшимися «двенадцатью днями марта» и «первыми девятью днями апреля» встречалось «ситуативное» обозначение термином *împrumutări* («заемы», «одолживания») холодных и ненастных дней в апреле, якобы одолженных у апреля мартом (с. Шопотул-Ноу, долина Алмаша, жудец Караш-Северин) [Petrovici 1935].

Жители Хацега (Трансильвания) считали, что «дни старух» (*zilele Babelor*) начинаются одновременно с Великим постом и длятся девять дней, причем последний день именуется *ziua Babei Dochii* — «день Бабы Доки» [Gherman 1926. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. В коммуне Половраджь (жудец Горж, Олтения) А.А. Плотниковой и автором была зафиксирована единичная информация, согласно которой «старухи» (*bábele*) длятся семь дней после начала Великого поста [ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009].

В жудеце Сибиу (Трансильвания) считали, что из шести дней старух три падают на конец февраля (*Făuroaie*), а три — на начало марта (*Mărţişor*) [Gherman 1926. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

Встречается у румын также представление о том, что из девяти «старух» (*babe*) три приходится на февраль (*Făurar*), три — на март (*Mărţişor*) и три — на апрель (*April*) [Ibid.]. В отдельных районах Румынии «дни старух» могли длиться четырнадцать дней [Ibid.].

В наши дни у городского населения как в Румынии, так и в Республике Молдова исполнение некоторых сохранившихся до сих пор обычаев, традиционно связанных с «днями старухи» (в первую очередь дарение и ношение мартовских нитей, а также гадания об удаче в текущем году), приурочено чаще всего к периоду с 1 по 9 марта.

У **болгар** период, «посвященный» мартовской старухе, длится обычно всего три дня. Как правило, это первые три дня марта. Такой вариант зафиксирован в областях Благоевград (с. Гега общины Петрич и окрестности г. Разлог), Кюстендил и Ловеч [Плотникова 2004б: 121–128; Узенева 2001]. Встречается у болгар и ситуация, когда с событиями легенды о мартовской старухе связывают последние три дня марта (область Хасково), последние два-три дня марта (область Пловдив; Западные Родопы), последние два дня марта (окрестности Смоляна, Мадана, Ардина, Девина, Асеновграда; Странджа) [Плотникова 2004б: 121–128]. В Родопах отмече-

но и «ситуативное» обозначение снежных, холодных или переменчивых дней марта термином «старухины дни» (*бабънѣтъ дени*) [Там же].

У **македонцев** *бабини дни* или *баби* также часто приходится на первые три дня марта (Гевгелийска Каза; район Велеса) [Плотникова 2004б: 121–128; 2006а]. В окрестностях Охрида термином «*баби*» обозначаются три последних дня марта или три первых дня апреля [Плотникова 2004б: 121–128]. В некоторых местностях Македонии с преданием о мартовской старухе связаны первые девять дней марта (Скопска Црна Гора) [Там же]. Встречается и «ситуативное» обозначение холодных или переменчивых дней марта термином *бабини дни* (Гевгелия) [Плотникова 1996: 21; 2004б: 121–125].

У **сербов** мартовской старухе могут быть посвящены первые три дня марта (Лесковацкая Морава; Сокобаня), в том числе по старому стилю, то есть 14–16 марта (Горни Висок), или последние три дня марта (Славонское Посавье) [Плотникова 2004б: 121–128]. В некоторых населенных пунктах Сербии мартовской старухе посвящены три дня перед Днем сорока Мучеников (с. Ябланица на Пчине) [Там же]. Часто встречается у сербов и «посвящение» мартовской старухе первых девяти дней марта (Лесковацкая Морава; Болевацкий край; местность Драгачево в западной Сербии; Средска и Косово-Поле в Косово). В некоторых случаях «старухинными днями» считаются первые девять дней марта по старому стилю, то есть 14–22 марта, от дня св. Евдокии до Сорока мучеников по старому стилю (Враньский край) [Там же].

Встречается у сербов и «ситуативное» обозначение термином *бабини козлићи*, связанным с легендой о мартовской старухе, холодных дней марта (Црвена Црква в Южном Банате) [Там же].

У **черногорцев** соответствующими терминами могут обозначаться дни с 1 по 9 марта (Риечка Нахия); десять или пятнадцать дней резкого похолодания весной (племя *тупери*) или просто дни ненастья ранней весной (племя *ускоки*) [Плотникова 2004б: 121–125; Соболев 1999: 76].

У **мусульман Боснии** днями, «принадлежащими» мартовской старухе, считаются дни с 1 по 3 марта (в окрестностях Високо) или холодные, ненастные дни в марте или феврале (в окрестностях Купреса) [Плотникова 2004б: 121–128].

У **албанцев** этому персонажу могут быть посвящены три дня в конце марта или последний день марта и первые два дня апреля [Плотникова 1996: 21; Юллы, Соболев 2003: 422]. У **греков** встречается наименование «старухины дни», обозначающее три последних дня марта [Πολίτου 1965: 298–307].

У народов Западной Европы, по имеющимся у нас данным, с мартовской легендой связано в основном «магическое число» 3. Так, у французов и провансальцев с легендой о мартовской старухе могут быть связаны последние три дня февраля и первые три дня марта и/или три последних дня марта и три первых дня апреля. Эти дни часто бывают непогожими и считаются несчастливými [Покровская 1977: 30–48; Meyer 1974: 294–297; Şăineanu 1896]. У жителей Швейцарии мартовской старухе «посвящены» три последних дня марта и три первых дня апреля [Meyer 1974: 294–297; Şăineanu 1896]. Сходные представления о трех последних днях марта и трех первых днях апреля бытуют у испанцев Андалусии, басков (о трех днях на рубеже марта и апреля), корсиканцев (о трех первых днях апреля) [Caballero 1974: 116–117; Сагрустеги 1990: 34–35; Ortolí 1883: 3–5. Цит. по: Şăineanu 1896].

У большей части таджиков отмечается семь «дней старухи Оджиз (Оджуз)» перед Наврузом, шесть или семь «дней старухи» отмечают узбеки Хорезма [Толстов 1931: 340–341; Снесарев 1969: 183–185]. У большинства народов Дагестана период «старухиных дней» длится от шести до десяти дней [Сефербеков 2004].

В целом, как уже говорилось, количество дней, посвященных мартовской старухе (или заменяющему ее персонажу), как правило, равно трем, семи, девяти или двенадцати. Что касается балканских народов, то у них можно отметить еще одну закономерность. Период, именуемый «днями старухи», часто маркируется двумя датами: он часто начинается в день св. Евдокии (1/14 марта) и заканчивается днем Сорока мучеников (9/22 марта). При этом цикл «дней старухи» необязательно включает обе эти даты: он может начинаться в день св. Евдокии и длиться три дня, как, например, у румын Олтении, жителей большинства районов Болгарии и т.д., или такой же срок до дня Сорока мучеников включительно, как у влахов долины Тимока и части сербов.

2.3. Поверья и магические практики, связанные с первыми днями весны

Целью обычаев, приуроченных к соответствующему периоду, являлись защита людей от злых сил, сохранение здоровья и красоты, обеспечение хороших урожаев и приплода скота в течение года, а также различные гадания — об урожае, приплоде скота, характере и поведении людей, удаче.

2.3.1. Гадания о погоде

Область бытования обычая гадания о погоде в течение года на основании дней, связанных с легендой о мартовской старухе, совпадает, по крайней мере отчасти, с ареалом распространения термина «бабы» («старухи») для их обозначения [Плотникова 2004б: 121–128].

У румын хронимы этого типа, как уже говорилось, встречаются в Олтении (жудецы Вылча, Горж, Мехединць), Мунтении (жудецы Арджеш, Олт, Бузэу), Молдове (жудецы Васлуй, Нямц), Трансильвании (жудец Сибиу), Банате (жудец Караш-Северин) [Fochi 1976: 23–29; Muşlea, Bârlea 1970: 353–354; Petrović 1935; Marienescu 1994: 233–247; Плотникова 2009; Голант 2008; Голант, Плотникова 2012; ПМА 2010].

В некоторых селах Вылчи и Арджеша 1 марта считается «бабой» весны (сева), 2 марта — «бабой» лета (летних сельскохозяйственных работ), 3 марта — «бабой» осени (сбора урожая). Считается, что на основании погоды в каждый из этих дней можно сделать выводы о погоде в соответствующий календарный период [Fochi 1976: 23–29]. У румын встречается также представление, согласно которому если 1 марта погода ясная, то весна и лето будут погожими, если же нет, то они будут ненастными и пасмурными [Gherman 1926: 41. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Если в «дни старух» (*zilele babelor*) холодно и идет снег, значит, в течение весны будут холода и бури, если же эти дни будут тихими, то и весна будет погожей [Там же].

По представлениям жителей ряда районов Мунтении, если на Докию идет дождь, год будет урожайным [Speranția 1907, vol. IV, f. 198. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Согласно примете из румынской Молдовы, «если “баба”¹ хороша в начале, то она плоха в конце» [Там же]. В других районах Румынии, где термином «дни старух» (*zilele Babelor*) обозначаются непогожие дни в начале весны, считается, что если они наступают раньше дня Докии², лето будет погожим, если же после, то лето будет ненастным [Gherman 1926: 41. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. По иным представлениям, если «дни старух» наступают раньше дня Докии, то это означает, что весна будет погожей, если же они начинаются после дня Докии, значит, они будут продолжаться до самого дня

¹ Рум. *baba* — день старухи.

² Имеются в виду дни с ненастной или переменчивой погодой, которые не занимают определенного места в календаре и могут приходиться на конец зимы или начало весны.

св. Георгия (*Sân-Georgiu*) [Gherman 1923: 121. Цит. по: Olteanu 2001: 128–131]. На северо-востоке Румынии говорят, что если двенадцать дней Бабы Докии приходится на период перед днем Докии (то есть перед 1 марта), то весна будет хорошей и люди могут рано начать пахать и сеять, если же они следуют после этого дня, то весна будет непогожей и люди запоздают с пахотой [Marian 1994: 309; Olteanu 2001: 128–133].

О непогожих днях в начале весны жители отдельных районов Олтении говорят, что в этот день «баба вытряхивает кожух» (*baba își scutură cojocul*) [Speranția 1907, vol. II, f. 112. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

У румын также распространено гадание о характере и поведении людей, приуроченное к дням, посвященным мартовской старухе. В ряде местностей Румынии известен обычай называть каждый из «дней старух» именем кого-либо из друзей или родственников. По тому, каким будет тот или иной день (ясным, пасмурным или облачным), гадают, в каком расположении духа будет находиться тот или иной человек в течение года [Gorovei 1995: 77].

Б.П. Хашдеу в своем сочинении *Etimologicum Magnum Romaniae* писал: «Перед началом “баб” и на протяжении их женщины из народа и даже горожанки выбирают или называют в шутку каждая по одному дню из последующих дней, например четверг или пятницу и т.д., и если в течение выбранного дня по случайности нет метелей, женщина хвалится, что она “хорошая баба”, а если день непогожий — другая переживает, что она “плохая баба”» [Hașdeu 1893, 3: 2278].

Подобные гадания бытуют в Румынии и по сей день. Так, по словам жителей сел Мэлая и Сэлишта коммуны Мэлая в долине р. Лотру (жудец Вылча, Олтения), в период с 1 по 9 марта каждая женщина выбирает себе один из этих дней — обычно тот, в который она родилась: «Если ты родилась в понедельник — твоя “баба” в понедельник» (*Dacă ești născută lunea — baba ta lunea*). В зависимости от того, какая погода стоит в этот день (солнечная или пасмурная, ненастная), делается вывод о том, какой будет женщина в течение этого года — доброй или злой: «Ты милая — если “баба” хорошая, и ты злобная, если “баба” — непогожий день» (“*Ești dragă — dacă baba e bună, și ești răutăcioasă, dacă e și baba — zăua urată*”). Согласно же сведениям из с. Чюнджет, «баб» для себя выбирают только вдовы, договорившись между собой. Погода в первые дни марта, как правило, неустойчива, ясный день сменяется пасмурным, часты осадки — то снег, то дождь [Голант 2008]. Аналогичное гадание распространено в других районах Олтении (жудецы Горж

и Мехединць), а также в Мунтении (жудец Бузэу) [Плотникова 2009; Голант, Плотникова 2012; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009; ПМА 2010].

Выбор «бабы» может производиться также в зависимости от того, каким по счету ребенком в семье была женщина, которая гадает (с. Сэрата-Монтеору, жудец Бузэу, Мунтения) [Голант, Плотникова 2012]. По сведениям из коммуны Половраджь (жудец Горж, Олтения), девушки на основании погоды в выбранный день делали выводы не о своем характере, а о характере будущей свекрови [ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009]. У румын встречалось и гадание парней, приуроченных к периоду «баб»: парень еще в феврале выбирал себе «бабу» и, основываясь на погоде выбранного дня, «узнавал» о том, красивая или безобразная у него будет жена [Gorovei 1995: 77; Olteanu 2001: 128–133].

Румынские горожанки в наше время гадают в первые дни марта, основываясь на переменной погоде этих дней, чаще всего об удаче в текущем году. Женщины выбирают себе «бабу» (один из первых девяти дней марта) и в зависимости от того, хорошей или плохой является погода в этот день, делают выводы о том, будет ли им сопутствовать удача в наступившем году. Так, румынский этнограф Отилия Хедешан пересказала автору услышанную в кафе беседу между жительницами Тимишоары: «Господи, и зачем я выбрала эту “бабу”?! Она была такая ужасная, не знаю, как я проживу этот год! (говорит девушка своей матери). «Ничего, дочка, я тебе отдам свою “бабу”, моя была хорошая» (отвечает мать).

У **болгар** гадания о погоде по «старухиным дням» сходны с румынскими [Плотникова 2004б: 128]. Так, в западных районах Болгарии, например в области Кюстендил, как и у румын Олтении, по трем «бабам» гадали о весне, лете и осени. В районе Кюстендилской котловины и Пиянеца считалось, что если *търва баба* (первый день марта) ясная и солнечная, то весна будет дождливой, таким же образом вторая и третья «бабы» предвещают погоду лета и осени. В этой засушливой местности крестьяне радовались солнечным «бабам», надеясь на достаточное количество осадков в течение года [Захариев 1949: 423; 1963: 387].

В западной Болгарии, в окрестностях Трына (область Перник), зафиксирована примета, согласно которой первый день марта (*търва баба Марта*) говорит о погоде весны, второй день (*втора баба Марта*) — о погоде лета, третий (*третя баба Марта*) — о погоде осени. Если в эти дни шел дождь, считалось, что год будет плохим (сведения из с. Глоговица) [Узенева 2004б].

Жители области Ловеч (северная Болгария) на основании того, какая погода стоит в течение первых трех дней марта, которые здесь называются *заёмници*, делают прогнозы о погоде в марте, апреле и мае: если в течение первого дня марта идет дождь, то весь март будет дождливым и т.д. [Попов 1999]. Пожилые женщины из села Чийшия (ныне — Городне) Болградского р-на Одесской обл. Украины, где живут потомки переселенцев из северо-восточной Болгарии, рассказывают, что первый день марта «принадлежит» хозяйкам двух первых домов по той или иной улице, стоящих друг напротив друга, 2 марта «принадлежит» хозяйкам двух следующих домов и т.д. «И если 1 марта солнечно, мы с соседкой говорим, что мы “добрые бабы”, а если погода плохая, значит, мы “злые бабы”» [ПМА 1999]. В с. Равна (община Провадия, область Варна) гадание происходило иначе: каждый из первых девяти дней марта назывался именем одной из женщин села. Какой у нее характер, такой, полагали, будет в этот день погода [Седакова 2004].

У **греков** «три последних мартовских дня именуются днями старух, и каждому из них <...> присваивают имя женщины из числа самых старых жительниц деревни; если день выдался погожим, говорят, что и женщина хорошая, в случае же непогоды считают плохой <женщину, давшую дню свое имя>» [Πολίτου 1965: 298–307]¹.

У **других народов** прослеживается сходный обычай гадания. Жители Лангедока (юг Франции), которые называют первые три дня марта *les remarques* — ‘приметы’, тоже определяют по ним погоду весенних месяцев, но в обратном порядке: первый день предсказывает майскую погоду, второй — апрельскую, третий — мартовскую [Seignolle 1960: 297. Цит. по: Кабакова 1994].

Гадания, связанные с погодой и приуроченные к периоду «старухи», «старух» или «ссуды», известны и у кабиллов в Алжире: если нет дождя, то колодцы не наполнятся водой, если идет дождь, это предвещает изобилие, если в начале периода идет снег, будет много перепелиных яиц [Бурдые 2001: 169–171].

* * *

Рассмотренные обычаи, сходные с рождественскими гаданиями о погоде на двенадцать предстоящих месяцев года, по мнению Т.А. Агап-

¹ Сходная примета записана в брестском Полесье: «Какова Евдокия, такова и весна. Второй дэнь — такое лето будэ. Трэтий дэнь — осэнь. Четвёртый — зыма» [Агапкина 2002: 139].

киной, дают основания усматривать в них реликты празднования весеннего нового года [Агапкина 2002: 138–139].

Символическое посвящение первых дней марта женщинам, распространённое у румын и болгар, также представляется далеко не случайным. Вспомним, что у римлян в марте — месяце, посвященном богу Марсу, — отмечались Матроналии — празднества, устраиваемые в честь матери Марса, Юноны. Согласно мифу, Юнона зачала Марса, дотронувшись до весеннего цветка [Овидий «Метаморфозы», V, 253; ср.: Marienescu 1994: 233–247; Акимова 2009]. В этих празднествах имели право участвовать только матроны — женщины, у которых были законнорожденные дети. Заметим, что среди болгарских календарных праздников весьма сходные характеристики имеет *Бабинден* (день повитухи), который празднуют женщины-матери и на который не допускаются мужчины и девушки [ПМА 1998]. Отмечается этот праздник 8 января, то есть вскоре после Нового года, а когда-то *Matronalia* практически совпадали по времени с празднованием Нового года римлянами. У румын в долине р. Лотру (жудец Вылча, Олтения) встречается обычай сходным образом отмечать Международный женский день — 8 марта — вечеринкой, на которую допускаются только женщины, состоящие или состоявшие в браке [Голант 2008: 271–322].

Среди поверий, связанных с гаданием и «программированием будущего», нужно упомянуть обычай встречи полазника в день 1 марта, отмеченный, в частности, у болгар в Восточных Родопах и македонцев. В Восточных Родопах существовало представление, согласно которому если первым из тех чужих, кто войдет в дом 1 марта, будет богатый человек, то семью в этом году ждет хороший урожай и изобилие в хозяйстве [Попов 1993: 20–30].

У македонцев приход полазника мог происходить следующим образом. Каждый, кто заходил в этот день в чужой дом, должен был принести с собой несколько щепок или стружек и, войдя, сразу же бросить их в огонь, чтобы в этом хозяйстве «велись» цыплята, иначе хозяева могли его не принять [Шапкарев 1968: 562–565; Китевски 1996б]. У македонцев-мияков хозяева вечером накануне 1 марта (*Летник*) выбирали здорового мальчика на роль полазника и договаривались с его родителями. Мальчик приводил с собой белого ягненка (чтобы в доме были мир и покой), приносил камень (чтобы коровы давали больше молока) и ветку кизила (чтобы домочадцы были «здоровыми, как кизил») [Петреска 1998: 45. Цит. по: Агапкина 2002: 45]. У арумын встречается обычай, также связанный с огнем и, по-видимому, имеющий целью обеспечить

благополучие и процветание дома. Согласно этому обычаю каждый из членов семьи 1 марта должен положить в очаг полено (ср. рождественское полено) [Țircomnicu 2009: 60–61].

2.3.2. Обычай и запреты, соблюдающиеся в начале марта

Неустойчивая погода первых дней марта нередко объясняется капризным характером мартовской старухи. Ряд обычаев первого дня (первых дней) марта направлен на то, чтобы умилостивить их «хозяйку» (или хозяйку месяца в целом).

У румын в ряде местностей само празднование дня Докии объясняют стремлением уберечься от опасностей и неприятностей, которыми может грозить неуважительное отношение к ней, или (реже) — почитанием святой, которая способствует приходу хорошей погоды. Жители некоторых районов Мунтении почитали Докию как мученицу, которая неустанно молит бога, чтобы он поскорее послал на землю теплую погоду [Speranția 1907, vol. III, f. 214. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. На юго-востоке Румынии женщины праздновали этот день, чтобы Баба Докия не вытряхивала свои девять кожухов: “*De nu o serba, își va scutura cojoacele peste țară și are să ningă nouă zile; apoi, de-și va lua mâna din răsufierea Crivățului, va bate cu zăpadă nouă zile*” («Если ее не праздновать, она будет вытряхивать кожухи по (всей) стране и будет идти снег в течение девяти дней; затем, если она снимет руку с дыхания ветра *Кривэц*¹, будет дуть ветер и идти снег (еще) девять дней») [Speranția 1907, vol. VI, f. 61. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

В тех же краях считали, что, если не праздновать день Докии, (следующая) зима будет непогожей и человеку грозит опасность заблудиться, погибнуть в пургу, быть растерзанным волками [Speranția 1907, vol. VI, f. 159. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Жители отдельных районов Мунтении праздновали Докию, опасаясь заморозков, «ради успокоения зимы» (*pentru încetarea iernii*) [Speranția 1907, vol. III, f. 132. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. У ольтян встречается представление, согласно которому, если не праздновать день Докии, всю весну будут продолжаться дожди и метели [Speranția 1907, vol. I, f. 71 v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

У болгар и македонцев, согласно многим поверьям, если Баба Марта смеется, то светит солнце, если сердится, идет дождь или снег

¹ Кривэц, *Crivăț* — народное название северо-восточного ветра.

[Маринов 1981: 521. Цит. по: Плотникова 2004б: 128]. У болгар было принято выполнять различные обрядовые действия с огнем, чтобы умиловить мартовскую старуху. Так, они могли «светить Бабе Марте» в ее день, рассчитывая на ее благосклонность в дальнейшем. У банатских болгар это происходило так: вечером накануне 1 марта разжигали костры на улицах и кричали: «*Уйу, баб' Мърто, аз тебе днес, ти мене утре*» («Уйу, Баба Марта, я тебе сегодня, ты мне завтра») (с. Бешенов, румынский Банат). В этом селе костры на улицах жгли каждый вечер до 12 марта [Телбизов, Векова-Телбизова 1963: 244]. В другом поселении банатских болгар — с. Винга (румынский Банат) — огонь принято было разжигать в первое новолуние марта [Там же].

Практически на всей территории Болгарии известен обычай вывешивать 1 марта во дворе выкрашенную в красный цвет пряжу, кусок красной ткани или предметы одежды красного цвета (пояса, платки, носки, фартуки, красное покрывало невесты — *було* и т.п.), «чтобы встретить Бабу Марту с красным» (Родопы, южная Болгария); «*за да засмее Баба Марта и да пече слънце*» («чтобы засмеялась Баба Марта и грело солнце») (центральная Болгария — окрестности Стара Загоры; северная Болгария — окрестности Ловеча, Плевена, Велико Тырново, Габрова, Елены); «*че Марта да се засмее*» («чтобы Марта засмеялась») (северная Болгария — с. Червена Вода, Русенско); «*за да се зарадва Баба Марта, та да е хубаво времето през месец март*» («чтобы обрадовалась баба Марта и чтобы погода в марте месяце была хорошей») (северная Болгария, с. Борисово, область Русе); «*за да е весела Баба Марта*» («чтобы Баба Марта была веселой»), «*да е весела Марта, да не се лютти*» («чтобы была веселой Марта, чтобы не злилась») (северо-восточная Болгария — Южная Добруджа); «*за да бъде весела Баба Марта, да не се лютти, да не праца сняг и виелици*» («чтобы была веселой Баба Марта, не сердилась и не насылала снег и метель») (северо-восточная Болгария — с. Дряновец, область Разград, болгары-*капанци*); «*за да зачервим Баба Марта*» («чтобы подрумянить бабу Марту») (северо-восточная Болгария — область Разград, *капанци*) [Родопи 1994: 102. Цит. по: Плотникова 2004б: 200–235; Маринов 1981: 521. Цит. по: Плотникова 2004б: 128; Йорданова 1972: 215; Василева 1974, 1985; Миков 1985: 38; Дражева 1980].

2.3.2.1. Земледельческая магия

У румын в некоторых районах известен обычай 1 марта повязывать красную нитку на каждое плодовое дерево, чтобы оно принесло

много плодов [Gorovei 1995: 198, 294]. У болгар в северо-восточных, северных, центральных и отдельных южных районах Болгарии встречается обычай привязывать пучки красной пряжи или красные нитки к фруктовым деревьям (Южная Добруджа, окрестности Бяла Слатины, Плевена, Трояна, Русе, Ямбола, Пловдива). Это делается для того, чтобы деревья дали хороший урожай и чтобы уберечь их от возможного вреда [Йорданова 1972: 217; Стаменова 1986]. У капанцев (северо-восточная Болгария) встречаются следующие мотивации обычая вывешивать во дворе или в саду пряжу, ткань или предметы одежды красного цвета: «*да не паде слана, мана*» («чтобы не выпал иней»), «*да стане житото червено*» («чтобы жито было красным (спелым)»), «*за здраве*» («для здоровья») [Василева 1985]. Здесь считается, что красный цвет способствует хорошей погоде в течение марта и, следовательно, хорошему урожаю [Там же]. У жителей области Пловдив обычай помещать красную тряпку или пряжу на стреху дома или амбар (с. Чоба, Михилци, Чешнегирово), накрывать красной тряпкой сито и выставлять его на солнце (с. Слатина), повязывать красную нитку на ворота и двери хлева (г. Съединение, с. Старосел) и дома (с. Михилци), на плуг (с. Михилци) и фруктовые деревья (с. Слатина) объясняют в первую очередь способностью красного цвета отгонять зло [Стаменова 1986]. В центральной Болгарии, в окрестностях Старой Загоры, встречается обычай пришивать на верхнюю женскую одежду кусочек красной ткани и красную шерстяную нитку «для здоровья и урожая» (с. Дылбоки) [Узенева 2004а].

У болгар в северо-западной Болгарии обычай выносить во двор одежду и тканые изделия красного цвета также зачастую объясняется стремлением обеспечить урожайный год. Например, в с. Чомаковци (окрестности области Плевен) рано утром 1 марта выносят красную одежду во двор, чтобы люди были здоровыми, а жито «красным» (спелым); в с. Белотинци (область Монтана) перед домом выставляют красную полотняную сумку, «чтобы не белели колосья в поле и не оставались пустыми»; с той же целью в с. Дреновец (область Видин) вывешивают во дворе красный фартук, пояс, носки и т.д. [Йорданова 1972: 215–216]. Оставлять все эти вещи во дворе и саду могли на различные сроки — на один или три дня (область Пловдив), до дня Сорока мучеников (Южная Добруджа) и др. [Стаменова 1986; Василева 1974]. Т.А. Агапкина упоминает о том, что одежда (как правило, красного цвета), которую у болгар было принято выносить 1 марта во двор и помещать на видное место, должна была быть новой. Это обычай, который она связывает с темой ранневесеннего новолетия [Агапкина 2002: 155–156].

У **сербов** обычай вывешивать предметы одежды красного цвета или куски красной ткани перед домом, у хлева, амбара отмечен в восточносербской области Горни Висок. Здесь это делается для того, чтобы жито было «красным» (спелым), не белело [Плотникова 2004б: 129].

У **гагаузов** тоже встречается обычай вывешивать в первый день марта красную ткань или предметы одежды красного цвета. Так, в с. Конгаз (Республика Молдова) хозяйки рано утром вывешивали над дверью или на колоннах дома красный мужской пояс, «чтобы заморозки не побили плодов», а в селах Томай (Республика Молдова) и Котловина (Ренийский р-н Одесской обл. Украины) на крыльце вывешивали красное полотно, «чтобы уберечь пшеницу от порчи». Эти предметы украшали дома с 1 марта до дня Сорока мучеников (*Kirk meçik, Kirk kaşık*) [Сорочану 2006: 162].

* * *

У **румын** в Запрутской Молдове первый день марта праздновался ради того, чтобы облегчить людям начало полевых работ в наступающем году [Speranția 1907, vol. VII, f. 235. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. На севере румынской Молдовы в этот день принято было освящать земледельческие орудия и семена [Speranția 1907: vol. VIII, f. 294. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. В некоторых населенных пунктах Олтении считается, что Докия оберегает поля от града [Speranția 1907, vol. II, f. 227v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Встречается и представление, что 1 марта (Баба Докия) празднуется ради защиты от гроз [Candrea 1928: 125. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

Во многих местностях Румынии в этот день старались воздерживаться от работы, чтобы смягчить ярость бабы Докии и чтобы весенний холод не повредил посевы [Marian 1994: 83; Candrea 1928: 125. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. В некоторых районах юго-восточной Румынии считалось недопустимым 1 марта ставить на огонь посуду черного цвета (закопченную), так как это якобы способствовало поражению колосьев пшеницы головней (“*Nu se pun vase negre la foc, să nu facă grâul tăciune*”) [Speranția 1907, vol. VI, f. 181v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Также на юго-востоке Румынии зафиксирован запрет готовить (варить) что-либо 1 марта, так как это может привести к тому, что на нивах завянут посевы (“*Nu se fierbe mâncare în ziua a ceea, pentru ca să nu se ofilească holdele*”) [Speranția 1907, vol. VI, f. 193v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

У **болгар** 1 марта соблюдались сходные запреты. Так, в южной (север области Пловдив), центральной (область Старой Загоры) и северо-

восточной Болгарии (Южная Добруджа и окрестности Разграда) встречается запрет ставить на огонь посуду черного цвета: «*да не стане житото (царевичата) главняво*» («чтобы не было жито (кукуруза) поражено головней») (Южная Добруджа), «*да не пуцат главня храните*» («чтобы не пустили головню хлеба»), «*да няма житото чернилка*» («чтобы в жите не было головни»), «*да не става къкляво*» («чтобы не рос в посевах куколь») (окрестности Разграда, *капанци*) [Узенева 2004а; Василева 1974; 1985]. Распространенным является и запрет варить что-либо в этот день (север Пловдивского края, Софийский край, окрестности Разграда — районы проживания *капанцев*, Южная Добруджа) [Стаменова 1986; Василева 1974; 1985].

У болгар Южной Добруджи запрет варить что-либо 1 марта мотивировался стремлением уберечься от гроз: «*да не ври облак*» («чтобы не кипела туча») (с. Зафирово) [Василева 1974]. Встречается запрет печь в этот день хлеб (север области Пловдив, некоторые села *капанцев* в окрестностях Разграда) [Стаменова 1986; Василева 1985]. В с. Топчи (область и община Разград) у *капанцев* запрет печь 1 марта хлеб и готовить соблюдался, «*за да не опеке храната*» («чтобы не запеклись хлеба») [Василева 1985]. В области София зафиксирован запрет месить в этот день хлеб и вообще прикасаться к квашне, вызванный стремлением уберечь колосья от головни (*за бял клас*), в общине Петрич области Благоевград тот же запрет мотивирован желанием уберечь их от червей [Василева 1993; Дражева 1980]. В то же время в некоторых селах общины Петрич хозяйки, вынимая из печи горячую лепешку из пресного теста, трижды поднимают ее вверх, произнося пожелание: «*Както се дига пара от таз пита, така да се дига и нашето жито!*» («Как поднимается пар от этой лепешки, так пусть поднимается и наше жито!») [Дражева 1980].

Жители некоторых сел в северных районах области Пловдив соблюдали запрет подметать в этот день, чтобы не причинить вреда посевам [Стаменова 1986]. У болгар группы *капанци* в окрестностях Разграда зафиксирован запрет шить, вышивать и вязать в этот день, «*за да не дупчат плодове през лятото*» («чтобы не червивели плоды в течение лета») (с. Осенец) [Василева 1985]. В ряде местностей Болгарии, например в Пиринском крае (юго-западная Болгария) и Южной Добрудже (северо-восточная Болгария) известен запрет 1 марта стирать и развешивать во дворе белье, выносить из дома что-либо белое. Он соблюдался для того, чтобы уберечься от града и инея (заморозков) [Дражева 1980; Василева 1974]. У болгар в некоторых селах Южной Добруджи суще-

ствует запрет ткать 1 марта, чтобы не было гроз, так как стук кросна напоминает гром [Василева 1974].

В ряде местностей Болгарии аналогичными запретами были отмечены все субботы марта. Так, в области Ловеч (северная Болгария) на *мартените съботи* соблюдался запрет ставить на огонь черные котлы и вообще варить что-либо, ради того чтобы жито не почернело, запрещалось стирать и развешивать вне дома белое белье, ради того, чтобы не было заморозков. Также в области Ловеч встречается запрет выполнять любую работу на *мартените съботи*, соблюдавшийся во избежание града (с. Голяма Желязна) [Попов 1999]. В области София (западная Болгария) женщины воздерживаются на *мартини съботи* месить хлеб и варить что-либо, чтобы уберечь колосья от головни [Василева 1993]. В ряде сел северной части области Пловдив (к северу от р. Марица) запреты, соблюдаемые на *мартини съботи*, аналогичны запретам 1 марта — здесь в эти дни не подметают, не пекут хлеб, не готовят, не ставят черную посуду на огонь. В с. Триводици (община Стамболийски, область Пловдив), впрочем, женщины в эти дни делают закваску, чтобы во все субботы в течение года у них хорошо поднималось тесто [Стаменова 1986].

У гагаузов во многих селах в этот день запрещались все виды мужских и женских работ, «чтобы богатая уродилась пшеница» (села Конгаз, Томай, Бешгиоз, г. Чадыр-Лунга). В с. Чешмикой ничего не выносили из дома, чтобы скот и домашняя птица не утратили плодовитость. По народным поверьям, в период с 1 по 9 марта нельзя было стирать, белить, мазать, «чтобы пшеница не почернела» (Чадыр-Лунга, Чешмикой). В этот период нельзя было вывешивать на просушку белое и черное белье, чтобы не было заморозков (с. Конгаз) [Сорочяну 2006: 161].

* * *

У румын в Запрутской Молдове встречается обычай сажать 1 марта бобы [Speranția 1907, vol. VII, f. 44. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

У болгар в некоторых областях, например в окрестностях Трына, было принято сажать в этот день лук. Первый день марта вообще считался удачным днем для посадок, у болгар даже существует поговорка: «*Сухо дърво да боднеш на първи март, клони ще пусне, плод ще роди*» («Сухое полено воткнешь на первое марта — оно пустит ветки, принесет плод») [Йорданова 1988: 46].

Среди «земледельческих» обычаев, приуроченных к 1 марта, у болгар есть обычай «пугать» плодовые деревья, которые плохо плодоносят. У болгар Южной Добруджи (в с. Соколово) это происходило так:

к дереву подходили мальчик и девочка, девочка дотрагивалась до ствола ситом, а мальчик замахивался на дерево топором, после чего девочка говорила: «*Не го сечи, то ще роди*» («Не руби его, оно принесет плоды») [Василева 1974]. В селах капанцев в окрестностях Разграда (северо-восточная Болгария) фруктовые деревья, которые не приносили плодов, могли «пугать» в любой день марта. Кто-то из домашних замахивался топором на дерево и трижды говорил: «*Или раждай, или ша та отсека*» («Или приноси плоды, или я тебя срублю») (с. Осенец). Считалось, что после этого дерево должно начать плодоносить [Василева 1985]. В области Ловеч (с. Къкрина) хозяин дома трижды замахивался топором на неплодоносящее дерево, а кто-то из членов семьи останавливал его со словами: «*Не го сечи, тая година ще роди!*» («Не руби его, в этом году оно принесет плоды!») [Попов 1999]. Сито здесь также использовалось для магических действий: в селах Къкрина и Българене сито, завернутое в красный мужской пояс, подвешивали на плодовое дерево. Вечером сито забирали в дом, и молодница просеивала через него муку и замешивала лепешку [Там же]. Нужно отметить, что у балканских народов обычай «пугать» неплодоносящие деревья мог исполняться и в дни других праздников начала весны. Кроме того, для многих славянских народов характерно приурочение этого обряда к Рождеству и Новому году [Агапкина 2002: 161].

Полевые работы у болгар в этот день во многих местностях находились под запретом. Так, в ряде населенных пунктов области Пловдив (к северу от р. Марица) 1 марта (а также на *мартини съботи*) не разрешалось пахать. Считалось, что несоблюдение этого запрета в будущем повредит посевам. В с. Триводици области Пловдив соблюдение этого запрета объясняли стремлением уберечь поля от града [Стаменова 1986].

У **македонцев** единственной допустимой 1 марта для женщин считалась работа в саду, в этот день сажали различные растения [Шапкарев 1968: 562–565].

У **кабилов** в Алжире в течение первой недели марта — период «старух» или «ссуды» — встречается запрет обрабатывать землю (*Айн Ахбэль*) или даже вообще выходить в поле или на виноградники [Бурдьё 2001: 169–171].

2.3.2.2. Скотоводческая магия

Согласно представлениям, существовавшим у **румын** в Мунтении, Докия оберегала скот от болезней [Speranția 1907, vol. IV, f. 292v. Цит. по:

Olteanu 2001: 128–133]. Женщины в румынской Молдове отмечали этот праздник, чтобы овцы были живы и здоровы [Speranția 1907, vol. VII, f. 58v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Согласно сведениям из той же Молдовы, этот праздник отмечался ради защиты людей и домашних животных от волков (“*Se ține pentru lupi*”) [Speranția 1907, vol. VIII, f. 342v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Там же встречался обычай в этот день угощать коров тыквой, чтобы они были толстыми, как Баба Докия (очевидно, имеется в виду то, как должна была выглядеть Докия в своих многочисленных кожухах) (“*Oameni dau bostan la vaci, ca să se îngrășe ca baba Dochia*”) [Speranția 1907, vol. VII, f. 125v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

В степных районах юго-восточной Румынии, где скот и в зимнее время находился на подножном корму, 1 марта его не выпускали пастись (“*Se opresc vitele de a merge la pășunat în această zi*”) [Speranția 1907, vol. VI, f. 153v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. В жудеце Мехединць (юго-западная Румыния) существовало представление, согласно которому если женщина утром 1 марта выходила из дома не умывшись и видела жеребенка, то ему грозила опасность быть съеденным волками. В знак искупления виновница этого должна была развязать пояс так, чтобы он волочился по земле [Chicet 1998: 28. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

У болгар в северной и центральной Болгарии с целью обеспечить приплод скота принято было повязывать 1 марта до восхода солнца пучки красной пряжи или красные нитки на рога домашних животных (окрестности Бяла Слатины, Плевена, Трояна, Русе, Ямбола; Южная Добруджа) [Йорданова 1972: 217]. Также у болгар встречается обычай украшать красной шерстью сосуды для хранения молочных продуктов [Йорданова 1988: 44].

У румын существует обычай повязывать мартовские нити не только людям, но и домашним животным и птице (в первую очередь молодняку скота — ягнятам, телятам, козлятам, жеребятам) [Nicolau 1998: 40–41; Плотникова 2009; Голант, Плотникова 2012; Миков 1985: 40–41; Попов 1999; Дражева 1980]¹. Так, по словам информантов из округа Бузэу (Мунтения), еще в середине — второй половине XX в. мартовские нити вешали на шею телятам и ягнятам (в первую очередь недавно родившимся) [Голант, Плотникова 2012: 361–423]. В некоторых селах

---

¹ У болгар, в первую очередь в городской среде, в настоящее время существует традиция украшать мартовскими нитями кошек и собак.

Мунтении было принято по окончании ношения мартовских нитей повязывать их насадкам, чтобы вывелось много цыплят (с. Борча, Улму, жудец Кэлэрашь, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. У румын вне зависимости от сезона встречается и обычай повязывать домашним животным (коровам, лошадям) красные нитки или ленты на шею или хвосты в качестве оберегов от сглаза [Голант, Плотнокова 2012].

Обычай повязывать мартовские нити домашним животным зафиксирован и у **румын (влахов)**, проживающих в придунайских районах области Враца (сведения из с. Остров) [Atlasul... 2011, 2: 102–103]. У **арумын** отмечен обычай повязывать мартовские нити на шею молодняку скота — ягнятам, козлятам и жеребяткам, а также вешать их на двери помещений для скота, двери домов, ворота [Țîrcomnicu 2004: 141–142; 2009: 60–61].

Жители различных областей Болгарии, а также **болгары-переселенцы в Бессарабии** повязывали мартовские нити ягнятам, телятам и жеребяткам на уши, рожки, шею, ноги или хвосты [Миков 1985: 53, 56; Дражева 1980; Стаменова 1986; ПМА 1999]. В отдельных местностях, например в некоторых селах области Пловдив, мартовские нити повязывали не всему молодняку скота, а только тем животным, которые являются первенцами [Стаменова 1986]. Позже появилась традиция повязывать мартовские нити котяткам и щенкам [ПМА 1999 (информант Мария Н. Кирмикчи, с. Чийшия); Седакова 2009].

Похожая традиция существует и у **греков**: 1 марта они тоже украшают домашних животных мартовскими нитями, а кроме того, цветами (Крит) или зеленью (о-в Кос) [Иванова 1977б; Зайковская, Зайковский 2001]. У **албанцев** загоны для скота и головы домашних животных принято украшать в этот день цветами и зелеными побегими кизила, так как считается, что кизил защищает скот от болезней [Юллы, Соболев 2003: 420–421]. Обычай повязывать мартовские нити молодым животным — ягнятам и телятам — известен и у **гагаузов** (с. Конгаз в Республике Молдова и др.) [Сорочяну 2006: 162–163].

В северной Албании встречается обычай обрызгивать скот и двери загон «новой водой» (*uj i ri*), которую дети набирали затемно в реке (Дрине) или в источнике [Там же: 420–421].

У кабилов в Алжире к периоду «старух» (первой неделе марта) приурочены следующие обычаи и запреты, связанные с домашними животными: в течение этого периода нельзя покупать скот (Айн Ахбэль), в конце мартовской недели поросят отнимают от матки. Когда эти дни проходят, считается, что «стадо спасено» — наступает *el fwatah'*, время

всходов и рождений как на возделанной земле, так и в стаде, поскольку молодым животным и растениям не надо больше бояться зимних холодов [Бурдые 2001: 169–171].

С животноводческой магией связаны и некоторые обычаи гадания, которые вообще характерны для начала весны (как и для начала года). Так, болгары с помощью мартовских нитей гадали о приплоде скота. Жители южной и юго-западной Болгарии, а также Южной Добруджи и болгары-переселенцы на территории современной Украины снимали мартовскую нить, впервые увидев аиста, и помещали ее под камень. Считалось, что по тому, какие насекомые будут обнаружены позже под этим камнем, можно узнать о том, от какого скота ожидать приплода в текущем году [Миков 1985: 56–60; Василева 1974; Дражева 1980; Державин 1914: 161–162]. Похожий обычай, однако без связи с мартовскими нитями, зафиксирован у румын. В некоторых местностях Румынии считалось, что, впервые весной увидев ласточку, человек должен осмотреть то место, на котором он стоял правой ногой. Если в этом месте он находил овечью шерсть, следовало ожидать приплода у овец, если козью, то соответственно у коз и т.д. [Credințe... 2000: 233–234].

Среди «скотоводческих» практик этого дня можно упомянуть и обычай македонцев Струги 1 марта стрелять в воздух над стадом [Шапкарев 1968: 562–565]. В некоторых районах Болгарии (например, в окрестностях Трына), считалось, что дети, обходя 1 марта разведенный в саду костер или перепрыгивая через него, способствуют, в частности, тому, чтобы в текущем году квочки вывели много цыплят [Йорданова 1988: 46]. С животноводством связан и встречавшийся у македонцев приуроченный к 1 марта приход ползника и его действия, направленные на то, чтобы в хозяйстве «велись» цыплята, о чем говорилось выше (см. 2.3.) [Шапкарев 1968: 562–565; Китевски 19966].

2.3.2.3. Запреты, связанные с прядением

На юго-востоке Румынии отмечен обычай заниматься в этот день прядением, так как **румыны** полагают, что Докия, отправившись в этот день с козами на пастбище, прядла по дороге шерсть и от холода ее руки примерзли к прялке [Speranția 1907, vol. VI, f. 159. Цит. по: Olteanu 2001: 145]. В других районах прядение, напротив, считалось единственной работой, выполнение которой допустимо 1 марта, поскольку, согласно встречающимся у румын представлениям, Докия, когда уходила в горы со стадом, отправилась в путь с прялкой за поясом. В этот день часто происходили помочи по прядению (*clacă de tors*), когда женщины

и девушки собирались, чтобы допрясть оставшуюся с зимы коноплю [Gherman 1926: 41. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. Такого рода локальный обычай, возможно, отчасти объясняется распространенным у румын правилом непременно завершать эту работу к Великому четвергу (*Joi Mare*). В отдельных районах вообще считалось недопустимым 1 марта сидеть без дела, поскольку Докия якобы была женщиной суровой и исключительно трудолюбивой, однако главным женским занятием этого дня являлось именно прядение [Там же].

У болгар в селах области София (западная Болгария) запрет на прядение соблюдался «за бял клас» — для того чтобы колосья были «белыми», без головни [Василева 1993]. У капанцев в северо-восточной Болгарии в этот день соблюдался запрет прясть коноплю, так как считалось, что смачивание волокон слюной может вызвать заморозки и иней [Василева 1985]. В то же время в некоторых районах Болгарии, например в Южной Добрудже, женщины утром 1 марта пряли шерстяную нить [Василева 1974]. Этот обычай некоторые исследователи интерпретируют как «прядение нити года» и сопоставляют с мотивом прядения нити судьбы в начале человеческой жизни [Вълчинова 1994: 58. Цит. по: Агапкина 2002: 138].

Запрет на выполнение в первый день марта женских работ, таких как шитье, прядение, ткачество, встречается и у **македонцев**, которые в ряде случаев даже прятали в этот день прялки, веретена и др. [Шапкарев 1968: 262–265].

Ткать и заниматься обработкой льна в первую неделю марта запрещено также в Алжире у **кабилов**, называющих этот период днями «старухи» («*thamghart*»), «старух» (*thimgharine*) или «суды» (*amerdil*) [Бурдые 2001: 169–171].

Обычаи первого дня марта и вообще периода ранней весны, связанные с прядением, возможно, следует рассматривать в связи с мифологической темой снования (творения) мира в период весеннего новолетия [Агапкина 2002: 137–138].

2.3.2.4. Очистительная магия

У румын в некоторых районах было принято 1 марта изгонять из дома блох. Например, в жудеце Констанца (Северная Добруджа) дети кричали со двора: “*Martie în casă*” («Март в дом»), а родители отвечали из дома: “*Puricii afară*” («Блохи вон») (с. Остров) [Sărbători... 2009. 5: 283]. В бывшем жудеце Роман (ныне — часть жудеца Нямц, Молдова) это происходило схожим образом: один из членов семьи подходил сна-

ружи к окну и говорил: “*Marta în casă!*” («Марта в дом!»), а другой отвечал ему из дома: “*Puricii afară!*” («Блохи вон!») или “*Boalele afară!*” («Болезни вон!») [Fochi 1976: 23–29]. Из этого описания можно сделать вывод, что «изгнание» блох равнозначно изгнанию болезней из дома. Обычай «изгнания» блох из дома зафиксирован и в Трансильвании (жудецы Клуж и Сибиу) [Sărbători... 2003. 3: 281; Muşlea, Birlea 1970: 353–354]. В жудеце Клуж 1 марта дети пели: “*Mărţişor cu noi în casă / Purecii a treia casă*” «Мэрцишор с нами в дом, / Блохи — (в) третий дом» (с. Бобылна); либо один из членов семьи выходил во двор и кричал: “*Mărţişor cu noi în casă*” («Мэрцишор с нами в дом»), а другой из дома отвечал: “*Purecii a treia casă*” («Блохи — (в) третий дом») (с. Дэбыка) [Sărbători... 2003. 3: 281]. На территории Буковины известна примета, согласно которой 1 марта полезно есть крапиву — в этом случае человека не будут кусать блохи (с. Роша) [Nicoluţă-Voronca 2008, 1: 218].

У румын в Олтении встречался обычай в этот день окуривать дома дымом горящих тряпок, чтобы уберечь их от змей и других «чудищ» [Speranţia 1907, vol. II, f. 199. Цит. по Olteanu 2001: 128–133]. В то же время у румын зафиксировано поверье, согласно которому человек, прикоснувшийся 1 марта к змее, будет здоров в течение всего года [Mangiuca 1882: 13].

У болгар месяц март в целом и особенно первый его день были насыщены обрядами, нацеленными на избавление от змей, ящериц, блох, мышей и пр. 1 марта было посвящено в первую очередь «изгнанию» блох (аналогично обстоят дела и у румын, но у них эта практика была распространена не столь широко). Например, в селах Габрене и Гега общины Петрич области Благоевград (в прошлом — область София) 1 марта женщины вытряхивали все постельные принадлежности и половики, подметали дом и двор, в одном из уголков двора разжигали костер из мусора. У костра скакали дети, а иногда и взрослые, и выкрикивали [Дражева 1980: 422–456 — с. Габрене]:

Зміите в полето,	Змеи в поле,
Аз съм в гората,	Я в лесу,
Аз съм в полето,	Я в поле,
Зміите в гората.	Змеи в лесу.

Жители области Кюстендил утром 1 марта подметали в доме и чистили печные трубы со словами: «*Марта в къщи, а бухи низ къщи!*» («Марта в дом, а блохи из дома!») [Миков 1985: 12]. В большинстве сел

области Пловдив 1 марта мели двор и разжигали костер из мусора, соломы, щепок, коровьего навоза, и все — и дети, и взрослые — перепрыгивали через него (один раз или трижды) со словами: «*Бъхли вънка, Марта къци*» («Блохи вон, Марта в дом») (с. Белозем), «*Бягайте, бълхи, в булкините гащи*» («Бегите, блохи, в невесткины (молодкины) штаны») (с. Новаково, Драгойново, Караджалово). В г. Съединение собранный в этот день мусор выбрасывали на дорогу вместе с головней от огня, который жгли в Сочельник, говоря при этом: «*Бъъли вънка, Марта къци*» («Блохи вон, Марта в дом»). В с. Слатина и Васил Левски с теми же словами «изгоняли» блох, намочив метлу под первым мартовским дождем (*мартин дъжд*) и обрызгивая ею помещения дома. В с. Белозем, чтобы в доме не было блох, их «гнали» из дома мотовилкой и обрызгивали пол капустными щами (*зелева чорба*) [Стаменова 1986: 244–283].

Женщины в Южной Добрудже 1 марта вытряхивали половики и покрывала и подметали в доме, сопровождая свои действия словами: «*Вън бълхи — вътре Марта!*» или «*Марта в къци — бълхи вън!*» В этом «изгнании» насекомых-паразитов участвовали и дети, которые стучали камнями по стенам дома, произнося те же обрядовые формулы [Василева 1974: 301–351]. Ту же формулу «изгнания» блох — «*Вън бълхи, вътре Марта*» — произносили жительницы области Варна, ударяя камнем по стене дома или по воротам (с. Равна общины Провадия) [Седакова 2004: 237–267].

У болгар группы *капанци* в северо-восточной Болгарии утром 1 марта каждая хозяйка выносила во двор одеяла, покрывала, половики и выбивала их, чтобы вытрясти блох. Пол в доме обрызгивали капустными щами и подметали (обрызгивание щами для изгнания блох, как мы убедились, практиковалось и в других районах Болгарии). Иногда на порог клали тряпочку и стучали по ней со словами: «*Марта у къци, бълхите навън!*» («Марта в дом, блохи вон!») [Василева 1985: 200–235].

«Изгонять» блох в первый день марта принято было и у болгар-переселенцев на территории Украины и Молдовы. Например, в с. Криничне (Чушмелия, Чишмяуа-Вэруитэ) Болградского р-на Одесской обл. Украины накануне 1 марта выносили все вещи из дома во двор и говорили: «*Вын бълхи, ф къшти Марта!*» («Вон блохи, в дом Марта!»), а после проветривания снова вносили их в комнаты [Державин 1914: 161–162]. В с. Преслав Запорожской обл. Украины 1 марта рано утром, до восхода солнца, хозяйка выметала из дома весь сор, приговаривая: «*На вйн байли да флезе Марта!*» («Вон, блохи, чтобы вошла Марта!») — и выбрасывала сор во двор к соседям [Там же]. В некоторых районах севера и юго-

востока Болгарии зафиксирован обычай ловить 1 марта блох и ящериц и бросать их на улицу или во двор к соседям [Миков 1985: 26].

Известен у болгар и обычай «выгонять» 1 марта из дома и со двора змей и ящериц. С этой целью разжигали костры, окуривали дымом дома и хозяйственные постройки [Там же: 13]. В некоторых районах юго-запада Болгарии день 1 марта был посвящен исключительно обрядам, связанным с защитой людей и домашних животных от змей. Здесь считалось, что, как только наступает весна, змеи выползают на белый свет из своих зимних жилищ, и если обычаи этого дня не соблюдались, то в течение всего теплого времени года будут постоянно кусать людей и скот [Там же: 19–22]. В общине Девин области Смолян (южная Болгария) 1 марта дети группами ходили по селу с колокольцами в руках. В каждом дворе хозяева разжигали для них костер, дети перепрыгивали через огонь и обходили дом, звеня колокольцами, чтобы выгнать змей и блох [Там же: 22].

В некоторых местностях Болгарии считалось, что женщина, которая разжигает огонь утром 1 марта, не должна перед этим справлять естественные нужды (области Силистра, Благоевград, Пловдив). Существовало представление, что в этом случае змеи также будут «терпеть» и не будут проникать в дом [Там же: 13]. В отдельных селах области Пловдив на рассвете дети звенели жестянками, сковородками и колокольцами, обходя двор и сад со словами: *«Бягайте, змии и гуцери, че Баба Марта иде с калъчка да ва сече»* («Убегайте, змеи и ящерицы, потому что Баба Марта идет с сабелькой, чтобы зарубить вас») (с. Дълбок Извор, Караджалово). В с. Добростан «заклинали» змей следующим образом: старуха завязывала узлы на красной нитке, при этом кто-то трижды спрашивал, что она завязывает, а она отвечала: *«Завързвам на змиите и смоците устите, завързвам на змиите и смоците очите»* («Завязываю змеям и узам рты, завязываю змеям и узам глаза»). Затем нитку бросали в огонь со словами: *«Когато излезе конец на мегдан, тогава и те да излезат»* («Когда обнаружится нитка, тогда и они появятся»). 1 марта здесь не шили и не ткали, чтобы не встречаться со змеями [Стаменова 1986].

У болгар Южной Добруджи существовало поверье, что ношение мартовской нити в положенный период должно защитить человека от укусов змей или блох в течение целого года [Василева 1974; Миков 1985: 19].

Некоторые болгарские обычаи 1 марта были направлены на избавление от мышей. Так, в некоторых селах бессарабских болгар женщины

утром 1 марта шили что-либо, чтобы «защитить глаза мышам» (с. Криничное (Чушмелия, Чишмяуа-Вэруитэ) Болградского р-на Одесской обл. Украины) [Державин 1914: 161–162].

Македонцы в Струге вечером накануне 1 марта с целью «изгнать» блох, змей и ящериц били горшки и другие глиняные сосуды, в первую очередь те, в которых держали угли — *мангали*, и стреляли из ружей над стадами. В Охриде в этот день также стреляли из ружей, чтобы в течение лета к людям не приближались блохи [Шапкарев 1968: 562–565; Китевски 1996б]. У македонцев встречался и обычай брать 1 марта бузину трубку, в которой проделывали отверстия, как в ружейном стволе, наполнять ее порохом, помещать в нее вместо дробы трех блох и крошки хлеба, съеденного в этот день, и «стрелять» из этой трубки, запалив порох с помощью уголька — с целью «изгнать» из дома блох [Шапкарев 1968: 562–565; см. также: Китевски 1996б]. В Порече (Западная Македония) было принято 1 марта — в *Летник* — бросать в дом снег, чтобы людей не кусали блохи [Обрембски 2001: 131]¹. Кроме того, у македонцев зафиксирован обычай вечером накануне 1 марта менять место ночного сна, чтобы избежать укусов блох в будущем (записано в окрестностях г. Кукуш (Килкис) в греческой Македонии) [Миладинови 1981: 522]. В некоторых местностях Македонии в первые дни марта, когда люди впервые слышали кваканье жаб (лягушек), чтобы блохи ушли из дома, они трижды произносили: «*Бела става во куки, църна става по поле*» («Белое в доме, черное в поле») [Шапкарев 1968: 562–565]. Жители Дебарца, чтобы избавиться от блох, в ночь на 1 марта клали в свою постель дубовую ветку, а утром бросали ее в воду колодца или источника со словами: «*Шумка, шумна, гад побегна*» («Ветка зашелестела, гад бежал») [Китевски 1996б].

В г. Крушево в юго-западной Македонии 1 марта изгоняли из дома мышей («изгнание» могло сопровождаться следующей формулой: «*Бегайте, глумци, еве ви је Марта, ке ви сече, ке ви печи, ке ви фрли на буните*» («Убегайте, мыши, вот вам Марта, она вас будет резать, она вас будет жечь, она вас бросит на помойку»)) [Сикимић 2001: 44. Цит. по: Плотникова 2006б].

У македонцев же зафиксирован обычай, согласно которому 1 марта каждый человек должен был подшить подол своей одежды черной

¹ Сходный обычай — «изгонять» блох, бросая в дом мартовский снег, — встречается у турок-бекташей в местности Лудогорие в Северо-Восточной Болгарии [Българските алиани 1991: 171].

ниткой, чтобы «защитить рты» змеям [Шапкарев 1968: 562–565; Китевски 19966].

Запреты, которые соблюдались у македонцев в первый день марта — шить (в этот день даже прятали иглы), подметать, мыться — имели целью уберечь людей и скот от змей и других гадов¹, а также от волков (Порече, западная Македония) [Обрембски 2001: 131].

У гагаузов Южной Бессарабии в первый день марта делали уборку, вытряхивали все домашние вещи, мусор собирали во дворе или на улице и сжигали; также осуществлялся обряд «изгнания блох». Например, в селах Котловина и Томай перед восходом солнца тот, кто первым выходил во двор, стучал в окно и говорил: “*Mart, içeri!*” «Март, в комнату!», а из комнаты отвечали: “*Pirälär, dışarı!*” «Блохи, на улицу!». В г. Чадыр-Лунга аналогичные действия совершали муж и жена, и диалог их был таким: “*Babu Marta, içeri!*” («Баба Марта, в комнату!») — “*Pirälär, dışarı!*” («Блохи, на улицу!»). В с. Конгаз диалог произносился в тот момент, когда из комнат выносили вещи. В с. Бешгьоз во время диалога трижды проводили метлой по полу. В диалоге отражена очистительная функция данного обряда — после уборки в доме мусор выносили во двор и кричали: “*Mart, içeri!*” («Март, в комнату!»), а из комнаты отвечали: “*Bokluklar, kirlär, dışarı!*” («Мусор, грязь, во двор!») [Сорочяну 2006: 161].

Начало марта было насыщено обрядами, связанными с очищением, и у других балканских народов. Например, жители района Мат краины Дибра (северо-восточная Албания) жгли в первый день марта венки из хвороста и дикого вьюнка [Иванова 1977а]. В Греции хозяйки в этот день убирались в домах и выбрасывали мусор со словами: «Плохой год — вон, хороший год — сюда!» [Иванова 1977б]. Мусульмане Подгорицы (Черногория) окуривали комнаты и пороги дома дымом горящего навоза, чтобы в течение всего года в доме не было насекомых [Кашуба 1977].

У албанцев-мусульман в северной части Албании 1 марта — в День весны — был распространен запрет на женские работы: шитье, вязание и т.д. Накануне этого дня прятали иглы и спицы. Считалось, что в случае нарушения этого запрета «змея укусит детей или скот» (информация из с. Мухурр, краина Дибра) [Юллы, Соболев 2003: 421].

Очистительные обряды, исполнявшиеся 1 марта, могли быть направлены на изгнание не конкретных живых существ, но некоего

---

¹ По представлениям жителей данной местности, гады вылезают на поверхность именно в этот день.

абстрактного «зла» (впрочем, нередко эти живые существа воспринимались именно как воплощение зла, как мы видели на примере из румынской Молдовы, где изгнание блох из дома было равнозначно изгнанию болезней). В некоторых районах Румынии, если 1 марта случался сильный снегопад, было принято вытряхивать во дворе кусок полотна со словами: «Я не вытряхиваю полотно, но вытряхиваю зло из моего дома, чтобы ушло оно вместе с зимой и плохой погодой, а в моем доме остались покой и добро» (“*Eu nu scutur pânza, dar scutur răul din casa mea, să se ducă cu iarna și cu vremea asta rea, iar în casa mea să rămâie liniște și bine*”) [Bot 1971: 290. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

Здесь мы сталкиваемся с представлением о том, что мартовский снег способствует очищению. Оно встречается, как уже упоминалось, также у македонцев и турок, у которых бытовал обычай «изгонять» из дома блох бросанием в комнаты мартовского снега [Обрембски 2001: 131; Българските алиани 1991: 171]. У болгар в области Пловдив, как говорилось выше, подобные свойства приписывались первому мартовскому дождю [Стаменова 1986].

Нужно отметить, что обычаи, связанные с «изгнанием» змей, ящериц и др., у жителей Карпато-Балканского региона чаще (чем к 1 марта) были приурочены ко дню Сорока мучеников. Представления о том, что именно в этот день просыпаются змеи, встречаются у румын, сербов, болгар, турок [Hedeșan 2005: 160–165; Неготинска крајина 1970: 21; Костић 1978; Василева 1974; Българските алиани 1991: 145]. Согласно выводу А.А. Плотниковой, сделанному на основе изучения южнославянских календарных обычаев (в значительной мере он подтверждается, на наш взгляд, и восточнороманскими материалами), изгнание насекомых-паразитов связано в первую очередь с приходом мартовской старухи (Марты), тогда как изгнание змей и пресмыкающихся чаще бывает приурочено к другим весенним праздникам — дню Сорока Мучеников, Благовещению, дню св. Иеремии [Плотникова 2006б].

* * *

Рассмотренные выше магические практики вызывают двойную ассоциацию, уводящую нас к мифу. Они заставляют вспомнить, с одной стороны, мифологему об обращении громовержцем своих детей в хтонических животных (мышей, кротов, червей, змей и т.д.), известную ряду народов Европы и Передней Азии, а с другой стороны — этрусского *Maris Isminthians* (“*Mars Sminthianus*”), изображение которого можно увидеть на этрусском зеркале из Больсены, мышиноного Марса, то есть,

вероятно, Марса, уничтожающего мышей с целью охраны урожая [Топоров 1976]. Здесь нужно отметить, что этрусские изображения Марса и его атрибутов (например, копья) делают правдоподобным предположение о совмещении в этом образе двух прежних ипостасей одновременно — громовержца и его противника [Там же].

2.3.2.5. Встреча птиц

Первый день марта связан не только с пробуждением (и изгнанием) различных «хтонических» животных, но и с прилетом птиц, обрядами их встречи и практиками, направленными на защиту от связанной с ними опасности.

У румын, в частности у жителей пограничья Олтении и Баната (жудец Мехединць), зафиксировано представление, что 1 марта ни в коем случае нельзя выходить из дома, ничего не съев, так как в этом случае можно быть «испорченным» кукушкой (*spurcat de cuc*) [Chicet 1998. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]. По представлениям румын, услышать кукушку на голодный желудок означает, что человек, с которым это произошло, проведет все лето в одиночестве («как кукушка»), у него будет дурно пахнуть изо рта и т.д. Однако в большинстве районов Румынии «днем кукушки», первым днем, когда можно услышать голос этой птицы, считается не 1, а 25 марта — Благовещение [Pamfile 2005: 75].

Представление о том, что в первый день марта опасно услышать кукушку на голодный желудок, есть и у **македонцев**, которые считают, что в этом случае человек заболит или у него будет дурно пахнуть изо рта. Аналогичные представления связаны с удодом [Китевски 19966]. Днями, когда человека может «разбить» птица, у македонцев считаются также день Сорока мучеников и Благовещение [Там же].

Представление о том, что опасно впервые услышать кукушку на тощак, встречается также у болгар, сербов, хорватов, поляков, закавказских украинцев и русских [Гура 2004а: 36–40].

У гагаузов существовала примета, согласно которой если 1 марта человек, стоя на ногах, увидит летящих журавлей, то весь год он будет трудолюбивым (с. Конгаз, Республика Молдова) [Сорочяну 2006: 161].

Среди жителей ряда местностей Греции, Македонии и юго-западных районов Болгарии (окрестности Благоевграда, Асеновграда и Пештеры) днем встречи ласточек считалось 1 марта — день, когда надевают мартовскую нить [Анфертьев 1979в: 133–139; Иванова 1977б; Миков 1985: 66–72, 78–84; Попов 1993: 28–30; Миладинови 1981: 522]. В Болгарии, в окрестностях Асеновграда и Пештеры, этот обычай известен

как *лястовици*, *лястовички* — «ласточки» или *пиленца* — «птенцы». Накануне праздника мальчики изготавливали из дерева специальную игрушку: к шесту, на верхнем конце которого находилась фигурка птички, привязывали веревочку. Когда за веревочку дергали, фигурка вращалась. С такой «ласточкой», украшенной, как правило, мартовскими нитями, дети обходили дома односельчан и желали им здоровья, долголетия и изобилия в хозяйстве. Во время обхода исполнялись песни, посвященные приходу весны и началу весенних работ [Попов 1993: 28–30; Миладинови 1981: 522; Миков 1985: 66–72, 78–84].

Сходный обычай отмечен у **македонцев** — жителей окрестностей г. Кукуш, или Килкис, в центральной части греческой Македонии. Здесь 1 марта маленькие дети изготавливали из дерева фигурку ласточки и ходили с нею по домам, исполняя песню: «*Ластовица идеше, црно море пливаше*» («Ласточка возвращалась, черное море переплывала») [Миладинови 1981: 522].

Мартовский обход дворов с ласточкой был широко распространен у **греков**. Так, еще в 70-е годы XX в. он практиковался в разных частях Греции: в Фессалии и Ахее, в Македонии и на Керкире, на Кикладах и в Додеканесе. Мальчики изготавливали деревянную фигурку ласточки и укрепляли ее на шесте так, чтобы ласточку можно было поворачивать при помощи нитки. Шест с ласточкой часто помещали в клетку, украшенную зеленью и красно-белыми шнурами — мартовскими нитями. С изображением ласточки дети ходили от дома к дому и пели *хелидонисмы*¹ — песни, посвященные прилету ласточек, получая от хозяев домов маленькие подарки, главным образом яйца. Из древнегреческого фольклора до нас дошел образец народной песни, посвященной прилету ласточки, поэтому *хелидонисмы* принято считать примером многовековой преемственности греческих народных обычаев. В этих песнях дети общались о прилете ласточки из-за моря, рассказывали от ее имени о пробуждении природы и напоминали о возобновлении хозяйственной деятельности.

Упоминание о весеннем обходе домов в связи с прилетом ласточек встречается у Афиней — писателя, жившего на рубеже III–II вв. до н.э. Он цитирует сочинение Феогида «О родосских праздниках», где сообщается, что на Родосе есть обычай весной собирать дары. Участники этого действия поют песню, содержание которой таково: «Прилетела лас-

¹ Этот термин произошел от греческого названия ласточки [Анфертьев 1979в: 133–139].

точка, неся прекрасное время года. У нее белое брюшко и черная спинка. Выноси палафу¹ из богатого дома, и кружку вина, и корзину сыра. Ласточка не откажется ни от пшеничного хлеба, ни от лекифиты²). Затем исполнители обряда переходили к угрозам: обещали унести дверь, притолоку или находящуюся в доме женщину, если им не вынесут подарки. Заканчивается песня словами: «Открой, открой дверь ласточке. Мы ведь не старики, а дети» [Анфертьев 1979в: 133–139].

Песни, посвященные прилету ласточек, которые «приносят из-за моря красное лето», исполнялись 1 марта у **албанцев** (в южных областях Албании) [Иванова 1977а]. Там же молодежь в этот день ходила по дворам односельчан с песнями-поздравлениями, получая за это яйца, орехи, фрукты и сладости [Там же]. Обычай ритуальных обходов дворов детьми или молодежью в начале марта зафиксирован и у турок (возможно, впрочем, что он был заимствован турками у греков) [Гордлевский 1968а: 89–93].

На юго-западе Болгарии дети, которые 1 марта ходили по селу с «ласточкой», носили с собой также деревянные молотки, длинные ручки которых были украшены изображением змеи. Этими молотками мальчики ударяли в ворота, били по камням, которыми был вымощен двор, и имитировали движения человека, который копает землю [Миков 1985: 68–69]. Удары молотком по воротам и камням, вероятно, были направлены на изгнание злых сил. Интересно, что дети приходили к соседям с «ласточкой» (символом весны) и «змеями», изображенными на ручках молотков (это изображение в данном контексте может быть прочитано как символ зимы и старого года, которые они собирались изгнать)³.

---

¹ Хлеб из высушенных и растертых смокв [Анфертьев 1979в: 133–139].

² Пирог, замешанный на яичном желтке [Анфертьев 1979в: 133–139].

³ Во многих мартовских обрядах, в частности в обрядах празднования дня Сорока мучеников, можно увидеть ту же оппозицию «змея–птица», что и в праздновании первого дня весны (подробнее см.: [Цивьян 1984: 47–57]). И пробуждение змей, и возвращение и начало гнездования птиц возвещают приход весны.

Соблазнительно допустить, что перелетные птицы считались воплощением весны и добра, тогда как «хтонические» животные (змеи, ящерицы, лягушки, жабы) в рассматриваемом контексте воспринимались не только как источник возможных неприятностей (укусы змей), но и как воплощение злых сил, которые должны были быть изгнаны с приходом весны. Это подтверждают легенды о ласточке и змее, аисте и «гадах».

С мифологическими представлениями балканских народов о весенних (перелетных) птицах связаны различные варианты обычая «ритуального расставания» с мартовской нитью, которые подробно рассмотрены в следующей главе.

2.3.2.6. Магические практики, направленные на сохранение или приобретение здоровья и красоты

У румын в Молдове существовало представление о том, что солнце в этот период является опасным: “*Se pune salbă fetelor; ca să nu fie pârlite de soare, să nu dea vreun trimis peste ele sau să se prindă farmecele*” («Надевают ожерелье на девушек, чтобы их не обожгло солнце, чтобы на них не навели порчу и не околдовали») [Speranția 1907, vol. VII, f. 20. Цит. по: Olteanu 2001: 128–131].

У румын встречался обычай, согласно которому девушки умывались талой водой, собранной 1 марта, в течение целого года, чтобы стать красивыми и привлекательными. [Mangiuca 1882: Martisoru (Martiu)].

Обычай умываться 1 марта талой водой с целью сохранения/приобретения красоты известен и у украинцев. Увидев ласточку в день

Согласно южнославянским этиологическим легендам, ласточка после Всемирного потопа спасла человека от кровожадной змеи (Босния, болгарские Родопы), а змея откусила ей часть хвоста, отчего хвост ласточки стал раздвоенным (Сербия). Согласно другой легенде, ласточка спасла солнце от пожирающей его змеи, спрятав его под своим крылом (Далмация, Босния и Герцеговина) или унеся его высоко в небеса (Хорватия, Босния).

Сходная легенда о змее и ласточке имеется у турок. У румын существует предание о св. Алексии, превращенном богом в аиста, для того чтобы он лучше собирал змей и гадов, которых случайно выпустил из сундука. Аналогичная легенда бытует у жителей северо-западной Болгарии (а также у белорусов, украинцев, поляков).

В этой легенде мы снова сталкиваемся с противопоставлением птицы (аиста) и различных «тварей», в первую очередь змей. Однако нужно помнить о том, что и птицы, и «хтонические» животные в народном сознании наделяются амбивалентными характеристиками. Так, румыны гадали о здоровье и удаче на основании того, в какой момент человек впервые в течение года увидел перелетную птицу (обычно — ласточку или аиста); таким образом, ее появление могло служить как добрым, так и злым предзнаменованием. В частности, наиболее распространенным было представление о том, что увидеть аиста в воздухе — к удаче и здоровью, а на земле — к болезни и неприятностям [Гура 2004б: 85–88; Гордлевский 1968б: 85–87; Nicolau 1998; Гура, Страхов 1995: 96–100; Creștințe... 2000: 68].

св. Явдохи (Евдокии), 1 марта, ребенок должен был крикнуть: «*Ластівко, ластівко, на тобі веснянки, дай мені білянку!*», а затем умыться талой водой [Воропай 1958: 229–235]. Ср. другой румынский обычай: в некоторых местностях при первой встрече с ласточками в начале весны люди бросали через голову горсть земли, чтобы летом на их лицах не появились пятна [Credințe... 2000: 233–234].

Встречаются сведения, согласно которым в этот день у румын было принято делать «любовную воду» (*apa de dragoste*), которую, вероятно, использовали для приворота [Там же].

На севере Албании зафиксирован обычай брызгать на детей «новой водой», которую они сами набирали затемно в реке или источнике [Юллы, Соболев 2003: 420–421].

У румын Буковины было принято 1 марта освящать растение аконит (*aconitum napellus*, рум. *toaie*), это делал священник, который специально приходил в сад. Считалось, что, вымывшись водой, в которую положен аконит, можно избавиться от любой болезни или порчи [Niculiță-Voronca 2008: 118].

По представлениям румын Олтении, тот, кто не праздновал день Докии, мог заболеть [Speranția 1907, vol. II, f. 231v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–131]. Встречается у румын также представление о том, что Докию нужно праздновать для того, чтобы никто из домашних не заболел оспой и не утонул [Gherman 1926: 41. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133].

По мнению, бытовавшему в некоторых районах румынской Молдовы, тот, кто праздновал Докию, не будет мерзнуть в течение года [Speranția 1907, vol. VIII, f. 26v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–131]. Женщины праздновали Докию для того, чтобы бог не превратил их в камень, как превратил ее [Speranția 1907, vol. VII, f. 78v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–131].

2.3.2.7. Обрядовая выпечка

У **арумын** известен обычай раздавать в этот день испеченные накануне маленькие лепешки с инжиром, финиками или изюмом [Țîrșomnicu 2009: 60–61]. У **болгар** в западной Болгарии, в частности в окрестностях Трына, Врацы, встречался обычай раздавать 1 марта детям медовые хлебцы (*медени питки*). Это делалось для того, чтобы дети были здоровы в течение года [Йорданова 1988: 33]. У румын подобные действия 1 марта, по-видимому, не практиковались (хотя на следующий весенний праздник — день Сорока мучеников — у них также было принято раздавать обрядовые калачи).

Медовые калачи или хлеб с медом у жителей рассматриваемого региона принято раздавать ради того, чтобы уберечься (и в первую очередь это касается детей) от оспы [Василева 1974; Голант 2008]. Наименование мартовской старухи (Баба Марта, Баба Докия) в определенной мере переключается с эвфемистическими наименованиями болезней. Так, у болгар оспа именуется *Баба Шарка*, у румын злые духи, которые мучают маленьких детей, могут называться *băbiți* [Там же].

Что касается ритуальной выпечки, изготавливаемой 1 марта, то она встречается и у албанцев. Так, в северной Албании зафиксирован обычай печь в этот день особый пшеничный хлеб — *kul`aç Dit V`erje* ‘калач дня весны’ [Юллы, Соболев 2003: 420–421].

* * *

Как уже говорилось, основными датами, маркирующими период, посвященный мартовской старухе у балканских народов, во многих случаях являются 1 марта (день св. Евдокии) и 9 марта (день Сорока мучеников). Эти же даты наиболее насыщены обычаями. Цель магических практик — защита людей от злых сил, сохранение здоровья и красоты, обеспечение урожая и приплода скота в течение года.

Для характеристики первых дней марта у народов Карпато-Балканского региона важно то, что и восточнороманские народы, и южные славяне, и греки являются в известном смысле преемниками византийской (в более широком смысле — переднеазиатской) традиции отсчитывать новый год от начала весны или дня весеннего равноденствия [Агапкина 2002: 29]. У восточнороманских и южнославянских народов отнесенность нового года к 1 марта наиболее выразительно проявляется в приуроченности к этой дате «заемных дней», или «дней старухи», и связанного с ними комплекса обрядов [см.: Кабакова 1994; Агапкина 2002: 30]. Этот период соответствует практически всем «параметрам» календарного рубежа, циклически повторяющегося «Нового года», обозначенным Мирчей Элиаде в его теории «вечного возвращения», — периода, разделяющего старое и новое время (в классическом варианте это двенадцатидневье — таково число «дней старухи» в наиболее архаических зонах); «визиты» мертвых к живым (их ожидание характерно для дня Сорока мучеников — рум. *Moșii*, который в ряде регионов считался последним из «старухиных дней»); присутствие на земле хтонических существ (в данном случае в качестве таковых зачастую выступают определенные животные); тушение старого и зажигание нового огня, обряды очищения, изгнание демонов и т.д. [Элиаде 1987: 65–92].

Наступление сезонного перелома демонстрируется также высокой терминологической «нагруженностью» этого переходного периода, причем хронимы зачастую имеют отрицательную коннотацию, отражающую предполагаемую опасность этого времени для людей [Агапкина 2002: 32].

Возможно, в связи с легендой о мартовской старухе у румын существовало общее представление о том, что 1 марта является несчастливым. Так, румыны Южной Буковины (жудец Ботошань) считали, что 1, 11 и 21 марта — несчастливые дни, когда не следует начинать какое-либо дело [Niculiță-Voronca 2008: 118]. По представлениям жителей Олтении, в день Докии легко было подвергнуться порче или сглазу [Speranția 1907, vol. I, f. 187. Цит. по: Olteanu 2001: 128–131].

Очевидно, именно в связи с представлениями об «опасности» данный период является столь насыщенным различными запретами, предостережениями, рекомендациями выполнять или не выполнять определенные действия. С этой особенностью, очевидно, связан и обычай ношения особых оберегов — мартовских нитей, широко распространенный в Карпато-Балканском регионе, которому посвящена вся следующая глава.

Глава 3

МАРТОВСКАЯ НИТЬ: ПРЕДМЕТНЫЙ КОД В РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

3.1. Номинация мартовской нити

Обычай ношения мартовской нити¹ существует у румын, молдаван, арумын, болгар, македонцев, греков и албанцев, то есть у большинства балканских народов (см., например: [Анфертьев 1979б: 130–135; МДАБЯ 2005: 90–91]). В середине — второй половине XX в. обычаем ношения мартовских нитей фиксируется и у некоторых других этнических групп, например у украинцев и евреев Молдовы, у немцев, проживающих в Румынии [ПМА 2002; 2011б; 2005б (информант Кристина Гинда, уроженка города Ватра Дорней)].

Некоторые болгарские и румынские ученые с уверенностью именуют названный обычай, соответственно, болгарским (Л. Йорданова) или восточнороманским (И. Гиною) (см.: [Йорданова 1996; Ghinoiu 2001: 117–118]).

Болгарский исследователь Л. Йорданова, исследуя мартовские ритуалы, связанные с изготовлением мартовских нитей в Болгарии, приводит материалы, свидетельствующие о связи обычая вывешивать во дворе различные предметы из ткани, пряжи, ниток красного цвета, и обычая изготовления и ношения мартовских нитей [Йорданова 1988: 44]. Однако обычай ношения мартовских нитей распространен в гораздо более широком ареале, нежели традиция вывешивания во дворе красной ткани и одежды. Впрочем, согласно исследованиям А.А. Плотниковой, конфигурация изодоксы² «мартовская нить» располагается почти параллельно изодоксе «вывешивание 1 марта красной ткани» [Плотникова 2004б: 129].

---

¹ Данный термин заимствован автором у А.Н. Анфертьева [Анфертьев 1979в: 133–139].

² Данный термин предложен в статье Н.И. Толстого и С.М. Толстой [Толстой, Толстая 1978: 46–47].

У румын мартовская нить почти повсеместно обозначается термином *mărțișor* (*мэрцишор*) [Fochi 1976: 198–202; Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2002. 2: 217–218; 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319]. Румынский исследователь И. Гиноу в своей работе «Сокровище сел: народный календарь» [Ghinoiu 2005: 57] приводит карту из «Малого лингвистического атласа Румынии», где отмечены и другие названия, например: *Dochia* (Докия)¹ (жудец Бакэу, румынская Молдова), *Luna lui Marta* «месяц Марты» (жудец Телеорман, Мунтения)², *Luna lui Martie* «месяц март» (жудец Вылча, Олтения), *Marț* (Западные Горы), *Mart*, *Marte* (жудец Яссы, Молдова) [Там же; Плотникова 2009]. У румын Мунтении в качестве наименования мартовской нити был зафиксирован термин *mărț* (опред. форма — *marțu*, *marțul*) (жудец Прахова, жудец Джурджу) [Densușianu 1926: 313; Sărbători... 2009. 5: 283–284].

На территории Республики Молдова наряду с наименованием *mărțișor* зафиксирован также термин *mărțișuș* [Попович 1977: 287–295].

У румын (влахов), живущих на территории Болгарии — в долине р. Тимок (область Видин) и придунайских районах областей Враца и Плевен, наряду с термином *mărțișor* употребляется термин *мартеница* (*мартеничка*), заимствованный у болгар, — г. Брегово (община Брегово), с. Градковски Колиби (община Бойница), с. Дружба, Гомотарци (община Видин) в области Видин, с. Остров (община Оряхово) в области Враца, с. Милковица (община Гулянци) в области Плевен [Atlasul... 2011. 1: 100–101; ПМА 2005а, ПМА 2012а]. В таких населенных пунктах области Видин, как с. Тополовец (община Ружинци), Раброво (община Бойница), Гымзово, Балей (община Брегово), Покрайна (община Видин), Флорентин (община Ново село), употребляется только термин *mărțișor* [Atlasul... 2011. 1: 100–101]. У румын (влахов), живущих в г. Козлодуй и с. Хырлец (община Козлодуй) в области Враца, в с. Черковица и Драгаш войвода (община Никопол) и с. Белене (община Белене) в области Плевен, употребляется только термин *мартеница* (*мартеничка*) [Atlasul... 2011. 2: 102–103].

У арумын это украшение-оберег также именуется *mărțu* [МДАБЯ 2005: 90–91; Țîrcomnicu 2004: 141–142].

¹ В данном случае название мартовской нити совпадает с именем мартовской старухи.

² В Телеормане, как говорилось выше, были зафиксированы сведения, согласно которым мартовская старуха носила имя «Марта» [см.: Fochi 1976: 23–29].

У болгар наименования мартовской нити более разнообразны, хотя чаще встречается термин *мартеница* (*мартеничка*). Бытуют у болгар и такие термины, как *марта* (ряд населенных пунктов в Пиринском крае; с. Крапец (община Шабла), Былгарево (община Каварна), Александрия (община Крушари) в области Добрич в Южной Добрудже), *мартенка* (с. Пирин, община Сандански, область Благоевград, Пиринский край), *мартичка* (с. Александрия, община Перник, область Перник; с. Костанденец, община Цар Калоян, область Разград, этнографическая группа капанци), *мартенича* (с. Мырчаево, Столична община, область София)¹, *Баба Марта* (г. Шипка, община Казанлык, область Стара Загора), *мартишора*² (с. Пчеларово, община Генерал-Тошево, область Добрич, Южная Добруджа), *китица* (г. Грамада в области Видин и некоторые другие населенные пункты на северо-западе Болгарии), *китичка* (с. Костанденец, община Цар Калоян, область Разград, *капанци*), *гадалушка* (г. Лясковец в области Велико Тырново и др. населенные пункты в северной и центральной Болгарии), *кичилка*, *байница*, *тъстих* «четки» (Родопы) [Дражева 1980; Василева 1985; Йорданова 1996: 65–66].

Большинство наименований мартовской нити у болгар, как и у других балканских народов, происходят от названия первого весеннего месяца. Термины *китица*, *китичка*, *кичилка*, по-видимому, являются производными от глагола «украшать», «убирать цветами». Появление терминов *гадалушка* и *байница*, очевидно, связано с использованием мартовских нитей для гаданий и магических действий [см.: Йорданова 1996: 65–66; Василева 1985].

У македонцев мартовская нить может именоваться *мартинка*, *мартинче*, *марте*; в Западной Македонии также *моъак*, *мръак*, *млъак* [Миладинови 1981: 522; Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149; Плотнокова 2004б: 130; Кашуба 1977].

У греков мартовские нити могут называться *μάρτες* (pl. от слова «март»), *ὁ μάρτης* (m. sg.), *ἡ μάρτα* (f. sg.) [Анфертьев 1979б: 130]. Встречаются также такие греческие наименования мартовской нити, как *οὐ Μαρτ΄*, *οὐ Μαρτ΄ς* (с. Эратира, округ Козани, западная часть греческой Македонии), *m'arti* (с. Кастелли — *Καστέλλ*, район Калаврита, Пелопоннес), *το Μαρτοάτονο* (о. Карпатос) [Зайковская, Зайковский, 2001; МДАБЯ 2005: 90–91; Пономарченко 2001].

¹ В прошлом — область Перник.

² Данное название, несомненно, обязано своим появлением румынскому влиянию.

У гагаузов Южной Бессарабии это украшение-оберег именуется *marta* [Сорочяну 2006: 162].

У албанцев для обозначения мартовских нитей употребляются такие лексемы, как *verore* «летние» (Эльбасан), *martэ* (*mart/ë*, *-a*), *martpa* (*martra* — pl. от *martë*), *guduvere kose*¹, *smilirësh* [см.: Анфертьев 1979б: 130–131; Новик 2010а; Юллы, Соболев 2003; МДАБЯ 2005: 90–91]. У албанцев Приазовья наряду с термином *martë* бытует также термин *Babo Martë* [Новик 2010а]. В «Малом фольклорном словаре» Т. Папахаджи приводится термин *manak*, также обозначающий мартовскую нить у албанцев (ср. макед. *моњак*) [Leotti 1937: 642. Цит. по: Papahagi 1979: 323–328; Meyer 1891: 257. Цит. по: Papahagi 1979: 323–328].

3.2. Конструктивные параметры мартовской нити

Цветовые характеристики мартовских нитей у румын довольно разнообразны, однако чаще всего встречается двухцветный мэришпор, изготовленный из двух перевитых ниток — красной и белой. Двухцветная красно-белая мартовская нить была распространена у румын еще во второй половине XIX в. [Fochi 1976: 198–202]. Согласно сведениям из отдельных районов Олтении (жудец Вылча и бывший жудец Романац), Мунтении (жудец Арджеш) и румынской Молдовы (жудецы Нямец и Васлуй), мартовская нить могла быть и одноцветной — красной [Там же]. В прошлом встречались также черно-белые мартовские нити. Их бытование зафиксировано, в частности, у румын в жудеце Мехединць и у арумын — потомков переселенцев из Пинда в румынской Добрудже. Как правило, такие мартовские нити изготавливались из неокрашенной овечьей шерсти, однако у арумын встречались и черно-белые мартовские нити из хлопчатобумажных ниток [ПМА 2010; Țircomnicu 2004: 142]. Встречаются и сведения о том, что в Олтении (жудец Вылча) и Мунтении (жудец Брэила) встречались черно-красные мартовские нити [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2009. 5: 283–284], в Мунтении (жудец Телеорман, жудец Арджеш) — также красно-черно-белые [Sărbători... 2009. 5: 283–284], а в румынской Молдове (жудец Вранча) — сине-красные [Fochi 1976: 198–202]. В южной Трансильвании (жудец Брашов) для

---

¹ Вторая часть этой двусоставной лексики происходит, вероятно, от славянского ‘коса’, этимология первой неясна (см.: [Анфертьев 1979б: 130–131]).

изготовления мартовских нитей могли использовать красные, белые, синие и желтые нитки [Sărbători... 2003. 3: 280–281].

В период с конца XIX до середины XX в. при изготовлении румынских мартовских нитей могли использоваться и шерстяные, и хлопчатобумажные, и конопляные, и льняные, и шелковые нитки [Fochi 1976: 198–202; Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2002. 2: 217–218; 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; Голант, Плотникова 2012]. По словам информантов из различных населенных пунктов Олтении и Мунтении, еще в середине XX в., в частности в годы Второй мировой войны и первые послевоенные годы, женщины, девушки и девочки делали мартовскую нить чаще всего из хлопчатобумажных ниток (из них изготавливали как сам оберег, так и декоративные объекты, крепившиеся к нему, — для этого нитками обвивали кружки или квадратики, вырезанные из картона). Такую мартовскую нить могли носить, повесив на шею или приколов на грудь с помощью булавки [ПИМА 2005б (информант Лучия Флореску); Голант, Плотникова 2012: 361–423; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информант Мария Бэдулеску, ком. Байя-де-Фьер)]. В Трансильвании встречались мартовские нити, изготовленные из цветных бусин, нанизанных на нить (жудец Сэлаж) [Sărbători... 2003. 3: 280–281].

В настоящее время румынская мартовская нить всегда является двухцветной — красно-белой — и почти всегда изготавливается из двух шелковых ниток (концы ее при этом заканчиваются кистями) (см. рис. 4 и др.). На территории Республики Молдова мартовские нити и в настоящее время чаще всего бывают изготовлены из хлопчатобумажных ниток (всегда — красной и белой) (рис. 5).

У румын (влахов), живущих в болгарской части долины р. Тимок (область Видин) и придунайских районах областей Враца и Плевен, распространены и шерстяные, и шелковые, и хлопчатобумажные мартовские нити. Здесь также встречаются только двухцветные (красно-белые) артефакты [Atlasul... 2011. 1: 100–101; 2011. 2: 102–103].

Болгарские мартовские нити (*мартеници*) также чаще всего были изготовлены из красной и белой ниток, однако нередко встречались и *мартеници*, изготовленные только из красных ниток (например, в Пловдивском крае — с. Михилци (община Хисаря, область Пловдив) и Слатина (община Карлово, область Пловдив)) [Миков 1985: 46, 66; Стаменова 1986: 244–283]. Существовали у болгар и белые мартовские нити. В некоторых областях Болгарии были распространены двухцветные *мартеници* из красной и синей нитей (районы Софии и Мелника)

Рис. 4. *Мэрцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити, кулона в форме четырехлистного клевера и открытки. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-49

Рис. 5. *Мэрцишор* для ношения на груди. Молдаване, Республика Молдова, конец XX — начало XXI в. Музей истории и этнографии, г. Бельцы. Фото из архива автора

[Миков 1985: 46, 66; Колева 1977]. Также у болгар встречались многоцветные *мартеници* (главным образом в Родопах) [Миков 1985: 46, 66; Колева 1977]. У капанцев в северо-восточной Болгарии было принято повязывать 1 марта бело-сине-красные *китички* ягням, тогда как люди носили бело-красные *мартички* [Василева 1985]. Однако, по мнению ряда болгарских исследователей, многоцветные мартовские нити появились значительно позже, нежели двухцветные и одноцветные [Миков 1985: 46, 66; Колева 1977]. Традиционные болгарские мартовские украшения-обереги изготавливались чаще всего из шерсти, однако встречались также мартовские нити из хлопчатобумажных (в частности, в области София и у капанцев в северо-восточной Болгарии), а также из шелковых, льняных и конопляных ниток [Миков 1985: 46, 66; Василева 1985; 1993]. В наши дни болгарские мартовские нити, как правило, изготавливаются из шерстяных ниток и чаще всего являются двухцветными — красно-белыми. Однако современная болгарская *мартеница* может быть и трехцветной: бело-красно-зеленой, бело-красно-синей и т.д.

У **македонцев** тоже распространены бело-красные мартовские нити (Струга, Дебар); наряду с ними встречаются черно-белые — из неокрашенной белой и темной овечьей шерсти — и красно-черно-белые (район Охрида) [Миладинови 1981: 522; Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149; Плотникова 2004б: 130; Китевски 1996б]. Встречаются сведения, согласно которым *мартинки* могли изготавливать из шерсти, собранной в овчарне или с веток елей и кустов терновника, о которые чесались овцы [Китевски 1996б]. В области Дебар встречалась мартовская нить (*мльак*) из красных шелковых и белых льняных нитей (информация из с. Галичник, община Маврово и Ростуша, Западная Македония) [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149].

У **гагаузов** Южной Бессарабии также встречаются только красно-белые мартовские нити [Сороच्याн 2006: 162].

У **албанцев** бытуют мартовские нити, изготовленные из ниток белого, черного, красного и желтого цветов (сведения из с. Мухурр крайны Дибра) [Юллы, Соболев 2003: 420–421]. У абанцев Южной Бессарабии и Приазовья мартовские нити всегда изготавливались из красной и белой ниток [ПМА 2011а; Новик 2010а]. Согласно сведениям, записанным А.А. Новиком в с. Георгиевка Запорожской обл. Украины, нитки, использовавшиеся для их изготовления, могли быть хлопчатобумажными, шелковыми или шерстяными; чаще всего использовались хлопчатобумажные нитки [Новик 2010а].

У **турок** Охрида (Македония) наряду с бело-красными бытуют бело-желтые мартовские нити, которые сперва вешают на шею детям, а затем — на розовый куст, «отдавая» ему болезни и зло, которые символизирует желтый цвет [Салих 1973: 229–232; Анфертьев 1979б: 134]. (Ср. использование цветных нитей в румынской врачующей магии: в некоторых областях Румынии человек, больной желтухой, носил на шею в течение недели желтую нитку, а затем менял ее на красную [Olteanu 1998: 73–74]. Желтая нить в данном случае символизирует болезнь (желтуху), красная — здоровье. Похожим образом в народной медицине использовались и черные нити: больному ребенку повязывали во вторник вечером¹ нитку из черного шелка вокруг шеи; другую шелковую нитку того же цвета повязывали вокруг куста роз в саду; в среду утром эти две нити меняли местами, после чего, как считалось, ребенок должен был выздороветь [Ibid.: 73].)

У **греков** более всего распространены бело-красные мартовские нити, но встречаются также бело-голубые (на севере Греции), красно-бело-голубые (на островах южной Греции — Родос, Карпатос) и красно-золотые [Зайковская, Зайковский 2001; Пономарченко 2001; Иванова 1977б]. На островах Кикладского архипелага в первые дни марта детям надевали на пальцы рук вместо мартовских нитей кольца или бусы из стекла и кораллов [Иванова 1977б]. Также в островной части Греции известен обычай повязывать 1 марта на запястье красную шерстяную нитку [Чёха 2009: 53–61].

3.2.1. Цветовая символика мартовской нити: типологические параллели

Красная нить была одним из самых распространенных оберегов в румынской традиционной культуре. Она использовалась в качестве средства защиты от глаза и болезней, а также в магических практиках,

---

¹ Это время у румын считалось неподходящим для работы, однако благоприятным для выполнения магических действий. Так, существовало представление о том, что женщин, которые занимаются прядением или др. рукоделием вечером во вторник (или в ночь со вторника на среду), наказывает мифологическое существо, именуемое *Martî Seara* ‘вторник вечер’ или *Marțolea*, либо *Sfânta Miercuri* ‘святая среда’ (см., например: [Olteanu 1998: 187–188]). Жители Марамуреша верили, что по нити, изготовленной во вторник вечером, *вырколаки* [*vârcolaci*, sg. *vârcolac*] — существа, пожирающие Луну, — могут взобраться на Луну с Земли [Ghinoiu 2001: 116].

направленных на излечение. Например, у румын Буковины существовал обычай, согласно которому повитуха после рождения ребенка изготавливала кисть из красной шерсти и прибавала ее над дверью [Ciauşanu 2001: 194]. В Молдове в тех же обстоятельствах вонзали в порог иглу с продетой в нее красной ниткой [Ibid.]. В ряде областей Румынии, в том числе в Олтении, красную нить повязывали на руку младенцу [Голант 2008]. Кроме того, красные нити могли продевать детям в уши, чтобы защитить их от сглаза [Credinţe... 2000: 90]. В Мунтении на шею ребенку надевали красную ленточку с подвешенной к ней долькой чеснока, чтобы уберечь его от сглаза [Ciauşanu 2001: 194]. В Олтении встречается обычай, согласно которому беременная женщина, которая должна была присутствовать на похоронах, повязывала красную нить на палец руки [Голант 2008]. Кроме того, у румын широко распространен обычай повязывать красные нити на шеи и хвосты домашних животных, в первую очередь новорожденных, а также очень красивых [Credinţe... 2000: 90].

Использование белой нити в качестве самостоятельного оберега или магического средства у восточнороманских народов, по-видимому, не было распространено. Однако нужно отметить, что у румын существует представление, согласно которому белый цвет, так же как и красный, способен защитить от сглаза. Это представление выражено в поговорке «Красную вещь не сглазят в лавке, а белую кобылу — в табуне» (*“Nici roşul nu se deoache la prăvălie, nici iapa albă în herghelie”*) [Ibid.].

В румынском языке прилагательное «белый» (*alb*) может использоваться в значении ‘прозрачный’, ‘чистый’, а также ‘невинный’. Устойчивое выражение «белые дни» (*zile albe*) обозначает безмятежную, счастливую жизнь, «белый свет» (*lumea albă*) в народных сказках означает ‘реальный мир’, ‘мир людей’. Существует также устойчивое выражение «белые деньги на черный день» (*bani albi pentru zile negre*) [DEX 1998: 23]. В то же время обозначение красного цвета в румынском не имеет такого количества положительных коннотаций, как в славянских языках (см. ниже). Например, выражение “*a vedea roşu*” (*înaintea ochilor*) («видеть красное (перед глазами)») обозначает «очень сильно разозлиться», «выйти из себя» [Ibid.: 934]. (В скобках заметим, что обозначения черного и синего цветов в румынском языке имеют преимущественно отрицательные и в значительной мере сходные коннотации. Так, выражение *inimă-albastră* ‘синее сердце’ обозначает грусть, досаду или ярость; выражение “*a avea inima neagră*” ‘иметь черное сердце’ означает «быть грустным» [Ibid.: 24, 682].)

В литературе встречаются различные трактовки символики основных цветов мартовской нити. Согласно одной из них, красная нить символизирует здоровье и силу (кровь, румянец) и является оберегом, защищающим от болезней, а белая — долгую жизнь (седину). Болгарский исследователь Л. Йорданова пишет, цитируя, вероятно, слова своих информантов, что болгары повязывают детям мартовские нити, “*за да бъде детето здраво и червено, да остарее и побелее*” — «чтобы был ребенок здоровым и румяным (красивым? — букв. ‘красным’), чтобы состарился (то есть дожил до старости) и поседел» [Йорданова 1996: 98]. Представители этнографической группы капанци в северо-восточной Болгарии объясняли обычай ношения мартовских нитей (преимущественно детьми и девушками) следующей фразой: «*Да ставаме бели и червени, да не ни почерни баба Марта*» («Чтобы мы были белыми и румяными (красными), чтобы нас не почернила баба Марта») [Василева 1985]. Поговорка, сходная с болгарской, существует у македонцев, которые повязывали себе мартовские нити со словами: «*Да сме бели и червени като тези мартинчета*» («Чтобы нам быть такими же белыми и румяными (красными), как эти мартовские нити») [Китевски 1996а: 73; Плотнокова 2004б: 131]. Сходное объяснение обычая ношения мартовской нити было зафиксировано и у румын: “*Cruciulița era cumpărată și un fir de ață roșie și albă lucrat de fete, să fie albe și roșii ca măștișorul*” («Крестик был купленной с нитью из красной и белой ниток, сделанной девушками, чтобы быть белыми и красными, как *мэртишор*») (с. Лерешть, жудец Арджеш, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. Л. Йорданова отмечает также, что ношение красно-белых мартовских нитей на исходе зимы связано с тем, что в этот период и пищевые запасы, и жизненная сила людей и животных на исходе [Йорданова 1988: 45].

Встречается также мнение, согласно которому белый и красный цвета не составляют бинарной оппозиции, а находятся в функциональном и семантическом единстве [см.: Миков 1985: 46]. Здесь можно вспомнить болгарский обычай развешивать 1 марта предметы одежды красного цвета на воротах, заборах и хозяйственных постройках, и объяснение, которое дают этому обычаю жители Южной Добруджи: «*Сутринта на 1 март изнасят червена дреха, за да има бели овце, защото бялата вълна лови червена боя*» («Утром 1 марта выносят наружу красную одежду, чтобы иметь белых овец, потому что белая шерсть “ловит” красную краску (то есть может быть окрашена в красный цвет)») (г. Алфатар, область Силистра, Болгария) [Василева 1974]. Однако в той же Южной Добрудже, как и в ряде других районов Болгарии, аналогичная практика имеет и дру-

гое объяснение — нужно вывесить во дворе одежду, лоскутки или нитки красного цвета, чтобы погода была теплой: «*Да е весела Марта, да не се люти*» («Чтобы была Марта веселой, чтобы не злилась»), и ни в коем случае нельзя выносить из дома какие-либо предметы белого цвета, чтобы летом не было дождя [Там же].

Для южных славян слова «белый» и «красный» являются в определенном смысле синонимами слова «красивый». У болгар и македонцев словосочетание «*бела-червена*» — устойчивый эпитет для красивой девушки или женщины. Так, *вилы* (мифологические существа в образе прекрасных женщин) могут обозначаться эвфемизмом «*бели-червени*» [Плотникова 1996: 45–46]. Вспомним также приведенные выше болгарские и македонские поговорки-пожелания для тех, кто носит мартовские нити: «*да сме бели и червени*» (букв. «чтобы мы были белыми и красными») и т.д. В этой связи можно вспомнить русское устойчивое выражение «*красна девица*» и др., а также укр. «*біла дівка*», «*білий хлопець*», укр. гуцул. *білявина*, *білявка*, *білявочка* — ‘милая’, ‘возлюбленная’ [Колесса 1938: 54–55; Гуцульски говірки 1997: 26].

В качестве отступления заметим, что В. Тернер, изучавший символику цветов на материалах африканских культур, также утверждал, что эти два цвета, красный и белый, не могут быть определены как бинарная оппозиция, но являются членами триады, которую образуют вместе с черным цветом [Тэрнер 1983: 73]. Основываясь на материалах культуры *ндембу*, Тернер делает следующие выводы: *белый цвет* может символизировать как женское начало (грудное молоко), так и мужское (сперма); аналогичным образом красный цвет может представлять как мужское начало (например, кровь, пролитая на охоте или на войне), так и женское (например, менструальная кровь или кровь, пролитая при рождении ребенка) [Там же: 72–73, 76–79]. Нормальная (здоровая) сперма может быть представлена белой или бело-красной, бесплодная — черной или черно-белой [Там же: 78, 92–93]. В одних ритуалах белый цвет может символизировать женское начало, а красный — мужское, в других — наоборот [Там же: 72]. Обозначение белого цвета во всех случаях имеет позитивные коннотации, это цвет чистоты и возрождения. Даже в погребальных ритуалах белый цвет присутствует как символ очищения, но не как символ смерти (например, у группы *убанги* родственники усопшего в определенный момент погребальной церемонии красят свои тела в белый цвет) [Там же: 80]. Красный цвет является амбивалентным: он символизирует фертильность и здоровье, то есть жизнь, но также и опасность, так как функция живых — не только

порождать себе подобных, но и *убивать* [Там же: 80, 90]. Черный цвет символизирует смерть, нечистоту и бесплодие [Там же: 80]. Красный цвет в одних случаях является практически эквивалентным белому, в других — подобен черному. Например, кровь роженицы, пролитая при рождении ребенка, или кровь, пролитая в медицинских целях, у *идембу* обозначается красным цветом; менструальная кровь или кровь, пролитая при убийстве, — красным и/или черным, а кровь, пролитая на охоте или при жертвоприношении на могилах предков — красным и/или белым. Для большинства ритуалов в охотничьих культурах типичны красные и белые символы [Там же: 90].

Как было сказано выше, существуют сведения, согласно которым в румынских, арумынских, македонских и албанских мартовских нитях может присутствовать черный цвет (наряду с красным и/или белым) [Sărbători... 2001. 1: 266–268; Плотникова 2004б: 131; Юллы, Соболев 2003: 422], однако такие упоминания встречаются сравнительно редко¹.

Как пишет В. Тернер в монографии «Символ и ритуал», ссылаясь на материалы африканских культур, черный цвет часто присутствует в триаде «белый–красный–черный» как некий «молчаливый партнер» или «ленивый бог» и нередко исчезает из символики ритуалов [Тэрнер 1983: 80–81]. Можно предположить, что подобным образом исчез черный цвет и из хроматики мартовских нитей, коль скоро упоминание о таких явлениях, как темнота, холод, бесплодие и смерть, считалось нежелательным. На наш взгляд, в румынской традиции присутствие в рассматриваемом украшении-обереге красной нити связано прежде всего с защитной функцией, а белой — с симпатической магией, направленной на сохранение или приобретение красоты (аналогичную функцию выполняла серебряная монета, подвешиваемая к мартовской нити, — см. ниже).

3.2.2. Подвески к мартовской нити

В конце XIX — начале XX в. румынский *mărțișor* очень часто представлял собой шнурок из двух перевитых нитей с подвешенной к нему серебряной, медной или (изредка) золотой монетой. Встречались и мартовские нити, к которым было подвешено несколько монет [Fochi 1976: 198–202; Ghinoiu 1997: 119–120]. Монета была типичным украшением и для молдавских мартовских нитей [Попович 1977: 287–295].

¹ В этой связи можно вспомнить сравнение черно-белой ласточки с мартовской нитью, которое делает Т.В. Цивьян [Цивьян 2009: 48–52].

Монета, в первую очередь серебряная, очевидно, воспринималась как магический предмет, который может принести человеку здоровье, удачу и, возможно, богатство [Там же; Olteanu 1998: 22]. У восточнороманских народов монеты широко использовались в различных магических практиках. Например, жители некоторых сел жудеца Горж (Олтения) на третью ночь после рождения ребенка оставляли на каравае хлеба серебряную монету для *ursitoare* — мифологических существ в образе женщин, предсказывающих и определяющих судьбу ребенка. На следующий день эту монету вешали младенцу на грудь (*монета в данном случае символизирует удачу*) [Pamfile 2000: 7–8]. В Олтении же был зафиксирован обычай, согласно которому женщины протягивали серебряную монету через ворот и рукава новой одежды, прежде чем надеть ее на ребенка. Это делалось для того, чтобы уберечь его от злых чар, чтобы он рос здоровым и ему сопутствовала удача (в этом случае *монета является символом удачи, здоровья и оберегом от злых чар*) [Olteanu 1998: 22]. В некоторых районах Румынии серебряные монеты использовались для исцеления ран. Для этого монету помещали на рану, сверху накладывали повязку, и так оставляли на несколько дней (*монета должна была способствовать восстановлению здоровья*) [Там же]. У румын встречается и обычай, согласно которому в день св. Георгия девушки умывались водой, в которую предварительно клали серебряные монеты, «чтобы быть белыми и чистыми, как серебро» (*серебряная монета выступает как символ чистоты, ей приписываются очищающие свойства*) [Там же]. У молдаван в бывшем Бендерском уезде во время помолвки жених и невеста мыли руки водой из кувшина, в который были положены монеты, «чтобы было изобилие в хозяйстве» (*монета воспринимается как символ богатства*) [Зеленчук 1959: 24].

Привлечение богатства, вероятно, является более поздней функцией монеты-оберега по сравнению с другими функциями, упомянутыми выше. Функции сохранения чистоты и здоровья, а также привлечения удачи, приписывались, очевидно, не только монете как таковой, но и металлу, в первую очередь серебру. Другим довольно распространенным украшением румынской мартовской нити был крестик, также изготовленный, как правило, из металла [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2002. 2: 217–218; 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284]¹.

¹ Иногда встречаются сведения, согласно которым этот крест мог быть изготовлен из дерева грецкого ореха (жудец Дымбовица, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 283–284].

Монета, когда-то являвшаяся почти обязательным дополнением к румынской мартовской нити, позже была заменена различными декоративными объектами, большинство из которых представляют собой различные символы счастья и удачи — изображение ключа, четырехлистного клевера, божьей коровки, подковы и т. д. Чаще всего они также бывают изготовлены из металла (несколько десятилетий назад их делали из серебра или золота, в настоящее же время — чаще всего из жести, покрытой цветной эмалью) (см. рис. 4).

Монетой часто бывала украшена и арумнская мартовская нить. Другим распространенным дополнением к мартовской нити у арумын был крестик или бусина (бусины) [Țigomnicu 2004: 191–192; 2009: 60–61].

Старинные болгарские мартовские нити также довольно часто украшались монетами (такое украшение было распространено, в частности, в области Пловдив) [Йорданова 1988: 44; Стаменова 1986].

У македонцев также встречались мартовские нити с нанизанными на них монетами. В частности, в с. Галичник (община Маврово и Ростуша, область Дебар) красно-белый *мльак* из шелковой и льняной нитей украшался несколькими старинными серебряными и золотыми монетами [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149]. Обычай украшать мартовские нити старинными монетами зафиксирован и у турок в Охриде (Македония) — в данном случае монеты символизируют силу и богатство [Салих 1973: 229–232; Анфертьев 1979а: 134].

Старинные болгарские мартовские нити могли быть украшены подвешенными к ним головками чеснока¹ или прядями конского волоса [Мигов 1985: 46, 66; Колева 1977]. Позже у болгар появились *мартеници*, украшенные бусинами, а также кистями, помпонами и т. д., изготовленными из ниток [Йорданова 1988: 44; Василева 1993; Стаменова 1986]. В ряде населенных пунктов области София мартовская нить, называемая здесь *марта*, была украшена кистями-куколками, которые именовались мужским и женским именами, например Пенчо и Пена (сведения из села Драгалевци, ныне являющегося кварталом Софии) [Василева 1993]. Мартовские нити с подвешенными к ним шерстяными кистями, куколками и т. д. широко распространены в Болгарии и в настоящее время (рис. 6).

---

¹ Использование чеснока в качестве оберега (для защиты от диких зверей, от глаза и нечистой силы) было характерно и для восточнороманских народов, однако мы не располагаем сведениями о том, что они подвешивали чеснок к мартовским нитям.

Рис. 6. *Мартеница* для ношения на груди, украшенная изображением двух куколок. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-74

У болгар же распространены *мартеници*, украшенные бусинами, чаще всего голубыми или синими [Миков 1985: 46, 66] (рис. 7).

Рис. 7. *Мартеница* для ношения на груди, украшенная синей бусиной. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-97

Для мартовских нитей бессарабских болгар этот декоративный объект является одним из наиболее типичных [ПМА 1999 (информант Мария Н. Кирмикчи, с. Чийшия)]. Синяя (голубая) бусина, очевидно, является оберегом, заимствованным болгарскими турками. Ношение украшений из голубых бус — бирюзовых, а также стеклянных, деревянных и пр. «глазчатых» — является типичным для турок [Курылев 1970]. Ношение амулетов из синего стекла, украшенных изображением «глаза», распространено в Турции и в наши дни. Современные мартовские нити, бытующие в Болгарии, также нередко украшены синей бусиной с изображением «глаза». В этих амулетах-украшениях можно увидеть свидетельство амбивалентного восприятия синего (голубого) цвета. С одной стороны, синие «глазчатые» бусины возникли, очевидно, как обереги, функцией которых была защита того, кто их носит, «от дурного глаза», — им приписывалась способность отразить взгляд «дурных» (в первую очередь голубых, светлых) глаз. Нужно отметить, что отношение к голубым глазам как к «дурным» встречается не только у турок, но и у многих балканских народов, в том числе у румын, греков, части южных славян (см.: [Candrea 1944]), так как у подавляющего большинства представителей этих народов карие глаза. Таким образом, синий цвет бус становится цветом оберега, объекта, который защищает своего хозяина, то есть *предпочитаемым* цветом украшений, и т.д. В культуре восточнороманских народов восприятие синего цвета является амбивалентным (об отрицательных коннотациях обозначения синего цвета в румынском языке говорилось выше), хотя его роль в традиционной культуре, по-видимому, не является столь заметной, как в культуре тюркских народов, а также болгар и греков. Однако в некоторых районах Румынии встречаются, как уже говорилось, мартовские нити, изготовленные из белой и синей или красной и синей ниток [Ghinoiu 1997: 120; Fochi 1976: 198–202]. Для румын украшение мартовских нитей синими бусинами нехарактерно, однако женщины-влашки из Видинского округа на северо-западе Болгарии в наши дни изготавливают на продажу, среди прочих, и мартовские нити, украшенные синими или голубыми бусинами, «глазчатыми» или имитирующими бирюзу [ПМА 2005а (информант Наташа Бакырова-Найденова, г. Брегово)].

Синий (голубой) цвет нередко присутствует и в мартовских нитях греков, которые, как уже говорилось, могут быть изготовлены из белой и голубой (в северной Греции) или красной, белой и голубой (на островах южной Греции) ниток [Зайковский, Зайковская 2001: 152–181; Пономарченко 2001: 182–198].

3.3. Функциональные параметры мартовской нити

Согласно сведениям, собранным этнографами в 70–80-е годы XX в., у **румын** мартовские нити чаще всего носили дети, женщины, девушки и юноши¹ [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2002. 2: 217–218; 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284]. Гораздо реже их носили взрослые мужчины (жудец Нямц — Молдова, жудец Сучава — Южная Буковина, жудец Харгита — Трансильвания) или старики (жудецы Ботошань, Васлуй, Бакэу — Молдова, жудец Арджеш — Мунтения) [Sărbători... 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284].

Изготавливали эти украшения-обереги матери для детей, женщины и девушки для себя, реже — дети для самих себя; встречаются также сведения, согласно которым девушки дарили мартовские нити своим возлюбленным (записаны, в частности, в жудеце Бакэу — Молдова, в жудеце Бузэу — Мунтения, в жудецах Клуж, Ковасна и Харгита — Трансильвания) [Fochi 1976: 198–202; Sărbători... 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; Голант, Плотникова 2012]. Отмечается также, что парни и девушки обменивались мартовскими нитями (например, в жудеце Бакэу — Молдова) [Sărbători... 2004. 4: 316–319]. По сведениям из г. Вагра Дорней (жудец Сучава, Южная Буковина), у проживающих там немцев еще в 70-е годы XX в. существовал обычай, согласно которому девочки 1 марта дарили мартовские нити мальчикам, а те прикалывали к одежде (на грудь) сразу все полученные в подарок украшения-обереги. В свою очередь мальчики дарили подарки девочкам на 8 марта [ПМА 2005б (информант Кристина Гинда, уроженка г. Вагра Дорней)]. Обычай дарения и ношения мартовской нити, разумеется, был заимствован румынскими немцами у румын.

В настоящее время в сельских регионах Румынии, как и в городах, дети изготавливают (главным образом на уроках труда) мартовские нити для своих матерей и бабушек, молодые люди дарят мартовские нити (покупные) девушкам, а мальчики — девочкам [Голант 2008; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009, информант Елена Пэпурикэ, ком. Пловрадзь]. Встречаются, впрочем, и свидетельства, что такие украшения-обереги могут дарить и девушки молодым людям, и женщины —

---

¹ Сведения из конкретных населенных пунктов могут значительно различаться — где-то эти обереги носили только дети (обою пола), где-то — только девушки и девочки и т.д. Устойчивые региональные тенденции не прослеживаются.

мужчинам [ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информант Елена Пэпурикэ, ком. Половрадзь)].

У румын основными являются следующие способы ношения мартовской нити: (а) повязав на запястье, (б) повесив на шею и (в) приколов на грудь, как брошь. Последний способ является самым поздним и в настоящее время самым распространенным [Голант 2008; Голант, Плотникова 2012] (см. рис. 8, 9). Молодые люди в прошлом могли носить мартовские нити, (г) прикрепляя их на шляпы [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информант Елена Пэпурикэ, ком. Половрадзь)].

У арумын мартовские нити носили женщины, девушки и дети (в том числе и новорожденные, которых тем самым пытались уберечь от сглаза). Такое украшение-оберег могли носить на руке, шее, ноге или талии [Țîrcomnicu 2004: 141–142; 2009: 60–61; Papahagi 1979: 323–328]. Встречаются сведения о том, что дети могли носить одновременно три мартовские нити — на шее, руке и ноге [Papahagi 1979: 323–328].

Рис. 8. Жительница Тимишоары с мартовской нитью, приколотой к одежде. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, март 2005 г.
Архив автора

Рис. 9. Девочка из Тимишоары с мартовской нитью, приколотой к одежде. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, март 2005 г.
Архив автора

У болгар мартовские нити носили в первую очередь дети, девушки и молодые женщины, несколько реже — пожилые женщины; встречаются также сведения, согласно которым мартовские нити носили юноши и взрослые мужчины [Миков 1985: 46, 53]. В некоторых местностях Болгарии (область Ловеч, большинство сел в северной части облпсти Пловдив и др.) уже в 70–80-е годы XX в. их носили только дети [Попов 1999; Стаменова 1986]. Тесная связь мартовской нити с этнографией детства у болгар проявляется и в обычае, согласно которому повитуха на Бабинден (8 января) повязывала мартовскую нить на руку ребенку, которому она помогала появиться на свет (Пловдивский край — села к югу от р. Марица, Белозем (община Раковски, область Пловдив), Рогош (община Марица, область Пловдив), Старосел (община Хисаря, область Пловдив)) [Стаменова 1986].

Мартеници для детей изготавливали чаще всего их матери или бабушки. Согласно сведениям из некоторых областей Болгарии, например из общины Асеновград (область Пловдив), девушки изготавливали *мартеници* для своих возлюбленных [Миков 1985: 46, 53]. Болгары носили мартовские нити, повязывая их (а) на запястье или (б) на палец (как правило, на левую руку), (в) на локтевой сгиб (в этом случае мартовская нить была скрыта рубашой), (г) на палец ноги, (д) вокруг талии, (е) прикрепляя на груди или (ж) вплетая в волосы. На шее и запястье мартовские нити носили женщины, девушки и дети, на груди — женщины и девушки, в волосах — девочки, девушки, изредка пожилые женщины, на талии — мужчины и юноши, на пальцах рук и ног — дети [Миков 1985: 53, 56; Попов 1999; Дражева 1980; Василева 1993; Стаменова 1986]. Девушки из области Монтана¹ (северо-западная Болгария) носили *мартеници* на левой стороне груди, а замужние женщины из этого региона — на правой [Миков 1985: 53, 56]. Дети и девушки в ряде случаев надевали более одной мартовской нити. Например, в области Пловдив зафиксирован обычай, согласно которому дети носили мартовские нити на шее и обеих руках — «для кукушки», «для аиста» и «для ласточки» — и, очевидно, снимали их при появлении соответствующих птиц (сведения из с. Белозем общины Хисаря) [Стаменова 1986]. Девушки в некоторых селах области Хасково в южной Болгарии носили одну мартовскую нить на шее, а другую — в косах (первую снимали, увидев ласточку, вторую — увидев змею) [Миков 1985: 53, 56].

¹ До 1993 г. — Михайловград.

У болгар также известен обычай украшать 1 марта мартовскими нитями фруктовые деревья, различные орудия труда — прялки, веретена, ткацкие станки, маслобойки, упряжь, а также дверные ручки [Там же; Попов 1999; Дражева 1980]. Этот обычай нередко объяснялся необходимостью «встретить Бабу Марту мартеницами» [Йорданова 1996: 92].

В южных районах Болгарии, где дети 1 марта обходили дома соседей с изображениями ласточек (данный обычай, вероятно, был заимствован болгарами у греков), бело-красными шнурами украшали клетки, в которых находились «ласточки» [Миков 1985: 66].

У **македонцев** мартовские нити носили главным образом дети и молодежь [Кашуба 1977; Миладинови 1981: 522]. Носить их могли на руках, на ногах, на шее и на поясе [Китевски 1996б]. В Струге (северо-западная Македония) уже в середине XIX в. *мартинки* носили только дети (на шее, руках и ногах) — «для здоровья» [Миладинови 1981: 522]. У *мияков* в с. Галичник (область Дебар, западная Македония) женщины изготавливали накануне 1 марта мартовские нити по числу членов семьи мужского пола, однако носили их только мальчики. Таким образом, ребенок обычно надевал на шею не только свою мартовскую нить (*мльак*), но и *мльак* своего отца, старшего брата и др. [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149].

У **македонских турок** мартовские нити также носили дети, повесив их на шею. [Салих 1973: 229–232; Анфертьев 1979б: 134].

Греки могли повязывать мартовскую нить на запястье, шею, палец руки или большой палец ноги [Анфертьев 1979в: 133–139; Иванова 1977б; Зайковская, Зайковский 2001; Пономарченко 2001]. Уже в 70-е годы XX в. в Греции мартовские нити носили главным образом дети [Иванова 1977б].

У греков известен обычай украшать мартовскими нитями окна и двери домов, чтобы в дом не вошел плохой человек и не навел порчу (обычай зафиксирован в округе Козани в греческой Македонии) [Зайковская, Зайковский 2001].

Кроме того, греки, как и болгары, украшали красно-белыми шнурами клетки «ласточек», с которыми дети ходили 1 марта по домам соседей, исполняя песни, посвященные возвращению ласточек и приходу весны [Анфертьев 1979в: 133–139].

У **албанцев** мартовские нити тоже носили в основном дети и молодежь, повязав их (а) на запястье или (б) шею [Иванова 1977а; Юллы, Соболев 2003: 420–421]. У албанцев Приазовья мартовские нити носили

на запястьях обеих рук. Носили их люди обоего пола и всех возрастов. Обычай ношения мартовских нитей сохранялся у приазовских албанцев до 80-х годов XX в., в отдельных семьях он существует до сих пор (сведения из с. Георгиевка Запорожской обл. Украины) [Новик 2010а; 2010б: 106].

У гагаузов мартовскую нить (*marta*), повязанную (а) на шею или (б) запястье, также носили преимущественно дети [Сорочяну 2006: 162–163].

Целью ношения мартовских нитей было избавление от болезней и бед, сохранение красоты и здоровья, привлечение удачи.

3.3.1. Период ношения мартовской нити

В большинстве случаев датой начала ношения мартовской нити является 1 марта [Fochi 1976: 198–202; Ghinoiu 1997: 120; Попович 1977: 287–295]. Однако, например, у арумын и македонцев в отдельных местностях встречается обычай надевать мартовские нити накануне 1 марта, то есть 28 или 29 февраля [Ghinoiu 1997: 120; Nenițescu 1895: 525; Țîrcomnicu 2004: 141–142; Огнянович-Лоноски 2004: 148–149].

В некоторых районах румыны надевали эти обереги в первое новолуние марта (такие сведения зафиксированы, в частности, в некоторых населенных пунктах румынской Молдовы — с. Торчешть в жудеце Галац, с. Периень Боджешть в жудеце Васлуй) [Fochi 1976: 198–202; Ghinoiu 1988: 202; 1997: 120]. В Телеормане еще в середине XX в. встречался обычай надевать мартовскую нить накануне Великого поста (перед этим ее протягивали через брынзу и говорили: “*Oușor, oușor, să fie postul ușor*” («Яичко, яичко, пусть пост будет легким»)) (с. Фуркулешть, жудец Телеорман, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. У жителей округа Горж в Олтении также зафиксирован обычай надевать мартовскую нить на Масленичной неделе (*Săptămâna Brânzei*), причем перед этим ее тоже протягивали через брынзу, однако с другой мотивацией — чтобы девушки были белыми, как брынза, то есть с целью сохранения или приобретения красоты (с. Братуя коммуны Дэнешть, жудец Горж, Олтения) [Sărbători... 2001. 1: 266–268].

В прошлом румыны могли носить мартовские нити определенное количество дней. Чаще всего встречаются свидетельства, согласно которым *mărțișor* носили в течение всего марта (такой срок отмечен, в частности, в Олтении — жудецы Долж, Горж, Мехединць, Вылча, Олт; в Мунтении — жудец Буззу; в Молдове — жудецы Яссы, Васлуй,

Вранча, Бакэу, в Южной Буковине — жудецы Ботошань, Сучава) [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2004. 4: 316–319; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информант Елена Пэпурикэ, ком. Половрадзь, Мария Бэдулеску, ком. Байя-де-Фьер); Голант, Плотникова 2012: 361–423]. Изредка встречаются сведения, что его могли носить два-три дня (Молдова — жудецы Яссы, Бакэу), неделю (Олтения — жудецы Горж, Мехединць; Молдова — жудец Бакэу), две-три недели (Олтения — жудецы Долж, Олт), два-три месяца (Олтения — жудец Вылча) [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2004. 4: 316–319]. В ряде местностей *мэрцишор* носили до того момента, когда распустятся почки у какого-либо дерева или кустарника: шиповника (Олтения — жудецы Долж, Вылча; Мунтения — жудец Буззу), розы (Олтения — жудец Долж, Мунтения — жудец Прахова, Молдова — жудец Нямц), какого-либо колючего кустарника — терновника, боярышника, шиповника и др. (Мунтения — жудец Арджеш, Банат — жудец Караш-Северин), вишни или черешни (Молдова — жудецы Галац, Нямц; Банат — жудец Караш-Северин), абрикоса (Молдова — жудец Васлуй), персика (Олтения — жудец Горж), яблони (Южная Буковина — жудец Ботошань), кизила (Молдова — жудец Бакэу), первого распустившегося плодового дерева (Молдова — жудецы Яссы, Васлуй; Южная Буковина — жудецы Ботошань, Сучава) [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2002. 2: 217–218; 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284; Голант 2008; Голант, Плотникова 2012; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информанты Ион Попеску, Елена Пэпурикэ, ком. Половрадзь)]. В некоторых местностях *мэрцишор* носили до возвращения аистов (в частности, в нескольких населенных пунктах Северной Добруджи (жудец Тулча), на территории нынешней Республики Молдова, и у влахов в болгарской части долины реки Тимок) [Sărbători... 2009. 5: 283–284; Попович 1977: 287–295; ПМА 2005a]. В округе Арджеш (Мунтения) был зафиксирован обычай носить мартовскую нить до появления первых перелетных птиц (с. Извору) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. Нередко мартовскую нить носили до какого-либо праздника — до дня Сорока мучеников — 9 марта (Молдова — жудецы Бакэу, Вранча; Мунтения — некоторые села жудеца Буззу)¹ [Sărbători... 2004. 4: 316–319;

¹ В этом случае период ношения мартовской нити совпадает с днями, которые «посвящены» мартовской старухе и обозначаются хрононимами *babele* — «старухи» или *zilele babelor* — «дни старух». Как мы убедились выше, такой период ношения мартовской нити — первые девять дней марта — не является ни единственно возможным, ни даже наиболее распространенным,

Голант, Плотникова 2012; Плотникова 2009], до праздника *Florii* — Вербного воскресенья (Мунтения — жудец Брэила; Молдова — жудецы Яссы, Вранча; Южная Буковина — жудец Ботошань), до дня св. Иеримии — 1 мая (Молдова — жудецы Бакэу, Яссы, Нямц, Васлуй, Южная Буковина — жудецы Ботошань, Сучава) [Sărbători... 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284; ПМА 2012б].

Различные варианты могут «наслаиваться» друг на друга. Например, жители некоторых населенных пунктов округа Горж (Олтения) носили мартовскую нить весь месяц и снимали ее, когда распускались персиковые деревья [Sărbători... 2001. 1: 266–268; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информант Елена Пэпурикэ, ком. Половраджь)]. У влахов, обитающих в болгарской части долины Тимока, встречался обычай носить мартовскую нить до того дня, когда впервые замечали какую-либо перелетную птицу (чаще — аиста), по словам информантов, прилет аистов обычно приходится на день Сорока мучеников, который здесь отмечают 22 марта по юлианскому календарю [ПМА 2005а (информант Верка Бакырова, уроженка с. Косово, община Брегово)]. В жудеце Бузэу (Мунтения), по сообщению информанта, в течение первых девяти дней месяца, то есть до дня Сорока мучеников, мартовскую нить носили на шее, а затем ее повязывали на запястье и так носили до начала цветения шиповника [Плотникова 2009; Голант, Плотникова 2012].

У влахов, проживающих в Болгарии, наиболее распространенным было ношение мартовской нити с 1 марта до прилета аистов, о чем уже говорилось выше, — такие сроки ношения мартовской нити известны во всех «влашских» населенных пунктах на территории областей Видин, Враца и Плевен. Наряду с этим довольно часто мартовскую нить носили с первого до последнего дня марта — г. Брегово, с. Балей (община Бре-

---

однако в научно-популярной литературе он может быть указан как общепринятый (см., например: [Evseev 2001: 113]). Некоторые румынские исследователи делают попытки связать обычай ношения мартовской нити с представлениями румын о мартовской старухе. См., например, рассуждения И. Гиноу, который на основании содержащихся в некоторых румынских вариантах легенды о мартовской старухе упоминаний о том, что старуха (Баба Докия) отправляется в горы, взяв с собой прялку, делает вывод, что она «прядет мартовскую нить» или даже «прядет нить года в начале весны, подобно тому, как *ursitoarele* (мифологические персонажи, предсказывающие и определяющие судьбу новорожденно-го. — Н.Г.) прядут нить человеческой жизни» [Ghinoiu 2001: 11–12; 2005: 58].

Примечательно, что именно эти сроки ношения мартовской нити получили распространение в современной румынской городской культуре.

гово), с. Флорентин (община Ново Село), с. Покрайна (община Видин), с. Градсковски Колиби (община Бойница) в области Видин; с. Черковица, Милковица и Драгаш Войвода в области Плевен [Atlasul... 2011. 1: 100–101; 2011. 2: 102–103].

Жительницы некоторых областей Румынии, в частности Мунтения и Молдовы, сопровождали «ритуальное расставание» с мартовской нитью ее «пропиванием» (*băutul mărtișorului*) [Sărbători... 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284; Ispirescu 1875: 29–30; Olteanu 2001: 131]. Иногда слово «пропивание» имело буквальный смысл — на монеты, снятые с оберегов, покупали спиртное и устраивали вечеринку [Ispirescu 1875: 29–30; Olteanu 2001: 131]. Изредка встречаются сведения, что в «пропивании» мартовской нити участвовала молодежь обоего пола (с. Путинею, жудец Джурджу, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. Этот обычай также мог включать действия, направленные на сохранение или приобретение красоты. Так, согласно сведениям, зафиксированным в окрестностях Бухареста, здесь на монеты, снятые с мартовских нитей, покупали красное вино и пресный сыр, «чтобы быть белыми, как сыр, и румяными, как вино». Саму мартовскую нить при этом вешали на розовый куст [Ispirescu 1875: 29–30; Olteanu 2001: 131].

Весьма сходный усложненный ритуал расставания с мартовской нитью бытовал еще в 70-е годы XX в. у македонских турок: когда дети в первый раз видели аиста, они разрывали мартовскую нить, старинные монеты, которыми та была украшена, брали себе, а шнурок оставляли на розовом кусте. Затем они шли домой и отдавали монеты матери, а та в ответ давала им современные монеты, на которые дети покупали кислое молоко. Кислое молоко ели, «чтобы быть белыми, как молоко» [Салих 1973: 229–232; Анфертьев 1979б: 134].

Что касается самого «ритуального расставания» с мартовской нитью, можно выделить следующие типы действий: (1) ее могли вывешивать на дерево (кустарник) или подбрасывать в воздух (по мнению А.А. Плотниковой, эти действия связаны с ритуальным «одариванием» мартовской нитью первой прилетевшей птицы); (2) могли оставлять под камнем и затем гадать по ней о приплоде скота или же (3) бросать в текущую воду [Плотникова 2004б: 131; Йорданова 1972; Юллы, Соболев 2003: 420–421; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информанты Ион Попеску, Елена Пэпурикэ, ком. Половраджь)].

У румын и молдаван, судя по имеющимся у нас данным, наиболее популярен был первый «способ ритуального расставания» с мартовским оберегом. Так, согласно сведениям, приводимым румынскими этногра-

фами, в прошлом был широко распространен обычай, срывая *мэришиор*, вешать его на ветку какого-либо плодового дерева — персика (Олтения — жудецы Горж, Вылча), абрикоса (Молдова — жудецы Яссы, Васлуй, Галац, Бакэу; Южная Буковина — жудецы Ботошань, Сучава; Мунтения — жудец Арджеш), вишни (Олтения — жудец Горж; Молдова — жудец Галац; Южная Буковина — жудец Ботошань), черешни (Банат — жудец Караш-Северин; Молдова — жудецы Яссы, Васлуй, Галац, Нямц; Южная Буковина — жудецы Ботошань, Сучава), мирабели (Олтения — жудец Горж), сливы (Молдова — жудец Яссы; Мунтения — жудецы Арджеш, Телеорман), яблони (Молдова — жудецы Яссы, Галац, Южная Буковина — жудецы Ботошань, Сучава; Мунтения — жудецы Арджеш, Телеорман), груши (Южная Буковина — жудец Ботошань), айвы (Мунтения — жудец Джурджу), виноградной лозы (Олтения — жудец Долж), первого распутившегося плодового дерева (Олтения — жудец Горж; румынская Молдова — жудецы Яссы, Васлуй; Южная Буковина — жудецы Ботошань, Сучава), любого плодового дерева (Банат — жудец Тимиш; Трансильвания — жудецы Муреш, Ковасна, Хунедоара; Южная Буковина — жудец Ботошань; Молдова — жудецы Васлуй, Галац, Бакэу; Мунтения — жудец Телеорман; Северная Добруджа — жудец Тулча), любого дерева (Банат — жудец Караш-Северин; Трансильвания — жудецы Харгита, Сибиу; Молдова — жудец Яссы; Южная Буковина — жудец Ботошань), розового куста (Олтения — жудецы Долж, Горж, Мехединць, Олт; Молдова — жудецы Нямц, Бакэу, Вранча; Южная Буковина — жудецы Ботошань, Сучава; Мунтения — жудецы Джурджу, Арджеш, Яломица, Телеорман, Бузэу; Северная Добруджа — жудец Тулча), шиповника (Олтения — жудецы Горж, Вылча; Молдова — жудецы Вранча, Бакэу; Мунтения — жудецы Арджеш, Бузэу, Прахова), кизила (Молдова — жудец Бакэу) либо какого-нибудь колючего кустарника (*spin, mărăcină*) (Банат — жудец Караш-Северин; Олтения — жудецы Горж, Вылча; Мунтения — жудецы Арджеш, Дымбовица, Прахова, Бузэу; Молдова — жудецы Вранча, Бакэу) [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2002. 2: 217–218; 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284; Голант, Плотникова 2012: 361–423; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информант Ион Попеску, ком. Половрадж)]. В ряде случаев, как было отмечено выше, это ритуальное расставание с оберегом происходило именно тогда, когда распускалось то или иное дерево или кустарник.

У **арумын** было принято повязывать мартовские нити, о чем уже упоминалось, в первый день марта или в последний день февраля, носи-

ли же их в течение всего месяца либо до дня Сорока мучеников [Țîrcomnicu 2004: 141–142; 2009: 60–61; Nenițescu 1895: 525]. По некоторым сведениям, в тех местностях, где ношение мартовской нити продолжалось до 9 марта, в этот день ожидали прилета ласточек и аистов [Părăhagi 1979: 323–328]. У арумын также встречался обычай вешать снятую мартовскую нить на ветку дерева (грецкого ореха) [Там же].

У болгар *мартеници* обычно изготавливались накануне 1 марта, то есть вечером 28 или 29 февраля, или 1 марта рано утром [Миков 1985: 46, 53; Дражева 1980: 422–456]. В некоторых селах области София, например в с. Злокучене, пожилые женщины пряли нити, скручивали из них *мартеници* и повязывали их детям рано утром, до того как они проснутся [Йорданова 1996: 69].

У болгар встречаются, в частности, такие сроки ношения мартовской нити, как три дня, девять (до дня Сорока мучеников) или двадцать пять дней (до Благовещения) [Миков 1985: 56, 60; Плотникова 2004б: 131]. Так, в течение девяти дней мартовские нити носили в отдельных населенных пунктах области Пловдив, например в г. Съединение [Стаменова 1986]. В некоторых местностях Болгарии их могли носить один день, сорок дней, в течение всего марта или до начала жатвы [Миков 1985: 56, 60; Дражева 1980]. Ношение мартовской нити с 1 марта до начала жатвы практикуется, например, в Пиринском крае. Так, в с. Зарово девушки повязывали свои *марты* на первый сноп [Дражева 1980]. В ряде сел (например, в области Пловдив) мартовские нити носили до тех пор, пока они не порвутся (с. Старосел (община Хисаря), Слатина (община Карлово), Ситово (община Родопи) [Стаменова 1986]. В той же области Пловдив зафиксирован обычай носить мартовскую нить до новолуния (с. Васил Левски, община Карлово) [Там же].

Широко распространен у болгар обычай снимать мартовскую нить в день начала цветения какого-либо плодового дерева или колючего кустарника (розы, шиповника, терна), или когда впервые в течение весны появится какая-нибудь перелетная птица (ласточка, аист или цапля) или змея, или когда впервые раздастся зов кукушки [Миков 1985: 56, 60; Василева 1985; 1993; Попов 1999]. В области Русе дети, которые носили, как правило, две *мартеници* — по одной на правой и левой руках, впервые увидев цаплю, бросали одну из них «навстречу солнцу», а другую вешали на ветку первого замеченного ими цветущего плодового дерева [Миков 1985: 56, 60].

Капанци на северо-востоке Болгарии носили *мартички* до прилета первого аиста (*чапла*, *чепла*), а затем вешали на цветущее фруктовое

дерево [Василева 1985]. В большинстве сел области Ловеч было принято носить *мартеници* до прилета ласточек, а затем вешать их на розовый куст или какое-либо молодое деревце [Попов 1999]. В селах Пиринского края мартовскую нить, как правило, носили до прилета ласточек или аистов, а затем помещали под камень для последующего гадания о приплоде скота [Дражева 1980]. В области Пловдив встречался обычай, согласно которому дети носили одну мартовскую нить на шее — *за кукувицата* (для кукушки), другую на правой руке — *за щеркела* (для аиста), а третью на левой руке — *за лястовицата* (для ласточки) и, очевидно, снимали соответствующую нить, впервые увидев ту или иную птицу (сведения из с. Белозем, община Раковски) [Стаменова 1986]. В селах области Пловдив мартовские нити чаще всего носили до прилета первого аиста или ласточки, а затем, как уже говорилось, помещали под камень для последующего гадания. В некоторых селах области, впрочем, прилет аистов или ласточек обозначал момент, когда нужно было вынуть мартовскую нить из-под камня [Там же]. В большинстве сел области София мартовские нити носили до появления первого аиста, а затем либо бросали, либо повязывали их на дерево, либо помещали под камень для последующего гадания [Василева 1993].

У македонцев в одних местностях мартинки надевали детям вечером накануне 1 (14) марта, в других — рано утром, до восхода солнца и до того, как дети проснутся [Китевски 1996б]. Чаще всего македонцы носили мартовские нити до прилета ласточек или аистов [Кашуба 1977; Плотникова 2004б: 131; Китевски 1996б]. Жители Струги повязывали детям *мартинки* для того, чтобы те встретили с ними ласточек [Миладинови 1981: 522]. В Западной Македонии считалось, что мартовскую нить нужно носить, чтобы первое пение весенней птицы не принесло человеку несчастья, болезни или смерти [Петреска 1998: 146–147; Плотникова 2004б: 131]. *Мияки* в с. Галичник (область Дебар) *мльак* носили с вечера 28 (29) февраля или с утра 1 марта (*Летник*) до 23 апреля, то есть до Георгиева дня (*Гурѓевден*) [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149].

Греки носили мартовские нити чаще всего с 1 марта до Пасхи или Благовещения (25 марта) [Иванова 1977б]. Встречаются также сведения, что у греков было принято снимать мартовскую нить с прилетом первой ласточки [Анфертьев 1979б: 130]. Нужно отметить, что прилет ласточек в одних районах Греции маркировал начало, а в других — окончание периода ношения мартовских нитей. Прилет ласточек и, соответственно, праздник их встречи, во время которого дети совершали обход соседских домов с изображениями ласточек, помещенными

в клетки, украшенные красно-белыми шнурами, в одних местностях приходился на 1, в других — на 25 марта [Анфертьев 1979в: 133–139].

У турок, живущих в окрестностях Охрида, как уже говорилось, было принято надевать мартовскую нить на шею ребенка накануне 1 марта (другую, как говорилось выше, вешали на розовый куст), затем, утром 1 марта, нити с шеи ребенка и розового куста меняли местами, после чего мартовскую нить носили на шее до момента первой встречи с аистом [Салих 1973: 229–232; Анфертьев 1979б: 134].

У сербов на берегах Моравы и в Призрене встречались следующие действия с белой и красной нитями, правда, приуроченные не к началу марта, а к кануну дня св. Георгия: на белую и красную нитки нанизывали старинную монету и на ночь прикрепляли к розовому кусту (вместе с корнем травы *дебелица* и веткой вербы?). Затем нитки с монетами повязывали себе на шею и носили до тех пор, пока не созреет черешня, чтобы потом на эти деньги впервые за год купить себе ягод черешни [Ястребов 1889: 153–154].

По сведениям, записанным **у албанцев** в с. Мухурр (район Пешкопия, крайна Дибра), мартовскую нить (*smilirësh*) носят только в течение Дня весны (1 или 14 марта), а затем чаще всего бросают в проточную воду. Впрочем, по словам некоторых жителей этого села, мартовскую нить нужно хранить до дня св. Георгия (*Shëngjergj*) и лишь затем бросить в воду или повесить на ветку дерева [Юллы, Соболев 2003: 420–421]. У албанцев Приазовья мартовскую нить было принято носить с 14 марта (то есть с начала марта по старому стилю) до прилета ласточек, а затем вешать на дерево. Встречаются также данные, согласно которым мартовскую нить носили до Благовещения (запись из с. Георгиевка Запорожской обл. Украины) [Новик 2010а; 2010б: 106].

У гагаузов мартовские нити носили, как правило, с 1 до 9 марта, то есть до дня Сорока мучеников (*Kirk meçik, Kirk ayoz, Kirk kaşık*) [Сорочану 2006: 162–163].

3.3.2. Мотивация обращения к мартовской нити

Судя по записям второй половины XIX — начала XX в., ношение рассматриваемых украшений-оберегов в прошлом **у румын** чаще всего мотивировалось сохранением красоты, “*de a nu fi pârlîți de soare*” («чтобы не быть обожженными солнцем»), остальные мотивы выступают скорее как дополнительные [Fochi 1976: 198–202]. При этом символом красоты и здоровья являлась зачастую не только и не столько сама мартовская

нить, сколько нанизанная на нее серебряная монета, которая нередко воспринималась как неотъемлемая часть мартовского украшения-оберега [Ibid.; Попович 1977: 287–295]. Также на мартовскую нить могли вешать крестик или маленькую иконку — эти объекты тоже воспринимались как обереги [Голант 2008: 271–322]. По некоторым сведениям, роль мартовской нити у румын могло выполнять ожерелье, которое надевали на шею девушкам, чтобы их не обожгло солнцем [Olteanu 2001: 127–133].

Встречающиеся упоминания о магических действиях с мартовской нитью чаще всего направлены на сохранение или приобретение красоты. Так, у румын зафиксирован обычай 1 марта до восхода солнца, перед тем как надеть мартовскую нить (*мэрцишор*), вешать ее на розовый куст, чтобы лицо было румяным, как роза [Gorovei 1995: 5; Olteanu 2001: 128–133].

Похожий обычай обнаруживается в западной Болгарии. В последний день февраля девушки изготавливают мартовскую нить из красной и белой шерсти, повязывают ее на ветку красной розы и оставляют на ночь. Утром они снимают свои нити с розового куста и повязывают их на шею: «*да не фаца сьнце, летоска лицето им да не прегори*» («чтобы их не схватило солнце, чтобы летом их лица не обгорели») [Миков 1985: 52].

У турок из окрестностей Охрида было принято накануне 1 марта вешать на шею ребенку бело-желтую, а на розовый куст — бело-красную нить, затем, утром 1 марта, меняли их местами, о чем упоминалось в параграфе 3.3.1 [Салих 1973: 229–232; Анфертьев 1979б: 134].

Арумыны повязывали мартовские нити новорожденным младенцам, чтобы уберечь их от сглаза; пожилые женщины носили этот оберег на руке, чтобы в маслобойках удавалось масло; также считалось, что тот, кто носит мартовскую нить на ноге, не будет спотыкаться [Tîrcomnicu 2004: 141–142]. Встречаются сведения, согласно которым дети могли одновременно носить три мартовские нити: одну — на шее, для того чтобы не почернеть от солнца, другую — на руке, чтобы уберечься от змей, третью — на ноге, чтобы не спотыкаться в темноте [Parahagi 1979: 323–328].

Мотивация обычая ношения мартовских нитей стремлением уберечься от «опасного» мартовского солнца известна также болгарам и македонцам. У греков, болгар и македонцев существовало представление, что Баба Марта (мартовская старуха) может обжечь горячим солнцем лица детей и девушек. Чтобы этого не случилось, нужно было носить мартовскую нить [Плотникова 2004б: 128]. Так, у **болгар**-капанцев в северо-восточной Болгарии красно-белые мартовские нити повязывают детям, реже их носят девушки и женщины, «чтобы их не сделала черными Баба Марта», в селах Странджи (Долно Ябълково и Горно

Ябълково) мартовские нити предназначаются для детей, «чтобы у них не почернели лица при встрече с Бабой Мартой» [Василева 1985; Странджа 1996: 329]. В области Ловеч обычай, согласно которому женщины 1 марта, «*щом влезе Марта*» («как только войдет Марта»), или на «*Чер ден Мъртин*», выносят во двор красный пояс или платок, объясняют фразой: «*За да не ги почерни Баба Марта*» («Чтобы их не сделала черными Баба Марта») [Попов 1999].

У болгар Добруджи встречается также представление, что ношение мартовской нити в соответствующие дни марта должно уберечь человека от укусов змей и насекомых в течение целого года [Василева 1974]. В южной части области Пловдив дети, девушки, молодые и пожилые женщины носили *мартеници* на шее, для того чтобы уберечься от укусов блох, и на пальцах, для того чтобы не ушибить их [Стаменова 1986]. Пожилые женщины в некоторых селах области Пловдив вплетали *мартеници* в косы (села Дълбок Извор (община Първомай), Ситово (община Родопи)) или носили их на запястье (с. Драгойново общины Първомай), для того чтобы уследить за вылупившимися цыплятами [Стаменова 1986].

У македонцев встречается обычай повязывать детям *мартинки* со словами «*Гад в гора, (имярек) в поле*», чтобы уберечь их от змей. С этой же целью мартовские нити изготавливали, зажмурившись, «*за да бидет како слепи змиите и да не и виждет луѓето, ко ќе минет покрај ними*» («чтобы были змеи как слепые и не видели людей, что пройдут мимо них») (Охрид) [Китевски 1996б].

У греков зафиксировано представление, согласно которому мартовское солнце является особенно жгучим и опасным. В западной части греческой Македонии встречается такое название месяца марта, как *ου Παλουκοκαύτης* (*pal'ukoka ftiis*) — «сжигатель палок, жердей загонов для животных». Здесь считается, что в марте особенно жгучее солнце, что этот месяц грозит солнечными ударами и пожарами¹.

В округе Козани, в западной части греческой Македонии, для того чтобы март прошел благополучно, принято было вечером накануне 1 марта набирать воду из родника («чтобы месяц март прошел так же хорошо, как проходит/течет вода»). Затем шли домой и ссучивали две шерстяные нитки — белую и красную (или голубую). На рассвете этот двухцветный шнурок повязывали на руку и шею — «чтобы ее не поймал

---

¹ В статье О.В. Чёха [Чёха 2009: 53–61] приводится интерпретация этого названия марта как эпитета *холодного* месяца, когда приходится сжигать в печи жерди от изгородей, так как дрова уже закончились.

март» или «чтобы не ударил март» и чтобы весь месяц прошел хорошо (сведения из с. Эратира округа Козани) [Зайковская, Зайковский 2001]. Мартовское солнце упоминается в ритуальном диалоге, который на о. Карпатос принято произносить в момент повязывания младенцу *мартовской тесьмы* (μερτογάτανο): «Что ты ему повязываешь? — (повязывающий отвечает) — Полноту и доброту, красоту и румянец, и *мартовское солнце*» [Чёха 2009: 53–61].

* * *

Обычай вешать снятую мартовскую нить на цветущее дерево или кустарник в румынской традиции чаще всего объясняется стремлением наделить человека красотой цветка: «Вешали (мартовскую нить) на шиповник, чтобы лицо девушки осталось белым, необожженным солнцем» (“*Se pune pe un trandafir sălbatic, ca să-i rămână feței fața albă, nearsă de soare*”) (с. Корбаска, жудец Бакэу, Молдова); «Вешали (мартовскую нить) на цветущее плодое дерево — яблоню, сливу, чтобы тот, кто ее носил, был белым и розовым, как цветок этого дерева» (“*Se agăța într-un pom înflorit: măr, prun, ca cel ce l-a purtat să fie alb și roz ca floarea pomului*”) (с. Тэтэрушь, жудец Яссы, Молдова); «Его (мэрцишор) вешали на розовый куст, чтобы быть красивыми и красными (румяными), как роза» (“*Îl agățau pe un trandafir să fie frumoase și roșii ca trandafirul*”) (с. Цибукань, жудец Нямц, Молдова); «Вешали на распустившееся абрикосовое дерево, чтобы на лице не было пятен» (“*Se pune în zarzăr înflorit, să n-aibă fața pătată*”) (с. Дымбовичоара, жудец Арджеш, Мунтения); «Мэрцишор вешали на розовый куст, чтобы быть красивыми, как он» (“*Mărțișorul se pune pe un trandafir, să fie frumoase ca el*”) (с. Силиштя, жудец Констанца, Северная Добруджа; с. Тею, жудец Арджеш, с. Корбу Векь коммуны Мэксинень, жудец Брэила, Мунтения); «Шнур вешали на розовый куст, чтобы девушка была красной и красивой» (“*Șnurul se pune pe un trandafir, ca fata să fie roșie și frumoasă*”) (с. Оаржа, жудец Арджеш, Мунтения); «Вешали на розовый куст, чтобы иметь красные щеки» (“*Se pune pe trandafir ca să aibă obrații roșii*”) (с. Погоанеле, жудец Бузэу, Мунтения); «Вешали на розовый куст, чтобы быть целый год красной, как роза» (“*Se pune pe un trandafir ca să fie tot anul roșie ca trandafirul*”) (с. Чокэнешть, жудец Дымбовица, Мунтения); «Вешали на розовый куст, чтобы быть веселыми, чтобы девушка расцвела, как цветок» (“*Se pune pe un trandafir să fie vesele, să înflorească fata, precum floarea*”) (с. Валя Мэкришулуй, жудец Яломица, Мунтения); «Чтобы девушка расцвела, как шиповник, чтобы ее не обжигало солн-

це» (“*Să înflorească fata ca măceșul, să n-o pârlască soarele*”) (с. Пукений Мошнень коммуны Пукений Марь, жудец Прахова, Мунтения) [Sărbători... 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 383–384].

Та же мотивация действий с мартовской нитью отражена и в речевых формулах, которыми в некоторых местностях сопровождалось ее перемещение на ветку дерева или кустарника. Так, в с. Кэрбунарь в Банате (жудец Караш-Северин) мартовскую нить вешали на ветку черешни со словами: «Я даю тебе нить, чтобы ты дала мне белизну» (“*Îți dau ața, să-mi dai albeață*”); в с. Мехадика (жудец Караш-Северин, Банат) сходный текст произносили, помещая оберег на ветку некоего колючего кустарника (вероятно, шиповника — *spin*): «Я даю тебе *мэрцишор*, чтобы ты дал мне красноту (румянец) и белизну» (“*Eu îți dau mărtișorul, tu să-mi dai roșeața și albeața*”) [Sărbători... 2002. 2: 217–218]. (Ср. аналогичное объяснение подобного обычая у македонцев — см. ниже.)

Несколько реже встречается объяснение рассматриваемого обычая стремлением сохранить или приобрести здоровье: «Вешали (мартовскую нить) на красную розу на Вербное воскресенье (*Florii*), чтобы быть красными все лето, чтобы иметь здоровье» (с. Мовила Миресий, жудец Брэила, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 383–384].

Иногда тот же способ расставания с мартовской нитью объясняют стремлением сохранить плодородие дерева: *мэрцишор* «повязывали на айву, чтобы были плоды» (с. Веда, жудец Джурджу, Мунтения); «вешали на плодовое дерево, чтобы дерево держало плоды» (села Моштень, Плоска, Смырдиоаса, Сухая, Выртоапе, жудец Телеорман, Мунтения); «бросали на плодовое дерево, чтобы оно приносило плоды» (с. Хыртиешть, жудец Арджеш) [Ibid.].

В некоторых местностях Румынии, в частности в жудеце Бузэу (Мунтения), до сих пор сохраняется обычай вешать снятую мартовскую нить на ветку шиповника (*măceș*) или любого колючего кустарника (*mățăcină*) [Голант, Плотникова 2012]. Возможно, появление обычая вешать мартовскую нить на ветку колючего кустарника связано с представлением о том, что он способен отгонять злых духов (так, у румын, в частности, в Мунтении встречается обычай помещать ветки колючего кустарника на двери хлева в ночь на св. Георгия (23 апреля), чтобы убереечь коров от ворожей, которые могли «забрать» у них молоко) [Там же].

В ряде случаев на основании состояния дерева или кустарника, после того как на него повесили *мэрцишор*, делали выводы о будущем, например: «Его вешали на колючий кустарник, и если он расцветал, это был знак, что девушке будет сопутствовать удача» (с. Жосень коммуны

Берка, жудец Бузэу), «Если (розовый куст, на который повесили мартовскую нить) засыхал, кто-нибудь умирал» (с. Погоанеле, жудец Бузэу, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. Представление о том, что судьба дерева или кустарника, на который повесили мартовскую нить, связана с судьбой того, кто носил эту нить, встречается и на территории Республики Молдова. Так, по словам информантки из г. Бельцы (еврейки), однажды она повесила на ветку дерева *мэрцишор*, полученный в подарок от парня-молдаванина, с которым в то время встречалась. Той же весной они расстались, а дерево засохло. (Расставание информант считает причиной, а гибель дерева — следствием [ПИМА 2011б (информант Лиза (Лея) Русу, г. Бельцы)].)

Встречаются сведения, из которых можно сделать вывод, что помещение мартовской нити на ветку дерева действительно может быть связано с «одариванием» ею прилетевшей птицы, чаще всего аиста: *мэрцишор* могли «носить сорок дней и вешали на плодовое дерево или забрасывали на дом, чтобы его взял аист» (с. Остров, жудец Констанца, Северная Добруджа); «Носили, пока не увидят аистов. Вешали на ветку дерева или розовый куст, чтобы прилетел аист его забрать. (Считалось), что это хорошо» (с. Пештера, жудец Констанца, Северная Добруджа); «Носили, пока не увидят первого аиста. Бросали его на яблоню или айву, чтобы его взял аист» (с. Топалу, жудец Констанца, Северная Добруджа); «Бросали на розовый куст, чтобы его взял аист» (с. Рушецу, жудец Бузэу, Мунтения); «Вешали на акацию и говорили, что его возьмет аист» (с. Валя Чорий, жудец Яломица, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 283–284].

Иногда «одаривали» и других птиц. Так, в с. Голэешть жудеца Яссы в румынской Молдове была зафиксирована информация, согласно которой мартовскую нить носили в течение месяца, а затем «оставляли на ветке дерева, чтобы прилетела кукушка ее взять» [Sărbători... 2004. 4: 316–319]. В с. Истрия жудеца Констанца (Северная Добруджа), *мэрцишор* «бросали на плодовое дерево (яблоню или сливу), чтобы его видели вороны» и говорили: “*Ia-ți cioara mărțișorul*” («Возьми себе, ворона, *мэрцишор*») [Sărbători... 2009. 5: 283–284].

Повязывание мартовской нити на ветку дерева по окончании ее ношения является самым распространенным способом «расставания» с ней и у румын (влахов), живущих на территории Болгарии, причем он практикуется и в настоящее время. Это действие в одних случаях объясняется стремлением сохранить/приобрести здоровье, в других — обеспечить урожай фруктов, или же тем и другим одновременно [Atlasul... 2011. 1: 100–101; 2011. 2: 102–103; ПМА 2005а; 2012а].

У арумын также известен обычай по окончании срока ношения мартовской нити вешать ее на ветку какого-либо плодового дерева. Считалось, что деревья, на которые повесят мартовские нити, дадут большой урожай фруктов; дети же верили, что ласточки, которые возьмут себе мартовские нити, принесут им на Пасху новую одежду [Țîrcomnicu 2004: 141–142; 2009: 60–61; Nenițescu 1895: 525]. (См. ниже о сходном обычае у греков.)

У румын в некоторых селах Добруджи повязывание мартовской нити на ветку растения было связано с обычаем заключения посестримства (*prinderea de surată*). Девочка (девушка) повязывала мартовскую нить на ветку розового куста, и если бутон на этой ветке распускался одновременно с бутоном на ветке, на которую повязала свою нить другая девочка, они становились посестримами (*se prindeau surate*) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. В скобках заметим, что обычай заключения побратимства или посестримства (*suțată*) у арумын мог быть приурочен к 1 марта. [Țîrcomnicu 2009: 60–61, 87]. У влахов долины Тимока встречается приурочение обряда заключения побратимства (посестримства — *însurăjit*) к дню Сорока мучеников [ПМА 2012а (информант Верка Бакырова)].

У болгар, как уже упоминалось в параграфе 3.3.1, обычай вешать снятую мартовскую нить на ветку дерева или кустарника широко распространен в северной части страны, в частности у капанцев на северо-востоке Болгарии, а также в областях Русе, Ловеч, София [Василева 1985: 200–235; 1993: 234–260; Попов 1999: 293–320; Миков 1985: 56, 60].

У македонцев расставание с мартовской нитью могло проходить следующим образом: у мияков в Галичнике (область Дебар) снятую мартовскую нить вешали, предварительно сняв с нее монеты, на ветку розового куста в саду, «за да бидет како него црвени и бели» («чтобы (ребенок) был, как роза, белым и красным (то есть красивым)») [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149]. У македонцев в области Велес было принято помещать снятую нить на ветку колючего кустарника (ср. аналогичный обычай у румын, описанный в этом же параграфе) [Плотникова 2006а].

Известен этот способ «ритуального расставания» с мартовской нитью и у греков. Так, в округе Козани (северная Греция, западная часть греческой Македонии) зафиксирован обычай, согласно которому человек, увидев первую ласточку, говорил: «Возьми, ласточка, *марц* и на Пасху принеси мне всякого добра», а затем вешал *марц* на дерево, чтобы его забрала ласточка и взамен принесла в дом удачу. За этим деревом внимательно наблюдали — не забрала ли ласточка *марц*. Если в доме

происходило какое-либо радостное событие, то удачу приписывали ласточке, забравшей *марц* с дерева (сведения из с. Эратира) [Зайковская, Зайковский 2001].

Как уже сообщалось в параграфе 3.3.1, встречается обычай вешать мартовскую нить на дерево или кустарник (в частности, на гранатовое дерево, на розовый куст) и у албанцев [Анфертьев 1979а: 135; Юллы, Соболев 2003: 420–421]. У албанцев Приазовья, увидев ласточку, нужно было снять мартовскую нить и повесить ее на дерево (в идеале — фруктовое, но чаще обереги вешали на ветви акаций, которые росли около домов), произнеся обрядовую формулу: “*Listovičkë! Merre martën! Bun yurrik!*” («Ласточка! Бери *мартэ!* Делай гнездо!»). Считалось, что ласточки не могут обойтись при постройке гнезд без мартовских нитей (сведения из с. Георгиевка Запорожской обл. Украины) [Новик 2010а].

Повязывание мартовской нити на ветку молодого дерева было одним из распространенных способов «ритуального расставания» с этим оберегом у гагаузов (сведения из с. Котловина, Ренийский р-н Одесской обл.) [Сорочану 2006: 162–163].

«Одаривать» мартовской нитью вернувшуюся перелетную птицу могли, как уже говорилось, не только вешая нить на ветку дерева или кустарника, но и помещая ее на дом, забор или просто подбрасывая в воздух (бросая на землю?). Обычай бросать мартовскую нить по окончании срока ношения на забор встречается у румын в Мунтении (жудец Брэила, жудец Яломица) и Северной Добрудже (жудец Тулча), на дом — в Северной Добрудже (жудец Тулча) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. В некоторых арумьских селах Северной Добруджи дети в день Сорока мучеников шли на окраину села, в рощу, где бросали свои мартовские нити. При этом они пели (письмо Эмиля Цырконику автору):

Lăndăruși, albă guși,	Ласточка, белое горло,
Dă-ni niheam di sănătati	Дай мне немного здоровья,
Să-ni băneadză dada ș-tati	(И) чтобы были живы и здоровы мои мать и отец,
Maș d-ароеа sora ș-frati ¹ .	А также сестра и брат.

¹ Сходный текст (на румынском языке) приводится в книге Т. Папахаджи [Papahagi 1979: 323–328]:

Rândunica, față roșie,	Ласточка, красная мордочка,
dă-mi puțină sănătate,	Дай мне немного здоровья,
să-mi trăiască mama și tata,	Чтобы были живы мать и отец,
sora mea cu tot frate...	(И) мои сестра и брат...

В некоторых местностях у арумын дети бросали мартовскую нить для того, чтобы ее взяла ласточка и соткала ребенку новую рубашку [Paparagi 1979: 323–328].

У румын, молдаван и болгар встречался обычай, согласно которому, впервые в марте увидев аиста, ребенок должен был снять мартовскую нить, бросить ее вслед аисту (рум.) или «навстречу солнцу» (болг.) и сказать: «Возьми себе черноту, дай мне белизну!» (рум. “*Na-ți negrețele, / Dă-mi albetele*”, болг. «*На ти тебе чернина, дай на мене белина!*») [Попович 1977: 287–295; Marian 1994: 312–313; Йорданова 1988: 45]. Это действие также направлено на сохранение красоты (конкретнее — на избавление от веснушек и пятен на лице). (Ср. магическую формулу «*Ластівко, ластівко, на тобі веснянки, дай мені білянки!*», употребляющуюся у украинцев при появлении ласточки 1 марта — см. гл. 2, п. 2.3.2.6.) У болгар в окрестностях г. Русе дети, впервые увидев цаплю, подбрасывали мартовскую нить вверх, «к солнцу», и говорили, обращаясь к цапле: «*На на тебе мартеница, а дай на мене здраве*» («На тебе мартовскую нить, дай мне здоровья») [Миков 1985: 60]. В области Хасково девушки, впервые весной увидев ласточку, снимали с шеи мартовскую нить, «чтобы шея была тонкой, как у ласточки» [Там же]. В области Дебарца (юго-западная Македония) дети, бросая мартовскую нить вслед первой ласточке (или аисту), выкрикивали: «*На ти ластојце мартинка, да ми даји кошула*» («На тебе мартинку, а мне дай рубашку») [Китевски 1996а: 72; Плотникова 2004б: 132]. В Струге, выполняя то же действие, говорили: «*Ластојце грамотнице, на ти сино и зелено, дај ми бело и црвено*» («Ласточка-грамотница, на тебе синее и зеленое, дай мне белое и красное») [Китевски 1996б]. Также в западной Македонии встречался обычай носить мартовскую нить, пока не запоет первая весенняя птица, чтобы ее пение не принесло человеку несчастья, болезни или смерти («*да не те разбие тилето*» — «чтобы тебя не разбила птица») [Петреска 1998: 146–147; Плотникова 2004б: 131]. У гагаузов Бессарабии встречались такие способы «расставания» с мартовской нитью, как бросание вслед пролетавшим журавлям (с. Конгаз) и оставление около гнезда аиста (г. Чадыр-Лунга) [Сорочану 2006: 162–163].

В целом обычай «одаривания первой весенней птицы» мартовской нитью распространен, как мы убедились, достаточно широко — он известен в Молдове, Румынии, в северной, центральной и некоторых районах южной Болгарии, западной Македонии, Албании, Греции.

Обычай оставлять мартовскую нить под камнем и затем гадать по ней имеет более ограниченное распространение — он встречается

у болгар (преимущественно в южных районах — Странджа, окрестности Карнобата, область Пловдив, Родопы, Пирин; а также в западных — области София, Перник, и северо-восточных — болгарская Добруджа), македонцев (в юго-восточной Македонии) и греков [Плотникова 2004б: 131; Василева 1974; 1993; Стаменова 1986; Анфертьев 1979а: 130; Трефилова 2006]. В этих местностях было принято, спрятав мартовскую нить под камень, на следующий день гадать о приплоде скота в текущем году: крупные насекомые (жуки и пр.), как правило, предвещали приплод у крупного рогатого скота, мелкие (муравьи, жучки) — приплод у коз и овец. Так, по поверьям жителей Пиринского края (юго-западная Болгария), прилипшее к мартовской нити насекомое сулило ее обладателю удачу в разведении домашних животных, при этом полагали, что муравьи на оставленном берегу означают приплод коз (села Гостун (община Банско, область Благоевград), Кременец (община Момчилград, область Кырджали)) или овец (с. Дыбрава (община и область Благоевград)), божьи коровки — приплод крупного рогатого скота (села Гостун, Кременец), пауки — приплод ослов (с. Дыбрава) [Дражева 1980]. В области Пловдив (к северу от р. Марица и в с. Брестник общины Родопи) считалось, что если под камнем обнаружили муравьи, это означает приплод овец, если же там оказались черви и крупные жуки — приплод лошадей и крупного рогатого скота. Девушки в этой местности по тому, какие насекомые окажутся под камнем, определяли, выйдут они замуж за пастуха или земледельца [Стаменова 1986]. Такой способ расставания с мартовской нитью, как оставление ее под камнем, типичен для всех сел области, за исключением с. Новаково (община Асеновград), где ее повязывали на плодородное дерево [Там же]. В окрестностях Перника зафиксировано гадание, согласно которому наличие насекомых под камнем предвещает богатство, а их отсутствие — бедность [Трефилова 2006]. В области София по наличию на мартовской нити насекомых могли гадать как о приплоде скота, так и о замужестве (в том случае, если гадала девушка) [Василева 1993]. Аналогичное девичье гадание встречается на северо-востоке Болгарии. Так, в с. Равна (община Провадия, область Варна) девушки снимали мартовскую нить, увидев первого журавля, и прятали ее под камень. Если на следующий день на нитках замечали какое-либо насекомое, то считали, что в текущем году должна быть свадьба [Седакова 2004].

Зафиксировано подобное гадание о приплоде скота и у болгар-переселенцев на территории современной Украины. Так, жители с. Преслав бывшей Таврической губернии (ныне — Запорожская обл. Украи-

ны) носили *мартиничку*, пока не появлялся первый аист, а затем клали ее под камень и спустя некоторое время смотрели, какие насекомые там окажутся: «Если окажутся муравьи, то у того, кто положил под этот камень свою ниточку, будут хорошие лошади; если окажутся божьи коровки — коровы и волы; если же под камнем ничего не окажется, тот, кто положил сюда свою нитку, останется нищим» [Державин 1914: 161]. У бессарабских болгар-переселенцев зафиксирован обычай, согласно которому дети клали мартовскую нить (которую снимали, впервые увидев аиста) под камень, а затем бежали от камня, для того чтобы не лезть в течение лета, со словами (записано в с. Криничное (Чишмяуа-Вэруитэ, Чушмелия) Болградского р-на Одесской обл. Украины):

Лéляк, лéляк кáвада,
Мурта, мурта сáвада!

Смысл этих слов неясен, понятно только слово *лéляк* — аист¹ [Там же: 161–162].

В Пиринском крае к середине XX в. сложился обычай, согласно которому матери стали класть мелкие монеты под камни, под которые дети прятали свои мартовские нити, дабы порадовать их «подарком от ласточки» [Дражева 1980]. В большинстве сел южной части области Пловдив уже в 30-е годы XX в. распространился обычай оставлять монету, якобы «принесенную аистом» (*донесана от щъркела*), под камнем, куда ребенок положил мартовскую нить. Вероятно, это модификация ранее существовавшего здесь гадания по мартовской нити [Стаменова 1986].

В юго-восточной Македонии (Гевгелия, Радовиш) мартовскую нить также клали под камень, то есть здесь фиксируется тот же способ уничтожения ритуального предмета, но с иной целью: в Гевгелии обнаруженные на мартовской нити насекомые сулили здоровье ее обладателю, тогда как отсутствие таковых предвещало несчастье, болезнь, смерть [Этнография... 1992: 240; Плотникова 2004б: 132]. В некоторых местностях Македонии мартовскую нить клали под белый камень, чтобы быть «белыми и красными» («*за да бидат бели и црвени*»), то есть

---

¹ По предположению д-ра В.И. Сырфа, сотрудника сектора этнологии гагаузов Института культурного наследия АН Молдовы (Кишинев), это двуступенное может быть переведено с гагаузского языка как «Аист, аист в воздухе, / Марта, Марта у Савы!»

красивыми [Китевски 1996b]. В окрестностях Радовиша дети, положив мартовскую нить под камень, верили, что получают взамен рубашечку [Делиниколова 1960: 154; Плотникова 2004б: 132].

По представлениям греков, обнаружение муравьев под камнем, под которым была оставлена мартовская нить, предвещало благополучие в течение года, и наоборот [Анфертьев 1979б: 130].

У румын и арумын также отмечен обычай по окончании периода ношения мартовской нити помещать ее под камень, но его связь с гаданиями не прослеживается. Так, у арумын в Северной Добрудже ожидалось, что из-под камня оберег заберет ласточка, у румын в той же северной Добрудже (округ Тулча, с. Никулицел) — что его заберет аист [Țircomnicu 2004: 141–142; Sărbători... 2009. 5: 283–284]. На территории Румынии этот способ «расставания» с мартовской нитью фиксируется, по-видимому, только в Добрудже (села К.А. Росетти, Лункавица, Никулицел, жудец Тулча) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. Также обычай помещать мартовскую нить под камень встречается у румын (влахов), живущих в долине р. Тимок (сведения из сел Балей и Гымзово общины Брегово, область Видин, Болгария) [Atlasul... 2011. 1: 100–101].

Еще одним способом «ритуального расставания» с мартовской нитью является бросание ее в текущую воду. Сведения об этом встречаются достаточно редко, однако те, что имеются, были зафиксированы в разных частях Карпато-Балканского региона: в частности, в северной части Албании, болгарской Добрудже, юго-западной Румынии (с. Половрадзь, жудец Горж, Олтения), у влахов в долине р. Тимок (с. Раброво, община Бойница, область Видин, Болгария). Объяснения этого обычая в разных местностях довольно сходны: «чтобы болезни лета ушли с водой» (сведения из с. Мухурр краины Дибра, Албания)¹; «чтобы ушло зло как по воде» («*да отиде злото като по вода*») (сведения из с. Кайнарджа общины Кайнарджа области Силистра, Южная Добруджа, Болгария); «чтобы ушло зло» (*să ducă rele*) (сведения из с. Половрадзь, жудец Горж, Олтения, Румыния) [Юллы, Соболев 2003: 420–421; Василева 1974; Йорданова 1972; Atlasul... 2011. 1: 100–101; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информант Елена Пэпурикэ, ком. Половрадзь)].

У румын зафиксирован и такой способ расставания с мартовской нитью, как ее сожжение, когда она порвалась или потеряла вид (све-

---

¹ Впрочем, здесь встречаются и другие объяснения этого обычая: «чтобы шли дети и скот здоровыми», «чтобы скот много ходил» и был здоровым в этот год [см.: Юллы, Соболев 2003: 420–421].

дения из с. Сэрата-Мунтеору коммуны Мерей, жудец Бузэу, Мунтения) [Плотникова 2009]. Аналогичный способ уничтожения этого украшения-оберега зафиксирован у болгар (в городской среде) [Седакова 2009].

Очевидно, исходный смысл всех ритуалов расставания с мартовской нитью — избавление от зла, которое она на себя переняла. По мнению А.Н. Анфертьева, к которому присоединяется и автор, именно в этом состоит изначальный смысл всех операций, которые могут выполняться при «ритуальном расставании» с мартовской нитью — бросить вслед прилетевшей птице, бросить в реку, привязать на куст или дерево, положить под камень, но так или иначе избавиться от нее. И уже на этой основе возникают магические процедуры (гадания по мартовской нити, оставленной под камнем) и представления о симпатической связи оберега с тем, кто его носил [Анфертьев 1979б: 134].

3.4. Особенности бытования мартовских нитей в современной городской среде

Обычай дарения и ношения мартовских нитей в Румынии, так же как в Молдове и Болгарии, в социалистический период прочно укоренился в городской среде и в значительной мере получил статус этнического символа. Как обычай, не связанный с христианской традицией, он был одобрен официальной идеологией¹.

В городах современной Румынии мартовские нити (*mărțișoare*) носят почти исключительно женщины, девушки и девочки, но не все, хотя обычай дарить *mărțișoare* в первые дни марта сохраняется здесь до сих пор. В различных регионах страны этот обычай выглядит по-разному (вопреки тенденции «внутренней глобализации» румынской мартовской нити). Например, жители Тимишоары утверждают, что мартовские сувениры — *mărțișoare* — можно дарить только женщинам, девушкам и девочкам, а жители Крайовы считают, что мужчины, юноши и мальчики могут их дарить в качестве сувениров женщинам, девушкам и девочкам, тогда как особы женского пола могут дарить их как мужчинам

---

¹ Этому утверждению противоречат сведения, записанные А.А. Новиком у албанцев Приазовья, согласно которым в послевоенные годы учителя запрещали ученикам приходить в школу с мартовскими нитями, поэтому их приходилось прятать под одеждой (сведения из с. Георгиевка Запорожской обл. Украины) [Новик 2010а (информант А.К. Бурлачко)].

(юношам, мальчикам), так и друг другу; мужчины же не должны дарить их другим мужчинам¹.

В Республике Молдова мартовские нити-сувениры получают в подарок не только женщины от мужчин и других женщин, но и мужчины от женщин. Иногда мужчины даже носят их, прикрепив к лацкану пиджака.

У румын (влахов), компактно проживающих на территории северной Болгарии, мартовские нити носят независимо от пола и возраста, что, по-видимому, связано с болгарским влиянием [Atlasul... 2011. 1: 100–101; 2011. 2: 102–103].

Румынские мартовские нити-сувениры в настоящее время почти всегда являются покупными (хотя большая часть мартовских сувениров, которые продаются в первые дни марта на лотках всех румынских городов, выполнена вручную — их изготовление стало своего рода художественным промыслом, которым занимаются малоизвестные художники, студенты и др.) (см. рис. 10). Вероятно, только ученики начальных классов делают их сами (с помощью учителей) на уроках труда, а затем дарят своим матерям.

Рис. 10. Продажа мартовских нитей в Тимишоаре.
Румыны, Румыния, г. Тимишоара, март 2005 г. Архив автора

¹ Устные сообщения Отилии Хедешан, проректора Университета Тимишоары, и Адрианы Улиу, доцента филологического факультета Университета Крайовы.

В наши дни в румынских городах мартовские нити продаются в последние дни февраля — первые дни марта. Дарят их не только 1 марта, но и в другие дни в начале месяца; женщины и девушки довольно часто получают их в подарок 8 Марта. К концу периода «баб», или «бабиных дней», мартовских сувениров в киосках и на лотках становится меньше и цены на них заметно снижаются.

Румынская мартовская нить — *mărțișor* — изготавливается в настоящее время почти исключительно из шелковых ниток, всегда — белой и красной. К ней, как уже говорилось, может быть прикреплен маленький декоративный объект из металла, украшенного эмалью, фактически представляющий собой кулон (подвеску). Чаще всего это какой-либо символ счастья — подкова, клевер с четырьмя листочками, ключ, божья коровка, изображение трубочиста, однако встречаются также изображения цыплят, котят, щенков, бабочек и т.д. Именно такой *mărțișor* чаще всего служит украшением; носят его, обычно приколов к одежде (на грудь) с помощью булавки (см. рис. 4, 8). В 50–60-е годы XX в. в городах и даже некоторых селах Румынии были распространены мартовские нити (сувениры), которые состояли из красно-белого шнурка, изготовленного из двух перевитых шелковых ниток и «символа счастья» (изображения подковы, ключа и т.д.), изготовленного не из жести, как в наши дни, а из золота или серебра. Такие мартовские нити также носили на груди. Так, жительница коммуны Дэбулень (жудец Долж, Олтения) Лучия Флореску сообщила, что в школьные годы (в 1960-х годах) у нее была золотая подвеска к мартовской нити, которую она носила только в первые дни марта, каждый год подвешивая ее к новой шелковой нити. Она рассказала также, что ее учительница ежегодно получала в подарок от учеников и их родителей новый *mărțișor* с подвеской из драгоценного металла [ПМА 2005б]. По-прежнему встречаются и мартовские нити, украшенные крестиками или иконами (рис. 11, 12). В прошлом, как говорилось выше, крестик наряду с монетой был одним из самых распространенных дополнений к румынской мартовской нити.

В наши дни «символы счастья», прикрепляемые к мартовской нити, могут быть изготовлены не только из металла, но и из других материалов, например, встречаются изображения ключей и подков из оргстекла, внутрь которого помещены фрагменты засушенных цветов (рис. 13, 14). Из такого же оргстекла изготавливают и буквы-инициалы, сердечки и др., которые также подвешивают к красно-белым шелковым нитям (рис. 15). Встречаются и мартовские нити с изображениями знаков зодиака, металлическими или керамическими.

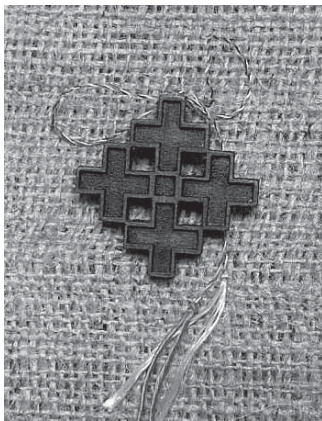

Рис. 11. *Мэцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и крестика. Румыны, Румыния

Рис. 12. *Мэцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и металлической иконы. Предназначен для ношения на груди. Румыны, Румыния, г. Тимишоара. Архив автора

Рис. 13. *Мэрцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити, кулона из оргстекла в форме ключа и открытки. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-42

Рис. 14. *Мэрцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити, кулона из оргстекла в форме подковы и открытки. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-41

Рис. 15. *Мэртишиор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и кулона из оргстекла в форме сердечка, помещенных в картонную упаковку. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-46

Рис. 16. *Мэртишиор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и кулона из пластмассы в виде сердечка. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-45

В настоящее время в сувенирных киосках румынских городов в первые дни марта продаются также кулоны из полудрагоценных камней или имитирующей их цветной платмассы, подвешенные к мартовским нитям (рис. 16). Эти кулоны их владелицы могут носить и по прошествии первых дней марта, без мартовской нити, но если их носят в первые дни весны, то, как правило, не как кулоны, а как броши на груди. В первые дни марта в сувенирных киосках и на лотках можно купить и обычные броши с прикрепленными к ним мартовскими нитями.

Если *mărțișor* используется в качестве украшения, его носят, как уже говорилось, обычно на груди, как брошь (см. рис. 8, 9). 20–30 лет назад существовала мода носить мартовские нити, прикрепив их к ремешку или браслету часов. В настоящее время мартовские нити на руке носят только маленькие девочки¹.

¹ Устное сообщение Отилии Хедешан.

Рис. 17. Продажа композиций из цветов, украшенных мартовскими нитями в Тимишоаре. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, март 2005 г. Архив автора

Рис. 18. *Мэртишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и композиций из искусственных цветов. Румыны, Румыния, г. Крайова, конец XX в. МАЭ. Колл. № 7438-59

В Румынии распространены также мартовские нити-сувениры, которые изначально не были предназначены для того, чтобы их носили в качестве украшений (речь идет, в частности, о букетах живых или искусственных цветов (рис. 17, 18), композициях из засушенных цветов (рис. 19) или птичьих перьев (рис. 20), маленьких куклах (рис. 21) и открытках (рис. 22), которые принято преподносить в подарок вместе с прикрепленными к ним или, в случае с некоторыми открытками, с изображенными на них мартовскими нитями). В первые годы после революции 1989 г. в Румынии нередко встречались мартовские нити с портретами политических деятелей (в первую очередь с портретом Петре Романа), которые также не были предназначены для ношения¹. В последние годы наряду с уже ставшими традиционными мартовскими нитями-открытками, которые можно было посылать друзьям и родственникам по почте, получили распространение виртуальные открытки с изображениями мартовских нитей или даже целые виртуальные пре-

¹ Устное сообщение Отилии Хедешан.

Рис. 19. *Мэришиор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити, композиции из засушенных цветов, пластины из белого металла и куска картона с надписью “mărțișoare” («мартовские нити»). Румыны, Румыния, г. Крайова, конец XX в. МАЭ. Колл. № 7438-32

Рис. 20. *Мэришиор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити, композиции из перьев, выкрашенных в разные цвета, и пластиковой упаковки. Румыны, Румыния, г. Крайова, конец XX — начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-35

Рис. 21. *Мэришор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и куколки, помещенных в картонную упаковку. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-48

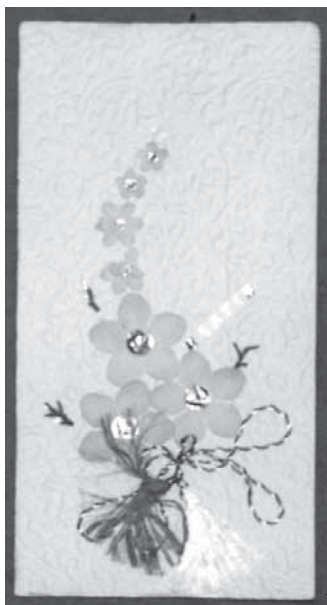

Рис. 22. *Мэришор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и открытки. Румыны, Румыния, Олтения, жудец Долж, коммуна Дэбулень, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 7438-1

зентации с фотографиями мартовских нитей и сувениров, дополненные музыкальным сопровождением, которые рассылаются по электронной почте.

На наш взгляд, можно утверждать, что обычай *носить* мартовские нити в первые дни весны в современной Румынии постепенно исчезает. Мартовские нити, которые теоретически предназначены для того, чтобы носить их в качестве украшений, часто продаются в красивой упаковке или прикрепленными к открыткам с надписями типа: *1 martie* (1 марта), *Martie* (Март), *La mulți ani* (Многие лета), *Cu dragoste* (С любовью), в различных конвертах, коробочках и т.д., и зачастую остаются нераспакованными. Таким образом теряется древняя функция мартовской нити — функция оберега. Современный румынский *мэрцишор* в большинстве случаев выполняет функцию *подарка*, знака любви или дружбы, уважения, доброго отношения. Доказательством этого является и то, что в настоящее время самое большое число мартовских нитей-сувениров получают в подарок в первые дни марта женщины — учителя и преподаватели лицеев и высших учебных заведений от своих учеников и студентов. В некоторых случаях термин *mărțișor* у румын употребляется по отношению к подарку, который преподносят 1 марта, причем собственно мартовская нить может и не прилагаться¹. В настоящее время дарение конфет, шоколада, цветов и др. вместе с мартовской нитью или даже вместо нее встречается и в городах, и в селах Румынии [ПМА 2012б].

Болгарские мартовские нити в настоящее время, как правило, изготавливаются из шерстяных, реже — из шелковых ниток, о чем свидетельствуют экспонаты из колл. № 7438. Однако почти все мартовские нити из колл. № 6944, собранные в Болгарии и датирующиеся 50–80-ми годами XX в., выполнены из шелковых ниток. Изредка в современной Болгарии встречаются мартовские нити из фабричной тесьмы, ткани, кожи и т.д., однако традиционная цветовая гамма сохраняется.

В Болгарии *мартеници* носят в настоящее время и женщины, и мужчины, и дети. В то же время, согласно сведениям, собранным автором во время экспедиций в места проживания бессарабских болгар (с. Чийшия (Городне) Одесской обл. Украины), здесь мартовские нити носят только женщины и дети, что, возможно, связано с молдавским влиянием [ПМА 1999 (информант Мария Н. Кирмикчи, с. Чийшия)].

В Болгарии до сих пор мартовские нити довольно часто носят на руке. *Мартеница*, которую носят на руке, выглядит как шнурок из двух

¹ Устное сообщение О. Хедешан.

переплетенных ниток, как правило, шерстяных, белой и красной, украшенный кистями тех же цветов или бусинами (рис. 23), или браслет, сплетенный или связанный из ниток белого и красного цветов (рис. 24), иногда с добавлением черного, синего или зеленого. *Мартеница*-браслет также может быть украшена бусинами.

Рис. 23. Мартеница для ношения на руке, украшенная бусинами. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-90

Рис. 24. *Мартеница*-браслет. Болгары или влахи (по изготовлению), влахи (по бытованию), Болгария, г. Брегово, область Видин, Болгария, конец XX — начало XXI в.
Архив автора

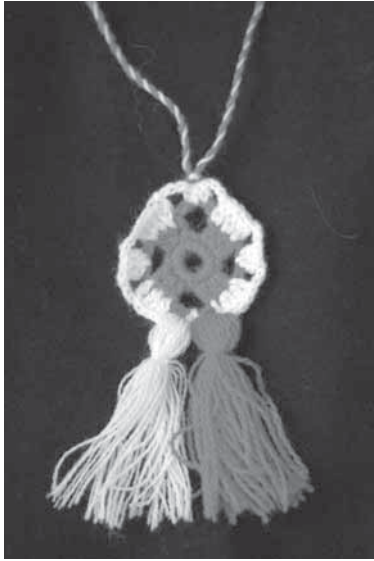

Рис. 25. Мартеница-«кулон». Болгары или влахи (по изготовлению), влахи (по бытованию), Болгария, г. Брегово, область Видин, Болгария, конец XX — начало XXI в.
МАЭ. Колл. № 7438-72

Несколько реже встречаются у болгар мартовские нити-кулон. Современная болгарская *мартеница*-кулон обычно выглядит как шнурок из двух перевитых ниток, белой и красной, к которому прикреплен какой-либо декоративный объект, изготовленный также из ниток или бусин (рис. 25). Встречаются и более «модернизированные» варианты, которые сохраняют традиционную цветовую гамму, однако уже потеряли «мартовскую нить». Так, современная болгарская *мартеница*-кулон может представлять собой, например, белый кожаный шнурок, к которому подвешено пластмассовое сердечко красного цвета.

В сувенирных магазинах и киосках Софии можно увидеть также наборы, состоящие из *мартенички*-кулона и *мартенички*-браслета.

В Болгарии также распространены мартовские нити, предназначенные для ношения на груди, как броши. Мартовские нити-броши чаще всего бывают полностью изготовлены из ниток, шерстяных (рис. 26) или шелковых (рис. 27). Встречаются также мартовские нити-броши, украшенные бусинами — синими, красными или имитирующими жемчуг (см. рис. 7), бисером или различными декоративными объектами, изготовленными из металла (рис. 28 — МАЭ. Колл. 6944-11а, б, в, г; рис. 29), пластмассы (рис. 30 — МАЭ. Колл. № 6944-16, в; рис. 31; рис. 32 — МАЭ. Колл. № 6944-3а; рис. 33, 34), дерева (см. рис. 32 — МАЭ. Колл. № 6944-3б), кожи и др. *Мартеница*, которую носят на груди,

Рис. 26. Мартеница-«брошь» из шерстяных ниток. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-73

Рис. 27. Мартеница-«брошь» из шелковых ниток. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. Архив автора

Рис. 28. Мартовские нити-«броши». Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-11а, б, в, г

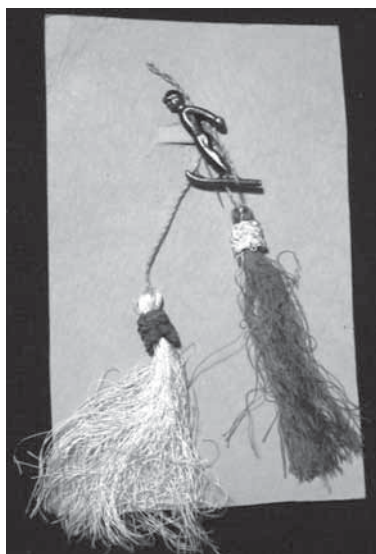

Рис. 29. Значок с прикрепленной к нему мартовской нитью. Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-12

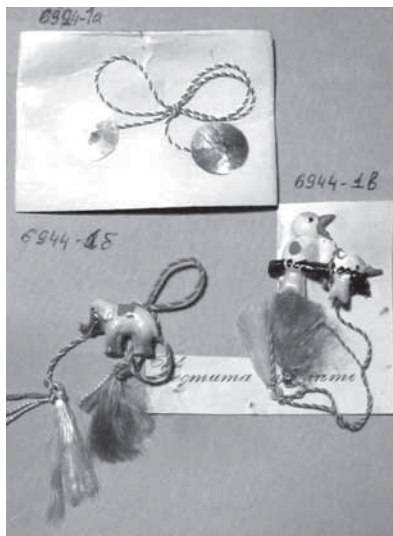

Рис. 30. Мартовские нити-«броши». Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-1а, б, в

Рис. 31. Мартеница-«брошь», украшенная пластмассовым изображением ослика. Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-2

Рис. 32. Мартовские нити-«броши». Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-3а, б

Рис. 33. Мартеница, прикрепленная к изображению черной кошки. Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-6

Рис. 34. Мартеница, украшенная пластмассовым изображением черной кошки. Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-8

может выглядеть как бело-красный шнурок из двух переплетенных нитей, завязанный бантиком, украшенный кистями или изображением подковы, божьей коровки (символов счастья) (см. рис. 32), какого-либо животного, например черной кошки (см. рис. 33, 34), птицы (см. рис. 30), цветов, сердечка, одной или двух маленьких кукол (если кукол две, то они изображают мальчика и девочку) (см. рис. 6). Мартовские нити, предназначенные для ношения на груди, нередко продаются в красивой упаковке. Довольно часто они бывают прикреплены к открыткам или кускам картона с надписью «*Честита Баба Марта*» («Поздравляю(-ем) с Бабой Мартой») (см. рис. 7). На наш взгляд, они постепенно теряют функцию украшений-оберегов и, возможно, в будущем станут просто *мартовскими сувенирами*, как это происходит в настоящее время с румынскими мартовскими нитями.

Рис. 35. Мартеница и кукла — мужская фигурка, прикрепленные к картонной карточке с изображением ласточки. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-93

Рис. 36. Открытка с прикрепленной к ней мартовской нитью. Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-33

В современной Болгарии, как и в Румынии, можно встретить мартовские нити (мартовские сувениры), которые в принципе не предназначены для того, чтобы носить их в качестве украшений. Это в первую очередь мартовские нити, прикрепленные к открыткам или картонным карточкам (рис. 35¹, 36 — МАЭ. Колл. № 6944-33), или даже *открытки с изображением* мартовской нити (рис. 37). Встречаются также мартовские сувениры — настенные украшения из ниток (рис. 38).

¹ Данный экспонат представляет собой мужскую фигурку, изготовленную из цветных ниток, прикрепленную к картонной карточке. Карточка украшена изображением ласточки, несущей в клюве мартовскую нить (ср. приведенные выше сведения об обычае «отдавать» мартовскую нить ласточке).

Рис. 37. Открытка-мартеница. Болгары, Болгария, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-61

Рис. 38. Мартеница, украшенная изображением куклы. Вероятно, настенное украшение. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-87

Нужно также отметить, что в Болгарии в наши дни распространены мартовские нити с портретами известных артистов или героев блокбастеров — Гарри Поттера, Бэтмена и др., спортсменов, политических деятелей (фактически они представляют собой фотографии с прикрепленными к ним красно-белыми нитями). В более ранний период были популярны мартовские нити, украшенные такими символами современной жизни, как, например, изображение самолета (см. рис. 28) или лыжника (см. рис. 29) (экспонаты колл. № 6944 относятся к 50–80-м годам XX в.). Нередко можно встретить и мартовские нити, дополненные различными «этнографическими» объектами, такими как бубенцы для коров или овец (рис. 39) или изображения традиционного болгарского передника-*престилки*, традиционной обуви «*цырвули*», декоративной тарелки, расписанной в «национальном» стиле (рис. 40, см. также рис. 32), или прикрепленные к открыткам с изображением пастушка, юноши и девушки в «национальной» одежде (см. рис. 36) и т.д. Эти мартовские нити, на наш взгляд, сходны с молдавскими, изготавливавшимися в последние десятилетия социалистического периода. Так, в кол-

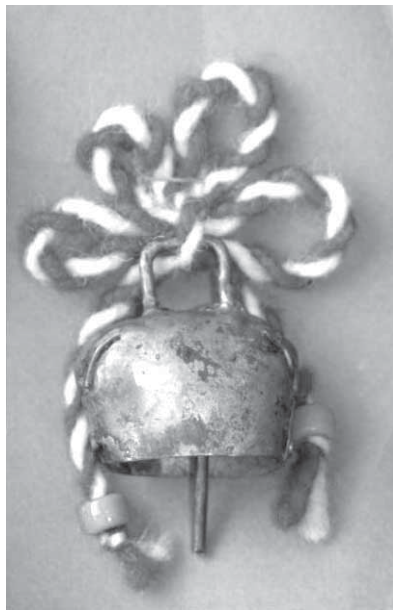

Рис. 39. Маргеница и бубенец. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в.
МАЭ. Колл. № 7438-96

Рис. 40. Мартеница, украшенная изображением «престилки»-фартука.
Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. Архив автора

лекции Российского этнографического музея имеются молдавские мартовские нити (сувениры) с прикрепленными к ним игрушечными опинками (традиционной обувью), куклами в традиционных костюмах и т.д. [Коллекционные описи РЭМ 67: 169; 279: 12–22]. Данное явление, возможно, связано с тем, что болгарские и молдавские мартовские нити в тот период в определенной степени были ориентированы на «внешне-го» потребителя, их изготовители могли преследовать цель ознакомить с этой традицией представителей других этносов, жителей других регионов (в случае с молдавскими мартовскими нитями — жителей других республик СССР), тогда как румынские мартовские нити и в «коммунистический» период, и в настоящее время ориентированы почти исключительно на румынского потребителя.

Традиционная болгарская *мартеница* постепенно превращается в сувенир, предназначенный не в последнюю очередь для иностранцев. Так, в 2005 г. в Софии мартовские нити можно было купить в любом сувенирном магазине в середине апреля.

Кроме того, в наши дни в Болгарии, как и в Румынии, наряду с почтовыми открытками с изображениями мартовских нитей получили широкое распространение виртуальные открытки, а также целые презентации из фотографий и видеоклипов на эту тему с музыкальным сопровождением, которые можно отправлять по электронной почте.

Из всего вышесказанного очевидно, что в Болгарии, как и в Румынии, в первые дни марта принято дарить главным образом мартовские нити (сувениры), купленные в магазинах и киосках, которые, однако, зачастую являются изготовленными вручную (их изготовление здесь также стало своеобразным художественным промыслом). В детских садах и начальных школах дети в конце февраля изготавливают *мартеници* в подарок своим матерям¹.

И здесь, как и в Румынии, самое большое число мартовских нитей-сувениров получают в подарок 1 марта женщины — учителя и преподаватели вузов, что свидетельствует о том, что и в Болгарии мартовская нить постепенно превращается из оберега в знак внимания, уважения и доброго отношения.

Однако при этом у болгар, в том числе и в городской среде, и в настоящее время принято вешать мартовские нити на ветви плодовых и декоративных деревьев и кустарников. Весной в садах и парках Софии яблони, черешни, сливы, кусты роз и шиповника украшают многочисленные мартовские нити (см. рис. 41). По утверждению И.А. Седаковой, имевшей возможность сравнить впечатления от софийской весны 2006 г. с тем, что ей приходилось видеть в Софии в тот же календарный период около 25 лет назад, «развешанных мартениц, да еще в таком количестве, в Софии в конце 70-х не было» [Седакова 2009: 139–147]. Весной 2012 г. автору удалось сфотографировать болгарские мартеницы в парках Лондона — Гайд-парке, Ридженс-парке и др. (см. рис. 42).

Вторичная фольклоризация обычаев, связанных с мартовской нитью, в Болгарии, по-видимому, получила большее развитие, чем в соседних странах. В этой связи можно вспомнить появившуюся в социалистический период традицию прихода 1 марта в детские сады и школы «Бабы Марты» (женщины в «национальном костюме»), раздающей детям *мартенички*. Эту традицию восприняли и румыны (влахи), компактно проживающие на территории областей Видин, Враца и Плевен

---

¹ Устное сообщение Йорданки Павловой, воспитательницы детского сада из Шумена, Болгария.

Рис. 41. Мартовские нити на ветвях деревьев. Болгары, Болгария, София, апрель 2005 г. Архив автора

Рис. 42. Болгарская мартовская нить на ветке дерева в Ридженс-парке. Лондон, апрель 2012 г.

[Atlasul... 2011, 1: 100–101; 2011, 2: 102–103; ПМА 2012а (информант Верка Бакырова)].

* * *

Анализ сведений, которыми мы располагаем, позволяет утверждать, что в настоящее время мартовские нити, по крайней мере в Румынии, Молдове и Болгарии, являются в первую очередь символами начала весны, неизменными спутниками ее первых дней. Обычай ношения и дарения мартовских нитей воспринимается и румынами, и болгарами как нечто специфичное именно для их страны. На наш взгляд, болгарская *мартеничка*, несмотря на «вторичную фольклоризацию», в большей мере сохранила функцию оберега, приносящего удачу, тогда как румынский *мэрцишор* в настоящее время выполняет в первую очередь функцию подарка, знака любви, дружбы, уважения и доброго отношения. В то же время в Болгарии этот предмет и обычай приобрели, как уже говорилось, более выраженную этническую окраску. Так, в настоящее время в крупных городах Болгарии *мартенички* стали «традиционным болгарским сувениром», предлагаемым туристам в любое время года. Кроме того, в болгарском сегменте Интернета тиражируется информация о «новой старой» мифологии мартениц — так, наряду с «традиционной» легендой об «изобретении» мартеницы сестрой хана Аспаруха в последние годы встречаются и версии, относящие появление этого украшения-оберега к фракийским временам и связывающие его с именем Орфея (подробнее об этом см.: [Седакова 2009: 139–147]).

Основной функцией мартовской нити изначально была функция оберега, который должен был защищать того, кто его носит, от злых сил в «опасный» период начала весны и обеспечить ему здоровье, привлекательность и удачу на весь оставшийся год. Однако постепенно она вытесняется функцией подарка, если не туристического сувенира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всякую идею обновления, возрождения, восстановления, в каких бы несходных сферах она ни проявлялась, можно свести к понятию «рождения», а последнее, в свою очередь, — к идее «сотворения космоса». Каждая новая весна реактуализирует космогонию, каждый *знак* воскресения растительного мира указывает на полноту вселенского бытия, ведь подобный *знак* (ветка, цветок, животное) торжественно вносится в дом и *выставляется* на всеобщее обозрение как доказательство того, что «пришла весна», причем речь здесь необязательно идет о весне как реальном природном феномене, но о воскресении жизни. Ритуалы, совершаемые по случаю Нового года или наступления весны (поединок Зимы и Весны, изгнание Смерти, «казнь» Зимы или Смерти и т.п.), представляют собой *варианты одного и того же мифа*, восходящего, в свою очередь, к *мифу космогоническому* [Элиаде 2000: 326–327].

Каждый год мир творится заново. Иногда, как, например, в древней Месопотамии, могло иметь место эксплицитное повторение космогонии (торжественная рецитация «Поэмы о творении»). Но даже там, где о воспроизведении творения речь прямо не идет, следы космогонии вполне различимы (погашение и новое зажигание огней, посещение живых умершими, сражения двух враждующих отрядов, инициации, браки, оргии и т.д.). Вероятно, не все новогодние и весенние ритуалы непосредственно связаны с определенным «мифом»; иногда они входят в структуру «боковых», или «параллельных», мифов, где космологическая функция специально не подчеркивается. Однако взятые в целом, все эти сакральные акты или «символы», «знаки», актуализируемые в связи с Новым годом или приходом весны, какую бы природу, ритуальную, мифическую или легендарную, они не имели, обнаруживают общую черту: в них выражается, пусть и с разной интенсивностью, драма творения. В этом отношении все они связаны с космогоническим мифом, хотя во многих случаях речь идет не о «мифах» в собственном смысле слова, но о «знаках» или «ритуалах». Так, «знак», символизирующий приход весны, можно рассматривать в качестве своего рода зашифрованного или концентрированного мифа, поскольку демонстрация этого знака равнозначна вести о творении. Подобно тому как миф в соб-

ственном смысле слова воспроизводит некое образцовое событие (в данном случае — космогонию) вербально, «знак» (здесь — зеленая ветка, животное и др.) воскрешает это событие уже одним фактом своей демонстрации [Там же]. В данной работе приведены примеры, где связь между собственно мифом и другими видами магико-религиозных явлений (которые М. Элиаде называет мифами концентрированными или зашифрованными) предстает со всей очевидностью. В качестве «мифа в собственном смысле слова, вербально воспроизводящего некое событие», мы рассматриваем комплекс текстов о мартовской старухе, а в качестве «знака, воскрешающего данное событие самим фактом своей демонстрации», — мартовскую нить.

В нашем исследовании подробно описаны мифологические представления и обрядовые действия, связанные с началом весны у народов Карпато-Балканского региона. В частности, здесь приводятся инвариант и трансформы легенды о мартовской старухе, анализируются поверья и обряды, связанные с днями, посвященными этому персонажу, а также с такими праздниками, как день Сорока мучеников и Благовещение. В главах, где говорится о представлениях о мартовской старухе и ее днях, рассматривается практически весь ареал распространения представлений об этом персонаже, включающий не только Карпато-Балканский регион, но и значительную часть Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока.

Инвариантными для легенды о мартовской старухе являются следующие компоненты: скотоводческая тематика, мотив пренебрежения силами природы со стороны героини (героя) и последующее ее наказание. Для балканских вариантов типичен мотив петрификации старухи-пастушки и ее стада. В румынских вариантах легенды мотив оскорбления месяца, широко распространенный и на Балканах, и в Западной Европе, нередко заменяется оскорблением бога или вообще отсутствует; в большинстве из них нет и мотива «заемных дней». Часто в румынских текстах наличествует дополнительный мотив: мартовская старуха — злая свекровь, которая стремится погубить невестку и дает ей невыполнимые поручения; появляется сверхъестественный помощник, который помогает невестке и обманом заставляет старуху отправиться со стадом на пастбище раньше срока и тем самым губит ее. Религиозная тематика в принципе является наиболее характерной для румынских вариантов легенды о мартовской старухе.

Изоглоссами, объединяющими огромные территории, является обозначение определенных дней ранней весны как «старух», или «ста-

рухиных» дней, и как «заемных» дней. Хрононимы типа «старухи» встречаются у румын (румынская Молдова, Мунтения, Олтения, Трансильвания, Банат), арумын, болгар (области София, Кюстендил), македонцев (окрестности Охрида и Велеса), сербов (Враньский край, Косово), албанцев, берберов (кабилов) в Алжире; хрононимы типа «старухины дни» — у румын (румынская Молдова, Мунтения, Трансильвания, Банат), болгар (Родопы), македонцев (Струга, Гевгелия), сербов (западная Сербия и Лесковацкая Морава), французов, провансальцев, итальянцев, швейцарцев; хрононимы типа «одолженные (дни)» — у румын (Банат), болгар (южная и западная Болгария), македонцев (Скопска Црна Гора, Гевгелийска каза), сербов (восточная и юго-восточная Сербия, Косово), боснийцев (окрестности Високо и Купреса), французов, каталонцев, португальцев, англичан.

Героиня мартовской легенды — старуха — у румын чаще всего именуется *Baba Dochia*. Это имя мотивировано именем святой (Евдокии), день которой приходится на 1 (14) марта. Изредка на восточнороманской территории мартовскую старуху называют *Baba Marta*. Это имя зафиксировано у жителей Мунтении (Телеорман), Бессарабии, у влахов восточной Сербии и северо-западной Болгарии. Имя *Марта* (*Баба Марта*) встречается в фольклорных текстах о мартовской старухе у болгар, македонцев, сербов. Оно сходно или совпадает с названием первого весеннего месяца и сходно с именем *Мара* (*Марена, Морена, Марана, Маржана, Маржсена*) — именем славянского женского божества, связанного с плодородием и смертью, сезонным умиранием и воскресением природы. Римско-италийский бог Марс, которому обязан своим названием март, также связан со сменой времен года и плодородием. В ряде текстов рассматриваемый нами персонаж именуется просто «старухой», в частности у арумын (*moaşa*), греков (*Μπάμπω*), албанцев (*q'aka* — в гегских говорах), итальянцев (*la Vecchia*), провансальцев (*la Viéio*), французов (*la Vieille*).

Большинство наименований мартовской нити перекликается с названием месяца: рум. и молд. *mărțișor*, молд. *mărțișuș*, арум. *m'arțu*, болг. *мартеница, мартеничка, мартичка, мартенича, мартиншора, марта, Баба Марта*, макед. *мартинка, мартинче, марте*, греч. *ου Μαρτ', ου Μαρτ'ς, το Μαρτοάτονο*.

Учитывая то, что период ношения мартовских нитей часто совпадает с днями, посвященными мартовской старухе, и памятуя об утверждении М. Элиаде о том, что *знак* может представлять собой зашифрованный *миф*, можно рассматривать мартовскую нить как зашифрованную

легенду о мартовской старухе. Обычай ношения мартовских нитей у балканских народов, вероятно, развился из обычая украшать двор кусками ткани и предметами одежды красного цвета с целью умилистить мартовскую старуху, которая в ряде случаев воспринималась как персонификация марта. Однако ареал распространения обычая ношения мартовских нитей является значительно более узким, нежели ареал распространения представлений о мартовской старухе. Легенда о мартовской старухе (или сходные с ней легенды) и представления о «старухиных» или «одолженных» днях бытуют и у жителей Карпато-Балканского региона (румын, арумын, молдаван, болгар, македонцев, сербов, черногорцев, боснийцев, словенцев, греков, албанцев, гагаузов, украинцев Карпат, поляков Галиции) и народов Западной Европы и Ближнего Востока (итальянцев, корсиканцев, провансальцев, французов, каталонцев, испанцев, басков, португальцев, жителей Швейцарии, англичан, шотландцев, турок, персов, арабов, берберов). Обычай ношения мартовской нити встречается только у балканских народов — румын, арумын, молдаван, болгар, македонцев, албанцев и греков. Однако можно утверждать, что мартовская нить бытует там, где существуют представления о мартовской старухе.

Пример трансформации легенды о мартовской старухе в фольклоре и литературе приводится на румынском материале. В Румынии встречаются версии этой легенды, героиней которых является не старуха, а девушка, часто — дочь императора, которая отправляется в горы со стадом овец, чтобы спастись от врагов. Таковы, в частности, тексты, записанные в Рымнику-Сэрат (румынская Молдова) и Сучаве (Южная Буковина), повествующие о девушке Докии, которая якобы была дочерью дакийского царя Децебала.

Современное состояние обычая ношения мартовской нити рассмотрено нами на примере двух стран — Румынии и Болгарии. Этот обычай у румын и болгар адаптировался к современным реалиям, органично вписавшись, в частности, в жизнь обитателей больших городов. Функция *оберега* перестала быть основной функцией мартовской нити, уступив место функции *подарка*, знака внимания и доброго отношения. Для румын и болгар этот обычай к тому же стал своего рода символом этнической идентичности (даже в научной литературе иногда утверждаются «эксклюзивные права» собственного этноса на него).

ТЕКСТЫ ЛЕГЕНД О МАРТЕ И МАРТОВСКОЙ СТАРУХЕ

1.1. Румыния 1.1.1. Марамуреш Odochia

Baba Odochie o avut on ficior și l-o însurat. Ș'apăi nora n'o putut trăi cu ie altfel. I-o dat lînă năgră s'o spele pînă a h'i albă. La Tisa uo mînat la apa. O viñit oarece inger și uo făcut albă. Apăi i-o dat lînă albă, s'o spele pînă a h'i năgră. Lîna nu s'o putut fa(ce) năgră. I-o dat ingeru on bot de flori albe, adusă di la dial: breabîn. Nora l-o dat babii. Baba o zîs:

— Ii! i[a]n coată că o adus flori di la dial, acuma-i vrēmea a mēre la munte cu oile!

A luat baba Odochia nouă cojoace pe sîne. O fost frig și cald, ș'o țipat unu, și tât așa în nouă zile, pînă li-o țipat pe tâte. În a noua zi o dat Dumnezău on gier ș-o n̄gietat și Odochia și oile cu ficior cu tât ș'o rămas nora ce hulită. Aceia o fost oarunde în Maramureș, la munți aceia.

Zilile Odochii is în Martie.

(с. Батарчь, местность Угоча, Марамуреш, Румыния, информант Мэрие Рус [Scurtu 1942: 123–301])

Одокия

У бабы Одокии был сын, и она его женила. И невестка не могла жить с ней по-человечески. Она (баба Одокия) дала ей (невестке) черную шерсть, чтобы та ее мыла, пока она не станет белой. На Тису ее послала, к воде. Пришел некий ангел и сделал ее (шерсть) белой. Потом (баба Одокия) дала ей белую шерсть, чтобы она мыла ее, пока шерсть не почернеет. Шерсть не удалось сделать черной. Дал ей ангел пучок белых цветов, принесенных с холма, — режухи (жерухи). Невестка отдала его старухе. Старуха сказала:

— Ой! Смотри-ка, она принесла цветы с холма, теперь пора идти в горы с овцами!

Надела баба Одокия на себя девять кожухов. Было то холодно, то тепло, и она сбросила один, и так за девять дней сбросила их все. На девятый день дал Господь мороз и заморозил и Докию, и овец, и ее сына, и осталась одна невестка, которую вечно ругали. Это было где-то в Марамуреше, в тех горах.

Дни Одокии в марте¹.

---

¹ Здесь и далее, если переводчик не указан, перевод выполнен мной. — Н. Г.

* * *

Odochia a fost o babă bună de lucru și harnică de n-avea părechie, dar era încrezută rău și rânzoasă. Ce-și punea ea în cap, trebuia să se întâmple.

Așa a plecat ea *în ziua întâi de primăvară* cu oile la munte, să le pască, macar că vremea nu era încă de primăvară. Se îmbracă baba cu douăsprezece cojoace, își leagă năframă înapoi ca fetele, își ia furca în brâu, să suie pe cal și pleacă la munte.

Dumnezeu, văz-ndu-i încăpățânarea, când a ajuns baba la munte, a împietrit-o. Din piatra această izvorăște râul Iza.

(с. Сэчел-Марамуреш, Марамуреш, Румыния
[Gherman 2002: 150–161])

Одокия была старухой работающей и трудолюбивой, второй такой не было на свете, но была она очень самоуверенной и злой. Если она что вбила себе в голову, значит, так тому и быть.

Так отправилась она *в первый день весны* с овцами в горы, чтобы их пасти, хотя погода еще не была весенней. Надела старуха двенадцать кожухов, повязала косынку по-девичьи, назад, заткнула прялку за пояс, села на коня и отправилась в горы.

Бог, видя ее упрямство, когда поднялась старуха на гору, превратил ее в камень. Из этого камня берет начало река Иза.

1.1.2. Трансильвания (Ардял)

În întâia Mărțișor, într-o zi de marți, când o fi fost, o plecat Baba Dochie cu caprele la munte și o îmbrăcat șapte cojoace, că era frig. Mergând pe drum s-o încălzit de-a binele baba și pe cum mergea lăpăda câte-un cojoc. Când o ajuns la muntele Rășinariului, o-nceput să se răcească vremea mai tare, dar baba, coalea curăjoasă, hi la drum! pe munte la deal după capre, să nu le piardă. De la o vreme simțea baba tot mai tare frigul și trămurăturile încep a se spori. Baba începe acum a mai da cu mână pe la străiță din când în când, și trămurăturile se mai rădesc. Straița însă nu era sacu popii, să nu-i mai dai de fund, frigul creștea și baba slăbea tot mai tare.

Ce să facă acum baba? Se gândea că tot o fi mai bine să facă calea-ntoarsă și hai la drum înapoi, căutând cojoacele, care acum prindeau bine. Dar ie-le, dacă le mai găsești.

Baba ajunge flămândă și necăjită în Rășinar, aici dă pe un făgădău să-și mai potolească foamea și setea și să mai să mai uite din hăl năcaz. Aici începe a gusta și un pic de vinars — avea bătrâna năravul ștă încă de-acasă — de la o vreme s-o încălzit și s-o căușit de cap.

Iese acum baba sătulă din făgudău și-o uitat de ce-o fost, și unde nu începe baba să mulțămiască lui Dumnezeu pe toate strunele, *suduind* de-ți era urât s-o ascuți, că Dumnezeu nu i-o păzit cojoacele și caprele.

Merge acuma baba *cătrănită foc*, să-și caute cojoacele și caprele, dacă Dumnezeu n-o vrut să-i le grijască și pe drum tot suduia și blăstăma. Dumnezeu o aude ce frumos șiți mulțămi baba și o face un *stâlp de piatră*. Și azi se poate vedea baba împietrită, ieșind din mijlocul pietrii o apă rece, ce curge prin mijlocul Rășinariului.

(с. Хэрэнглаб, Трансильвания, Румыния [Gherman 2002: 150–161])

Как-то раз первого марта, во вторник, ушла Баба Докие со своими кожами в горы и надела семь кожухов, потому что было холодно. Идя по дороге, старуха согрелась и, пока шла, сбрасывала кожухи по одному. Когда она пронялась на гору Рэшинарь, погода начала становиться все более холодной, но старуха ...храбрая, вперед и вперед! С горы на холм за кожами, чтобы не потерять их. Со временем старуха все больше чувствовала холод и дрожала все сильнее. Теперь старуха начала время от времени запускать руку в котомку, и дрожь отступала. Котомка, однако, не была поповским мешком, у которого не найдешь dna, мороз крепчал, и старуха все больше слабела.

Что же было делать старухе? Подумала она, что лучше вернуться, и пустилась в обратный путь, разыскивая кожухи, которые сейчас очень бы пригодились. Да поди найди их теперь.

Старуха, голодная и огорченная, добралась до Рэшинара, [и] здесь нашла корчму, чтобы утолить голод и жажду и забыть о своей беде. Здесь она принялась пробовать и водку — был у старухи еще дома этот обычай — и через некоторое время согрелась, а в голове у нее все перемешалось.

Вышла старуха сытая и пьяная из корчмы и, забывшись, и начала «благодарить» Бога на все лады, бранясь так, что было тошно ее слушать, за то, что Бог не сберег ее кожухи и коз.

Пошла старуха, вне себя от ярости, разыскивать свои кожухи и коз, если господь не захотел о них позаботиться, и по дороге все так же бранилась и сыпала проклятьями. Господь услышал, как красиво умеет старуха «благодарить» [его], и превратил ее в каменный столб. И сегодня можно увидеть окаменевшую старуху, из камня течет холодная вода, которая протекает по Рэшинарь.

* * *

A fost odată o bătrână, bătrână cu numele Dochia, și era rea de mama focului. Pe biată noru-sa o purta ca-n ciur.

Ce-i trăznește babii o dată în minte, că ea ar mânca fragi.

— Să te duci în pădure și să-mi aduci fragi coapte, că de nu, te omor! — zice baba către noru-sa într-o zi pe la sfârșitul lui Făurar.

Ce putea să facă biata nevestă, că-naintea soacră-sa nu îndrăznea să zică nici cârc. Pleacă la pădure tot plângând șiroaie de lacrimi, că vedea ea bine ce se

poate și ce nu se poate. Mergând așa cu gândul tot la Dumnezeu, ajunge la pădure, aici cade în genunchi și începe a se ruga lui Dumnezeu ca să-i ajute, să găsească fragi. Când își ridică capu, ce să vezi: minunea minunilor! O zi frumoasă ca-n luna lui Cireșar, iarba verde, pădurea toată ca iedera, păsările cântau de-ți era mai mare dragu, pădurea și livezile pline de oi și capre, — și fragi câte vrei! Dumnezeu adică văzuse că nora babei îi cu credință și că baba, numai de blăstămată ce-i, a trimis pe noru-sa la fragi în luna lui Făurar.

Strânge cât strânge nora la fragi și le duce babei. Acasă spune tot ce a văzut, că iarba-i mare, și oile și caprele numai bolborosesc în ea.

Baba, lacomă cum era, nici nu nici nu așteaptă să sfârșească noru-sa cu vorba, își ia pe ea nouă cojoace, ia turmă de oi și de capre înainte și ține ață cătră pădure. Și pe dumeață ce era își mâna turma: „Ța, Ța, Ța oile și caprele mele, că ori vrea Dumnezeu, ori nu, eu tot mi-oi face din voi brânză și caș”.

Când a ajuns în pădure a început a bate lin Austru și a se-ncălzi vremea. Baba încrezându-se, și-a dat jos toate cojoacele. În ziua următoare unde nu a-nceput un vifor groaznic, și a dat Dumnezeu un ger, de crăpau lemne, iar Moș Gerilă râdea în pumni de Babă cum își „sufă-n dește”. Dar n-a suflat mult, că pe încetul a înghețat cu turma înztreagă în jurul său, iar Dumnezeu le-a făcut în stan de piatră. În munții de la vaida Recea se află un vârful zghebos, care poartă numele de *Baba*. Stâncă aceasta e Baba Dochie, iar pietrele din jur sunt oile și caprele babei.

(с. Мэрджинень, Трансильвания, Румыния [Gherman 2002: 150–161])

Жила-была одна старуха, старуха по имени Докия, и была она крайне злая. Над своей бедной невесткой она всячески издевалась [букв. «Свою бедную невестку она таскала как сквозь сито»].

Взбрело однажды старухе на ум поесть земляники.

— Иди в лес и принеси мне спелой земляники, а если не принесешь, я тебя убью! — сказала баба своей невестке однажды в конце февраля.

Что могла сделать бедная молодлица, ведь перед свекровью она не могла произнести не звука. Отправилась она в лес, проливая ручьи слез, потому что хорошо понимала, что возможно, а что нет. Шла она, шла, обратясь мыслями к Богу, и добралась до леса, и там упала на колени и начала молиться Богу, чтобы он помог ей найти землянику. Когда она подняла голову, что ты думаешь: чудо из чудес! Прекрасный день, как в июне месяце (*luna lui Cireșar*), зеленая трава, лес весь [зеленый], как плющ, птицы поют так, что любо-дорого, лес и луга полны овец и коз, и земляники сколько хочешь! Господь, стало быть, увидел, что невестка старухи ему предана и что проклятая старуха послала свою невестку за земляницей в феврале месяце [*luna lui Făurar*].

Собрала невестка сколько-то земляники и понесла ее старухе. Дома она рассказала обо всем, что видела, что трава [уже] высокая и овцы и козы блеют в ней.

Старуха, поскольку она была жадной, даже не подождала, пока невестка закончит свой рассказ, надела девять кожухов и погнала перед собой овец и коз, держа путь к лесу. И по пути она подгоняла свое стадо: «Ца, ца, ца, мои овцы и козы, хочет ли господь или нет, я все равно получу от вас брынзу и сыр».

Когда она добралась до леса, начал дуть мягкий юго-западный ветер и погода стала теплой. Старуха, став самоуверенной, сбросила все кожухи. На следующий день откуда ни возьмись началась страшная вьюга и послал Бог такой мороз, что трещали деревья, а Дед Мороз посмеивался в кулак над тем, как старуха «дышит себе на пальцы». Но недолго она дышала, потому что потихоньку замерзла со всем стадом вокруг нее, а господь превратил ее в каменную глыбу. В горах Вайда Рече имеется горбатая вешина, которая носит название *Баба*. Эта скала — Баба Докие, а камни вокруг [нее] — старухины овцы и козы.

* * *

Au fost odată demult, tare demult, că nici bătrânii nu știu spune anume când au fost, dar destul că au au fost odată nouă babe. Dintre ele cea mai mare era *Baba Dochia*, o scorpie de muiere, de n-avea seamăn, iar celelalte opt erau slujnicele ei. Când era să se *desprimăvăreze*, în 1 *Mărțișor*, baba dracului n-are ce lucra, făr' se pune și își ia cojocu ei și încă opt, a celorlalte babe, slujnicele ei, își ia turma de capre și pleacă la munte, să pască oile și să facă brânză, iar pe slujnice le mână la câmp, să lucre, că doar îi primăvară. Pe drum își tot îndemna caprele zicând: „Ța, ța, ța caprele mele, / Ța la munte, / să facem brânză de frunte”.

Mergând pe drum, baba s-o-ncălzit și a-nceput a arunca tot câte-un cojoc de pe ea, până ce a rămas numai cu unu. Dar când a ajuns la munte, a dat Dumnezeu o vreme grea cu piatră și *țântărită* și baba a-nghețat cu capre cu tot, iar mai pe urmă Dumnezeu le-a împietrit și așa-s până în ziua de azi și se pot vedea în *Baba-Răcii*.

[Gherman 2002: 150–161]

Жили-были когда-то давно, так давно, что даже старики не знают, когда именно это было, но достаточно того, что жили когда-то девять старух. Самой старшей (главной) из них была *Баба Докия*, ведьма, а не баба, подобной ей не было на свете, а другие восемь баб были ее служанками. Когда должна была начаться весна, 1 марта, чертовой старухе нечего было делать, кроме как надеть свой кожух и еще восемь кожухов других старух, своих служанок, и отправиться со стадом коз в горы, чтобы пасти овец (?) и делать брынзу, а своих служанок она погнала работать в поле, ведь уже весна. По дороге она все подгоняла коз, говоря: «Ца, ца, ца, мои козы, / Ца в горы, / Сделаем отборную брынзу».

Идя по дороге, старуха согрелась и стала сбрасывать кожух за кожухом, пока не осталась в одном-единственном. Но когда она поднялась на гору, дал господь плохую погоду и град, и... и старуха замерзла вместе с козами, а потом господь превратил их в камень, и так до сего дня их можно видеть в Баба-Рэчий.

* * *

A fost odată o babă cu numele Dochia. Baba avea o noră și o turmă de capre. Baba asta de la fire era foarte rea, nu i-ai fi putut umbla în voie da să fi stat în cap. Când se cătrănea, să nu fi fost prin apropierea ei. Și cine era ziua-noaptea cu ea/ Săraca noru-sa, că de aceea îi era noră. Și de capu' cui se spărgeau toate oalele? Tot de capu' ei.

Într-o zi pe la începutul lui Mărțișor, baba ca să facă una și mai-mai, trimite pe noru-sa să-i aducă căpșuni. Să zică noru-sa: ba!? Doamne ferește!

Mergând acum nora pe drum tot gândită și necăjită, cu cine se întâlnește? Cu un om bătrân cu o barbă albă ca zăpada.

— Unde mergi nevastă așa gândită? — o întrebă omu cel cu barba albă.

— Merg la pădure după căpșuni, că am o soacră de-i talpa iadului și i-o venit așa, să mănce căpșuni, și acum mă tot gândesc că oare unde să gășăsc, că nu îndrăznesc să merg acasă cu mâna goală.

— Nu fi gândită și supărată, că doar sunt căpșuni; mergi numai coalea la poala pădurii.

Omul acela cu barba albă era adică chiar Dumnezeu.

Nora, după ce a cules căpșuni, se întoarce acasă la soacră-sa. Baba, dacă vede căpșunile, îndată pleacă la munte cu caprele. Se îmbracă cu opt cojoace, dar pe drum se încălzește și pe încetul aruncă toate cojoacele. Atunci dă Dumnezeu un vifor și un îngheț, și a înghețat baba cu capre cu tot, iar Dumnezeu a făcut-o și pe ea și caprele stane de piatră. Baba Dochia stă în mijlocul caprelor și se vede și azi pe muntele, numit după Dochia *Baba*.

(с. Беривоюл-Маре, Трансильвания, Румыния
[Gherman 2002: 150–161])

Жила была одна старуха по имени Докия. У старухи была невестка и стадо коз. Эта старуха была очень злая, не отвяжешься, если ей что взбрело в голову. Когда она была в ярости, не дай бог оказаться рядом с ней. И кто был с ней днем и ночью? Ее бедная невестка, ведь на то она ей и невестка. И о чью голову бились все горшки? Тоже о ее голову.

В один прекрасный день в начале марта старуха, чтобы сделать другое, послала невестку, чтобы та принесла ей клубники. Скажет ей невестка «нет»?! Боже упаси!

Шла невестка по дороге задумчивая и расстроенная, и с кем же она встретилась? С одним старым человеком с белой, как снег, бородой.

— Куда идешь, молодница, такая задумчивая?

Иду в лес за клубникой, потому что у меня свекровь — настоящая ведьма и пришло ей в голову поесть клубники, и теперь я все думаю, где же ее найти, потому что я боюсь возвращаться домой с пустыми руками.

— Не беспокойся и не печалься, ведь клубника есть; иди туда, на опушку леса.

Этот человек с белой бородой был, стало быть, сам Господь Бог.

Невестка, после того как собрала клубнику, вернулась домой, к свекрови. Старуха, как увидела клубнику, тут отправилась в горы с козами. Она надела восемь кожухов, но по дороге ей стало жарко, и она стала потихоньку сбрасывать кожухи, пока не сбросила все. Тогда послал господь метель и заморозок, и старуха замерзла вместе с козами, а господь превратил и ее, и коз в каменные глыбы. Баба Докия стоит среди коз, и ее видно и сейчас на горе, которая названа в честь Докии «Баба».

* * *

Se zice că Baba Dochia era o babă tare rea, sămânța dracului, nu alta. Cu nimeni nu trăia în pace, pe toți îi mușca, dar mai ales noru-sa n-a văzut o zi bună de când era la baba în casă.

Odată, iacă din bun senin, hai, să-i aducă ei noru-să fragi. În zadar zice noru-sa cum s-ar putea așa ceva, când încă e numai mărtișor, baba nu vrea să audă.

Pleacă noru-sa tot plângând să-i aducă fragi la soacră-sa. Pe drum se întâlnește cu un popă și acesta o întreabă:

— Unde mergi, nevastă, tot plângând?

— M-a mânat soacra să-i aduc fragi și văd bine că umblu în zadar, iar acasă nu cutez să merg cum am plecat, că soacra e în stare să mă omoare.

— Pentru atâta lucru plângi? Du-te după dealu acela, că găsești destule.

Ea s-a dus încătrău i-a arătat popa și a găsit atâtea fragi, de a umplut două corfe.

După ce a adunat fragi, se întoarce către casă. Dar în drum iar se întâlnește cu popa.

— Acum du-te acasă și arată fragile la soacră-ta.

Nevasta, mulțămindu-i că a îndreptat-o unde sunt fragi, își vede de drum.

Soacră-sa neastâmpărată o aștepta să sosească, să-și mai descarce veninu, că era rânzoasă rău. Când sosește nevasta acasă, iacă și soacră-sa în poartă cu un sucitor în mână, să o bată, că doar nici prin minte nu-i trecea să afle fragi.

Când a văzut fragile, a-nmărmurit cu suciorul în mână.

— Doamne, mulțămescă-ți, c-a vine primăvara.

Acum ce-i vine-n minte, că să scoată ea oile și caprele la pășune, că doar a dat primăvara. Iute își ia cojocul și pleacă. Când a ieșit din curte, a dat Dumnezeu

o călură mare, și când dă să meargă baba pe munte la deal, nu mai poate de călură, fără și aruncă jos și cojocu, și merindea toată.

Când a ajuns în vârful muntelui, o *vin*t un ger mare, încât a-nghetat baba dimpreună cu oile și caprele. Și și astăzi se vede cum stă baba în mijlocul oilor, că le-a fucut Dumnezeu pe toate stânci.

(с. Порумбакул-де-Жос, Трансильвания, Румыния
[Gherman 2002: 150–161])

Говорят, что Баба Докия была очень злой старухой, чертово семья, не иначе. Ни с кем не могла она жить в мире, всех кусала, а ее невестка так вообще не видела хорошего дня с тех пор, как жила в доме старухи.

Однажды ни с того ни с сего [вздумалось ей], чтобы принесла ей невестка земляники. Напрасно говорила ее невестка, что это невозможно, потому что еще только март, старуха не хотела [ничего] слушать.

Пошла невестка, плача, чтобы принести свекрови земляники. По дороге встречается она с одним попом, а тот ее и спрашивает:

— Куда идешь, молодница, вся в слезах?

— Меня послала свекровь, чтобы я принесла ей земляники, и я хорошо понимаю, что хожу напрасно, а домой боюсь идти ни с чем, потому что свекровь может меня убить.

— И только из-за этого ты плачешь? Иди за тот холм, там ты найдешь достаточно [земляники].

Она пошла туда, куда указал поп, и нашла столько земляники, что наполнила две корзины.

После того как собрала землянику, направилась она к дому. Но по дороге снова встретилась с попом.

— Теперь иди домой и покажи землянику своей свекрови.

Молодка, поблагодарив его за то, что он направил ее туда, где есть земляника, пошла своей дорогой.

Ее неугомонная свекровь ждала, когда она вернется, чтобы излить на нее свой яд, потому что была очень злобной. Когда пришла молодка домой, свекровь тут как тут, у ворот со скалкой в руке, чтобы побить ее, потому что ей и в голову не приходило, что та найдет землянику.

Когда она увидела землянику, то застыла со скалкой в руках.

— Господи, благодарю тебя за то, что пришла весна.

Теперь пришло ей в голову выгнать овец и коз на пастбище, раз началась весна. Быстро надела она кожух и оправилась в путь. Когда она вышла со двора, послал господь жару, и когда поднималась старуха вверх в гору, она так изнемогла от жары, что не могла не сбросить кожух и все съестные припасы.

Когда она поднялась на вершину горы, застал ее большой мороз, так что замерзла старуха вместе с овцами и козами. И сегодня видно, как стоит старуха среди своих овец, потому что всех их превратил господь в скалы.

* * *

Dochia era o soacără cu trei nurori. Soacre au fost de când îi lumea și mai fi până o fi lumea, dar Dochia nu cred să fi avut părechie pe sub soare. Era soacără chiar de la roată! Nurorile ei ar ști să ne spună mai bine, că nici părjol!

Într-o zi, cam cătră sfârșitul lui Făurar, Dochia trimite pe nora cea mai mare să-i aducă fragi, dar de unde fragi, când pământul îi alb ca ou' și-i frig de creapă și ouăle de corb. S-a dus noru-sa, dar nici n-o mai văzut-o.

Acum trimete pe cea de-a două noră, dar și asta a luat frunză-n buză.

În ziua cea din urmă din Făurar trimite pe nora cea mai tineră. Dar asta era o fată cu credință. În sufletul ei se ruga lui Dumnezeu să-i deie batăr o fragă. Dumnezeu îi ascultă rugăminta și iacă, găsește o fragă.

Pleacă acum cu fraga în mână acasă tare veselă, că de astă-dată o scăpat de gura și de mâna soacrei sale.

Când vede Baba Dochia că noru-sa a găsit fragi, gândea așa cu gându ei că trebuie să fie și iarbă bună de păscut. Își ia dar caprele și pleacă la munte îmbrăcată cu nouăzeci și nouă cojoace, că parcă tot nu i se împărea, îi era cam frig. Dar pe drum s-o încălzit și o-nceput lapede la cojoace, până ce le-o lăpădat toate.

Când a ajuns la munte, o dat Dumnezeu sfântu un frig ca ăla și o-nghetat și baba cu capre cu tot. Și azi se poate vedea împietrită cu caprele culcate lângă ea, lângă Râmeț [comună la poalele Munților Apuseni] și din ea curge un izvor și azi.

[Gherman 2002: 150–161]

Докия была свекровью, у которой было три невестки. Свекрови были с тех пор, как существует мир, и будут до тех пор, пока мир будет существовать, но не думаю, чтобы вторая такая, как Докия, была на свете. Это была свекровь так свекровь! Ее невестки, несомненно, могли бы рассказать нам о ней лучше.

В один прекрасный день, в конце февраля, Докия послала старшую невестку за земляникой, но откуда земляника, когда земля белая, как яйцо, а холод такой, что трескаются и яйца в гнезде у ворона. Ушла ее невестка, и больше ее и не видели.

Затем послала она вторую невестку, но и та не нашла ничего.

В последний день февраля послала она младшую невестку. Но та была девушкой истово верующей. В душе помолилась она Богу, чтобы он дал ей хоть одну ягоду земляники. Господь услышал ее молитву, и вот она нашла ягоду.

Пошла она с земляничной в руке домой, веселая, потому что на сей раз спаслась от брани и побоев своей свекрови.

Когда увидела Баба Докия, что ее невестка нашла землянику, она подумала, что должна быть и трава на пастбище. И отправилась она со своими козами в горы, надев девяносто девять кожухов, ей все казалось, что холодно.

Но по дороге ей стало жарко, и она начала сбрасывать кожухи, пока не сбросила все.

Когда она поднялась на гору, дал господь мороз, и заморозил старуху вместе с козами. И сегодня можно увидеть ее, окаменевшую, с козами, лежащими около нее, около коммуны Рымец [на одном из склонов Западных гор], и из нее бьет родник и поныне.

* * *

A fost odată o babă cu numele Dochia și ea a avut o noră. Dar soacra cu nora trăiau tare rău laolaltă, că baba era foarte rea.

Pe la gătatul lui Făurar trimite soacra pe noră, numai ca să-i facă zile rele, să-i aducă fragi coapte. Noru-sa se duce și caută, caută ziua-ntreagă, dar seară a trăbuit să se-ntoarcă acasă cum a plecat, că fragi nu erau de unde.

A două zi, era întâia Mărțișor, pleacă baba cu caprele la pădure, numai de rea ce era, ca să-i arete la nogu-sa, că-i primăvară, și ea are să facă brânză de la capre. Pleacă baba îmbrăcată bine, cu furca cu caier la brâu.

Când a ajuns la munte baba cu caprele, din frig ce era și altfel s-o năsprit vremea și mai tare, și baba o-nghețat cu capre cu tot. Baba cu caprele și azi se poate vedea pe Piatra Crăivii [o piatră la poalele Munților Apuseni, în hotarul comunei Craiva], baba cu furca în brâu și caprele lângă ea.

(с. Кишфалэу, Трансильвания, Румыния [Gherman 2002: 150–161])

Жила-была одна старуха по имени Докия, и была у нее невестка. Но свекровь с невесткой не ладили между собой. Потому что старуха была очень злой.

В конце февраля послала свекровь невестку, только для того чтобы попортить ей жизнь, за спелой земляникой. Невестка ушла и искала, искала целый день, но вечером пришлось ей вернуться домой с пустыми руками, потому что землянике неоткуда была взяться.

На следующий день, это было первое марта, отправилась старуха с козами в лес, только потому что из вредности своей хотела показать невестке, что уже весна и что она приготовит козий сыр. Ушла старуха, тепло одетая, с прялкой и коноплей за поясом.

Когда поднялась на гору старуха с козами, холод еще более усилился, и старуха замерзла с козами вместе. Старуху с козами и сегодня можно увидеть на Камне Краивы [камень на одном из склонов Западных гор], старуха с прялкой за поясом и козы около нее.

* * *

O babă bătrână, trecută din vreme, cu numele Dochia, avea capre multe. Baba, altfel de la fire harnică, dar și încăpățânată, tot ea își păștea caprele prin pădure.

Odată a fost dat Dumnezeu o zăpadă până la brâu. Baba iar pleacă cu caprele la pădure, dar oamenii îi spun, să nu mai meargă și în ziua aceea, c-acolo a peri.

Ța, Ța, Ța caprele mele,

Eu cu bâta după ele,

și nici nu voia să audă de ce spun oamenii. După ce a ajuns în pădure n-a mai putut de frig și acolo a-ngețat baba cu capre cu tot.

Spun oamenii că *Baba* asta de atunci în tot anul, când e-nceput de primăvară, scormonește vânturi și zăpezi, ca să fie frig și cu asta să-și răzbune, ce a pățit.

[Gherman 2002: 150–161]

У одной старой бабы, отжившей свое, по имени Докия было много коз. Старуха, по характеру трудолюбивая, но упрямая, все пасла коз в лесу.

Однажды дал господь снег, и снегу выпало по пояс. Старуха снова отправилась с козами в лес, но люди говорили ей не ходить [туда] в этот день, потому что там она погибнет.

Ца, ца, ца, мои козы,

Я с палкой за ними,

и не хотела она слушать, что говорят люди. Когда она достигла леса, то изнемогала от холода, и там замерзла старуха с козами вместе.

Говорят люди, что эта *Баба* с тех пор каждый год, в начале весны, раздувает ветра и снега, чтобы было холодно и чтобы таким образом отомстить за то, что с ней произошло.

* * *

O babă din vechime, cu numele Dochia, mergând prin luna lui martie cu caprele la pășune în munte răsându-și de iarnă, ar fi zis: Ori vrea D-zeu, ori ba, ea tot va face brânză. Timpul frumos însă se schimbă într-un ger mare, iar Dochia înghețâ împreună cu caprele. De aci apoi numele muntelui *Baba*.

(с. Шинка Веке, Трансильвания, Румыния, информант Эустакиу Крисяну [Fochi 1976: 23–29])

В древности одна старуха по имени Докия, идя в марте месяце с козами на горное пастбище (и) смеясь над зимой, будто бы сказала: «Хочет ли (того) Господь Бог, нет ли, я все равно приготовлю сыр». Хорошая погода, однако, сменилась большим морозом, а Докия замерзла вместе с овцами. Отсюда пошло название горы — Баба.

1.1.3. Банат

Baba Dokía

Baba Dokía care o plecat la muncé dă murit acoló. Ia o avut o nuor și ia o fost muiere riă. Ia o pus pră noru-sa să facă dîn lînă năgră albă și dîn albă să facă

ňagră. Și spălin-lîna la rîu o veñit la ia un înzer și o kiçit-o cu florî, ș-o făcut lîna ñagră albă și dîn albă, ñagră. Ș-o-n-vățat-o să spună c-o veñit un fișor dîla muncê: Ș-acolô o-influrit, iestă florî și ie cald la muncê. Atunșa Dokia o luvat pră Pătru, pră slugă, cu caprîli ș-o plecat la muncê. Și cînd o mîrs acolô la muncê, o-nghiețat nasu lu Pătru; s-o făcut țuțur. Și dzîse ia cătră iel: “Tu dzîs în fluer, da io muor dă frig”. Ș-o și murit, și ia, și iel, și caprîli. S-o făcut piatră. Și dîn trupu iei izvoară apa N’érgăñului dîla muncê.

Ia o luvat douăsprăse cojoașe. Cînd s-o umplut dă ñauă, l-o lăpădat; și cîn s-o umplut altu, iar l-o lăpădat, păn o udzit dă tot în cămașă. Atunș o și murit; o-nghiețat, s-o făcut piatră.

(с. Шопоту-Ной, жудец Караш-Северин,
Банат, Румыния, информант Илие Бэлауре
[Petrovici 1935: 125–159])

Баба Докия

Баба Докия, которая ушла в горы и умерла там. У нее была невестка, и она (Баба Докия) была злая женщина. Она заставила свою невестку делать из черной шерсти белую, а из белой делать черную. И когда она (невестка) мыла шерсть в реке, подошел к ней ангел и украсил ее цветами, и сделал черную шерсть белой, а из белой — черную. И велел ей сказать, что пришел какой-то парень с гор, и там будто бы все расцвело, и уже тепло в горах. Тогда Докия взяла с собой Пэтру, батрака, и они с козами ушли в горы. И когда они шли в гору, Пэтру отморозил нос, и (нос) сделался ледяной сосулкой. И говорит она ему: «Ты играешь на флуере, а я умираю от холода». И умерли, и она, и он, и козы. И превратились в камень. И из ее тела, с гор, течет вода Неры.

Она надела двенадцать кожухов. Когда (кожух) промок от снега, она его сбросила; и когда промок другой, она и его сбросила, пока не промокла насквозь в рубашке. Тогда она и умерла; замерзла, превратилась в камень.

Baba Dokia

Baba Dokia o avut nor. Și ia o băzucurit pră noru-sa. O mînat-o la rîu să facă dîn lînă laie albă și dîn albă să facă ñagră. Dar ia tot o freat și nu măi poaçe să facă, noru-sa. Ș-atunș Maica Mărie o scoborît la ia și i-o dat două kiț dă florî, brebeñei, micsă și cocoșăi, ș-o dzîs: “Na, să le dai lu soacră-ta și să-i spuñ că muncê o dat brebeñei și cocoșăii și micsa”. Atunșa li-o dat la soacră-sa. Atunș soacra o dzîs:

*Ahă’, o trecut Kilendarî,
Cu sînzîli tarî.
Pră Mărtîșor
Îl pun la curîșor.*

Atunşa ia o luvat cíni şi sluga şi oili ş o plecat la munci. Acú la muncé, Dumńidzău o pus s-o storască, undzi tăt o făcut riále, ploaie şi vînt şi náuă.

Ş-atunşa Dumńidzău o făcut-o piatră şi oili şi cíni şi pră slugă. Atunş o curăţit-o Dumńidzău dă păcaće. Dîn trupu iei izvoară apă, dîn piatra aia.

Atunş n-o putut-o Dumńidzău s-o dostorască în luna lu Mărţişor. O mai luvat împrumut díla Príer doauă stămín. D-aia vin víjulii, vremurí rále în luna lu Príer. Dзі́ше оами́ні: Acú-s împrumutárilі, că d-aia-i vrémia rîă.

(с. Шопоту-Ной, жудец Караш-Северин, Банат, Румыния, информант Пэуна Ранку [Petrovici 1935: 125–159])

Баба Докия

У Бабы Докии была невестка. И она издевалась над своей невесткой. Послала ее на реку, чтобы та сделала из темной шерсти белую, а из белой сделала черную. Но она терла-терла (шерсть) и больше уже не могла, ее невестка. И тогда Мать Мария спустилась к ней и дала ей два букетика цветов, режухи (жерухи, анемона), фиалки и желтоцвета, и сказала ей: «На, отдай их своей свекрови и скажи ей, что гора дала жеруху (анемон), и желтоцвет, и фиалку». Тогда она (невестка) отдала их своей свекрови. Тогда свекровь сказала:

Ахэ, прошел январь

С крещенскими морозами.

Мэрцишор (уменьшит. от «март», марток)

Я отправлю в з-цу.

Тогда она взяла собак, и батрака, и овец и ушла в горы. Там, на горе, Господь Бог послал бурю, принялся рушить все вокруг, лило так, что потекли ручьи (реки), дождь, и ветер, и снег.

И тогда Господь превратил в камень и овец, и собак, и слугу. Тогда очистил ее Господь от грехов. Из ее тела потекла вода, из этого камня.

Тогда не смог Господь порушить все в марте месяце. Он взял взаймы в апреле две недели. Из-за этого бывают метели, плохая погода в апреле месяце. Говорят люди: сейчас одолженные (дни), из-за этого плохая погода.

Baba Dokia

O fost o babă ş-o avut o nor. Şi baba o pus pră nora să facă lina ha nágră s-o facă albă. Ş-atunş o-mblat Domnu Ristos cu Sfîntu Pátru pră pámînt şi iei află pră nora spălînd la lînă şi să vaită dzi babă. Şi baba o fost mărhaşă, o ínut capri, o avut şi moş. Şi Hristos cu Sfîntu Pátru o adus kíţ dzi florí ş-o dat la nora cari s-o vaitat ş-o spus să-i dze babi florili şi spună că ieştă florí la munci şi iarbă dzistulă. Şi baba să míńie' că cum poaci să şadă cu caprili şi la păduri ieştă florí dzistuli, la munci.

Şi ia atunşa dзі́ші că să duşi la munci cu caprili, şi ia şi moşu; şi doauăspăsi cojoaşi o luvat cu iei. Şi s-o pus vrémi ră pănă toaci cojoaşili le-o lăpădat dзі́ pră

ia, că s-o udat, și ia o udzit goală făr țoali. Ș-atunșa ia s-o rugat Dumnidzău s-o-mpetriască; ș-o-mpetrit-o. S-audzi așa că s-ar fi vădzut undživa caprili împetriči cu moș cu tot și cu baba. Dž-atunșa să dziși Baba Dokia. Și să numiești dzi la dziua iei doauăsprăși dziți vreme ră. Cînd vidžem primăvára că-i vremea ră, dzișim că-s babili. Cîn trec babili, atunșa ni bucurăm că să fași vreme.

(с. Рудэрия, жудец Караш-Северин, Банат, Румыния, информант Михай Добрен [Petrovici 1935: 125–159])

Баба Докия

Жила-была одна старуха, и была у нее невестка. И старуха велела невестке сделать черную шерсть белой. А в то время ходил Господь (Х)ристос со святым Петром по земле, и они увидели молодицу, которая мыла шерсть и плакала из-за старухи. А старуха была торговкой, держала коз, был у нее и старик. И Христос со святым Петром принесли букетик(и) цветов и дали их молодице, которая плакала, и велели ей отдать старухе цветы и сказать, что (уже) есть цветы и достаточно травы. И старуха разозлилась — как можно сидеть (тут) с козами, когда в лесу уже достаточно цветов, в горах.

И она тогда сказала, что пойдет в горы с козами, взяла и старика, и двенадцать кожухов на себя надела. И началось такое ненастье, что она все кожухи сбросила, потому что они промокли, и она промокла, голая, без одежды. И тогда она попросила Господа превратить ее в камень, и он превратил ее в камень. Слыхали, что будто бы видели где-то окаменевших коз со стариком и старухой. Отсюда и пошло (название) Баба Докия. И называются дни от ее дня двенадцать дней плохой погоды. Когда мы видим весной, что погода плохая, говорим, что это *бабы (старухи)* — «*babili*». Когда приходят *бабы*, тогда мы радуемся, что погода улучшилась.

Zilele babei

În Almaș trăia odată o pereche tânără, care ar fi fost pe de-a-ntregul fericită, dacă mama bărbatului, o femeie haină, n-ar fi stăpânit peste casă și împotriva căreia nu se puteau apăra cu țările nici fiul, nici femeia lui, căci datorau ascultare babei. Aceasta îi dădea adesea nurorii ei munci aproape cu neputință de împlinit, dar pe care ea le ducea totuși întotdeauna la bun sfârșit, mulțumită supunerii ei și a ajutorului lui Dumnezeu. Se întâmplă odată că baba îi dădu nurorii ei niște lână neagră de oaie cu porunca s-o spele la râu până avea să se albească. Deși știa că așa ceva e cu neputință, dar ca să fie ascultătoare, tânăra nevestă merse totuși la râul din apropiere și începu să-nmoaie lâna. Dar oricât se silea, când o scotea din apă, lâna era la fel de neagră ca la început. Dar, suflet bun, femeia nu se lăsă descumpănită de asta, ci freca mai departe cu sărg până ce se înseră. Măinile-i erau numai răni, iar de durerea din afară și din lăuntru ei o podidură lacrimile.

Acum veni pe drum Domnul Cristos, însoțit de Apostol Petru. Domnul îi spuse femeii care plângea:

— Ce faci aici și de ce plângi?

Fără să știe cu cine vorbește, ea răspunse:

— Ah, domnule, soacra mea mi-a poruncit să spal lâna asta de oaie până s-o face din neagră albă și-am înmuiat-o și-am frecat-o toată ziua de mi s-au jupuit mâinile, d-aia plâng.

Mântuitorul, care știa durerea din sufletul ei, grăi:

— Ascult-o pe soacra ta, jupoaie-ți mâinile spălând, Domnul o să fie cu tine!

După ce Domnul și Ucenicul său plecară, femeia începu din nou să spele cu sârg și când scoase din nou lâna din apă, iată, se mai deschisese. Bucuroasă, își continuă treabă până se înseră, și atunci, în fine, lâna neagră se făcuse de un alb strălucitor. Plină de voieșie, grăbi spre casă și-și înfipse veselă flori în păr, primele pe care primăvara le risipise peste câmp. Când îi aduse lâna albită soacrei ei, aceasta își înghiți mânia, căi se bucurase dinainte la gândul că avea să-și verse necazul pe sărmana femeie, și o întrebă doar în bătaie de joc:

— Cine ți-a pus florile astea în păr, poate un ibovnic?

— Le-am găsit pe câmp, răspunse ea liniștită, și mi le-am pus singură în păr.

Când auzi baba asta, își chemă grabnic feciorul și-i zise:

— Iată, băiete, a venit primăvara, e vremea să mergem cu caprele și cu oile noastre la munte. Ce frumos o să fie pe munte! Să-ți iei fluierul și să cânti; oho, ce bine-o să fie! Iar eu însămi am să joc.

Într-adevăr, a două zi dimineața, însoțită de feciorul ei, porni cu caprele și oile la munte. Prevăzătoare, deoarece primăvara era încă timpurie, luă cu ea nouă cojoace; plecară astfel și o lăsară singură acasă pe tânără navastă. Cum ajunseră pe prima culme, cerul se însenină tot mai mult, adieri blânde băteau peste câmp. Dar primăvara nu făcuse încă să dea colțul ierbii pe pășune, așa încât caprele și oile se buluceau fără astâmpăr, căci nu aveau cu ce să-și potolească foamea. Cu toate astea, baba era voieasă, iar vremea fiind atât de blândă, ea își aruncă pe drum unul din cele nouă cojoace, nefiindu-i de folos. Cu cât urcau, cu atât se făcea mai cald, iar aerul devenea mai blând, așa că baba arunca în fiecare zi câte un cojoc, iar într-a noua zi îl azvârli și pe ultimul. Turma înfometată însă, care tot nu dădea de iarbă, era cu fiecare zi mai nestăpânită și mai împrăștiată. Baba lua această behăială și alergătură drept bucuria pricinuită de venirea primăverii.

După ce își aruncase ultimul cojoc, vremea se schimbă deodată. Vântul începu să sufle tăios și cu putere, de asemenea să plouă și să ningă. Bietele animale se băgară speriate unele în altele, capre și oi amestecate, bătrâna rămase însă cu feciorul ei liniștită, căci înghetaseră amândoi. De frig, feciorului îi

picurase scuipatul din gură și înghetase, formând un sloi, pe piept și pe buze. Bătrâna, care de frig și necaz abia putea să mai vadă și să audă, zise acum:

— Băietе, cum mai poți să câнți din fluier, căci eu sunt aproape înțepenită de frig!

Ea credea că țurturele de gheață de la gura feciorului ei e fluierul, iar șuierul vântului sunetele scoase de el. După ce vorbi astfel, apăru Primăvara și-i spuse în bătaie de joc:

— Ei, babo, cum îți place primăvara? De ce nu joci la cântecul fecioruli tău? Nu i-a fost și norei tale frig, să spele o zi întреagă lâna la râu? Totuși ea a găsit apoi flori în poiană.

Primăvara pieri și baba privi spre feciorul ei care înțepenise și pierise de frig laolaltă cu turma lui; atunci își pierdu curajul, se făcu tot mai țeapănă și muri și ea. Trupurile lor s-au prefăcut în stână de piatră în poziția pe care o avuseseră în viață; ele pot fi văzute și astăzi în Almaș, cu turma împietrită împrejurul lor. La picioarele babei curge un izvor, iar feciorul mai are în gură așa-zisul fluier. Primele nouă zile ale lunii aprilie, care cu vremea lor frumoasă au ademenit-o la munte pe baba cu feciorul ei și cu cele nouă chojace, se mai numesc la valahi “zilele babei” și nimeni nu trebuie să se încredă în toanele lor.

(Алмаш, Банат, Румыния. В оригинальном (немецком) издании книги братьев Шотт легенда приводится на немецком языке под названием “Die Altweibertage”; здесь дается перевод на румынский по изданию: [Schott 2003])

Дни старухи

В Алмаше жила когда-то одна молодая чета, которая была бы полностью счастлива, если бы мать мужа, жестокая женщина, от которой не могли защититься ни сын, ни его жена, вынужденные слушаться старуху, не управляла домом. Она часто давала своей невестке почти невыполнимые задания, которые та все же доводила до успешного завершения благодаря своей покорности и помощи Господа Бога. Случилось однажды так, что старуха дала своей невестке черную овечью шерсть, велев мыть ее в реке, пока она не побелеет. Хотя и зная, что подобное невозможно, но будучи послушной, молодлица все же пошла на реку, которая протекала неподалеку, и начала мочить и стирать шерсть. Но сколько она ни старалась, когда она вынула ее из воды, шерсть была так же черна, как и вначале. Но, добрая душа (?), женщина не была выведена этим из равновесия и продолжала усердно тереть [шерсть], пока не стало вечереть. Ее руки были сплошной раной, а от физической и душевной боли у нее хлынули слезы.

Тем временем шел по дороге Господь Христос, сопровождаемый апостолом Петром. Господь сказал женщине, которая плакала:

— Что ты здесь делаешь и почему плачешь?

Не зная, с кем говорит, она ответила:

— Ах, господин, моя свекровь велела мне мыть эту овечью шерсть, пока она из черной не станет белой, и я мочила и терла ее весь день, пока не ободрала руки, из-за этого я плачу.

Спаситель, который знал боль ее души, сказал:

— Слушайся свою свекровь, обдирай свои руки, моя [шерсть], и Бог пребудет с тобой!

После того как Господь и его ученик ушли, женщина снова принялась усердно мыть [шерсть], и когда она снова вытащила шерсть, та была светлее. Обрадованная, она продолжала работу до вечера, и тогда, наконец, черная шерсть сделалась белоснежной. Полная воодушевления, она спешила к дому и воткнула на радостях в волосы цветы, первые цветы, которые весна рассыпала по полю. Когда она принесла отбеленную шерсть свекрови, та проглотила свою ярость, хотя до этого радовалась мысли о том, чтобы излить свою злость на бедную женщину, и спросила ее, насмехаясь:

— Кто вплел тебе в волосы цветы, наверное, какой-нибудь любовник?

— Я нашла их в поле, — ответила та спокойно, — и сама вплела их в волосы.

Когда услышала это старуха, она спешно позвала сына и сказала ему:

— Смотри, сынок, пришла весна, пора идти с нашими козами и овцами в горы! Как красиво должно быть в горах! Возьми с собой флуер и будешь играть, ого, как будет здорово! А я буду танцевать.

И действительно, на следующий день утром в сопровождении своего сына отправилась она с козами и овцами в горы. Будучи предусмотрительной, поскольку весна едва начиналась, она взяла с собой девять кожухов; таким образом, они ушли, оставив молодницу одну дома. Когда достигли они первой вершины, небо стало еще более ясным, веял мягкий ветерок. Однако весна еще не сотворила ни клочка травы, чтобы животные могли пасть, так что козы и овцы толкались, не переставая, потому что им было нечем утолить голод. При всем том старуха была бодрой, а погода была такой ласковой, [что] она сбросила по дороге один из девяти кожухов, потому что он ей был без надобности. Чем выше они поднимались, тем теплее становилось, а воздух становился все более мягким, так что старуха сбрасывала каждый день по одному кожуху, а на девятый день скинула и последний. Однако голодное стадо, которое так и не нашло травы, становилось с каждым днем все более неуправляемым и все больше разбрелось. Старуха, однако, принимала это бляние и спешку за радость, вызванную приходом весны.

После того как она сбросила последний кожух, погода вдруг изменилась. Начал дуть сильный и резкий ветер, пошел дождь и снег. Бедные животные лезли в страхе одни на других, козы и овцы вперемешку, однако

старуха с сыном оставались спокойны, хотя и замерзли оба. От холода у сына изо рта шел пар и [тут же] замерзал, превращаясь в сосульку на его груди и губах. Старуха, которая от холода и досады едва могла видеть и слышать, сказала тогда:

— Сынок, как ты можешь играть на флуере, когда я почти оцепенела от холода!

Она думала, что ледяные сосульки на губах ее сына — это флуер, а свист ветра — это его звуки. Когда она произнесла это, появилась Весна и сказала насмешливо:

— Эй, старуха, как тебе нравится весна? Почему ты не танцуешь под песню твоего сына? Разве не было и твоей невестке холодно целый день мыть шерсть на реке? И все же она нашла потом цветы на поляне.

Весна исчезла, и старуха взглянула на своего сына, который оцепенел и погиб от холода вместе со стадом; тогда она потеряла [всю] свою храбрость, цепенела все больше и больше и тоже умерла. Их тела превратились в каменную скалу в той же позе, что и при жизни; их можно увидеть и сегодня в Алмаше, с окаменевшим стадом вокруг. В ногах у старухи бьет родник, а ее сын до сих пор держит во рту так называемый флуер. Первые девять дней апреля, которые своей хорошей погодой заманили в горы старуху с ее сыном и девятью кожихами, называются у валахов также «старухины дни», и никто не должен верить их капризам.

* * *

Baba Dochia a avut un fecior carele s-a însurat și Baba Dochia a trăit rău cu nora sa, și feciorul nu-și putea apăra muierea de ea.

Baba Dochia odată a dar norei sale lână neagră (laie) și a mânat-o la râu, ca să o spele și să o aducă albă, căci altcum nu va fi bine de ea. Baba Dochia ăn tot modul năcăjea pe noră.

Nora s-a dus la râu și a spălat lâna, până i s-au belit degetele și a curs sânge din ele de a roșit apa, și lâna totuși a rămas neagră, și nora a început a plânge.

Hristos s-a făcut atunci om și cu Sân-Petru s-a scoborât la râu, și a întreat-o: «De ce plângi?» iară ea i-a spus tot necazul ei cu soacra.

Hristos i-a spus ca să spele lâna, a mângăiat-o și a binecuvântat-o, și i-a dat o chiță (chițuș) de flori de micșea și de cocoșei pritindu-i că dacă ajunge acasă să deie flori și soacrei.

Nora și-a pus florile la ureche, a mai spălat până înmurgit, și-a cărat lână pe cap, și a pornit acasă cu voie bună și când a descărcal lâna, a fost albă, și s-a bucurat.

Baba Dochia când a văzut că lâna e albă, s-a mirat și iară s-a mâniat pentru că nu poate să bage de vină, și când a văzut că nora are flori la ureche și a ocărât-o și i-a zis că le-a căpătat de la drăguț. Nora i-a răspuns că le-a căpătat de la Mărțișor, și i-a dat și ei flori, iar Baba Dochia a început a-și bate joc de Mărțișor.

Baba Dochia, văzând florile s-a socotit ca să meargă cu oile și caprele la munte la pășune, crezând că primăvara, și a poruncit feciorului său ca să pregătească badanile și găletite și i-a zis: “Haidați la munte, că a înflorit pășunea! tu-ți iei fluierul și zici, iară eu voi juca!” Feciorul I răspunse că abia a trecut Făurar, apoi mai este și Mărțișor, și o parte din Prier, și să nu grăbească. Baba Dochia atunci de nou o bațjocori zicând: “Pe Făurar îl trag prin găunar, pe Mărțișor prin ciurișor!” și a luat cu sine 12 cojoace și a plecat cu feciorul la munte.

Au plecat cu soare și, după ce au ajuns la munte, a început a ploia și ninge, și acuși era a fi soare, acuși a îngheța și, udându-se cojocul, deasupra, a înghețat și a îngreunat, și Baba Dochia l-a aruncat pe tufe și s-a dus tot mai sus pe munte, după capre și după oi, pentru că căuta irbă și Baba Dochia a aruncat în toată ziua câte un cojoc, până l-a aruncat pe toate.

Feciorul Babei Dochiei a înghețat pe munte și i s-a făcut sloi pe gură și barbă, dar Baba Dochia nu a băgat de seamă și a strigat: “Eu nu mai pot de frig, și tu tot zăci din fluieraș!”

Atunci i s-a arătat Mărțișorul și a întrebat-o în badjocură: “Cum îți place primăvara, și de ce nu joci la fluierul feciorului, că nici noiei nu-I a fost frig să spele toată ziua lână la râu!”

Mărțișorul a perit, iară Baba Dochia și feciorul ei au înghețat cu toate oile sus pe munte și pe urmă s-au împetrit.

Baba Dochia cu feciorul, oile și caprele și azi se văd împietriți pe muntele Semenici. Și la picioarele Babei Dochiei s-au făcut un izvor din care curge apă.

Mărțișorul a omorât pe Baba Dochia, pentru că l-a bațjocorit, dar nu putea să o omoară dacă nu avea zile destule, însă a luat și împrumutate.

(жудец Караш Северин, Банат, Румыния [Marienescu 1994: 233–247]. Данный вариант скомпилирован А.М. Мариенеску в 1890 г. из записей, которые сделали Илия Ганэ, учитель из с. Рэжэндия, Конст. Унгуряну, учитель из с. Саска Монтанэ, Иоан Орза, учитель из с. Чиклова Ромынэ, Якоб Оциану, учитель из с. Петрилова, Джордже Покряну, священник из г. Решица, Георге Ругачиу, кастелян и Н. Апостолеску, богослов из г. Оравица, а также из публикации братьев Шотт, см.: [Schott 2003])

У Бабы Докии был сын, который женился, и Баба Докия плохо обходилась с невесткой, и ее сын не мог защитить свою жену от нее.

Баба Докия однажды дала невестке черную шерсть и послала ее на реку, чтобы она вымыла (шерсть) и принесла ее белой, иначе ей придется худо. Баба Докия всячески обижала невестку.

Невестка отправилась на реку и мыла шерсть, пока у нее не ободрались пальцы и не потекла кровь, так что вода покраснела, а шерсть попрежнему оставалась черной, и невестка заплакала.

Христос превратился тогда в человека и вместе со святым Петром спустился на реку, и спросил ее: «Почему ты плачешь?», и она рассказала ему о своем несчастье из-за свекрови.

Христос сказал ей мыть шерсть, приласкал ее и благословил, и дал ей букетик цветов фиалки и желтоцвета, чтобы она, когда вернется домой, дала цветов и свекрови.

Невестка заткнула цветы за ухо, и продолжала мыть шерсть, пока не наступили сумерки, а затем сложила шерсть на голову и отправилась домой в хорошем расположении духа, и когда она сгрузила шерсть, та была белой, и она (невестка) обрадовалась.

Баба Докия, когда увидела, что шерсть белая, удивилась, а потом снова разозлилась, потому что не к чему было придраться, и когда увидела, что у невестки цветы за ухом, стала корить ее и сказала, что та, наверное, получила их от какого-то возлюбленного. Невестка ответила, что получила их от Марта (*Mărțișor*), и дала и ей (свекрови) цветов, а Баба Докия начала насмехаться над Мартом.

Баба Докия, увидев цветы, решила, что пойдет с овцами и козами на пастбище, (потому что) подумала, что уже весна, и велела сыну приготовить чаны и ведра и сказала ему: «Айда в горы, потому что уже расцвело пастбище! Ты возьмешь свой флуер и будешь играть, а я буду танцевать!» Сын ответил ей, что едва прошел февраль (*Făurar*), что (в запасе) еще есть март (*Mărțișor*) и часть апреля (*Prier*) и что не следует торопиться. Тогда Баба Докия снова начала насмехаться, говоря: «Февраль я проташу сквозь дырку, а Март сквозь сито!», и взяла с собой двенадцать кожухов, и отправилась вместе с сыном в горы.

Когда они пустились в путь, было солнечно, а когда оказались в горах, начался дождь и снег, и (так всю дорогу) то солнце, то то заморозки, и у нее (Бабы Марты) промок кожух, а потом заledenел, стал тяжелым, и Баба Докия бросила его в кусты и отправилась дальше, все выше на гору, вслед за козами и овцами, которые искали траву, и Баба Марта сбрасывала каждый день по одному кожуху, пока не сбросила все.

Сын Бабы Докии замерз в горах, и у него намерзли сосульки на губах и подбородке, а Баба Докия не поняла, в чем дело, и закричала: «Я изнемогаю от холода, а ты все играешь на флуере!»

Тогда ей явился Март (*Mărțișor*) и спросил ее, насмехаясь: «Как тебе нравится весна, и почему ты не танцуешь под флуер твоего сына, ведь твоей невестке не было холодно, когда она целый день мыла шерсть на реке!»

Март исчез, а Баба Докия и ее сын замерзли вместе с овцами и козами на вершине горы и затем окаменели.

Баба Докия с сыном, овцами и козами и сегодня видны окаменевшие на горе Семеник. И из-под ног Бабы Докии забил родник.

Март погубил Бабу Докию за то, что она насмеялась над ним, но он не смог бы ее погубить, если бы у него не было достаточно дней, однако он взял их взаймы.

* * *

Pe când Sf. Petru [care trăia prin acele părți] se găsea tare bolnav, a trimis pe niște babe după buruieni de leacuri, în țara sârbească, cari au întârziat foarte mult venirea lor și pe când sfântul era aproape a-și da sfârșitul, văzând că ele nu mai vin, a trimis în două rânduri în calea lor, să privigheze din sprinceana munților, dacă se văd venind, și i s-a spus că nu se văd, iar a treia oară, pe când sfântul își dete ultima suflere, i s-a răspuns că babele se văd odihnind pe o piatră din apropiere. Atunci sfântul le-a blăstămat zicând: «Stei de piatră să se facă!», și așa au rămas până astăzi!

Stâncile despre care este vorbă în această variantă ale legendei, numite «Babele» sau «Baba Dochia» se află puțin mai în sus de insula Banului (Mehedinți), aproape de cataracte, în marginea Dunării. În apropiere se află o cruce de piatră, înaltă aproape de doi metri, care se numește Crucea lui Sf. Petru. (жудец Мехединць, Румыния [Pamfile 2005: 86])

Когда св. Петр [который жил в этих краях] тяжело заболел, он послал неких старух за лекарственными травами в Сербию, (но) они сильно запаздывали, и когда святой уже готов был скончаться, видя, что они все не возвращаются, он дважды посылал людей посмотреть с вершины горы, не идут ли они, и ему сказали, что их не видно, а на третий раз, когда святой уже испускал последний вздох, ему сказали, что старух видели отдыхающими на камне неподалеку. Тогда святой проклял их, сказав: «Каменными скалами пусть станут!», и так они остаются (там) по сию пору.

Скалы, о которых говорится в данном варианте легенды, называемые “Babele” («Бабы», Старухи), или “Baba Dochia” («Баба Докия»), находятся в жудеце Мехединць, в горах над берегом Дуная, чуть выше острова Бана (insula Banului). Неподалеку находится каменный крест — «Крест Святого Петра» (Crucea lui Sfântu Petru).

1.1.4. Олтения Dochia

Dochia a fost o babă răutăcioasă și a trimis pe noru-sa la apă cu lână albă și neagră să spele. Lâna albă s-o facă neagră, iar pe cea neagră, albă. D-zeu a găsit-o plângând. Ea i-a povestit porunca soacrei. D-zeu a făcut așa. Soacra nu s-a mulțumit cu asta, ci a trimis-o să-i aducă fragi coapte. Aflând despre ce-i vorba, D-zeu i-a poruncit să dea zăpadă la o parte și imediat au răsărit fragile. Soacră-sa a fost așadar convinsă că a sosit vara. Ea a luat 9 cojoace și a plecat cu caprele la

munte. Pe drum a apucat-o iarna, deoarece ea lepădase cojoacele unul câte unul, înăduşindu-se de atâtă caldură şi de oboseală. A noua zi a apucat-o lapoviţa cu zăpadă şi așa a îngheţat de ger cu capre cu tot şi s-a prefăcut în stână de piatră. Din trupul ei, se zice că izvorăşte primul izvor al gărlui Cerna.

(с. Пожоджъ, жудец Вылча, Олтения, Румыния, информант Конст. Преотеску [Fochi 1976: 23–29])

Докия

Докия была зловредной старухой и (однажды) послала свою невестку к воде с белой и черной шерстью — мыть ее. Белую шерсть сделать черной, а черную — белой. Господь Бог нашел ее (молодицу) плачущей. Она рассказала ему о поручении свекрови. Господь Бог сделал так. Свекровь не удовольствовалась этим, а послала ее (невестку), чтобы та принесла ей спелой земляники. Узнав, о чем речь, Господь Бог велел ей разгрести снег, и немедленно взошла и поспела земляника. Свекровь (молодицы) была, таким образом, убеждена в том, что пришло лето. Она надела девять кожухов и ушла с козами в горы. По дороге ее застигла зима, потому что она сбрасывала кожухи один за другим, задыхаясь от жары и усталости. На девятый день ее застиг дождь со снегом, и она замерзла на морозе вместе с овцами и превратилась в каменную скалу. Из ее тела, говорят, берет начало исток речки Черны.

Baba Dochia

Baba Dochia avea o noră. Ea era o femeie foarte rea şi îşi persecute nora, punând-o la munci foarte grele. Într-o zi i-a dat lâna neagră de capră, poruncindu-i să o spele până se va face albă. Noră-sa merse la spălat, dar văzând că nu reuşeşte, a început să plângă. În acest timp veni la ea un om cu şase aripi, care o rugă să nu plângă şi-i făcu lâna albă. Venind acasă, *Baba Dochia* o puse să aducă apă cu ciurul, pentru ca ea să poată merge cu caprele la munte. Mergând cu caprele, îmbracă 9 cojoace şi i-a fost foarte cald, încât a început să arunce cojoacele unul după altul. Când a rămas goală, a dat D-zeu un ger tare şi ea a îngheţat cu caprele sale cu tot. Noru-sa a fost însă răpită de omul cel cu 6 aripi, dusă peste Dunăre şi apoi adusă din nou aici, unde el a fost împărat şi s-a bătut cu *cătcăunii*.

(с. Гырла Маре, жудец Мехединць, Олтения, Румыния, информант Т. Попеску, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

У бабы Докии была невестка. Она (Баба Докия) была женщина очень злая и притесняла свою невестку, заставляя ее выполнять очень тяжелую работу. Однажды она дала ей черную козью шерсть, велел мыть ее до тех пор, пока (шерсть) не сделается белой. Ее невестка отправилась мыть

шерсть, но видя, что (ничего) не получается, начала плакать. В это время пришел к ней человек с шестью крыльями, который попросил ее не плакать и сделал шерсть белой. Когда она (молодица) пришла домой, Баба Докия велела ей принести воды в решете, чтобы она (Баба Докия) могла пойти с козами в горы. Отправляясь с овцами, она (Баба Докия) надела девять кожухов, и ей было очень жарко, так что она начала сбрасывать кожухи один за другим. Когда она осталась раздетой, дал Господь Бог сильный мороз, и она замерзла вместе со своими козами. Ее невестка же была захвачена тем человеком с шестью крыльями, унесена за Дунай, а потом доставлена снова сюда, где он был императором и сражался с *cătcăuni*¹.

* * *

Baba Dochia s-a făcut stană de piatră sus la vârful Godeanu, iar fiul ei, pe nume Dragomir, ar fi înghețat și el când baba l-a strigat:

*Dragomire, Dragomire,
Tu cânti din fluierel
Și eu nu mai pot de ger.*

(с. Гэрдэняса коммуны Поноареле, жудец Мехединць, Олтения, Румыния, информант Митикэ Небуну [Boteanu, Borloveanu 2003: 323])

Баба Докия превратилась в каменную глыбу на вершине Годяну, а ее сын по имени Драгомир тоже замерз, когда старуха крикнула ему:

*Драгомир, Драгомир,
Ты играешь на флуере,
А я изнемогаю от холода.*

Dochia

Dochia era o babă și avea un copil numit *Dragobete Iovan*. Însurându-l, i-a dat nevastă. *Baba Dochia* trăia foarte rău cu noru-sa și o punea să facă lucruri peste puterea ei, așa că într-o zi a pus-o să păzească două oale cu urzici să nu dea în foc, fiind puse fiecare oală în două odăi deosebite. Noru-sa, ajutată de D-zeu, le-a păzit. Altă dată, pe la finele lunii lui Făurar, a trimis-o să-i aducă fragi coapte. D-zeu i-a dat și fragi de a adus soacră-sa. Când a văzut *Baba Dochia* fragile coapte, a chemat pe fiul ei *Iovan Dragobete* și i-a zis: Uită-te, Iovane, mamă, fragile-s coapte, aide cu oile și caprele la munte! La întâia zi a lunii lui marți, *Baba Dochia* se îmbracă cu 9 cojoace și-și ia furca în brâu, caprele, oile și pe fiul ei *Iovan* și pleacă la munte, părăsind pe noru-sa. Abia ajunge *Baba Dochia* în

¹ *Cătcăuni* (*căpcăuni*) — персонажи румынской мифологии, которых описывают как людей (?) с собачьими головами, двумя ртами, тремя глазами и т.д.; людоедов [Fochi 1976: 54–56].

munte și viscolul geros se puse pe ei. Rabdă baba o zi și leapădă un cojoc, rabdă două și leapădă și pe al doilea cojoc, și așa pe fiecare zi, până când în a noua zi leapădă și al noulea. Atunci, cuprinsă de ger, nu mai putea, se uita la fiul său *Iovan* care înghețase de mult, fiindcă fusese mai rău îmbrăcat și din a cărui gură atârna un sloi de gheață. Văzându-l astfel, zise *Dochia*: *Iovane*, mamă, eu nu mai pot de ger și tu cântă cu cavalu[!]. El nu i-a răspuns nimic. Oile și caprele înghețaseră și ele de mult. În noaptea a noua a înghețat și *Baba Dochia*, sleindu-se pe o piatră din care și astăzi curge apă.

(с. Албень, жудец Горж, Олтения, Румыния, информант Дж. Рэдоеску [Fochi 1976: 23–29])

Докия

Докия была старуха, и у нее был сын, которого звали *Драгобете Йован*. Она женила его, дала ему жену. Баба Докия не ладила со своей невесткой и заставляла ее выполнять непосильную работу; так, однажды она велела ей следить за двумя горшками, в которых варилась крапива, чтобы (эта крапива) не сгорела, причем горшки находились в двух разных помещениях. Невестка с Божьей помощью за ними уследила. В другой раз, в конце февраля (*luna lui făurar*), она (Баба Докия) послала ее (невестку), чтобы та принесла ей спелой земляники. Господь Бог дал ей и землянику, чтобы она отнесла ее своей свекрови. Когда увидела Баба Докия спелую землянику, она позвала своего сына, *Йована Драгобете*, и сказала ему: «Смотри, Йован, сынок, земляника поспела, пойдем с овцами и козами в горы!» В первый день месяца марта Баба Докия надела девять кожухов, заткнула прялку за пояс, взяла коз, овец и своего сына Йована и ушла в горы, оставив невестку одну. Едва поднялась Баба Докия на гору, как морозная метель набросилась на них. Терпела баба день и сбросила один кожух (так как он промок), терпела другой и сбросила второй кожух, и так каждый день, пока на девятый день не сбросила и девятый кожух. Тогда, объятая холодом, она больше не могла терпеть; посмотрела она на своего сына Йована, который уже давно замерз, потому что был хуже одет, и изо рта которого свисала ледяная сосулька. Видя его таким, сказала Докия: «Йован, сынок, я изнемогаю от холода, а ты играешь на кавале!» Он ей ничего не ответил. Овцы и козы тоже давно замерзли. На девятую ночь замерзла и Баба Докия, застыв на камне, из которого и сегодня течет вода.

* * *

Dochia această a fost o femeie bătrână; ea trăia cu un oarecare Cristian, cioban de oi și de capre. Bătrâna avea o fată de suflet și, fiindcă nu-i era plac, într-o zi, când era gata să plece la biserică, ce se gândi ea ca să găsească un nod în papură, spuse fetii să-i spele două lâni albe până le-o face negre și două lâni

negre, până le-o face albe. Mai luă și două căpețe (oca) de grâu și-l vărsă prin casă risipit, spunându-i fetiței să-l adune bob cu bob, tot grâul, până se întoarce ea de la biserică. Fata, rămânând singură, se gândi, îngrijată, că cum să spele ea lânile, ca pe cele albe să le facă negre și pe cele negre să le facă albe, și cum să adune atât grâu risipit de tirana bătrână? Alt mijloc nu găsi cu înlesnire decât să alerge la o moașă a sa vecină. Această-i spuse să pună în scrobeală albă lânile cele negre și pe cele albe în calaican negru, astfel cele două lânii albe vor deveni negre și cele negre vor deveni albe; iar cât privește adunarea boabelor de grâu, să cheme păsările celurii ca să le adune. Așa și făcu fata. Când veni bătrâna, găsi lucrurile îndeplinite, iar pe primba casei găsi o rămurică verde de iederă și de tămâioară. I se aprinse în suflet dor de munte și de verdeață. Și a luat nouă cojoace pe ea și a plecat cu Cristian cu turma să suie la munte; pe drum însă s-a pus pe fulguit de zăpadă, așa că bătrâna, cu toate cele nouă cojoace, când a ajuns în munte cu Cristian cu tot a înghețat de frig, prefăcându-se în stâncă.

[Speranția 1907, vol. I, ms. 4960, f. 214 v.

Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

Эта Докия была старой женщиной; она жила с неким Кристианом, пастухом, который пас овец и коз. У старухи была приемная дочь (падчерица?), и, поскольку она ее не любила, в один прекрасный день, когда она (старуха) собиралась идти в церковь, надумала она к чему-нибудь придрачься и сказала девочке, чтобы та мыла две белые шерстинки, пока они не почернеют, и две черные шерстинки, пока они не побелеют. Еще она взяла две оки¹ пшеницы и рассыпала их по дому, сказав девочке собрать по зернышку всю пшеницу, до того как она вернется из церкви. Девочка, оставшись одна, задумалась, обеспокоенная, как же ей отмыть шерстинки, чтобы белые сделать черными, а черные сделать белыми, и как собрать столько пшеницы, рассыпанной тираничной старухой. Другого средства она не нашла, кроме как бежать к старухе-соседке. Та сказала ей опустить черные шерстинки в крахмал, а белые шерстинки в железный купорос, таким образом две белые шерстинки станут черными, а черные станут белыми; а что касается собирания пшеничных зерен — позвать небесных птиц, чтобы собрали их. Так и сделала девочка. Когда пришла старуха, она нашла дела выполненными, а на завалинке дома увидела зеленые веточки плюща и можжевельника. В ее душе вспыхнула тоска по горам и зелени. И надела она девять козухов и отправилась с Кристианом и со стадом в горы; по дороге, однако, повалил снег, так что старуха во всех своих девяти козухах, когда поднялась на гору с Кристианом, заледенела от холода, превратившись в скалу.

¹ Ока (тур.) — мера веса и объема.

Baba Dochia

Baba Dochia, zisă și *Baba cu 9 cojoace...* a fugit la munte de frica dușmanilor care voiau s-o prindă. Și-a luat 9 cojoace, pe care le-a rupt cât a stat la munte. De aceea primele 9 zile din martie se numesc *babele*.

(с. Попешть, жудец Вылча, Олтения, Румыния, информант Н.[И.] Лэстун [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Баба Докия, называемая также «Баба с девятью кожухами», убежала в горы из страха перед врагами, которые хотели ее захватить. И надела девять кожухов, которые порвала, когда находилась в горах. Из-за этого первые девять дней марта называются *baba* («бабы», «старухи»).

* * *

Se află în munți trupul împietrit al Dochiei, asemenea al oilor ei.

(с. Пленица, жудец Долж, Олтения, Румыния, информант Сп. Филимон, 1894 [Fochi 1976: 23–29])

В горах находится окаменевшее тело Докии, а также ее овец.

* * *

A plecat *Baba Dochia* cu turma de capre la munte, îmbrăcată în 9 cojoace și zicând că ei nu-i pasă vremea re ace poate fi în martie. Însă doar a plecat și vremea rea a-nceput, așa că în 9 zilei s-au udat cele 9 cojoace pe care ea le-a lepădat pe rând până a rămas în cămașă și s-a sleit de ger, împreună cu caprele, tocmai în muntele de unde izvorăște Oltețul. Se vede chiar și astăzi.

(с. Бодешть, жудец Вылча, Олтения, Румыния, информант Штефан Басилеску [Fochi 1976: 23–29])

Ушла Баба Докия со стадом коз в горы, одетая в девять кожухов, говоря, что ее не волнует плохая погода, которая может быть в марте. Однако едва она ушла, как непогода началась. Так что за девять дней у нее промокли девять кожухов, которые она сбрасывала по очереди, пока не осталась в (одной) рубахе и (не) заледенела от мороза вместе с козами прямо на горе, откуда берет начало Олтец. Ее видно даже сегодня.

1.1.5. Мунтения

Baba Dochia

Baba Dochia, încă din luna februarie, cam pe la sfârșit, a trimis pe noru-sa să-I caute prin pădure fragi. Umblând prin pădure, s-a întâlnit cu un moș care era D-zeu și [acesta] a întrebat-o ce caută. Ea i-a răspuns că e trimisă de soacră-sa după fragi și nu poate găsi. Moșul a trimis-o înainte într-o vâlcea și i-a spus că după ce-i va duce babei

acasă fragii, să-i ceară brânză de capră. Nora babei a făcut așa. *Baba Dochia*, ca să facă brânză, a plecat la 1 martie cu caprele la munte să pască mugur. S-a îmbrăcat bine cu 9 cojoace și a plecat. Dar a început să plouă 9 zile mereu. Baba, îngreunându-i-se cojoacele, a lepădat zilnic câte unul, până a rămas în cămașă. Lăsându-se frig, baba și caprele au înghețat. Se crede că au fost transformate în piatră.

(с. Пырлита, жудец Телеорман, Мунтения, Румыния, информант Замфир Барбу, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Баба Докия еще в феврале месяце, в конце, послала свою невестку искать для нее в лесу землянику. Бродя по лесу, (невестка) встретила старика, который был (на самом деле) Господом Богом, и тот спросил ее, что она ищет. Она ответила, что ее послала свекровь за земляникой, но она не может (ничего) найти. Старик послал ее вперед, в одну маленькую долину, и сказал ей, чтобы она, после того как принесет старухе землянику, попросила у той козьего сыра. Невестка старухи так и сделала. Баба Докия, чтобы приготовить сыр, ушла 1 марта с козами в горы, чтобы они паслись и щипали почки. Оделась она потеплее, в девять кожухов, и ушла. Но начался дождь, и лил девять дней подряд. Старухины кожухи стали тяжелыми, и она сбрасывала каждый день по одному кожуху, пока не осталась в одной рубашке. Было по-прежнему холодно, старуха и козы замерзли (на смерть). Считается, что они превратились в камень.

Baba Dochia

Baba Dochia a iernat o iarnă la baltă (în marginea Dunării). Noru-sa nu o vedea cu ochi buni pe soacra sa *Dochia* și prin vorbe mincinoase a pornit-o cu caprele la munte. Aici a prins-o ninsoarea și ploile rele. Ea era îmbrăcată cu nouă cojoace, și lăudându-se înaintea lui D-zeu că nu voiște să știe ea despre ploi și ninsori, D-zeu s-a necăjit și a plouat și a nins, până ce baba a lepădat toate cojoacele și, rămânând în cămașă, a murit de ger. Cojoacele le-a lepădat fiind ude, căci nu mai putea să le ducă în spinare, fiind grele.

(с. Крэчуней-де-Жос, жудец Олт, Мунтения, Румыния, информант И. Думитреску [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Баба Докия зимовала одну зиму в плавнях на берегу Дуная. Ее невестка ненавидела свою свекровь Докию и с помощью лживых слов отправила ее с козами в горы. Тут застигли ее (Бабу Докию) снега и злые дожди. Она была одета в девять кожухов и перед тем похвалялась Господу Богу, что не хочет она знать о дождях и снегопадах. Господь Бог разгневался и послал дожди и снегопады, пока баба не сбросила все кожухи и, оставшись в (одной) руба-

хе, умерла от холода. Кожухи она сбросила потому, что они промокли, так что она не могла больше нести их на плечах, так как они были тяжелые.

Baba Dochia

Baba Dochia “a spus că o vrea D-zeu, n-o vrea, ea tot se duce cu caprele și cu oile la munte, ca să facă brânză, și s-a pregătit contra timpului cu nouă cojoace. A mers ce a mers și a început să plouă cu zăpadă și denspre Crivăț, până ce i s-a udat un cojoc și, nedându-i prin gând să întoarcă cojocul pe dos, l-a lepădat fiind ud și greu și tot așa până a rămas cu unul singur. Doar a ajuns în vârful Ceahlăului, și D-zeu, dând ger foarte mare, a înghețat-o cu oi cu tot și astfel din gheață s-a transformat în piatră și se vede până astăzi (stâncile de pe Ceahlău, jud. Neamțu).

(с. Чептура, жудец Прахова, Мунтения, Румыния, информант Ст. Ницеску, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Баба Докия сказала, что хочет ли того Господь Бог или нет, (а) она все равно пойдет с козами и овцами в горы, чтобы сделать брынзу, и оделась на случай плохой погоды в девять кожухов. Шла она, шла, и начался дождь со снегом, и... ветер Кривэц, пока у нее не промок кожух, и, поскольку ей не пришлось в голову вывернуть его наизнанку, она сбросила его, потому что он был мокрый и тяжелый; и так (продолжалось), пока она не осталась в одном-единственном (кожухе). Только лишь она добралась до вершины (горы) Чахлэу, как Господь Бог, послав сильный мороз, заморозил ее вместе с овцами, и она превратилась в камень и видна до сего дня (Скалы на Чахлэу, жудец Нямец).

* * *

Nouă babe au plecat cu caprele la munte în martie; din cauza vremii schimbătoare au murit, fiind preschimbate în piatră, caprele în bolovani... la obârșie Râului Doamnei, în Valea Rea.

(с. Беревоешть Унгурень, жудец Мусчел, Мунтения, Румыния, информант П. Дьяконеску, 1893 [Fochi 1976: 23–29])

Девять старух ушли в марте с козами в горы; из-за изменчивой погоды они погибли (и) были превращены в скалы, (а) козы — в валуны у истока реки Доамны, в местности Валя Ря [Valea Rea].

* * *

Se află pietre mari, care au chipuri de capre; o femeie stă lângă aceste capre. Poporul povestește că acolo a înghețat *Baba Dochia*, cu capre cu tot.

(с. Хоморычиу-Извоаре, жудец Прахова, Мунтения, Румыния, информанты (о.) И. Костеску и Дж. Морковеску [Fochi 1976: 23–29])

Имеются большие камни, по виду похожие на коз, женщина стоит около этих коз. Народ рассказывает, что там замерзла Баба Докия с козами вместе.

* * *

Aproape de Vama Buzăului, în valea Urlătoare, este o stâncă numită “La Piatră”. Acolo este chipul de piatră al unei femei, numită *Baba Dochia*, împietrită de D-zeu cu oi cu tot. De acolo izvorăște o apă foarte limpede.

(с. Држана-де-Сус, жудец Прахова, Мунтения, Румыния,
информант Д.(Б.) Василеску,
1894 [Fochi 1976: 23–29])

Недалеко от Вама Бузулуй, в долине Урлэтоаре, есть скала, называемая “La piatră” («На камне»). Там есть изображение женщины, называемой «Баба Докия», которая была обращена Господом Богом в камень (со своими) овцами вместе. Оттуда течет очень прозрачная вода.

* * *

Pe Caraiman sînt două stînci numite *Babe*. “Tradițiunea lor e identică cu a *Babei Dochia*”.

(с. Буштень, жудец Прахова, Мунтения, Румыния,
информант А.М. Михэйлеску
[Fochi 1976: 23–29])

На Караймане есть две скалы, называемые «Бабы» (*Babe*). Предание о них идентично преданию о Бабе Докии.

* * *

Dochia a fost o femeie care a avut nouă capre și, isprăvind nutrețul, a plecat cu ele la munte, cu scop să Marț (martie) e mai prost, nu-i pasă de timpul lui. Marț, ca să-i răzbune, s-a împrumutat de la Faur cu nouă zile și s-a pus pe ploii, pe ninsoare etc.

[Speranția 1907, vol. IV, ms. 4963, B.A.R., f. 177.
Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

Докия была женщиной, у которой было девять коз, и, когда у нее закончился корм, она отправилась с ними в горы с намерением (доказать), что Марц (март) глуп, не может перешагнуть через отведенное ему время. Марц, чтобы отомстить ей, позаимствовал у Фаура (февраля) девять дней и послал дожди, снега и т.д.

[Speranția 1907, vol. V, ms. 4964, f. 249 v.
Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

* * *

Dochia și acuma este în munți. Nu se știe de e vie sau de o fi murit, că nimeni n-a dat peste ea. Cică se pitește de oameni. În mână are un toiag de corn, în care se sprijină să nu alunece.

[Speranția 1907, vol. V, ms. 4964, f. 249 v.

Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

Докия сейчас находится в горах. Неизвестно, жива она или, может быть, умерла, потому что никто не встречал ее. Она будто бы прячется от людей. В руке у нее посох из рога, на который она опирается, чтобы не поскользнуться.

* * *

Baba Dochia ... care s-a prefăcut în piatră dimpreună cu caprele sale.

(с. Чакрыу, жудец Брэила, Мунтения, Румыния, информант П. Мик(х)эеску, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия, которая превратилась в камень вместе со своими козами.

* * *

Baba Dochia a plecat cu caprele la munte și avea 9 cojoace, pe fiecare zi lepăda câte 1 cojoc.

(с. Герасень, жудец Бузэу, Мунтения, информант И.К. Гомоеску [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия ушла с козами в горы, и у нее было девять кожухов; каждый день она сбрасывала по одному кожуху.

* * *

Se mai numește și *Baba Marta*, cea cu nouă cojoace. Leapădă zilnic câte unul. De la 9 martie, când a lepădat ultimul, începe și vremea a se încălzi.

(с. Грынджень, жудец Телеорман, Мунтения, Румыния, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Еще ее называют Баба Марта с девятью кожухами. Она сбрасывает каждый день по одному кожуху. С 9 марта, когда она сбросила последний, погода начинает становиться более теплой.

1.1.6. Добруджа

Baba Dochia

Baba Dochia a fost o femeie bătrână, care se îmbrăca iarna cu nouă cojoace. Mai în urmă, ea s-a făcut la munți păstoriță de oi, a stat la munți mai multă vreme

și pe urmă s-a întâmplat o lapoviță mare, adică ploaie amestecată cu zăpadă. Din cauza acestui timp rău, a murit împreună cu toate oițele, iar ea s-a prefăcut în stâncă de piatră din care curge apă.

(с. Кусгун, жудец Констанца, Северная Добруджа, Румыния, информант Ал. Ромила [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Баба Докия была старой женщиной, которая зимой одевалась в девять кожных. Она была пастушкой овец, провела в горах долгое время, и в конце концов началась большая метель, дождь со снегом. Из-за непогоды она погибла вместе с овцами и превратилась в каменную скалу, из которой течет вода.

Baba Dochia

Baba Dochia, despre care se zice că a pornit cu caprele la munte, spunând cuvintele următoare: «Doi, bălăușă, doi, unul pentru prăsilă, altul pentru hrană». *Baba Dochia* avea o capră care făcea câte doi iezii.

(с. Гырличуи, жудец Констанца, Северная Добруджа, Румыния, информант Пэун Дрэгэнеску [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Баба Докия, о которой рассказывают, что она пошла с козами в горы, говоря следующие слова: «Двух, белянка, двух, одного для приплода (потомства, породы), другого для еды». У бабы Докии была коза, которая приносила (каждый раз) двух козлят.

Baba Dochia

Fără să țină cont de vremea rea, ea a pornit la munte cu caprele, îmbrăcată în nouă cojoace. A început să plouă și i-a udat cojocul; ea l-a lepădat și așa mereu până a lepădat și pe cel de al nouălea. Dând apoi un ger mare, a înghețat. S-a preschimbă în piatră cu caprele sale.

(с. Гроапа-Чобану, жудец Констанца, Северная Добруджа, Румыния, информант Г. Константинеску [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Не обращая внимания на плохую погоду, она отправилась в горы с козами, одетая в девять кожных. Начался дождь и промочил ей кожный, она сбросила его, и так все время, пока не сбросила и девятый. Потом ударил большой мороз, она замерзла. Она превратилась в камень (вместе) со своими козами.

* * *

Dochia a plecat cu oile să facă stână fără voia lui Dumnezeu.

(Юго-восточная Румыния [Speranția 1907, vol. VI, ms. 4965, f. 114.

Цит. по: Olteanu 2001: 128–133])

Докия ушла с овцами на пастбище против воли Бога.

1.1.7. Молдова

Baba Dochia

Se zice despre *Baba Dochia* că ar fi trimis pe noră-sa la fragi în luna lui Faur. D-zeu i-a pus fragii în oală și, ducându-se cu ei acasă, *Dochia* a crezut că e vară și luând caprele s-a dus la munte, dar a înghețat cu 12 cojoace pe ea.

(с. Валя-Ря, жудец Бакэу, Молдова, Румыния, информант К. Агапи, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия

Говорится о Бабе Докии, что она будто бы послала свою невестку за земляничкой в феврале месяце (*luna lui făurar*). Господь Бог положил ей землянику в горшок, и когда она пришла с земляничкой домой, Докия решила, что (настало) лето, и, взяв коз, погнала их в горы, но замерзла в двенадцати кожухах, (которые были) на ней.

* * *

În muntele Ceahlău (Pionul) se află o piatră în formă de om și pe care oamenii o numesc *Dochia*.

(с. Гура-Хангу, жудец Нямц, Молдова, Румыния, информант Г. Леонеску [Fochi 1976: 23–29])

На горе Чахлэу (Пион) находится камень в форме человека, который люди называют Докией.

* * *

Dochia a fost fata lui Decebal. “Pe vârful munților e o babă de piatră numită *Dochia*”... “Dacă ninge de la 1–9 martie, se zice că *Baba Dochia* își scutură cojoacele, fiind îmbrăcată cu nouă cojoace”. Femeile serbează *Dochia* la 1 martie.

(с. Думитрешть, жудец Вранча, Молдова, Румыния, информант И. Думитреску, 1893 [Fochi 1976: 23–29])

Докия была дочерью Децебала. Высоко в горах есть каменная баба, называемая «Докия»... «...Если идет снег 1–9 марта, говорится, что Баба Докия вытряхивает свои кожухи, будучи одета в девять кожухов». Женщины празднуют Докию 1 марта.

* * *

Femeile țin [la] 1 martie *Baba Dochia*, în amintirea babei care a pierit de ploii cu gheață și ninsoare, ce au apucat-o în munți, păscând oile și caprele. A fost prefăcută în piatră cu vitele împrejur... În această zi, femeile poartă legate la gât monede găurite, pentru a avea noroc la rodirea câmpului și a nu se pârlî de soare. Monedele se numesc *mărțișor*.

(с. Танаку, жудец Васлуй, Молдова, Румыния, информант Михай Стратуля, 1893 [Fochi 1976: 23–29])

Женщины соблюдают 1 марта (день) Бабы Докии в память о старухе, которая погибла от метели с дождем и градом, застигнувшей ее в горах, где она пасла овец и коз. Она была превращена в камень (вместе) с животными вокруг нее. ...В этот день женщины носят, повязав на шею, монеты с отверстиями, чтобы собрать хороший урожай с полей и чтобы не обгорать на солнце. Монеты (!) называются *mărțișor* («мэрцишор»).

* * *

Baba Dochia a purces cu caprele să le pască prin munți și fiindcă ningeа și cojocul cel deasupra era plin de omăt și apă, îl lepădă în ziua întâi, а doua zi lepădă pe al doilea și tot așa а lepădat în fiecare zi câte un cojoc, și așa în 12 zile nu а nins, și ea, lepădând în ziua а 12-а și pe cel din urmă cojoc și iarna nesfârșindu-se, baba îngheță în munții Ceahlăului cu capre cu tot. Și fiindcă ea era sfântă, din nașterea ei curge apă limpede ca argintul, rece și bună de băut, și caprele stau înghețate împrejurul ei. Se vede și acuma aidoma.

(с. Докань, жудец Васлуй, Молдова, Румыния, информант И. Корчовэ [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия отправилась с козами (в горы), чтобы пасти их там, и поскольку шел снег и (ее) верхний кожух был полон снега и воды, она сбросила его в первый (же) день, на другой день сбросила второй, и так она сбрасывала каждый день по одному кожуху, и двенадцать дней снегопад не прекращался, и она сбросила на двенадцатый день последний кожух, а зима не кончалась, (и) старуха замерзла в горах Чахлэу с козами вместе. И поскольку она была святая (!), с возникновения ее (как каменной глыбы. — Н. Г.) течет вода, чистая, как серебро, холодная и пригодная для питья, и застывшие козы стоят вокруг нее. (Их) ясно видно и сейчас.

* * *

Dochia păzește oile lui Dumnezeu la munte, îmbrăcată cu douăsprezece cojoase.

[Speranția 1907, vol. VIII, ms. 4967, f. 100 v. Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

Докия стережет овец Господа Бога в горах, одетая в двенадцать кожухов.

* * *

Dochia era foarte bună, făcea mult bine — dădea brânză, lapte, lână la cei nevoiași.

[Speranția 1907, vol. VII, ms. 4966, f. 142 v.

Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

Докия была очень доброй, делала много хорошего — давала брынзу, молоко, шерсть нуждающимся.

* * *

Dochia a fost o babă bătrână și bună de Dumnezeu și când au vrut s-o prindă păgânii, ea s-a rugat Sf. Spiridon și, cu ajutorul lui Dumnezeu, ea împreună cu turma de oi s-a prefăcut în stânci de piatră și astfel a scăpat de păgâni.

[Speranția 1907, vol. VIII, ms. 4967, f. 77.

Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

Докия была старой старухой, преданной Господу, и когда ее хотели захватить язычники, она помолилась св. Спиридону и с божьей помощью превратилась вместе со стадом овец в каменные скалы и так спаслась от язычников.

* * *

Dochia e o babă îmbrăcată cu douăsprezece cojoace, umblă prin păduri strigând în gura mare că îi este frig și tremură cum îi vargă.

[Speranția 1907, vol. VII, ms. 4966, f. 105 v.

Цит. по: Olteanu 2001: 128–133]

Докия — это старуха, одетая в двенадцать кожухов, она ходит по лесам, громко крича, что ей холодно, и дрожит как осиновый лист.

* * *

E o babă bătrână, șade în munți și are 12 cojoace.

(с. Унгурень Цигэнешть, жудец Галац, Молдова, Румыния, информант К. Декусарэ, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Это старая баба, она сидит в горах, и у нее двенадцать кожухов.

* * *

Are 12 cojoace pe care și le scutură în 12 zile, câte unul pe zi.

(с. Бэдень, жудец Яссы, Молдова, Румыния, информант Ст.(Х.) Велишку, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

У нее двенадцать кожухов, которые она вытряхивает в (течение) двенадцати дней, по одному в день.

* * *

Baba Dochia are 12 sojoase, learădă în fiecare zi câte unul, desprimăvărându-se.

(с. Джюрджень, жудец Нямц, Молдова, Румыния, информант Конст. Н. Белою, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

У Бабы Докии двенадцать кожухов, она сбрасывает каждый день по одному, начиная весну.

* * *

Își scutură sojoacele.

(с. Шендрень, жудец Галац, Молдова, Румыния, информант Дж. Ал. Мурджану; с. Адынката, Северная Буковина, р-н Адынката Черновицкой обл. Украины (в прошлом — жудец Дорохой), информант — священник Дж. Мэрджиняну, 1896; с. Силиштя, жудец Нямц, Молдова, Румыния, информант Д. Ромынеску, 1896; с. Ускаций, жудец Нямц, Молдова, Румыния, информант И. Думбравэ, 1896; с. Бэтрынешть, жудец Нямц, Молдова, Румыния, информант Д. Руджинэ, 1896; с. Кристешть, жудец Сучава, Южная Буковина, Румыния, информант Дж. Вьерме, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Она вытряхивает свои кожухи.

* * *

1–12 martie, zilele *Dochiei*, 6 bune și 6 rele; dacă primele sînt bune, ultimele sînt rele, sau viceversa. Dacă ninge în aceste zile, se zice că “baba își scutură sojoacele”.

(с. Плопана, жудец Галац, Молдова, Румыния, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

1–12 марта — дни Докии, шесть хороших и шесть плохих; если первые — хорошие, то последние — плохие, или наоборот. Если идет снег в эти дни, то говорят: «Баба вытряхивает свои кожухи».

Текст, отдаленно напоминающий легенду о мартовской старухе, происходящий из местности, где эта легенда весьма распространена и, вероятно, поэтому включенный Адрианом Фоки в перечень текстов об этом персонаже:

“Pe Ceahlău e o grupă de stânci ce seamănă cu o turmă de oi și un păstor...”
 “Un cioban avea o turmă; o oaie i se îmbolnăvește și el a sângerat-o. Un vultur a răpit-o și ea a căzut într-o prăpastie. Celelalte oi s-au aruncat și ele în acea prăpastie, iar ciobanul după ele. Toți s-au prefăcut în stâncile ce se văd”.

(с. Бухалница, жудец Нямец, Молдова, Румыния, информант Дж. Кэдеря [Fochi 1976: 23–29])

«На Чахлэу есть группа скал, которая напоминает стадо овец с пастухом...» «У одного чабана было стадо; одна овца заболела, и он сделал ей кровопускание. Орел схватил ее, и она упала в пропасть. Другие овцы тоже бросились в эту пропасть, и чабан за ними. Все они превратились в скалы, которые видны до сих пор».

1.1.8. Буковина

Baba Dochia cu 12 cojoace, care umblă cu oile la păscut iarna.

(с. Хавырна, жудец Ботошань, Румыния, информант о. И.М. Штефэнеску, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

Баба Докия с двенадцатью кожухами, которая шла с овцами на пастбище зимой.

* * *

Are 12 cojoace, le scutură la sfârșitul lui februarie și șase zile la începutul lui martie, aducând viscolituri, deoarece a fost fugărită de un împărat vechi, Troian. De aceea îi face și ea «troiene», spre a nu mai fi găsită.

(с. Адынката, р-н Адынката Черновицкой обл. Украины (в прошлоим — жудец Дорохой), информант — священник Дж. Мэрджиняну, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

У нее двенадцать кожухов, она их вытряхивает в конце февраля и шесть дней в начале марта, вызывая метели, потому что ее преследовал один древний император, Троян. Из-за этого она и делает сугробы¹, чтобы ее не нашли.

* * *

“Se află în munții din acest județ” “...unii zic că-s oile Dochiei, fiica lui Decebal, iar alții spun că-s oile unei domnițe mult mai dincoace”.

(с. Кристешть, жудец Сучава, Буковина, Румыния, имя информанта не расшифровано, 1893 [Fochi 1976: 23–29])

¹ Игра слов: имя императора (Траян, здесь — Троян) созвучно со словом *troiene* — «сугробы».

«...(Камни) находятся в горах этого жудеца». «Одни говорят, что это овцы Докии, дочери Децебала, а другие — что это овцы одной домницы (княжны) из гораздо более близкого (времени?)».

* * *

Dochia s-a pus rămăşag cu Mart că nu are frică de el, şi-a luat douăsprezece cojoace, dar Mart pe toate le-a rupt, şi a rupt-o şi pe dânsa, de curge amu apă din ea.

[Niculiţă-Voronca 2008, 2: 117]

Докия побилась об заклад с Мартом, что не боится его, и надела двенадцать кожухов, но Март их все разорвал, а потом разорвал и ее саму, так что из нее теперь течет вода.

* * *

Dochia are 12 cojoace, şase rele [ceea ce reprezintă şase] zile furtunoase şi friguroase şi şase bune, [decî] zile frumoase.

(с. Джюлешть-Дрэгэнешть, жудец Сучава, Румыния, информант В.В. Ирмеску, 1896 [Fochi 1976: 23–29])

У Докии двенадцать кожухов, шесть плохих — [те, что представляют собой шесть] ненастных и морозных дней, и шесть хороших, [то есть] хороших дней.

Baba Dochia şi broasca

Când Dochia s-a dus în munţi cu oile, a găsit o broască. A blăgoslovit-o să nu facă viermi şi oamenii să bea apa în care se găesc broaşte. De aceea nu face broasca viermi, când moare.

(с. Кургешть, жудец Ботошань, Румыния [Brill 2005: 343; Niculiţă-Voronca 2008, 2: 116–118])

Баба Докия и лягушка

Когда Докия отправилась в горы с овцами, она нашла лягушку. Она благословила ее, чтобы в ней не заводились черви и чтобы люди пили воду, в которой найдут лягушек. Поэтому в теле лягушки не заводятся черви, когда она умирает.

1.1.9. Нелокализованные румынские тексты

Baba Dochia

Despre Baba Dochia se spune, că era cea mai rea babă dintre toate babele rele, pe care le-a purtat pământul. Aşa de rea era, încât şi copiii ei, care, cum

creștea, fugea unde-i vedea ochii, numai să scape de răutățile și de gura ei. Numai un singur băiat, cel mai răbdător, poate pentru că era cam puțintel la minte, i-a fost rămas dintre toți copiii. Dragomir, așa îl chema pe băiat, avea o nevastă foarte harnică, dar pentru că el era tot dus cu oile, biata nevastă multe neajunsuri avea de suferit de la zgrițuroaică de Baba Dochia. Nu-i lăsa pic de odihnă și toată ziua era cu gura pe ea. Ba, de la o vreme îi puse gând rău și vroia cu tot dinadinsul să se scape de ea. Așa, o trimise într-o zi la râu cu o desagă cu lână albă s-o spele, până s-o înnegri, că altfel o ia de păr și o răpede până-n șes de se alege praful din ea. Femeia cătrănită se duse la râu și o spală 3 zile și lână tot nu se mai înnegrea. Știa doar baba de ce-o trimisese, așa că acum credea că a scăpat de noră-sa. Dar, a treia zi, se se trezește biata femeie, care acum nici nu mai vedea bine de atâta plans și nesomn, cu 2 oameni bătrâni, care nu erau alții decât Dumnezeu și Sf[ântul] Petru, cărora li se făcuse milă de câte îndura biata femeie și înnegrindu-i lână, o trimiseră acasă. Baba, când o văzu, se uită chindorăș, și la ea și la lână, dar nu zise nimic. După o vreme iar o trimise la râu, dar de data asta să înălbească niște lână neagră. Munci biata femeie iar trei zile, dar lână pas să se înălbească.

Către seară iar veniră Dumnezeu cu Sf[ântul] Petru, dar acum nu-i mai înălbură lână, ci-i deteră o chită de flori de fragi s-o ducă babei.

Baba când văzu florile de fragi, uită de lână și de tot și strigând pe Dragomir, îi zise:

— Dragomire, fragile au înflorit și noi încă n-am măsurat oile. Hai sus la munte, să le măsurăm. Și grăbită și furtunoasă cum îi era firea, Baba Dochia plecă așa cum era îmbrăcată, atunci, cu 9 cojoace pe ea și cu Dragomir cu oile după ea. Afară se-ncălzise bine și, cum mergea repede și urca la deal, se încălzi baba, de începu se lepede la cojoace, până ce ajungând sus pe munte, rămăsese numai în cămeșoi și poalele. Dădu însă Dumnezeu repede o viforniță cu zloată și îngeț, de îngețară și se-mpetriră și Baba și oile și Dragomir. Și de atunci, de ziua Dochiei, care i-a 9 babă, vine o viforniță și un frig, ca-n dricul iernei, și vai ș-amar de cel ce se-ncrede în căldura zilelor precedente. Iar pentru ținere de minte și până astăzi, stau în vârful munților stâncile, pe care poporul le numește Baba Dochia cu oile ei.

[Olinescu 2003: 259–260]

Баба Докия

О Бабе Докии говорят, что она была самой злой старухой из всех злых старух, которых когда-либо носила земля. До того злая она была, что даже ее дети, как только выросли, убежали куда глаза глядят, только бы избавиться от ее гадостей и ее злого языка. Только один сын, самый терпеливый (возможно, потому что он был глуповат), остался с ней. У Драгомира, так звали парня, была жена, очень трудолюбивая, но, поскольку он почти все время находился при овцах, бедной молодежи пришлось вынести много не-

приятностей от старой мегеры Бабы Докии. Она ни на минуту не оставляла ее в покое и все время ее ругала. И вот однажды она (Баба Докия) замыслила недоброе и захотела во что бы то ни стало избавиться от нее (невестки). В один прекрасный день она (Баба Докия) послала ее (невестку) на реку с переметной сумкой, полной белой шерсти, (велев) мыть ее (шерсть), пока она не почернеет, (и сказав), что иначе возьмет ее (невестку) за волосы и потащит ее по равнине, чтобы развеять ее в пух и прах. С тяжелым сердцем женщина пошла на реку и три дня мыла шерсть, а шерсть все не чернела. Знала старуха, куда (за чем) ее посылала, и теперь радовалась, что избавилась от своей невестки. Но на третий день проснулась бедная женщина, которая уже почти ничего не видела из-за слез и бессонницы, и увидела двух старцев, которые были не кто иные, как Господь Бог и святой Петр, которым стало жаль бедную женщину, которая столько вытерпела, и они, сделав шерсть черной, отправили ее домой. Старуха, когда увидела ее, взглянула искоса и на нее, и на шерсть, но ничего не сказала. Через некоторое время она (Баба Докия) опять послала ее (невестку) на реку, на этот раз белить черную шерсть. Снова мучилась бедная женщина три дня, но шерсть ничуть не побелела.

Под вечер снова пришли Господь Бог со святым Петром, но на этот раз они не стали белить шерсть, а дали ей (молодице) букетик цветов земляники, чтобы она отнесла их старухе.

Старуха, когда увидела цветы земляники, забыла и о шерсти, и обо всем на свете, кликнула Драгомира и сказала ему:

— Драгомир, земляника зацвела, а мы еще не взвешивали овец. Идем скорее в горы, взвесим их. И торопливо и стремительно, как это было ей свойственно, Баба Докия отправилась в путь как была в девяти кожихах, а за ней Драгомир и овцы. Потеплело; и поскольку старуха шла быстро и поднималась в гору, она стала сбрасывать кожиху, пока, достигнув вершины горы, не осталась в одной рубахе. В это время послал Бог дождь со снегом, метель и стужу, заморозив и превратив в камень и Бабу Докию, и овец, и Драгомира. И с тех пор со дня Докии, который является девятой «бабой», приходит метель и мороз, как в разгар зимы, и горе тому, кто поверит обманчивому теплу предшествующих дней. А чтобы помнили об этом до сего дня, стоят на вершине гор скалы, которые в народе называют «Баба Докия с овцами».

* * *

Baba Dochia, umblând cu oile prin pădure, torcea lână din furcă și, găsind o para, i-a făcut bortă, legând-o cu un fir de ață. Asta a fost 1 martie și de atunci s-a lăfit obiceiul.

[Fochi 1976: 23–29]

Баба Докия, идя с овцами через лес, пряла шерсть на прялке и, найдя мелкую монету, проделала в ней отверстие и продела сквозь него нить. Это было 1 марта, и с тех пор этот обычай распространился.

* * *

Zice că Dochia a fost o fată foarte frumoasă și arătoasă. Murindu-i părinții când era mică, o luă și o ținea moșul său de suflet. Iar moșul său era un om foarte bogat; avea de toate câte le căutai și pe deasupra mai avea încă și o turmă de oi. Și Dochia n-avea alta de lucru, ci de-a căuta de turma cea de oi a moșului său. De aceea și păștea ea oile și le păzea ca și ochii din cap. Într-un an, cum se apropie luna lui mart, își luă Dochia, ca în toți anii, oile, și se duse cu dânsele la munte, ca să le pască. Dar, fiind de astă dată foarte frig, se îmbracă mai întâi în douăsprezece cojoace, și apoi se porni cu oile la păscătoare. Iată însă că, mergând ea cale mai îndelungată, a început de la 1 marte a se face vreme frumoasă și a se încălzi. Văzând Dochia că se încălzește și, făcându-se din zi în zi tot mai cald și neputând a duce toate cojoacele în spate, a început a le lepăda și așa lepăda ea în fiecare zi câte un cojoc, până ce rămase dezbrăcată. Dar n-a apucat ea bine a lepăda pe al doisprezecelea cojoc, și începu iarăși a se face frig. Dochia, fiindcă apucase a merge o bucată bună de loc și a se depărta hăt binișor de cojoacele aruncate, nu avu acum cu ce se îmbracă. Gerul devenind din ce în ce mai cumplit, de aceea ea îngheță, dimpreună cu toată turma.

[Marian 1994: 282]

Говорят, что Докия была красивой и видной девушкой. Ее родители умерли, когда она была маленькой, и один старый человек взял ее к себе и растил как внучку. Приемный дед Докии был человеком очень богатым, у него было все что душе угодно, и сверх того еще стадо овец. И у Докии не было другого дела, кроме как смотреть за стадом овец своего деда. Поэтому она пасла овец и берегла их как зеницу ока. Однажды, когда приближался март месяц, Докия, как и каждый год, отправилась с овцами в горы, чтобы там пасти их. Но, поскольку на сей раз стояла очень холодная погода, она надела двенадцать кожухов, и затем отправилась с овцами на пастбище. Однако дорога ее была неблизкой и, начиная с 1 марта, погода стала ясной и потеплело. Докия увидела, что теплеет и, поскольку день ото дня становилось все теплее, а она не могла нести на себе все кожухи, она начала их сбрасывать, и сбрасывала по одному кожуху в день, пока не осталась раздетой. Но не успела она сбросить двенадцатый кожух, как снова начался мороз. Докии, поскольку она уже прошла большое расстояние от сброшенных кожухов, не во что было одеться. Мороз становился все более жестоким, поэтому она замерзла вместе со всем стадом.

* * *

Sunt două babe, care umblă totdeauna cu câte un Făt-Frumos alături, și anume Baba Dochia și Baba Paraschiva, Baba Dochia cu Sân-Toader, iar Baba Paraschiva cu Sâ-Medru. Amândoi feți-frumoși aceștia cu câte șapte (nouă, doisprezece) cai. Lumea e cuprinsă și ferecată cu două lanțuri: lanțul lui Sân-Petru și lanțul lui Sânt-Ion. Când vine Sân-Toader cu caii săi, sparge lanțul lui Sân-Petru, își face drum și intră primăvara, și nemijlocit vine după dânsul și baba Dochia, cu zile urâte și ploioase. Când vine Sâ-Medru cu caii săi, sparge lanțul lui Sânt-Ion și intra iarna, și nemijlocit după dânsă vine și Baba Paraschiva.

[Marian 1994: 239]

Есть две старухи, которые ходят каждая с добрым молодцем (*Făt-Frumos*) рядом, а именно Баба Докия и Баба Параскива; Баба Докия со св. Тоадером (*Sân-Toader*), а Баба Параскива со св. Думитру (*Sâ-Medru*). У обоих добрых молодцев по семь (девять, двенадцать) коней. Мир опоясан и окован двумя цепями — цепью св. Петра (*Sân-Petru*) и цепью св. Иоанна (*Sânt-Ion*). Когда приходит св. Тоадер со своими конями, он рвет цепь св. Петра, освобождает путь и наступает весна, а непосредственно после него (св. Тоадера) приходит и Баба Докия с непогожими и дождливыми днями. Когда приходит св. Думитру (*Sâ-Medru*) со своими конями, он рвет цепь св. Иоанна, и наступает зима, а непосредственно за ней идет и Баба Параскива.

* * *

Soarele e pus de Dumnezeu să lumineze pământul, dar el, îngrozit de răutățile câte le vede pe pământ, și sătul de același drum veșnic, întruna vrea să fugă și să scape de vederea pământului. De aceea Dumnezeu a pus străjer la miazănoapte pe Sf. Nicolae și la miazăzi pe Sf. Toader, ca să ție calea soarelui și să-l abată din cale. Primăvara ajunge Soarele în fuga lui pe Sân-Toader și atunci ia cu el nouă babe rele și aduce ploi și ninsori și prăpădenie de vreme rea, că doară-doară va scăpa nevăzită de Sân-Toader pe-o vreme ca aceea. Și mai-mai să-l scape Sân-Toader, căci Soarele apucă să fugă înainte; dar Sân-Toader cu nouă cai ai săi se ia după Soare și-l fugărește, și aleargă să-l prindă. Și are Soarele nouă cai la teleaga lui, și atunci ia nouă babe rele și încalecă pe fiecare cal câte o babă, ca să bată caii și să-i gonească până să le iasă sufletul, ca astfel să scape cu fugă de Sân-Toader. Dar Sân-Toader aleargă după soare și, ca să-l prindă, își ia și el nouă cai și încalecă pe fiecare cal câte un moș, care a îmbătrânit mănând caii și știe rânduiala frânelor. Și tot pământul și toată firea stă amorțită opt zile de la plecarea lui Sân-Toader, că opt cai cu opt moși nu pot da de veste-încotro a apucat Soarele. Dar Alexă, moșul cel de-al nouălea, apucă tocmai pe drumul pe care a apucat Soarele și-l zărește. Și acum toți moșii fug împreună după Soare. Și în ziua această se dezmoțește firea și ies toate gângăniile pământului la iveală, și șerpii,

și broaștele, și tot ce-a dormit peste iarnă. Și fugе după soare treisprezece săptămâni, și abia-l ajunge colo departe-departе spre miazăzi. Și cum îl ajunge, îl întoarce de la miazăzi spre răsărit. Și se întoarce Soarele și merge-merge către răsărit, dar când ajunge la locul lui cel orânduit de Dumnezeu nu se astâmpără, ci fugе înainte spre miazănoapte, că doară va putea fugi pe cealaltă parte. Și atunci îi iese în cale Sân-Nicoară și-l prinde și-l trimite îndărăt. Dar odată și odată tot o să scape el de păzitorii lui; dacă nu de Sân-Toader, dar de Sân-Nocoară tot o să scape, că Sân-Toader e tânăr și are cai, dar Sân-Nicoară n-are cai și e bătrân.

[Marian 1994: 239–240]

Солнце поставлено Богом освещать землю, но оно, испуганное злом, которого так много видит на земле, и утомленное своей вечной дорогой, постоянно хочет убежать подальше от земли. Поэтому Господь поставил сторожем на северной стороне св. Николая (*Sf. Nicolae*), а на южной — св. Тоадера (*Sf. Toader*), чтобы они стерегли дорогу Солнца и [не давали ему] сбиться с пути. Весной достигает Солнце в своем беге св. Тоадера (*Sân-Toader*), и тогда оно берет с собой девять злых старух и привозит дожди, снега и ужасную погоду, только бы удалось ему ускользнуть незамеченным от св. Тоадера по такой погоде. И вот уже св. Тоадер отпускает его, ведь Солнце раньше пускается бежать; но св. Тоадер со своими девятью конями бросается за солнцем и настигает его, и торопится его поймать. И есть у Солнца девять коней, запряженных в его телегу, и тогда берет оно девять злых старух и сажает на каждого коня по старухе, чтобы они били коней и гнали их что есть духу, чтобы таким образом убежать от св. Тоадера. Но св. Тоадер гонится за солнцем, и чтобы поймать его, и он сажает на каждого коня по старцу, состарившемуся управляя конями и знающему, как держать поводья (букв. «порядок поводьев»). И вся земля, и все живое является замершим восемь дней после отъезда св. Тоадера, потому что восемь коней с восемью старцами не могут дать знать, куда отправилось Солнце. Но Алекса (*Alexă*), девятый старец, выбрал именно ту дорогу, по которой пустилось Солнце, и увидел его. И теперь все старцы вместе гонятся за Солнцем. И в этот день отмирает все живое, и все букашки выбираются из земли наружу, и змеи, и лягушки, и все, кто спал в течение зимы. И гонятся они за солнцем тринадцать недель, и едва настигают его далеко-далеко на юге. И когда догоняют его, то поворачивают с юга к востоку, но когда достигает оно (Солнце) места, определенного для него Богом, оно не успокаивается, а бежит вперед, на север — может, удастся ему убежать с другой стороны. И тогда навстречу ему выходит св. Николае (*Sân-Nicoară*) и ловит его и отправляет обратно. Но однажды оно все равно убежит от своих сторожей, если не от св. Тоадера, то от св. Николая, потому что св. Тоадер молод и у него есть кони, а у св. Николая коней нет, и он стар.

1.1.10. Арумынские варианты

Să-aspuni că ăară nă mōași țe pișteă ieđi și ma viđu, că ăasi Marđul, — hăraăđ mari; că ascipă di ăarnă, – se arisi și đisi:

— Pîrți-Marđu!

Cu alti zbōari: nu nī-u zorăa di arăūlu Marđu, că intrái cu iedlii tu April.

Atumțea Marđul s-tōarnă și si-mprumută dōaăđ đili di la Flivar (Șcurtu) și u ngliađ mōașa țea cu ieđi cu tut.

Ea zbōarili țe đisi mōașa a Mărđulului și Marđul a Șcúrtului.

Moașa:

— Marđu

Carđu

Iedlii līi scoșu

Cu perlu aroșu

Pîrți-Marđu!

Marđul:

— Șcurtu, Șcurtu cad la tini

Tră dōaăđ virvirōasi đili!

După țe si mprumută cu dōaăđ đili, s-tōarnă și-lī đīți ali mōași:

— Mōașe, mōașe, aștěaptă tini,

Stumbu, stumbu valahii-niei

Tu cunachii-niei!

[Marian 1994: 192–193]

Говорят, что была когда-то старуха, которая пасла козлят и которая, когда увидела, что Март прошел, обрадовавшись, что спаслась от зимы, обманулась и сказала:

— Март-пердун!

Другими словами: «Меня не волнует злой Март, потому что я дождала с козлятами до Апреля».

Тогда Март вернулся и занял два дня у Февраля и заморозил старуху вместе с ее козлятами.

Вот слова, которые старуха сказала Марту и те, что Март сказал Февралю.

Старуха:

— Март,

Карт,

Я спасла козлят

С красной шерстью,

Март-пердун!

Март:

— Февраль, Февраль,

Прошу у тебя два ненастных дня.

После того как Март занял два дня, он вернулся и сказал старухе:

— Старуха, старуха, слушай,

Я сотру тебя в порошок, моя валашка,

В моих владениях!

* * *

— Ascîpă`m di ěarna grěaăă,

Děadi bunlu Dumniĉăă,

Di furtunĭ amăr di něaăă

Și di Șcurtul ațel arăă.

Cĭși, cĭși ĭĉĉlii a něi!..

Vine Marțul, nă avěm frică,

— Dĭse măășa cĭtră ĭĉĉĭ —

Că putĉarěa ĭ-ěaste niĉă,

Cĭt di laăă ș-arăă să-l veĉĭ,

Cĭș, cĭș ĭĉĉlii a něi!..

Avĉi Marțul di s-niiri,

Și pri Șcurtul el clĭimă:

— O, laĭ frate, avĉi și țe-nĭ gri,

Măășa cum ni blistimă?

Ah, țĭ giur și țĭ sprigiur,

Dăăă ĉili s-nĭi mprumăă,

Z-daă nă něaăă cĭt un mur,

Ca s-u ngliĉ u ĭĉĉlii tuă.

Niurară mună ș-văliurĭ,

Lăă Cudrugĭonlu tot!

Di furtună pritu căliurĭ,

Sindiliile braĉlii scot.

Și turbatlu trapsi vimtu

Di ngliăăă măășa cu ĭĉĉĭ,

Ca pĭn ș-astăĉi La Murmintu,

Ĉĭătră n-Cudrugĭon u veĉĭ!

— Спаслась я от лютой зимы

Благодаря доброму Богу,

От бурь, от снега

И от злого Февраля.

Сюда, сюда, мои козлятушки!..

Идет Март, мы не боимся,

— Сказала старуха козлятам, —

Ведь сила его мала,

Каким бы мрачным и злым он ни казался,

Сюда, сюда, мои козлятушки!..

Услышал это Март, рассердился

И обратился к Февралю:

— Эй, братец, слышишь, что мне говорят,

Как меня ругает старуха?

Ах, я клянусь и заклинаю тебя,

Если ты одолжишь мне два дня,

Я нашлю снег стеной

И заморожу ее вместе с козлятами.

Затянулись тучами горы и долины,

Почернел весь Кодругион

От бурь на дорогах,

Страшный ветер выворачивал с корнем ели.

И яростный ветер дул,

Пока не заморозил старуху с козлятами.

И до сего дня на Могиле

Виден камень на Кодругионе!

[Marian 1994: 193]

* * *

În localitatea Cutra din Tesalia, nu departe de satul Zaren, unde se coboră păstorii tómnă de staă până după Pasce, se află o stăncă sterilă, care, privită de pe câmpie, pare a înfăășa o babă înconjurată de mai multe oi. În vremile acelea întăile treă lună ale anuluă se urmaă într'o ordine deosebită de cea de astăĉi:

Ianuarie, Martie, Februarie. Trecând odinioară ultima ți de Martie, o babă se duse spre sérá și bajocori pe Martie, că nu ı-a făcut nimic cu tóte amenințările sale. Martie, ca s'ó pedepsescă, rugă pe frate-sěu Februarie să-i mai dea două țile. Acesta ıi îngădui cererea și-l puse îndată după dınsul. Atunci Martie ridică furtună și lipi pe baba cu oı de stânce, ce se vede și astăzi.

(текст приводится на румынском языке [Șăineanu 1896: 1–45])

В селении Кутра, в Фессалии, недалеко от села Зарен, где собираются пастухи осенью, чтобы остаться там до дней, следующих за Пасхой, находится бесплодная скала, которая, если смотреть на нее из степи, напоминает старуху, окруженную множеством овец. В те времена первые три месяца года следовали друг за другом в порядке, отличном от сегодняшнего: Январь, Март и Февраль. Однажды, в последний день марта, одна старуха вечером начала подшучивать над Мартом, что он не сделал ей ничего, несмотря на все свои угрозы. Март, чтобы наказать ее, попросил своего брата, Февраля, дать ему еще два дня. Тот выполнил его просьбу и поставил его сразу за собой. Тогда Март устроил бурю и приморозил старуху вместе с овцами к скале, что видно и сейчас.

* * *

O babă, plictisită de o érnă lungă, ajunse la sfırșizul lui Ianuarie. Amăgită de 1 Martie, baba 'și mânâ eđii la muntele Codrughionului, desfıdend pe Martie că n'ar putea să-i mai strice. Atunci Martie rugă pe Februarie, care era de 30 de țile, să-ı împrumute lui două. Baba, surprinsă de viscole și de omeđi, încreneni cu eđii cu tot într'ó stâncă, înconjurată de alte mai micı. Iar Februarie, care rěmase numai de 28 de țile, se numi de atuncea *Scurtul*.

(текст приводится на румынском языке
[Macedonia 1888: 6–8. Цит. по: Șăineanu 1896: 1–45])

Одна старуха, которой наскучила долгая зима, дождалась конца января. Обманутая 1 марта, старуха погнала своих козлят на гору Кодругион, бравлируя перед Мартом тем, что он будто бы не сможет ей помешать. Тогда Март попросил у Февраля, который тогда длился 30 дней, одолжить ему два дня. Старуха, изумленная метелями и снегами, окаменела вместе со своими козлятами [и превратилась] в скалу, окруженную другими, поменьше. А Февраль, у которого осталось только 28 дней, называется с тех пор *Scurtul* («короткий»).

* * *

Odată, încă din timpul verei, cele douăsprezece luni ale anului s'au înțeles să pună într'un butoi struguri, și, după ce struguri vor fermenta, vinul să-l bea toți împreună, ca frați și ca tovarăși.

La aceste cuvinte mart se scoală și zice: “eu cel dintîi voi băga vin în butoi, și după mine să puneți toți”.

Au pus și ceilalți și după puțin timp vinul a fermentat și s’a făcut cum e mai bun de băut. Mart, care pusese cel dintîi struguri, zice celorlalți:

— De vreme ce eu cel dintîi am pus struguri în butoi, tot eu voi începe să beau.

Atunci a deschis cepul butoiu’ui și bău, bău pînă ce n’a mai rămas decît drojdia.

După mart venia april. Cînd acesta s’a dus la butoi, gura lăsîndu-i apă de sete după vin, ce să vadă? Butoiul era răsturnat și nici o picătură măcar nu mai curgea din el. Văzînd aceasta, el s’a supărat pe ceilalți tovarăși.

Aceștia îl ascultă, se supără și se gîndesc ce să facă. În cele din urmă au convenit că ianuar să bată pe mart pentru minciuna și furtul ce a comis.

Ianuar l-a apucat, a luat o bîtă și i a tras o mamă de bătaie pînă ce a zis *aman!* l-a și dreptul, ca anul să înceapă cu ianuar, nu cum începea înainte vreme cu mart.

Bietul mart, cînd își amintește că a băut vinul și că i a înșelat pe ceilalți tovarăși, rade și face timp frumos; dar, cînd și amintește de bătaia pe care i-a dat-o ianuar, plînge, plouă și ninge; și devine foarte rece. De aceea lumea zice de luna lui mart:

Mart îl cheamă și haz face,

Aci-i cald, aci e rece.

Și astfel bietul mart a rămas rușinat și urît de ceilalți tovarăși ai lui.

(текст приводится на румынском языке [Paparagi 1923; 1979])

Однажды, еще летом, двенадцать месяцев года договорились положить виноград в один бочонок и, после того как виноград перебродит, выпить вино всем вместе, как братья и как товарищи.

При этих словах Март встал и сказал: «Я первым налью вино в бочонок, а после меня нальете вы все».

Налили [вино в бочонок] и другие, и через некоторое время вино перебродило и стало отлично подходящим для питья. Март, который первым положил виноград [в бочонок], сказал другим:

— Поскольку я первым положил виноград в бочонок, я и буду пить первым.

— Хорошо, — ответили другие месяцы.

Тогда он вытащил затычку из бочонка и пил, пил, пока не остались одни выжимки.

После Марта пришел Апрель. Когда он направлялся к бочонку, у него текли слюнки, но что же он увидел? Бочонок был перевернут, и уже ни капли не текло из него. Увидев это, он рассердился на своих товарищей.

Те его выслушали, рассердились и стали думать, что же делать. В конце концов решили, что Январь побьет Март за ложь и кражу, которую он совершил.

Январь схватил его, взял палку и задал ему хорошую трепку, пока он не запросил пощады, и отобрал его право, [сделав так], чтобы год начинался с января, а не с марта, как было раньше.

Бедный Март, когда вспоминает о том, как он выпил вино и обманул товарищей, смеется, и погода хорошая; но когда он вспоминает о трепке, которую задал ему Январь, он плачет, идет дождь и снег, и становится очень холодно. Поэтому люди говорят о месяце марте:

Его зовут март, и он шутки шутит,

То жарко, то холодно.

И таким образом бедный Март остался опозоренным и ненавидимым своими товарищами.

1.2. Украина

Гуцулы

Жила колись мачуха, вона була дуже погана, якими тільки й бувають мачухи. Але в неї була дочка, і вона всіляко мучила її.

Трапилось одного разу, що баба Євдоха, бо так називалася мачуха, вже в березні послала свою дочку шукати малину. Стара придумала цей наказ, зрозуміло, тільки для того, щоб помучити дівчину.

Коли зажурена дівчина проходила лісом, вона побачила двох подорожніх, які сиділи при вогнищі, а ще була сувора погода. Коли чоловіки побачили дівчину, вони покликали її до себе і запитали, що з нею, чому вона плаче. Дівчина крізь сльози розповіла їм про свою недолу і що мачуха послала її по малину, хоча й знала, що в таку пору малини не знайти.

А тими чужими людьми були Спаситель і святий Петро¹. Вони зглянулися над дитиною, розрадили її та звеліли підняти запаску, в яку чоловіки вкинули кілька жмень розжареного вугілля з їхньої ватри і наказали заодно дівчині не оглядатися за ними, поки не дійде додому.

Дівчина пообіцяла бути слухняною і повернула назад. Коли вона дійшла додому, стара тут же розкричалася, розпитуючи, чи принесла вона малини. «Це я щей сама не знаю», — відповіла дівчина і в той же час подивилася в запаску. Подивилась — а запаска була повна найпрекрасніших ягід. Дівчина понадіялась, що мати вже не буде більше лаяти її.

Тепер стара сама зібралася в дорогу, щоб шукати малинових ягід. Вона зігнала докупити своїх овець і кіз, взяла з комори дванадцять кожухів

---

¹ Согласно другим вариантам, девушка встретила двенадцать месяцев [Кайндль 2000: 117].

і пустилася в дорогу на Чорну Гору. Там вона надіялася знайти багато малини, а також багате пасовище для свого стада.

Але, коли Євдоха вибиралася на гору, там ще панувала люта холоднеча. Тому баба одягла на себе один з кожухів і незабаром їй стало тепло. Тоді охопила її безсоромність, яка вилилася в брудну лайку: «Березню, березню, я тобі в обличчя насе...»¹ Тут же розігралася жадлива негода, лив дощ, а вночі наступив лютий мороз. Євдоха натягала щоденно по одному зі своїх кожухів, але на дванадцятий день в неї вже не залишилося жодного, і вона, врешті-решт, замерзла. Так стара навела на землю, через свою манірність, сувору віхолу, яка тепер повторюється щорічно. Але заледенілий стовп її постаті все ще стоїть і сьогодні на Чорній Горі, і з його підніжжя просочується джерело надзвичайно прохолодної та освіжаючої води.

[Кайндль 2000: 116–118]

Жила когда-то мачеха, она была очень злой, какими только и бывают мачехи. У нее была дочка, и она (мачеха) всячески мучила ее.

Случилось однажды, что баба Евдоха — так звали мачеху — в марте послала свою дочь искать малину. Старуха придумала это поручение, разумеется, только для того, чтобы помучить девушку.

Когда опечаленная девушка шла через лес, она увидела двоих путников, которые сидели у костра, а погода была суровой. Когда мужчины увидели девушку, они подозревали ее к себе и спросили, что с ней, почему она плачет. Девушка сквозь слезы рассказала им о своем несчастье и о том, что мачеха послала ее за малиной, хотя и знала, что в такую пору малины не найти.

А теми чужими людьми были Спаситель и св. Петр. Они сжалились над ребенком (так в тексте. — *Н. Г.*), успокоили ее и велели поднять фартук, в который бросили несколько пригоршней раскаленных углей из своего костра, и наказали девушке не оглядываться на них, пока не дойдет до дома.

Девушка пообещала быть послушной и повернула назад. Когда она дошла до дома, старуха тут же раскричалась, спрашивая, принесла ли она малины. «Этого я еще сама не знаю», — ответила девушка и тут же заглянула в свой фартук. Глянула — а фартук был полон прекраснейших ягод. Девушка надеялась, что мать больше не будет ее ругать.

Теперь старуха сама собралась в дорогу, чтобы искать ягоды малины. Она согнала в стадо своих овец и коз, взяла из кладовой двенадцать кожухов и пустилась в путь на Черную гору. Там она надеялась найти много малины, а также богатое пастбище для своего стада.

Но когда Евдоха поднималась на гору, там еще господствовал лютый холод. Поэтому баба надела на себя один из кожухов, и вскоре ей стало теп-

¹ Вариант: «Марот, марот, серу тобі на рот» [Кайндль 2000: 117].

ло. Тогда охватило ее бесстыдство, которое вылилось в грязное ругательство: «Март, Март, я тебе в лицо нас...» Тут же разыгралась ужасная непогода, лил дождь, а ночью ударил лютой мороз. Евдоха каждый день натягивала по одному из своих кожухов, но на двенадцатый день у нее уже не осталось ни одного, и она, в конце концов, замерзла. Так своей грубостью старуха навела на землю суровую метель, которая теперь повторяется ежегодно. А ее фигура, превратившаяся в ледяной столб, все еще стоит на Черной горе, и из ее подножья пробивается источник необычайно прохладной и освежающей воды.

1.3. Болгария

1.3.1. Русе

Месец март води името си от една жена, баба Марта, която през този месец, мислейки, че е дошла пролета, отишла да си пасе козите в една планина. Свива обаче голям студ и тя става на камък. От този камък после потекло вода, която и досега тече. Понеже името на тази възрастна жена било баба Марта, и месеца взели да наричат «баба Марта».

(записано от архимандрита Евтимия в с. Ново Село, област Русе [Миков 1985: 75])

Месяц март получил свое название по имени одной женщины, бабы Марты. Баба Марта в этом месяце, думая, что наступило теплое время года, отправилась со своими козами в горы. Вскоре снова начались сильные морозы, и баба Марта окаменела. Из камня [в который превратилась Баба Марта] потекла вода, которая течет до сих пор. Поскольку имя этой старой женщины было баба Марта, месяц также стали называть «баба Марта».

1.3.2. Ловеч

Първите три дни от март се наричат *Заёмници*. Според легендата Баба Марта ги взела назаем от брат си Малък Сечко, за да замрази козарката и стадото ѝ в планината. През тези три дни стопаните предсказват какво ще е времето през март, април и май. Ако вали дъжд през първия ден, целият март ще е дъждовен.

(область Ловеч [Попов 1999: 293–320])

Первые три дня марта называют *Заёмници*. Согласно легенде, Баба Марта взяла их взаймы у своего брата Февраля (Малък Сечко), чтобы заморозить пастушку, которая пасла коз, и ее стадо в горах. По этим трем дням хозяева предсказывают, какая будет погода в марте, апреле и мае. Если идет дождь в первый день, весь март будет дождливым.

* * *

Променливото време през март се обяснява с неустойчивия нрав на Баба Марта, която се разсърдила на братята си, че ѝ изпили виното.
(област Ловеч [Попов 1999: 293–320])

Переменчивая погода в марте объясняется неустойчивым характером Бабы Марты, которая рассердилась на своих братьев за то, что они выпили ее вино.

* * *

Марта се сърди, защото на Сечко курът му е къс, а на април — мек.
(с. Голец, община Угърчин, област Ловеч [Попов 1999: 293–320])

Марта сердится, потому что у февраля (Сечко) пенис маленький, а у Апреля (Април) — мягкий.

* * *

Живяла Марта със своите братя далеч в планината. Те носели едно име — Сечко. Само че единият наричали малък, а другият — голям Сечко.

От високата планина те виждали и чували всичко, каквото става по земята. Усмиввала ли се Марта, погалвала и гадинки, и тревички. Стопляла с благата си усмивка, блестяло като златно слънцето, прелитали весело птичките.

Веднъж една млада пъргава невеста подкарала овчиците си в планината, зер топло слънчице огряло, птички се обадили, та тревица, стоката да попасе.

— Не извеждай, булка, ваклушите на паша, рано е! Скоро Сечко си отиде — думал ѝ свекърът.

Преживял е много той и мъдро може да поучи. По слънцето познавал старецът кога ветрове още завейат, по месеца разбирал кога дъжд ще захване, кога град ще бие, кога зла зима ще вилнее.

— Кърпикожусите цъфтят сега, снахо — топло ѝ напомнил старецът. — Това е цвете лъжовно, не прецъфти ли, не му вярвай, кожухчето не сваляй!

— Е, тейко, какво ми ще стори Марта? Тя е жена и зло на жена не може да направи — казала снахата и подбрала овцете и козите нагоре към планината.

Дочула Мата тези думи и тежка мъка ѝ домъчняла. Нищо че е жена, и тя може да покори слънцето Като братята си, и тя има сила бури и хали да посее, и тя знае кога слънчев благодат да прати. Какво от това, че жена ѝ думат!

Не мишло много. Тъмни облаци надвиснали над планината. Ветрове безмилостно забрулили напъпилата гора, леден сняг зашибал, захванала люта зима. Сковала се земята, замлъкнали птиците, секнал ромонът на ручея.

Младата овчарка така и не се върнала вече. Тя останала вкаменена заедно с овчиците си горе в планината.

(с. Черни Осъм, община Троян, област Ловеч
[Йорданова 1988: 46–47])

Жила Марта со своими братьями далеко в горах. Они (братья) носили одно имя — Сечко. Только вот одного называли *Малък* (Малый), а другого — *Голям* (Большой) *Сечко*.

С высокой горы они видели и слышали все, что делается на земле. Если улыбалась Марта — ласкала и зверушек, и травку. Теплело от ее доброй (сладкой) улыбки, блестело, как золотое, солнце, весело порхали птички.

Однажды одна проворная молодка погнала своих овечек в горы, потому что засияло теплое солнышко, птички запели, да и травка годится для выпаса.

— Не выводи, невестка, овец на пастбище, рано! Скоро феврасль (Сечко) уйдет, — говорил ей свекор.

Он много пережил и многому может научить (мудро может наставить). По солнцу узнавал старик, когда подуют ветра, по луне мог понять, когда дождь начнется, когда будет бидь град, когда злая зима начнет свирепствовать.

— Безвременники (зимовники) цветут сейчас, сноха, — ласково напомнил ей старик. — Это цветок лживый, не верь ему, пока не завянет — кожушок не сбрасывай.

— Э, баюшка, что мне сделает Марта. Она женщина, и зла женщине не может причинить, — ответила сноха и погнала овец и коз в горы.

Услыхала Марта эти слова, и тяжкая мука стала ее мучить. Ничего, что она женщина, и она может покорить солнце, как и ее братья, и она в силах сеять бури и вихри, и она знает, когда солнечную благодать послать! Что с того, что ее называют женщиной!

Прошло немного времени. Темные тучи повисли над горой. Ветра безжалостно обрушились на лес, где на деревьях уже набухли почки, пошел холодный снег, началась лютая зима. Застыла земля, замолчали птицы, затих шум ручья.

Молодая пастушка больше так и не вернулась. Она осталась, окаменевшая, вместе со своими овцами, высоко в горах.

1.3.3. Перник

Говорили са, едно време некаква бабичка у Стара Планина откарала кози и рекла: «Айде сега — на први март, нали, — Марта жена, и ѝа жена». Добре, ама тоа Сечко, фефруари, казал на Марта: «Сестро Марто, ѝа ни займи три дена да повеем, та че ти ги врнем». И заемл'ацие. Први март, значи, фтори, трети, четврти са заемл'аци. И узема три дена и като завее снек, стут, и бабата се скочанила, и кучето и козите. И расправ'а: у Стара Планина имало бабата, тука у Българииа, бабата, кучето и козите, и ри помочо ѝу, вика, вода тече, чешма. Е, като чешма са го направили.

(с. Кралев-Дол, община Перник, област Перник
[Трефилова 2006: 228–276])

Говорили, когда-то одна старуха выгнала коз пастись в Стара-Планине первого марта, сказав: «Я — женщина, и Марта — женщина». Все бы хорошо, да Сечко, февраль, сказал Марте: «Сестра Марта, одолжи мне три дня повеять, я тебе их верну». И (поэтому эти дни называются) «заемляци». И взял три дня, и, когда замело снегом, мороз, бабка окоченела, и собака, и козы. И говорят: в Стара-Планине жила бабка, здесь, в Болгарии, собака и козы, и от отго, что она обмочилась, говорят, течет чешма. Ну, чешмой сделалось.

(перевод О.В. Трефиловой)

Заемо су правили, заем е правил дедо Сечко у бабу Марту. Тия три дьна така викаю, от тия три дьна кога дойду за бабу Марту ги даваю.

(с. Глоговица, община Трън, област Перник
[Узенева 2004б: 298–353])

Заем делали, займы брал дед Февраль у бабы Марты. Эти три дня так называют, эти три дня, когда они придут, он их бабе Марте отдает.

(перевод Е.С. Узеновой)

1.3.4. Кюстендил

На «Сечкоте» дните бил по-малко на брой от тия на сестра му Марта. И кога дошла Марта, човеците се поотпуснали — няма вече да има студ. Една баба изкарала на паша малкото си стадо от овци и кози и рекла: «Тръш бабини овчици и козици, не бойте се от Сечкоте, язе че му серем у брадата». Дочул я Сечко и се разсърдил много. Отишел при сестра си Марта и ѝ рекъл: «Сестро Марто, дай ми два-три дена у заем, та да скончам бабата, що пасе овци и кози!» Тя му дала три дни и като захванала една фъртуна, едн студ — махни брате! Скончил бабата и овците, и козите, та се станали на каменье — така си е и до днеска.

(Кюстендилская котловина [Захариев 1963: 387])

У Сечко (Февраля) было меньшее число дней, чем у его сестры Марты. И когда пришла Марта, люди расслабились — больше не будет морозов. Одна старуха вывела на пастбище свое маленькое стадо овец и коз и сказала: «Трыш бабины овечки и козочки, не бойтесь Сечко, потому что я ему на...у в бороду». Услышал это Сечко и очень рассердился. Пошел к своей сестре Марте и сказал: «Сестра Марта, дай мне два-три дня займы, чтобы я покончил со старухой, которая пасет овец и коз». Она дала ему три дня, и как началась буря, холод — брось, брат! Прикончил он и старуху, и овец, и коз, и они превратились в камни — и так стоят до сего дня.

1.3.5. Благоевград

Согласно поверьям, февраль (*Сечко*) взял займы у марта (Бабы Марты) три дня, а когда вернул, они оказались очень холодными. Известна легенда о бабе, которая отправилась пасти в этот день коз в горы, сказав, что «она на...ла на бороду Сечко и на платок Бабе Марте», и из-за внезапного холода замерзла там. От них остались три скалы: белая и черная — от коз, а третья — от бабы.

(с. Гега, община Петрич, область Благоевград
[Узенева 2001: 127–151])

* * *

Существует поверье о трех плохих старухах (*лошите баби*), взявших у февраля (*Сечко*) займы три дня, во время которых всегда плохая погода. Трех дней им оказалось мало, февраль дал им еще четыре дня, и стало семь старух.

(с. Гега, община Петрич, область Благоевград
[Узенева 2001: 127–151])

Защо през март е още студено

Баба Марта ... адно време, начи, във малкия месец е било убаво времето, стоплило са. И баба Марта, тя била Марта, кòзите пàсла де, жена... (Ма не баба Марта, друга адна баба).

Времето убаво, топличко, убаво. Няя кòзи стàнали едни... ярета, де, родѝли веке, и тя:

— Е-хе-ей! — казва. — Щом, — каа, — малкия месец — Малк̀н кае — излязе убав, па на баба Марта, — кае, — да ù са п̀кна в кр̀пата, тя а, — казва, — нищо. Още по-топло ше е, — казва.

И пуснала кòзите там отгòръ в Пир̀на да пасат. Като удàря един студ, и сняг залетяло, и я вкамен̀ло там. Там стàнала камен, и кòзите и сичко. Там остàнало камен. Та щом още Марта а е студено времето. Април като дое, тога е веке топло.

(область Благоевград [Народна проза 1985: 369])

Почему в марте еще холодно

Баба Марта... Когда-то, значит, в маленьком месяце [феврале] была хорошая погода, потеплело. И баба Марта, она была Марта, коз пасла, женщина. (Э, нет, не баба Марта, какая-то другая баба.)

Погода хорошая, тепленькая, хорошая. Те козы козлят родили уже, и она:

— Е-хе-ей! — говорит. — Если уж, — говорит, — маленький месяц — Малкун — выдался погожим, а бабе Марте, — говорит, — я помочусь в платок, она, — говорит — ничто. Еще теплее будет, — говорит.

И выпустила коз там на вершине Пирина пастись. Как ударил мороз и снег пошел, и она окаменела там. Там она стала камнем с козами вместе. Там остался камень. ...в марте еще холодная погода. Как придет апрель, тогда уже тепло.

Защо Баба Марта ту плаче, ту се смее

Имало едно време... веке тримата — Голем Сечко и Малък Сечко, и си имали и една сестра — се казвала Баба Марта. Имали си лозè тримата и си гледали лозето. Дошло време, обрала гроздето и си направили три бъчви вино. Добре ама веке братята чашка по чашка, сека вечер си пийнували и изпили си техното вино. Добре ама като почна̀ли да... тя, баба Марта, не е знаяла тва нещо, тия чашка по чашка и от нийното вино, почна̀ли нийното вино. Чашка по чашка, изпили и нийното вино. И дошло веке време баба Марта като ù влезъл месеца, и тя веке иска̀ла да почерпи, отишла да потърси от виното. Потърсѝла да види и нийната бъчва дали седи виното, не е имало вино вече, испили го братята ù. Тя вече се разфучала, разцѝкала, ки веки разфучала се, ке ù са изпили братята виното. Ту веке се засмее, ту веке заплаче за виното. И най-сетне па каза̀ла: «Най сетне па го са изпили, моите братя го са изпили. Що ке праиме веке». Затва Марта ту се смее, ту плаче.

[Народна проза 1985: 369]

Почему баба Марта то плачет, то смеется

Когда-то... уже трое — Большой Сечко (Январь), Малый Сечко (Февраль), и была у них сестра — она звалась Баба Марта. Были у всех троих виноградники, и они ухаживали за своими виноградниками. Пришло время, собрали они виноград и сделали три бочки вина. Хорошо, только братья стакан за стаканом каждый вечер пили и выпили свое вино. Хорошо, но как начали... она, баба Марта, не знала ничего этого, они стакан за стаканом и ее вино, начали [пить] ее вино. И подошло уже время, баба Марта, как пришел ее месяц, она уже хотела выпить, пошла искать вино. Заглянула в свою бочку — есть ли там вино, [а] вина уже не было, его выпили ее братья. Она уж расфыркалась, раскричалась, разбушевлась, что выпили бра-

тя е вино. То засмеет се, то заплачет о вино. И в конце концов она сказала: «В конце концов его выпили, мои братья его выпили. Что теперь делать». Поэтому баба Марта то смеется, то плачет.

[Народна проза 1985: 369]

Баба Марта, братята и майка им

Баба Марта имала единнаасе братя, като секи ги знае де: януари, февруари — сичките. Добре ма тя си скрила една бачва вино. И тя, за да се запаси, скрила си. Тея се нанизали тоа пийне сега, оне пийне утре, тоа пийне сега — изпили ъ виното.

Заплакала баба Марта, че ъ са изпили винцето. Заплакала — заросило даж от нийните съззи. И се сетила па, и рекла: «Ха. Та кат го са изпили, моите братя са го изпили, не са го изпили чужди хора». И се засмела.

[Народна проза 1985: 369]

Баба Марта, братя и их мать

У бабы Марты было одиннадцать братьев, которых всякий знает (как всем известно): январь, февраль — все [месяцы]. Ладно, и она спрятала для себя один бочонок вина. И она, чтобы сохранить про запас, спрятала. Они стали пить по очереди — один выпьет сейчас, другой выпьет завтра, третий выпьет сейчас — выпили ее вино.

Заплакала баба Марта, что выпили ее вино. Заплакала — дождь начался от ее слез. И вспомнила и сказала: «Ха. Если его выпили, мои братья его выпили, его не выпили чужие люди». И засмеялась.

1.3.6. Нелокализованные болгарские тексты

Баба Марта имала 11 братя, които не винаги са ѝ давали зестра и имот, и затова тя се начумервала или пък се засмивала и времето било слънчево.

[Миков 1985: 76]

У Бабы Марты было одиннадцать братьев, которые то отказывались, то соглашались выделить ей ее часть семейного имущества и приданое, и поэтому она то хмурилась, то смеялась, и тогда погода была солнечной.

* * *

Баба Марта имала двама мъже, едина обичала, а другия мразела. Та кога видела този когото обичала — засмивала се, кога видела този когото мрази — разлютявала се и плачела, ставали веялици и валило дъжд. Баба Марта кога се разсърди била много люта.

[Миков 1985: 76]

У Бабы Марты было два мужа, одного из них она любила, а другого — ненавидела. И когда она видела того, которого любила, — смеялась, когда же видела того, которого ненавидела, — злилась и плакала, начинались метели и лил дождь. Баба Марта, когда рассердится, была очень сурова.

* * *

Когда-то, очень давно, когда дней у бабушки Марты было двадцать восемь, в одном уютном сельце, приютившемся у отрогов гор, жила вредная бабка с двумя белыми козочками. В последний день месяца пригрело солнце и бабка вывела на пригорок козочек побегать под солнышком и пощипать молодых побегов. Но была она вредная и не упустила посмеяться над бабой Мартой, что время ее ушло, и крикнула: «Марта-партга, кыш, кыш, а я вывела козочек прогуляться... э-эй!»

Рассердилась баба Марта, но время ее и в самом деле было на исходе. Полетела она к своему братцу Февралю и попросила его дать ей займы три дня из своих. Что делать братцу, подарил сестренке три дня. Как разгулялась Марта, подул злой ветер и сковал льдом всю землю. Окоченела бабка с двумя козочками. С тех пор баба Марта стала на три дня больше, а народ почитает эти дни, не работает в поле, чтобы не рассердить старуху, не то уничтожит урожай. В некоторых селах называют эти дни еще «заемными» и тогда сажают фасоль возле дома, потому что тогда она становится вкуснее. Если погода стоит ясная и теплая, тогда люди знают, что коконы шелкопряда будут прочными и много их будет. Если облачно и дождливо, коконы будут непрочные, а урожай фруктов — плохой.

[Ников 2004: 34]

1.4. Македония

1.4.1. Велес

Три первых дня марта именуются «три ба́би». Если погода в один из этих дней была теплой, говорили, что эта «баба» — более молодая, более красивая (*по́млада ба́ба, по́арна ба́ба*). В целом же считаются самыми плохими по погоде весенними днями. Согласно легенде, какая-то старая баба в теплый мартовский день вывела свою отару на пастбище и издевалась над месяцем Февралем, дразнила его: «...прдни, Сечко, на брадина!» Злая баба («есть три дня и три бабы») рассердилась («Ты меня еще узнаешь!»). Тут же посыпал снег, заморозило и овец, и бабу-насмешницу, цедившую молоко в ведро. Три первых дня марта — это дни февраля (*сечкини денови*), внезапно может быть очень плохая погода. Марта взяла займы у февраля три дня — «Сечко» попросил ее взять их займы, чтобы наказать за оскорбление тех, кто вышел на пастбище. До сих пор можно увидеть камень в облике замерзшей бабы.

(с. Теово, район Велеса [Плотникова 2006а: 192–227])

1.4.2. Струга Бабини дни

Последни-те дни отъ Марта се викаетъ бабини дни, кои обикновено сѣтъ студени, и ветарливи. Тіе дни се зедени отъ Априля ево како. Една стара жена по излегвение-то отъ Марта, како виде, че време-то беше топло и много хубаво, рече: «Циц козица на планина, прдни Марту на брадина»; и си излезе со кози-те на планина. На Марта падна тешко да се презиратъ отъ една баба, и рече на Априля: «Априле, лиле, мой побратиме, придай ми три дни да згрубам баба». Априль му даде; и захвати таков студ, лапавици и ветрища, що баба-та со 'се кози замрзнала. И денеска, велеть, стоятъ каменообразни баба-та и кози-те на Шаръ планина.

[Миладинови 1981: 523–524]

Бабины дни

Последние дни марта называются *бабины дни*, они обычно холодные и ветреные. Эти дни заняты у апреля, вот как. Одна старая женщина, обманутая Мартом, увидев, что погода теплая и хорошая, сказала: «Иди, козочка, на гору, п...ни Марту на бороду»; и вышла с козами в горы. Марту было тяжело вынести презрение старухи, и он сказал Апрелью: «*Априле, лиле*, мой побратим, добавь мне три дня, чтобы погубить старуху». Апрель ему дал [дни], и начался такой мороз, метели и ветра, что старуха со всеми козами замерзла. И сегодня, говорят, стоят окаменевшие старуха и козы на Шар-планине.

1.5. Сербия

1.5.1. Валевский край

Неку бабу завејало са козама и јарима. Она каже, баба је рекла: «ја сам поранила марту на срамоту», и дуне ветар и снег, јака олуја и бабу и јариће и козе завеја снег.

(с. Ставе, Валевский край, западна Сербия
[Якушкина 2006: 299–323])

Одну старуху занесло снегом с козами и козлятами. Она сказала: «Јазло марту појду пасти скот раньше». Подул ветер, пошел снег, началась сильная буря, и старуху с козами и козлятами занесло снегом.

(перевод Е.И. Якушкиной)

* * *

Бабини укуви кад ти време се мења, час сунце, час снег. То ти је у марту. То се зове бабини укуви у марту и мученица Дока каже до подне се мучила од подне се потурчила.

(с. Ставе, Валевский край, западна Сербия
[Якушкина 2006: 299–323])

«Бабини укови» (старухины порывы ветра. — Н. Г.) — это когда погода меняется, то солнце, то снег. Это называется «бабини укови» в марте, и мученица Дока, говорит, до полудня мучилась, а от полудня отучилась. (перевод Е.И. Якушкиной)

1.5.2. Нелокализованный сербский текст

Бабини козлићи

Оно вријеме кад на свршетку марта или у почетку априлија удари снијег или цигани. Приповиједају да је некаква баба истјерала јариће у планину, па дунуо сјевер, а она рекла: «Прц, Марцу, не бојим те се: моји јаричићи петорошчићи». На то се расрди Март, па узајмивши у Февруарија неколико дана, навали са снијегом и с мразом, те се смрзне и окамени и баба и њезини јарићи. Кажу да се и данас може видјети у некаквој планини (гдје се то догодило) оно камење што је постало од бабе и од јарића: баба стоји у сриједи и јарићи око ње.

[Караџић 1964: 28–29]

Старухины козлята

Бывает, что где-то в конце марта или в начале апреля повалит снег или «цыгане» (снег с дождем). Рассказывают, что одна старуха погнала козлят в горы, подул северный ветер, а она сказала: «Прц, Марцу, не бојим те се: моји јаричићи петорошчићи» («Прц, Март, не боюсь тебя: мои козлята пятирогие»), Март рассердился на это и, заняв у Февраля несколько дней, нагнал снега и мороза, так что замерзли и окаменели и старуха, и ее козлята. Говорят, что и сегодня еще можно увидеть на какой-то горе (где это произошло) камни, которые остались от старухи и от козлят: старуха стоит в середине, а козлята — вокруг нее.

1.6. Албания

Некие старуха и старик (*q`aka`edhe q`aku*) недооценили зиму и отправились с пастухом и со скотом на высокогорное пастбище. Стариков обманула «новая зелень» (*m`ugjulli i njo m*), высокая трава, которая появилась за десять дней до Дня весны.

Старуха, выйдя на вершину горы в первый день, сказала: “*H`ipa n`m`aje t`m`a lit, e pr`esha buz n e m`arsit, vet jam e bar`it e gjas i ka m`*” («Я поднялась на вершину горы и перешла границу марта, я сама, и у меня есть пастухи и овцы»). (Существует также вариант, согласно которому старуха со стариком на пастбище насмеялись над апрелем: “*H`ipa n`buz t`m`arsit, pj`erdha pr`illin`*”...)

Март, время которого (то есть последний день) заканчивалось, попросил у Апреля два дня в долг: “*O prell, or vlla, a po m`jep nja di dit uh`a, se ne*

njφ e ka m vet, `ene ta bφj q `akën si di vet!» («О, Апрель, брат мой, дай мне два дня в долг, потому что третий день у меня самого есть, чтобы я смог сделать со старухой, что сам знаю!»).

Апрель подарил марту два дня, начался снег и северный ветер, которые продолжались в течение трех дней и от которых негде было спрятаться. Старуха, старик, пастух, конь и собаки превратились в белые глыбы (*gjur t'ba rdh*), которые до сих пор остались на этом месте.

В селе Мухурр «старухами» называют три холодных дня весны, последний день марта и два первых дня апреля (*trej dit jan q `aka*). Полагают, что и по настоящее время в эти дни обязательно бывает ненастье.

Там же, в Мухурре, бытует другая легенда, согласно которой птица *mllenj* в конце марта решила, что зима прошла, и вывела птенцов раньше других птиц. Однако внезапно пошел снег, дождь, начал дуть сильный ветер, ненастье продолжалось три дня, и господь заморозил птенцов.

(с. Мухурр, краина Дибра, р-н Пешкопия, Албания, албанский среднегегский говор [Юллы, Соболев 2003: 422])

1.7. Греция

1.7.1. Греческая Македония

Некая старуха (*Μπάμπω, Babo*) в первые теплые дни марта поднялась в горы со своими козами. Внезапно погода изменилась, поднялся ветер и выпал снег. Старуха со своими козами погибла, а на другой день наступила летняя жара. От трупов коз и старухи, вздувшихся от жары, исходило зловоние, и отсюда произошло название этого коварного и непредсказуемого месяца — *ου πρoύτς Μάρτς* («пшик-март», «пук-март», «март-п...н»).

(с. Эратира, округ Козани, западная часть греческой Македонии, северная Греция [Зайковская, Зайковский 2001: 152–181])

* * *

У Марта две жены: одна — добрая, с открытым сердцем и смешливая, а другая — хмурая и сердитая. Когда приходит Март к смешливой, и погода тогда смеется, а вот когда обратно приходит к хмурой жене — погода портится.

(Греческая Македония [Πολίτου 1965: 620. Цит. по: Чёха 2009: 53–61])

1.7.2. Эпир

Бабо

По дороге в Янину, в половине часа пути от Арты, рядом с тремя деревнями — Богородицы, Морати и Старока, есть место, которое называют «Бабо». Там лежит груда камней, похожих на овец и коз, а посередине боль-

шой камень, в котором видят женщину с подошником на голове, с прялкой и веретенами.

Эта старуха пасла своих овец в том месте, и всю зиму с ними хорошо управлялась, и никакой беды с ними не приключилось. И когда заканчивался март, она, пританцовывая, сказала: «К твоему стыду, старик март, справилась я с барашками и козами». Марту это не понравилось, и в оставшиеся три дня он напустил сильный холод, который заморозил и старуху, и овец, превратив их в камни, каковыми они и остаются до сих пор. Поэтому три последние дня в марте называются бабьими, то есть старухиными.

(Арта [Πολίτου 1965: 306]. Перевод О.В. Чёха)

1.7.3. Пелопоннес

Женился март и взял себе жену, которая со спины казалась красавицей, но с лица — Бог ты мой! Оттого, когда он смотрит на нее сзади, то радуется и смеется, и погода в это время проясняется, а когда же он видит ее лицо, то плачет и погода портится.

(Мессения [Πολίτου 1965: 620. Цит. по: Чёха 2009: 53–61])

Окаменевшая старуха

Одна старуха-пастушка перенесла много тягот зимой, и когда заканчивался март, которого из всех месяцев она боялась больше всех, то она не смогла удержаться, чтобы не крикнуть от радости в последний день: «Вонючка Март! Перезимовали мои козочки!» Март страшно рассердился из-за того, что оскорбила его старуха, и одолжил взаимы один день у Февраля (поэтому того теперь называют хромым, хромым февралем, который на один день короче всех других месяцев). Устроил в этот день глубокую зиму и заставил старуху забраться под медный котел, чтобы не задохнуться. И на том месте она окаменела, а с нею и все ее козы. И сегодня еще на горе, над Франковрисо, можно увидеть и котел старухин, и ее коз.

(Аркадия (Пелопоннес) [Πολίτου 1965: 298]. Перевод О.В. Чёха)

1.7.4. Аттика

У Марта две жены: одна — красивая и бедная, а другая — уродливая и очень богатая. Спит Март между ними, положив одну жену с одной стороны, а другую — с другой. Когда он поворачивается к уродине, то хмурится и мрачнеет, и весь мир тогда темнеет, а когда поворачивается к красавице, и тогда светло на всем белом свете. Только вот он чаще поворачивается к уродине, потому что она — богачка и кормит его бедную красавицу-жену.

(Афины [Πολίτου 1965: 620. Цит. по: Чёха 2009: 53–61])

1.7.5. О. Тасос Загон Попины

Над ложиной Попины расположен загон Попины. Эта Попина владела стадами коз и овец и большим медным котлом, у которого было двести с чем-то ручек, и вмещал он тысячи ока (мера веса, равная 1280 г) молока. И было у нее двое сыновей (одного из них звали Янис), которые ушли на Святую Гору и стали монахами в монастыре св. Лавры.

Однажды, в конце марта, радовалась она, что прошла зима, и похвалялась, что не нужно больше им бояться за свой скот; но у марта еще оставалось два дня и он на три дня напустил такой холод, снег и мороз, что вся скотина, которая была снаружи, пала. Уцелело только четыре тысячи овец и коз, которых (Попина) успела спрятать. А когда она почувствовала, что и ей самой недолго осталось жить, то закричала высоким голосом, крик этот пересек море, и ее сын в монастыре св. Лавры услышал его. После смерти матери он перевез все, что у нее было, на Святую Гору. И до сих пор там хранится медный котел Попины; и все оливы в Вагья Потамья были ее, а теперь принадлежат монастырю Филофея, которые купил их у Лавры, где монахом был сын Попины.

(о. Тасос [Πολίτου 1965: 305]. Перевод О.В. Чёха)

1.7.6. Киклады

Однажды месяцы порешили найти себе каждый по жене, чтобы не было так одиноко, так темно в их жилище, чтобы было им утешение. Все послали сватов и нашли себе жен, один только Март посмеялся и женился на турчанке. Он слышал, что все турчанки — красавицы, так что женился без разбору. Боже всемогущий, что было вечером, когда его жена откинула паранджу, прикрывающую ее рожу! Март принялся рвать на себе волосы и зарыдал как малый ребенок. Женой его оказалась уродливая беззубая старуха, у которой от старости не осталось на голове ни единого волоса. «Ну, ты, чума, — сердито крикнул он ей, — даже не поворачивайся в мою сторону и не гляди на меня, а то я не выдержу». Но жена его не послушалась, и всякий раз, когда она поворачивается и смотрит на него, Март от злости насылет ветра, дожди и волнует море.

(Кикладские острова [Πολίτου 1965: 620. Цит. по: Чёха 2009: 53–61])

Пастух и март

Один пастух в последний день царствования Марта, который больше был ему не нужен, обругал его и сказал: «...март, я в тебе больше не нуждаюсь!» Март рассердился и взял взаймы два дня у февраля с условием, что он его укоротит, а в следующем году отдаст обратно. На эти два дня весь остров покрылся снегом, все живое и неживое пропало, настоящий конец (досл.

вселенский потоп) света. Когда прошли два взятых взаймы у февраля дня, селяне нашли овец того пастуха, который обозвал март, заледеневшими, а самого пастуха посреди его хижины — окаменелым.

Март не вернул февралю два дня в следующем году, поэтому последнего называют хромым февралем и поэтому март продолжается 31 день.

(о. Сифнос (Кикладский архипелаг) [Πολίτου 1965: 307].
Перевод О.В. Чёха)

1.7.7. Нелокализованные греческие тексты

Старухины дни

Три последних мартовских дня называют старухиными днями, потому что когда-то одна старуха держала зимою овец на равнине, и двадцать восьмого марта (в марте тогда было 28 дней) оставила старуха место зимовки, и тут выпал снег. А старуха сказала: «Стыдись, Март, управилась я зимой с овечками и козочками». Тогда Март разозлился, занял три дня у февраля и завалил все снегом. Старуха перевернула свой котел и спряталась под него, и от большой стужи и котел, и старуха, и скотина превратились в камни, внешне похожие на котел и на скот. И с тех пор в марте 31 день, а в феврале — 28.

([Πολίτου 1965: 299]. Перевод О.В. Чёха)

Старухины дни

Жила однажды старуха, которая держала коз. В марте в то время было 28 дней, а в феврале — 31. Наступил март, и весь месяц было тепло, и старуха на радостях, что хорошо перезимовали козочки, засмеялась и сказала: «Стыдись, батюшка Март, управилась я зимой с овечками и козочками». Как услышал Март эти слова, рассердился, в тот же момент занял три дня у своего соседа-февраля и поднял такую бурю (досл. сирокко), что заставил старуху залезть под котел и кричать оттуда: «Сядь, сядь, сядь», потому что козы прыгали на котел. И старухины козы все передохли из-за бури. С тех пор в марте 31 день, а в феврале — 28.

И из-за того что случилось такое со старухой, три последних мартовских дня называются днями старух, и каждый день называют [именами] старух, каждому дню дают имя женщины из числа самых старых жительниц деревни; если день выдастся хороший, говорят, что и женщина хорошая, в случае же непогоды считают плохой (женщину, давшую свое имя дню).

([Πολίτου 1965: 301]. Перевод О.В. Чёха)

Утес старухи

Жила однажды бедная старуха с тремя козами, которых она в одиночку всегда выгоняла пастись на одно место, тут рядом, которое мы сейчас

зовем «прыжком старухи». И вот, когда почти закончился март, в последний мартовский день, а она сильно намучилась за этот месяц, начала она его ругать и бранить. Рассердился и март и попросил своего соседа-апреля одолжить ему три дня, чтобы проучить старуху. Апрель дал ему три дня, и март напустил такого холода, что старуха с козочками замерзла на месте. ([Πολίτου 1965: 302]. Перевод О.В. Чёха)

1.7.8. Греческие варианты, зафиксированные за пределами Греции

У Марта две жены: одна очень красивая, но почти нищая, а другая — уродливая, но очень богатая. Когда он поворачивается к красивой жене, погода стоит прекрасная, а вот когда повернется к уродливой, тогда погода хмурая.

(Константинополь [Πολίτου 1965: 620. Цит. по: Чёха 2009: 53–61])

Козы и сыр старухи

Много лет прошло с тех пор, как в горах одиноко жила одна старуха, у которой было бесчисленное количество стад коз: из козьего молока она делала столько сыра, что когда складывала его на берегу для погрузки на корабль, то получилась целая гора!

Однажды март выдался очень холодным, множество скотины на острове пало и только старухины козы совсем не пострадали. Поэтому она, похвываясь, сказала марту: «Март, пришел ты и ушел, а козочек моих не смог заморозить!» Рассердился март, занял два дня у февраля и напустил такого холода и мороза, что у старухи передохли все козы. Но она успела под котлом, в котором готовила сыр, укрыть тысячу, тысячу лобастых (бодливых) и тысячу рогатых коз. Так только эти три тысячи коз спаслись. А февраль, с тех пор как одолжил марту два дня, охромел, и теперь в нем только 28 дней.

Когда наступила хорошая погода, старуха Дракена, разгневанная произошедшим, поставила сыры, оставшиеся на берегу для погрузки, один на другой, и взобралась вверх... и напугала Бога! И Бог ее проклял, превратил в камень и ее, и сыры. До сих пор существует скала, которую называют «старухины сыры». И до какого-то времени стояла на вершине старуха... А старухины козы разбрелись и одичали, так что все дикие козы, которые живут сегодня на Имбросе и на Самофракии, все они от коз той старухи. В то время Имброс и Самофракия были одним островом, только потом разделились.

(о. Имброс (Гёкчеада), Турция [Πολίτου 1965: 303].
Перевод О.В. Чёха)

* * *

У Марта жена — писаная красавица, но хромая. Вот когда она сидит, Март любит ее красотой, радуется и улыбается, тогда солнце делается

яркое, мартовское солнце. А вот когда она стоит или прохаживается, тогда Март хмурится, потому что видит ее изъян.

(Понт [Polítou 1965: 620. Цит. по: Чёха 2009: 53–61])

1.8. Италия

1.8.1. Сицилия

Жила-была одна старуха, которая, увидев, что март заканчивается, плюнула ему вслед, сказав: “*Fuori! Marzo cane!*” («Вон! Март-собака!»). Задетый таким оскорблением, Март поклялся отомстить ей. И что же он сделал? Он направился к Апрелью и сказал: “*Aprile, vuoi tu farmi un favore? Prestami tre giorni dei tuoi, affinche io possa far morire questa vecchia*”. («Апрель, не окажешь ли ты мне милость? Одолжи мне три дня из своих, чтобы я мог погубить эту старуху».) «Возьми их!» — ответил Апрель, и Март их взял.

У этой старухи было стадо овец, и она давно не выгоняла их на пастбище, поскольку зима была суровая. 1 апреля, увидев, что день погожий, она выпустила овец из кошары и погнала их на луг, скажем, на гору Пеллегрино. Но вдруг появилась туча, которая становилась все больше и больше, пока все небо вдруг не стало черным, как мазут (колесная мазь). Старуха бросилась собирать овец, чтобы отвести их обратно в кошару. Но небо вдруг разверзлось и начался дождь, как во время потопа. Старуха хотела бежать, но пошел такой сильный град, что через четверть часа старуха и овцы были мертвы и погребены под снегом(?). Март, громко смеясь, кричал: “*E questo è Marzo cane!*” («Вот тебе и Март-собака!»).

(Палермо, Сицилия [Șăineanu 1896: 1–45])

* * *

Жила-была одна старуха, которая хотела выйти замуж за какого-нибудь красивого парня. Однажды приходит к ней март и говорит: «Хочешь выйти замуж? Если хочешь выйти за меня, спи эту ночь на кирпичах, а завтра мы с тобой поженимся!» Она, обрадовавшись, сказала, что согласна. Вечером старуха отправилась спать на указанное место, говоря:

Pi stasira comu fazzu fazzu,	Сегодня вечером сделаю, что могу,
Dumani assira c’u beddu picciottu m’abbrazu!	Завтра вечером буду целоваться с красивым парнем!

Что же сделал Март? Он позвал Апрель и сказал ему:

Aprili, aprili,	Апрель, Апрель,
’Mprestami un jornu di li toi gurdiri	Одолжи мне один день из твоих увеселений (?),
Quantu asta vecchia la fazzu muriri!	Чтобы я мог погубить эту старуху!

Апрель одолжил ему день, и Март погубил старуху, сказав: “*Marzu scorcia la vecchia 'nta la jazzu*” («Март обдерет старуху на лежанке»).

1.8.2. Сардиния

“Finalmente sei terminato, o mese di gennaio, che mi avevi minacciato di morirmi il gregge colla neve, ora non temo a te, ma a febbraio” — prov. che i pastori dicono l’ultimo giorno di gennaio. E da notarsi che le greggie essendo in Sardegna erranti sono molto massacrate dalla neve. Risponde gennaio:

Prestami duas dies
qui ti las hap’ a torrare
quando des benner innanti.

(Prestame due giorni che ve le restituirò quando verrete prima di me.)
Perciò dicono il mese di febbraio ha due giorni di meno, rimasto col *tòpigone*, cioè colla zoppina. Storiella che raccontano i pastori.

[Spano 1871. Цит. по: Papahagi 1979: 326]

«Наконец ты закончился, месяц январь, что угрожал погубить мое стадо снегом, теперь я не боюсь тебя, а боюсь февраля» — поговорка, которую пастухи говорят в последний день января. Следует отметить, что кочующие стада, которые были в Сардинии, очень страдали от снега. Отвечил январь:

Одолжите мне два дня
Которые я верну,
Когда Вы будете передо мной.

Поэтому, говорят, месяц февраль имеет на два дня меньше (и) остался с *tòpigone*, то есть с хромотой. История, которую рассказывают пастухи.

1.8.3. Аbruццо I giorni della vecchia

La vecchierella beffeggiava marzo dicendo:

*Marzo, mio marzetto,
L’agnello mio ha messo già il cornetto.*

E voleva dire che l’agnello era cresciuto e non aveva più paura dei freddi. Marzo però rispose:

*Ma se, ci ritorno,
Tutto, lo disadorno,*

Циòè: се пролунго i miei freddi, l’agnello tuo, perde i cornetti di cui si adorna e, insomma, addio bestiame e campagna!

La vecchierella non temè la minaccia di marzo, perché pensava fra di sé: — Domani entra aprile e comincia la stagione dei fiori e la mia bestia non deve più temere niente. E seguitava a schernire marzo:

*Marzo, mio marzetto,
L'agnello mio ha messo già il cornetto.*

Marzo, non potendone più, disse ad aprile: — Vorrei continuare il mio mese: prestami tre giorni. — E aprile: — Prenditene anche sei! — Marzo si prese quei sei giorni, continuò a mandare freddo, e il tenero agnello si morì.

*La lingua non ha osso,
ma fa rompere il dosso.*

[Contes 2006: 178–188].

Дни старухи

Одна маленькая старушка высмеивала Март, говоря:

Marzo, mio marzetto, L'agnello mio ha messo già il cornetto.	Март, мой маленький март, Мой ягненок уже выпустил свои маленькие рожки.
--	--

Она хотела сказать, что ягненок уже подросток и что ему больше не страшен холод. Однако Март ответил ей:

Ma se, ci ritorno, Tutto, lo disadorno,	Но если я вернусь, Я лишу его всех украшений (?).
--	--

То есть: если я продлю свои холода, твой ягненок потеряет рожки, которыми он украшен, и прощай (весь) скот в деревне! Старушка не испугалась угрозы Марта, потому что думала про себя:

— Завтра придет апрель и начнется сезон цветов, и мое животное больше не должно ничего бояться.

И она продолжала дразнить Март:

Marzo, mio marzetto, L'agnello mio ha messo già il cornetto	Март, мой маленький март, Мой ягненок уже выпустил свои маленькие рожки.
---	--

Март, который не мог больше (это) терпеть, сказал Апрелью:
— Я хотел бы продлить свой месяц: одолжи мне три дня.

Апрель:

— Бери хоть шесть!

Март взял эти шесть дней, продолжил насыпать холода, и нежный ягненок умер.

La lingua non ha osso,
ma fa rompere il dosso.

Язык без костей,
Но может сломать хребет.

1.8.4. Нелокализованные итальянские тексты

I tre giorni della merla sono considerati, da noi, i giorni più freddi dell'anno. Se sono freddi, la Primavera sarà bella, se sono caldi la Primavera arriverà tardi. Le leggende intorno a questa tradizione sono molte.

— Una volta i merli erano bianchi. Un giorno per il troppo freddo uno entrò in un camino per scaldarsi e ne uscì dopo tre giorni tutto nero per la fuliggine.

— Due merli dalle candide piume, maschio e femmina, si ripararono per il freddo in un camino. Non avendo nulla da mangiare il maschio decise di uscire per cercare qualcosa. Dopo tre giorni tornò e trovando un uccello nero come il carbone, non riconobbe la sua merla e tornò indietro per cercarla. La merla, annerita per la fuliggine, nel frattempo morì di fame.

— Il merlo e la merla si sposano alla fine di gennaio, al paese della sposa, oltre il Po. Dovrebbero riattraversarlo per tornare nella loro casa, ma si è fatto tardi e si fermano per due giorni presso dei parenti. La temperatura si abbassa molto. Merlo è costretto ad attraversare il Po ghiacciato, ma muore. Merla piange ed il suo lamento si sente ancora lungo il Po, nelle notti di fine gennaio.

[URL: <http://www.european-schoolprojects.net/festivals/Italy/Italy1/1%20giorni%20della%20merla.htm>]

* * *

Три дня дрозда считаются у нас самыми холодными днями в году. Если они холодные, весна будет прекрасной, если они теплые, весна придет поздно. Вокруг этой традиции много легенд.

— Когда-то дрозды были белыми. В один прекрасный день было очень холодно, и один (дрозд) забрался в камин, чтобы согреться, и вылез через три дня весь черный от копоти.

— Два дрозда с белыми перьями, самец и самка, укрылись от холода в камине. Поскольку им было нечего есть, самец решил (выбраться), чтобы

что-нибудь найти. Через три дня он вернулся и нашел птицу, черную как уголь, не узнал ее и снова отправился ее искать. Самка дрозда, почерневшая от копоти, тем временем умерла от голода.

— Дрозд и самка дрозда поженились в конце января в стране невесты, по ту сторону реки По. Они должны были вернуться в свой дом, (но) задержались на два дня у родственников. (Тем временем) сильно похолодало. Дрозд был вынужден пересечь замерзшую По и умер. Самка дрозда плачет, и ее крики до сих пор слышны вдоль реки По ночами в конце января.

* * *

Один батрак получил в качестве платы за работу козу с козлом и овцу с бараном, и развел свое стадо. Он всегда был вежлив с братьями-месяцами. Март проходил благополучно, и пастух хвалил его, но в последний день марта началась пурга, и пастух стал ругать март и велел ему убираться. Оскорбленный Март занял три дня у апреля и наслал дождь, град и лихорадку. Стадо пастуха погибло, остались только коза с козлом и овца с бараном.

[Котрелев 1991: 265–266]

1.9. Швейцария

У старухи по имени *Rullion* были коза и козочка. Стоял март. У старухи больше не было сена. Погода была хорошая, трава уже росла. Она сказала Марту: «Хэй, хэй, Март, мои коза и козочка больше не боятся зимы». Март ответил ей: «Три дня марта и три дня апреля заставят сдохнуть твоих козу и козочку!» Затем пошел снег и началась метель, так что бедной старухе пришлось ходить по лесу за еловыми ветками и плющом, чтобы прокормить своих козу и козочку.

[Šäineanu 1896: 1–45]

1.10. Франция

1.10.1. Верхняя Бретань

Pourquoi Février n'a que 28 jours?

Février le doux

Le plus beau ou

Le pis d'entre nous.

Février était très amoureux. Pendant qu'il faisait l'amour, Janvier et Mars lui ont volé chacun leur jour. Grande fut sa colère.

Janvier lui dit:

— Pendant que tu caressais les belles, j'ai rempli d'eau toutes tes douves.

- Cela n'est rien, reedit Février, d'un pet je te sécherai tout cela.
 — D'un autre pet, dit-il à Mars, je t'inonderai.

[Contes 1998: 180–184]

Почему в феврале только 28 дней?

Мягкий февраль

Лучший или

Худший среди нас

Февраль был очень сильно влюблен. Пока он занимался любовью, Январь и Март украли у него каждый по дню. Велик был его гнев.

Январь сказал ему:

— Пока ты ласкал красавиц, я заполнил водой все твои рвы.

— Это ничего, — ответил Февраль, — одним пуком я высушу все это.

— Другим пуком, — сказал он Марту, — я тебя затоплю.

1.10.2. Нижняя Бретань

Pourquoi Février est court

Février était dans sa jeunesse, un joueur forcené: bien qu'il perdît sans cesse, il remuait constamment les dominos. Dépouillé par le jeu de ses meubles les plus précieux, il engagea un jour une importante partie avec ses camarades Janvier et Mars. Ceux-ci lui gagnèrent chacun une partie. N'ayant plus d'enjeu, il leur céda un jour à chacun.

Et voilà pourquoi Janvier et Mars ont trente-et-un jours et que Février n'en a plus que vingt-huit.

[Contes 1998: 180–184]

Почему Февраль короткий

Февраль в молодости был заядлым игроком: хотя он постоянно проигрывал, он постоянно играл в домино. Проиграв свою самую ценную мебель, он назначил на один из дней важную партию со своими товарищами, Январем и Мартом. Они выиграли у него каждый по партии. Поскольку ему было больше нечего поставить на кон, он уступил каждому из них по одному дню.

Вот почему у Января и Марта по тридцать один день, а у Февраля только двадцать восемь.

1.10.3. Пуату

Le mois de janvier

Janvier n'était pas très froid, et il n'était que de vingt-neuf jours; et puis, le dernier jour, toutes espèces de petits oiseaux se moquaient de lui:

— O Janviou, janviou, m'a pas fait rester le crotte au quiou!

Janvier, bien vite, emprunte deux jours de février, ce qui lui faisait trente-et-un jours; et puis, il faut un froid! des gelées! des verglas! que tous les petits oiseaux *lappaient* (se collaient) tous sur les branches. Ils s'en repen-taient, oui, d'avoir voulu se moquer de lui.

[Contes 1998: 180–184]

Месяц январь

(Когда-то) январь был не слишком холодным, и в нем было только двадцать девять дней; но однажды, в последний его день, мелкие птицы всех видов стали насмехаться над ним:

— О Январек, Январек, ты не заставил меня остаться в грязи!

Январь тут же занял два дня у февраля, так что в нем стало тридцать один день, а затем стало холодно! Заморозки! Лед! Так что все мелкие птицы застряли в ветвях (примерзли к ветвям). Они раскаялись, о да, что пытались посмеяться над ним (январем).

1.10.4. Альбре (Гасконь)

La merlesse et Février

La merlesse dit à Février:

— Février, Février, tu es passé je ne t'ai pas vu; j'ai les petits dans le hallier qui sont gras comme la pâte! Houiste, houaste! Et elle s'envola.

Février ne dit rien, mais il emprunta trois jours à Mars: il plut, il y eut des giboulées, il grésilla; le temps tua tous les petits merles; la merlesse il la laissa déplumée, la tête enfoncée dans une taupinière, le derrière pelé, toute froissée.

Février n'a jamais oublié le compliment. Depuis, tous les ans il emprunte trois jours au mois de Mars qui les lui prête pour faire des misères à la pauvre merlesse. Elle se fait toujours de bonnes idées: «Peut-être que Février n'y pèse plus!» Et la première de toutes elle fait son nid, et toujours Février la trahit.

[Contes 1998: 180–184]

Самка дрозда и Февраль

Самка дрозда сказала Февралю:

— Февраль, Февраль, ты прошел, (а) я тебя не видела; у меня в чаще малыши, толстые, как тесто! Уист, уаст! — И она улетела.

Февраль ничего не сказал, но занял три дня у Марта: шли дожди, ливни, град; эта погода убила всех птенцов дрозда; самка дрозда осталась ошпанной, головой она забилась в кротовую нору, зад ободран, она вся помята.

Февраль никогда не забывал комплимент. С тех пор каждый год он занимает три дня у Марта, которые тот ему одалживает, чтобы причинить страдания бедной самке дрозда. Она всегда надеется: «Может быть, Февраль больше не будет иметь значения!» И она первой вьет гнездо, и всегда Февраль ее подводит.

1.10.5. Лангедок La ruade de la Vieille

Les paysans du Midi ont remarqué que les trois derniers jours de février et les trois premiers jours de mars amènent presque toujours une recrudescence de froid, et voici comment leur imagination poétique explique ça.

Une vieille gardait une fois ses brebis. C'était à la fin du mois de février, qui, cette année-là, n'avait pas été rigoureux. La Vieille, se croyant échappée à l'hiver, se permit de narguer Février de la manière suivante:

— *Adiéu, Febrié ! Mé ta febrerado*

M'as fa ni péu ni pelado! (Adieu, Février! Avec ta gelée tu ne m'as fait ni peau ni pelée!)

La raillerie de la Vieille courrouce Février, qui va trouver Mars:

— Mars, rends-moi un service!

— Deux, s'il le faut ! répond l'obligeant voisin.

— *Presto léu tres jour, e tres que n'ai,*

Peu e pelado ie ferai! (Prête-moi trois jours, et trois que j'en ai, je lui ferai peaux et pelées).

Aussitôt se leva un temps affreux, le verglas tua l'herbe des champs, toutes les brebis de la Vieille moururent et la Vieille, disent les paysans, regimait *reguignavo*. Depuis lors, cette période tempétueuse porte le nom de *Reguignado de la Vièio*, ruade de la Vieille. Les jours néfastes de la Vache, vulgairement *li Vaqueiriéu*, sont les trois derniers jours de mars et les quatre premiers d'avril, période redoutée des paysans.

Quand la Vieille eut perdu son troupeau de brebis, elle acheta des vaches; et, arrivée sans encombre à la fin du mois de mars, elle dit imprudemment:

— *En escapant de Mars e de Marsèu,*

Ai escapa mi vaco e mi vedèu. (En me sauvant de Mars, j'ai sauvé mes vaches et mes veaux).

Mars, blessé du propos, va sur-le-champ trouver Avril:

— *Abrièu, n'ai plus que tres jour: presto-me-n'en quatre,*

Li vaco de la Vièio faren batre! (Avril, il ne me reste que trois jours, prête-moi quatre; nous ferons périr les vaches de la Vieille.)

Avril consentit au prêt; une tardive et terrible gelée brouit toute végétation, et la pauvre Vieille perdit encore son troupeau.

[Contes 1998: 180–184]

Выходка старухи

Крестьяне юга заметили, что три последних дня февраля и три первых дня марта почти всегда приносят возвращение холодов, и вот как их поэтическое воображение объясняет это.

Однажды одна старуха держала овец. Был конец февраля, который в том году не был слишком суровым. Старуха, думая, что спаслась от зимы, позволила себе насмеяться над Февралем следующим образом:

Adiéu, Febrié! me ta febrerado	Прощай, Февраль! Своими холодами
M'as fa ni réu ni pelado!	Ты не повредил мне ни кожу, ни лысину!
	(Ни шкуру, ни кожу?)

Насмешка старухи рассердила Февраль, который отправился искать Март:
 — Март, сослужи мне службу!
 — Даже две, если нужно! — ответил любезный сосед.

— Presto léu tres jour, e tres que n'ai,	Одолжи мне три дня, и с теми тремя, что
Peu e pelado ie ferai!	у меня есть,
	Я ей устрою кожу и лысину!

Вскоре наступила ужасная погода, лед погубил траву на полях, все овцы старухи умерли, и старуха, говорят крестьяне, брыкалась (упиралась)... С тех пор этот непогожий период носит название “*Reguignado de la Vièio*” («Выходка старухи», «Брыкания старухи»). Непогожие дни горов, в просторечии — *li Vaqueiriéu* (Коровницы) — это три последних дня марта и четыре первых дня апреля, период, которого боятся крестьяне. Когда старуха потеряла свое стадо овец, она купила коров и, дожив без потерь до конца марта, опрометчиво сказала:

Eu escapant de Mars e de Marséu	Спасшись от Марта и Маленького Марта (?),
Ai escapa mi vaca e mi vedéu!	Я спасла свою корову и своих телят!

Март, уязвленный, сразу же отправился искать Апрель:

— Abriéu, n'ai plus que tres jour:	Апрель, у меня осталось всего три дня;
presto-me-n'en quatre,	одолжи мне еще четыре,
Li vaco de la Vièio faren battre!	чтобы я мог погубить корову старухи!

Апрель согласился дать в долг; поздний и ужасный мороз погубил всю растительность, и бедная старуха снова потеряла свое стадо.

1.10.6. Прованс

Однажды одна старуха пасла овец. Это было в конце февраля, который в том году не был холодным. Старуха, думая, что зима ей уже не страшна, прицепилась к Февралю, говоря:

Adiéu, Febrié! me ta febrerado	Прощай, Февраль! Своими холодами
M'as fait ni péu ni pelado!	Ты не повредил мне ни кожу, ни лысину!
	(Ни шкуру, ни кожу?)

Шутка старухи настолько рассердила Февраль, что он отправился к Марту и сказал: «Одолжи мне три дня, и с теми тремя днями, что у меня еще есть, я ей дам и кожу, и лысину(?)». И вдруг наступила ужасная погода: лед покрыл траву в полях и заморозил ее, и все овцы умерли, и старуха изрядно поволновалась. С тех пор эти выюжные дни носят название “*Reguignado de la Viéio*” [«Волнение старухи»].

Потеряв стадо овец, старуха купила коров и, дожив без потерь до конца марта, снова сказала надменно:

Eu escapant de Mars e de Marséu	Спасшись от Марта и маленького Марта(?),
Ai escapa mi vaca e mi vedéu!	Я спасла свою корову и своих телят!

Март, задетый, немедленно отправился к Апрелью и сказал:

— Abriéu, n'ai plus de trei jour;	Апрель, у меня осталось всего три дня;
presta-me n'en quatre,	одолжи мне еще четыре,
Li vaca de la Viéio fareu batre!	чтобы я мог погубить корову старухи!

Апрель дал ему дни, страшный мороз погубил всю траву на пастбище, и бедная старуха снова потеряла стадо. Последние три дня марта и первые четыре дня апреля именуются из-за этого “*li Vaqueriéu*” («Коровницы?»).

[Sáineanu 1896: 1–45.

См. также: Покровская 1977: 30–48]

1.10.7. Корсика Пастух и месяц Март

Жил-был пастух, у которого было столько баранов и овец, сколько песчинок в море. И все же он боялся, как бы ни пропал кто-то из них, и всю зиму молил месяцы быть благосклонными. Те внимали его молитвам и щадили его баранов и овец. Март не посылал ни дождей, ни града, ни какой-либо болезни, которая могла бы погубить стадо. Когда март заканчивался, пастух, который больше не боялся ничего, принялся смеяться и бранить март: «Март, Март, ты, гроза стад, я больше не боюсь тебя! Счастливо оставаться, болезни! Март, Март, идет весна, ты больше не можешь сделать мне ничего плохого!» Рассерженный подобной неблагодарностью, Март отправился к своему брату Апрелью и сказал:

O Aprilu me fratedu,
 Impresta tre di li to di,
 Par puni lu pastureddu
 Li ni vodu fa pinti.

О Апрель, брат мой,
 Одолжи мне три дня из твоих,
 Чтобы наказать пастушка,
 Потому что я хочу, чтобы он раскаялся.

И Апрель, который любил своего брата, дал ему дни взаймы. И тогда Март, пройдя по земле, вмиг собрал ветра, метели и болезни и обрушил их все на несчастное стадо. В первый день умерли бараны и овцы, на второй день — ягнята, а на третий день все погибло.

[Ortoli 1883: 3–5. Цит. по: Şăineanu 1896: 1–45]

1.11. Испания

1.11.1. Каталония

Пережив зиму, одна старуха начала бранить март, велела ему быстрее уходить, и хвасталась, что сберегла зимой все стадо овец. Оскорбленный Март упросил Апреля одолжить ему три дня. Все овцы погибли от холода, а старуха умерла от горя. С тех пор эти дни называют старухиными или одолженными.

[Кустова 1987: 25–30]

1.11.2. Баскония (Эускади)

Однажды, когда месяц Март был особенно суров к пастухам, один из них сказал в сердцах: «Забодай тебя баран». Оскорбленный Март решил отомстить, но был уже полдень 31-го числа. Тогда он обратился к Апрелью с просьбой одолжить ему два с половиной дня и устроил сильную бурю, которая занесла снегом все вокруг. Реки и ручьи вышли из берегов и унесли стадо неосторожного пастуха, который беспомощно наблюдал за происходящим. Увидев, что один баран зацепился за ветку дерева, он стал тащить его к себе, приговаривая: «Хоть тебя-то я спасу». Однако охваченное ужасом животное яростно отбивалось и вдруг, дернув головой, выбило единственный глаз и без того кривого пастуха. Так отомстил за оскорбление разгневанный месяц Март. Вот почему пастухи боятся первых дней апреля, одолженных когда-то Марту.

[Сатрустеги 1990: 34–35]

1.11.3. Андалусия

Un pastor le dijo á marzo que si se portaba bien, le regalaria un borrego. Marzo le prometió hacerlo, y cumplió portándose grandemente. Cuando ya iba saliendo, le pidió el prometido borrego al pastor; pero las ovejas y borregos estaban tan hermosos, que el pastor, considerando que solo quedaban tres dias de

reinado á marzo, se rechifló y no se lo quiso dar. — ¿No quieres? le dijo marzo, pues no tengas cuidado:

*Con tres dias que me quedan
Y tres que me preste mi compadre Abril,
He de poner tus ovejas al parir.*

E hizo por seis dias tan crudo temporal de agua y frio, que se murieron los borregos y las ovejas todas.

[Caballero 1974: 110–115]

Один пастух сказал Марту, что, если тот будет хорошо себя вести, подарит ему ягненка. Март пообещал ему сделать это и выполнил [свое обещание], ведя себя прекрасно. Когда он (Март) уже собирался уйти, он попросил у пастуха обещанного ягненка, но овцы и ягнята были так хороши, что пастух, сочтя, что Марту осталось править всего три дня, стал издеваться над ним и не хотел давать ему [ничего]. «Не хочешь? — сказал ему март. — Потом не кайся».

*С тремя днями, которые у меня еще остались,
И тремя, которые одолжит мне мой кум Апрель,
Я погублю твоих овец!*

И в течение шести дней была такая метель (дождь?) и такой холод, что все ягнята и все овцы погибли.

1.12. Португалия

Иданья-а-Нова

Пастухи просили Март быть милостивым и обещали подарить ему каждый по ягненку. Март выдался теплым. 29-го числа старики хотели подарить ягнят Марту, но молодые сказали, что Март почти закончился, холода уже не наступят, и ничего дарить не надо. Март занял один день у Апреля, и в течение трех дней (двух оставшихся у Марта и одного, взятого взаймы) холодный ветер и дождь погубили стада и уничтожили посевы.

[Шишлова 1971: 196–199]

1.13. Алжир (Кабилля)

Pourquoi le mois de janvier a 31 jours?

L'emprunt de la chèvre

Cette légende s'est déroulée sur les hautes montagnes de Kabylie au temps où les animaux étaient dotés de la parole. C'est l'histoire d'une chèvre zélée qui se serait moquée du mois de janvier et l'aurait nargué à la fin de sa dernière journée, c'est-à-dire le 30, en lui faisant remarquer qu'il était parti de façon anonyme et banale sans froid ni neige abondante comme il était censé le faire. Elle lui aurait dit ceci: "*Tozz deg tit-ik a eemmi yennayer! C'est — à-dire: reçois*

un grand pet en plein œil qui crèvera, cousin janvier! Fini le froid, fini la faim, c'est bientôt le printemps!" Touché dans son amour propre et se sentant offensé et sa réputation du mois rigoureux est froid en a pris un sacré coup, le mois de janvier a décidé de punir l'insolent caprin. Avant de laisser place au mois de février, il était allé le voir séance tenante et lui aurait emprunté une journée supplémentaire qu'il programma à dessein pluvieuse et neigeuse à souhait. Cette journée supplémentaire à caractère punitif a eu effectivement raison de la ténacité de la pauvre chèvre. Celle-ci mourut de froid et de faim le lendemain. Depuis, nous appelons cette journée du 31 janvier, le prêt de la chèvre qui se caractérise par la neige, le vent et la pluie!

[Contes 2010]

Почему в январе 31 день?

Заем козы

(Действие) этой легенды разворачивалось в высоких горах Кабилии в те времена, когда животные были наделены даром речи. Это история одной ревнивой (?) козы, которая смеялась и издевалась над январем в конце его последнего, то есть тридцатого, дня, указывая на то, что он прошел банально, без положенных холодов и снегопадов. Она сказала ему следующее: "*Tozz deg tit-ik a eemmi yennayer!*" (*reçois un grand pet en plein œil qui crèvera*). То есть: «Получи большой пук прямо в глаз, который лопнет, братец Январь! Закончился холод, закончился голод, уже почти весна!» Задетый за живое и чувствуя себя оскорбленным, и его репутация сурового месяца — холод... святое дело, месяц Январь решил наказать наглуемую козу. Перед тем как освободить место для февраля, он пошел, чтобы увидеться с ним и позаимствовать лишний день, который он намеренно сделал дождливым и снежным. Этот дополнительный день имеет карательный характер из-за упрямства бедной козы. Последняя погибла от холода и голода на следующий день. С тех пор мы зовем день 31 января, который обычно бывает снежным, ветреным и дождливым, «заем козы» ("le prêt de la chèvre").

* * *

Когда-то растения, камни, земля, вода разговаривали, и люди понимали их речь. Первая мать мира принесла в мир несчастья. У нее была ферма, где были овцы, коровы и козы. Кончался относительно теплый месяц *Inäjer*¹, выпал снежок. Первая мать мира велела ягненку не бояться, так как месяц кончается и ничего плохого ему уже не сделает. *Inäjer* обиделся и попросил день у холодного месяца *Fórar*, тот дал семь дней и обещал дать еще, если

¹ Названия месяцев — января (*Inäjer*) и февраля (*Fórar*) — заимствованы из вульгарной латыни.

будет нужно. На четвертый день мороза и снегопада стада и сама мать мира превратились в камни. Месяц *Inäjer* и сейчас приносит несчастья старухам; во время одолженных дней они болеют и умирают.

[Frobenius 1921: 81–83]

1.14. Армения

Поверье о конце марта и начале апреля как о возвратившейся на несколько дней зиме известно у армян под названием Парви улер — Козлята старухи.

Рассказывают о том, что одна старуха, решив, что наступило, наконец, тепло, и ругая холодный март, вывела козлят из хлева. Март рассердился и попросил у апреля в долг три дня. Поднялась пурга и задушила старуху и козлят.

Считается, что пока в конце марта не поднимется метель, весна не наступит. Март из-за неуравновешенной погоды называют сумасшедшим.

[Петросян 2011: 74]

Терминологические таблицы
Хрононимы, мотивированные легендой о мартовской старухе
2.1. Хрононимы типа «старухи» и «старухины дни»

Термин	Перевод	Период	Этнос	Регион
<i>Babe(le)</i>	Бабы, старухи	1–12 марта	Румыны	С. Докань, Перинень, Плопана (жудец Васлуй), Ускаць (жудец Нямец), Молдова, Румыния
<i>Babe(le)</i>	Бабы, старухи		Румыны	С. Орлат, жудец Сибиу, Трансильвания, Румыния
<i>Babe(le)</i>	Бабы, старухи	1–12 марта	Румыны	С. Рудэрия, жудец Караш-Северин, Банат, Румыния
<i>Babe(le)</i>	Бабы, старухи	1–9 марта	Румыны	С. Пэрыу, жудец Горж, Олтения, Румыния;
<i>Babe(le)</i>	Бабы, старухи	1–9 марта	Румыны	Коммуна Половрадзь, жудец Горж, Олтения, Румыния
<i>Babe(le)</i>	Бабы, старухи	1–3 марта. 1-я — «баба» весны, 2-я — лета, 3-я — осени. Каковы эти три дня, таковы и три времени года	Румыны	С. Стэнешть, Шириняса, жудец Вылча, Олтения, Румыния
<i>Babe(le)</i>	Бабы, старухи	1–3 марта. 1-я — «баба» сева, 2-я — летних полевых работ, 3-я — сбора урожая. Если идет дождь в тот или иной день — удут дожди в соответствующий период, если нет — будет засуха.	Румыны	С. Орлешть, жудец Вылча, Олтения, Румыния

Термин	Перевод	Период	Этнос	Регион
<i>Babe(le)</i>	Бабы, старухи		Румыны	С. Бодешть, жудец Вылча, Олтения, Румыния
<i>Babe(le)</i>	Бабы, старухи	1–9 марта	Румыны	С. Мэлая, Сэлиштя, Чунджет (коммуна Мэлая), жудец Вылча, Олтения, Румыния
<i>Babe(le)</i>	Бабы, старухи	12 дней (единичное упоминание)	Румыны	Села коммуны Поноареле, жудец Мехединць, Олтения, Румыния
<i>Babe(le)</i>	Бабы, старухи	1–3 марта. «Бабы» весны, лета и осени; узнают, какими будут времена года по тому, каковы эти дни	Румыны	С. Уда-де-Жос, жудец Арджеш, Мунтения, Румыния
<i>Babe(le)</i>	Бабы, старухи	1–9 марта	Румыны	С. Албешть, жудец Олт, Мунтения, Румыния
<i>Zilele Babei</i>	Дни старухи	12 дней	Румыны	жудец Нямц, румынская Молдова, Румыния
<i>Zile ale babei,</i>	Дни старухи	12 дней, 6 до и 6 после 1 марта	Румыны	жудец Нямц, румынская Молдова, Румыния
<i>Zilele babei</i>	Дни старухи	Первые 9 дней апреля	Румыны	Алмаш (жудец Караш-Северин), Банат
<i>Zilele Babelor</i>	Дни старух	12 дней после 1 марта	Румыны	Жудец Караш-Северин, Банат, Румыния
<i>Zilele Babei Dochia</i>	Дни Бабы Доки	1–9 марта	Румыны	С. Чакыру, жудец Брэила, Мунтения, Румыния
<i>Zilele Babei Dochia</i>	Дни Бабы Доки	9 дней	Румыны	С. Жижила, жудец Тулча, Северная Добруджа, Румыния

Термин	Перевод	Период	Этнос	Регион
<i>Zilele Dochiei</i>	Дни Докии	1–12 марта	Румыны	Жудец Васлуй, румынская Молдова, Румыния
<i>Zâlile Odochii</i>	Дни Одокии	9 дней в марте	Румыны	С. Батарчъ, область Угоча, жудец Сату-Маре, Марамуреш, Румыния
<i>Babe(le)</i>	Бабы, старухи	9 дней в марте	Румыны (влахи)	Общины Неготин и Заечар, восточная Сербия
<i>Moаşi(le)</i>	Старухи		Арумыны	Балканский п-ов
<i>Бабини дине</i>	Старухины дни	Последние 2 дня месяца марта, которые, по поверью, март взял у февраля	Болгары	Окрестности Смоляна, Мадана, Ардина, Девина, Асеновграда — Родопы, Болгария
<i>Бабънътъ дени</i>	Старухины дни	Холодные или переменчивые дни со снегом в марте	Болгары	Родопы
<i>Първа баба Марта, втора баба Марта, третя баба Марта</i>	Первая баба Марта, вторая баба Марта, третья баба Марта	1–3 марта	Болгары	С. Глоговица, община Трън, область Перник, Болгария
<i>Лошите баби</i>	Дурные старухи	Первые 3 дня марта	Болгары	С. Гега, община Петрич, область Благоевград, Болгария
<i>Заетите баби</i>	Одолженные старухи	Первые 3 дня марта	Болгары	С. Гега, община Петрич, область Благоевград, Болгария
<i>Трите баби</i>	Три старухи	Первые 3 дня марта	Болгары	С. Гега, община Петрич, область Благоевград, Болгария

Термин	Перевод	Период	Этнос	Регион
<i>Трите баби</i>	Три старухи	1–3 марта	Болгары	Кюстендилска Каменица, область Кюстендил, Болгария.
<i>Трите баби</i>	Три старухи	1–3 марта	Болгары	Кюстендилская котловина, область Кюстендил, Болгария.
<i>Трите баби</i>	Три старухи	1–3 марта	Македонцы	Пиянец, Македония
<i>Три баби</i>	Ири старухи	Первые 3 дня марта	Македонцы	С. Теово (р-н Велеса), Македония
<i>Баби</i>	Старухи	Первые 3 дня марта	Македонцы	С. Теово (р-н Велеса), Македония
<i>Баби</i>	Старухи	3 последних дня марта или 3 последних дня апреля	Македонцы	Охрид, Македония
<i>Баба</i>	Старуха	14 марта	Македонцы	С. Пештани, окрестности Охрида, Македония
<i>Баба Марта</i>		Первые 3 дня марта или первые 3 пятницы марта	Македонцы	С. Теово (р-н Велеса), Македония
<i>Бабини дни</i>	Дни старухи	Последние дни марта	Македонцы	Струга, Македония
<i>Бабини дни</i>	Старухины дни	1–3 марта	Македонцы	Гевгелийска Каза, Македония
<i>Ба̀бе</i>	Старухи	14–22 марта (от св. Евдокии до Сорока мучеников по ст. ст.)	Сербы	Враньский край, Сербия
<i>Ба̀бе</i>	Старухи	3 или 9 дней перед праздником Сорока мучеников	Сербы	С. Ябланица на Пчине, южная Сербия
<i>Бабини дни</i>	Дни старухи	1–9 марта	Сербы	Лесковацкая Морава, Сербия
<i>Ба̀бе</i>	Старухи	1–9 марта	Сербы	Средска, Косово

Термин	Перевод	Период	Этнос	Регион
<i>Баба Марта</i>	Баба Марта	Морозные дни в марте	Сербы	Драгачево, западная Сербия
<i>Бабини дни</i>	Дни старухи	Холодные дни в конце марта	Сербы	Западная Сербия
<i>Бабини дани</i>	Дни старухи	В феврале		Попово поле, Герцеговина
<i>Бабиньаци</i>	Старухины	10 или 15 дней резкого похолодания весной	Черногорцы (племя пипери)	С. Завала, южная Черногория
<i>Q`akat</i>	Старухи	30 марта — 1 апреля (13–15 апреля)	Албанцы	С. Мухурр (Muhurr), краина Дибра (Дибыр), р-н Пешкопия (Албания), албанский среднегегский говор
<i>Pl`acat</i>	Старухи	Три холодных дня в конце марта	Албанцы	С. Лешня (Leshnjë), краина Скрапар, р-н Чоровода (Албания); албанский севернотоскский говор
	Дни старухи	Последние 3 дня марта	Греки	Ном Арта, область Эпир, Греция
<i>le dza a la villë</i>	Дни старухи	Последние 3 дня марта и первые 3 дня апреля	Франкошвейцарцы	Окрестности Фрибура, Швейцария
<i>Les jours de la Vieille</i>	Дни старухи	Последние 3 дня февраля и первые 3 дня марта, или последние 3 дня марта и первые 3 дня апреля	Французы	Франция
	Дни старухи	3 дня на рубеже марта и апреля	Каталонцы	Каталония, Испания
<i>Tamgart</i>	Старуха	25 февраля — 4 марта	Берберы	Территория группы племен Аит Вараин (Ait Warain, Beni Ouairain), к востоку от г. Фес, Марокко

Термин	Перевод	Период	Этнос	Регион
<i>nhār lā 'guz</i>	День старухи	26 февраля	Арабы	Территория племени Хайаина (Хайаина) (Нуауна, Наїаїна, Oulad Наууан), к северо-западу от г. Фес, Марокко
	Дни старухи Оджиз ¹	7 дней до наступления Науруза	Таджики	
<i>Кур-и Мом Оджуз</i>	Слепая бабушка Оджуз		Таджики-хшартобцы	Памир
	Дни старухи	7 дней в месяце <i>шубат</i>	Узбеки	Хорезм
<i>рухънала бурхИни</i>	Дни старухи	6–7 дней	Даргинцы	Дагестан
<i>къаридикъ-ар</i>	Старухины дни		Лезгины	Дагестан
<i>къаринене</i>	Бабушкины дни		Рутульцы	Дагестан
<i>къари йыгбыр</i>	Дни старухи		Цахуры	Дагестан
<i>хухула берме</i>	Дни бабушки	7 дней перед днем весеннего равноденствия	Цудахарцы	Дагестан

2.2. Другие хрононимы с посессивом «старухин»

Термин	Перевод	Период	Этнос	Регион
<i>Бабини козлићи</i>	Старухины козлята	Холодные дни в марте	Сербы	С. Црвена Церква, южный Банат, Сербия
<i>Бабини јарци</i>	Старухины козлята	1–9 марта	Сербы	Драгачево, западная Сербия
<i>Бабини укуви</i>	Старухины порывы ветра	Дни с переменчивой погодой в марте	Сербы	С. Ставе, Валевский край, западная Сербия
<i>Бабини козлићи</i>	Старухины козлята	Последние 3 дня марта	Сербы	Славонское Посавье

¹ Оджиз, Оджуз — «старуха» (араб.).

Термин	Перевод	Период	Этнос	Регион
<i>Babine huke, Бабини хуке (уке)</i>	Старухины порывы ветра	Холодные дни февраля, непогода в феврале	Боснийцы-мусульмане	Окрестности Високо и Купреса, Босния
<i>Бабини јарчеви</i>	Старухины козлята	10 или 15 дней резкого похолодания весной	Черногорцы (племя пипери)	С. Завала, южная Черногория
<i>Парви улер</i>	Козлята (ягнята) старухи	Дни в конце марта — начале апреля	Армяне	Армения
<i>рухънала дагъ</i>	Ветра старухи	6–7 дней	Даргинцы	Дагестан
<i>къарил дяркъу</i>	Холод старухи		Лакцы	Дагестан
<i>Reguignado de la Viëio</i>	Волнение старухи	Последние 3 дня февраля и первые 3 дня марта	Провансальцы	Прованс, Франция

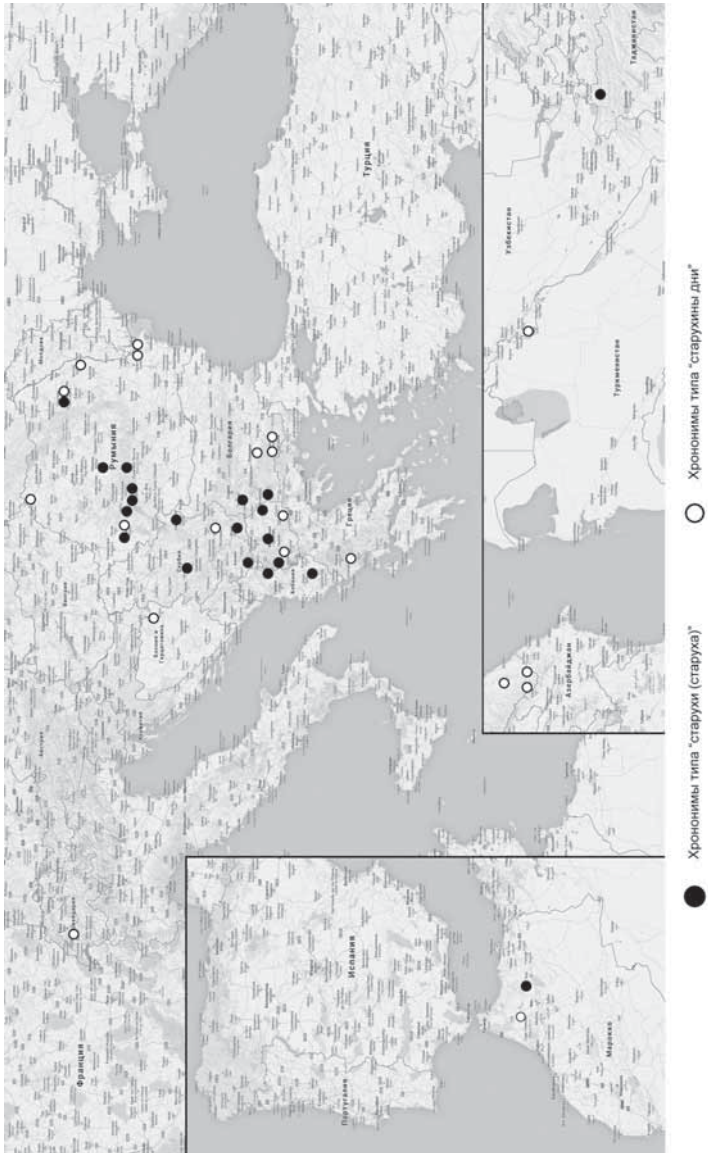
2.3. Хрононимы типа «заемные дни»

Термин	Перевод	Период	Этнос	Регион
<i>Împrumutări(le)</i>	Заемные	Дни с переменной погодой по истечении «Старух» — марте или апреле	Румыны	Жудец Караш-Северин, Банат, Румыния
<i>Zile împrumutate</i>	Заемные дни	Дни с переменной погодой по истечении «Баб» — в марте или апреле	Румыны	Жудец Караш-Северин, Банат, Румыния
<i>Заемните дани</i>	Заемные дни	30 и 31 марта	Болгары	С. Грудово, Българи, местность Странджа, Болгария

<i>Заемните дни</i>	Заемные дни	19–31 марта	Болгары	Область Хасково, Болгария
<i>Заемни дене</i>	Заемные дни	2–3 последних дня марта, якобы занятые у апреля	Болгары	Область Пловдив, Болгария
<i>Заемници</i>	Заемные	1–3 марта	Болгары	Местность Разлог, Пиринский край, Болгария
<i>Заёмници, Заедници</i>	Заемные	3 холодных дня в начале марта	Болгары	Пиринский край, Болгария
<i>Заёмляци</i>	Заемные	1–3 марта	Болгары	С. Кралев-Дол, область и община Перник, Болгария
<i>Заёмляци</i>	Заемные	1–3 марта	Болгары	Кюстендилская котловина, область Кюстендил, Болгария
<i>Заимени дни</i>	Заемные дни	1–3 марта	Македонцы	Гевгелийска Каза, Македония
<i>Зајамници</i>	Заемные	1–9 марта	Македонцы	Скопска Црна Гора, Македония
<i>Заёмци</i>	Заемные	Первые дни марта	Сербы	С. Равна Гора, р-н Власотинцев, Сербия
<i>Заёмци, заёмџаци</i>	Заемные	14–16 марта («первые 3 дня марта», начиная с 14.03)	Сербы	Горни Висок, Пиротский край, Сербия
<i>Зајмљни дани</i>	Заемные дни	1–9 марта	Сербы	Болевацкий край, Сербия
<i>Узајмица</i>	Заем	1–9 марта	Сербы	Косово поле
<i>Замјеници</i>	Заемные	1–3 марта	Боснийцы-мусульмане	Окрестности Високо, Босния
<i>Зајменици</i>	Заемные	Холодные дни марта	Боснийцы-мусульмане	Окрестности Купреса, Босния
<i>Manllabats</i>	Заемные		Каталонцы	

<i>dias emmanllevats</i>	Заемные дни	3 дня на рубеже марта и апреля	Каталонцы	Каталония, Испания
<i>As dias d'emprestimo</i>	Заемные дни	30 марта — 1 апреля	Португальцы	Муниципалитет Идандья-а-Нова, округ Каштелу-Бранку, Португалия
<i>el Mustakridât</i>	Заемные	3 дня марта	Арабы	Окрестности Иерусалима
<i>Borrowing</i>	Заем		Англичане, шотландцы	Великобритания
<i>Borrowed days</i>	Заемные дни		Англичане, шотландцы	Великобритания

**Карты распространения хрононимов,
мотивированных легендой о мартовской старухе**

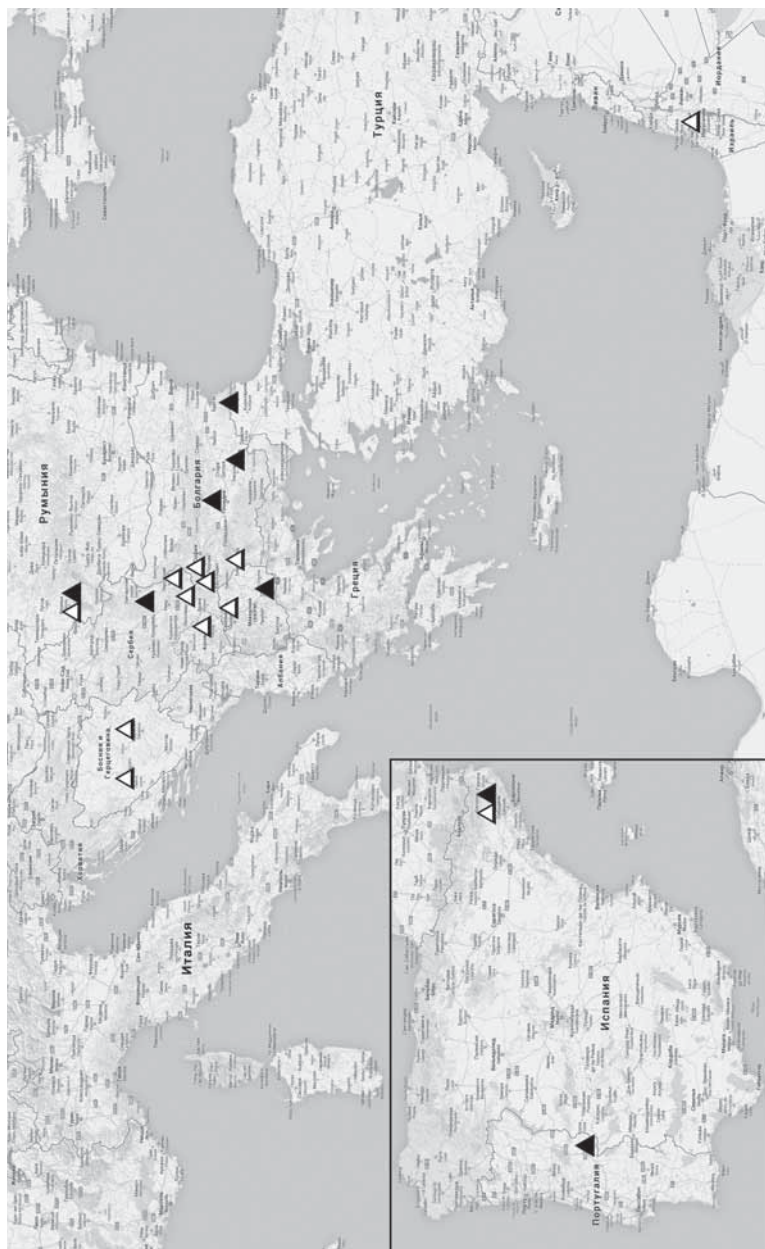

Хрононимы типа "старухины козлята (ягнята)"

Хрононимы типа "старухины порывы ветра", "старухины ветра"

БИБЛИОГРАФИЯ

Агапкина 2002 — *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весеннее-летний цикл. М.: Индрик, 2002.

Азим-заде 1979 — *Азим-заде Э.Г.* Русско-славянская астрономическая и метеорологическая терминология в сравнительно-историческом и типологическом плане: дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

Акимова 2009 — *Акимова Л.И.* Марс и март: мартовские боги // Мартеница. Mărțișor. Март'е. Verge...: материалы круглого стола, 25 марта 2008 г. М.: Институт славяноведения РАН. Центр лингвокультурных исследований «Balcanica», 2009. С. 30–47.

Андреев 1927 — *Андреев М.С.* Из материала по мифологии таджиков // Из краткого отчета по этнографической экспедиции под руководством М.С. Андреева в Таджикистан в 1925 г. Ташкент: Издательство общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, 1927. Вып. 1. С. 20–26.

Анфертьев 1979а — *Анфертьев А.Н.* Календарные обходы и мартовская обрядность у народов Восточной Европы: преемственность и этнокультурные контакты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1979.

Анфертьев 1979б — *Анфертьев А.Н.* Календарные обходы и мартовская обрядность у народов Восточной Европы: преемственность и этнокультурные контакты: дис. ... канд. ист. наук. Л.: Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1979.

Анфертьев 1979в — *Анфертьев А.Н.* К истории мартовских обрядов в Греции // СЭ. 1979. № 1. С. 133–139.

Арнаутов 1968 — *Арнаутов М.* Очерцы по болгарския фолклор. София: Български писател, 1968. Т. II.

Бурдые 2001 — *Бурдые П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001.

Българските алиани 1991 — Българските алиани: Сборник на етнографски материали. София; Исперих: Университетско издателство «Климент Охридски» — Исторически музей, 1991.

Василева 1974 — *Василева М.* Календарни празници и обичаи // Добруджа: Етнографски, езикови и фолклорни проучвания. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1974. С. 301–351.

Василева 1985 — *Василева М.* Календарни празници и обичаи // Капанци. Бит и култура на старото българско население в североизточната България: Етнографски и езикови проучвания. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1985. С. 200–235.

Василева 1993 — *Василева М.* Календарни празници и обичаи // Софийски край. Етнографски и езикови проучвания. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1993. С. 234–260.

Влаховић 1999 — *Влаховић П.* Србија. Земља, народ, живот, обичаји. Београд: Вукова задужбина, 1999.

Воропай 1958 — *Воропай О.* Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис. Мюнхен: Українське видавництво, 1958. Т. 1–2.

Вълчинова 1994 — *Вълчинова Г.* Сечко и Марта — формирането на един митологичен комплекс в българската народна култура // Етнографски проблеми на народната духовна култура. София, 1994. Т. 2. С. 33–77.

Габровски 1977 — *Габровски М.* Първомартенски обичаи у капанице // Музеи и паметници на културата. 1977. № 1. С. 13–17.

Гацак 1967 — *Гацак В.М.* Восточнороманский героический эпос. М.: Наука, 1967.

Голант 2008 — *Голант Н.Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вълча, область Олтения) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. М., 2008. С. 271–322.

Голант 2009 — *Голант Н.Г.* К вопросу о литературных переработках легенды о мартовской старухе: образ Докии в произведениях Георге Асаки и Михая Эминеску // Мартеница. Mărțișor. Март'е. Veroghe...: материалы круглого стола, 25 марта 2008 г. М.: Институт славяноведения РАН. Центр лингвокультурных исследований «Balcanica», 2009. С. 72–93.

Голант 2011а — *Голант Н.Г.* Цветовая символика в румынских традиционных оберегах и цветочные характеристики мартовских нитей // Балканский спектр: от света к цвету. Балканские чтения–11: тез. и материалы. Москва, 22–24 марта 2011 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 146–149.

Голант 2011б — *Голант Н.Г.* Традиция ношения мартовской нити в странах Карпато-Балканского региона (по материалам МАЭ) // Сборник МАЭ. Т. LVII: Культурное наследие народов Европы / Отв. ред. А.А. Новик. СПб.: Наука, 2011. С. 111–155.

Голант, Плотникова 2012 — *Голант Н.Г., Плотникова А.А.* Этнолингвистические материалы из Мунтении (округ Бузэу, села коммун Мерей, Мынзлешть, Пьетроаселе, Скорцоаса) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура: 2009–2011. М., 2012. Вып. 2. С. 361–423.

Гордлевский 1968а — *Гордлевский В.А.* Материалы для османского народного календаря // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. М., 1968. Т. 4. С. 89–93.

Гордлевский 1968б — *Гордлевский В.А.* Османские суеверия о птицах (Материалы) // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. М., 1968. Т. 4. С. 85–87.

Грбић 1909 — *Грбић С.* Српски народни обичаји из среза Бољевачког // СЕЗб. 1909. Књ. 14.

Гримм 2009 — *Братъя Гримм.* Полное собрание сказок и легенд в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2009.

Гура 2004а — *Гура А.В.* Кукушка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 36–40.

Гура 2004б — *Гура А.В.* Ласточка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 85–88.

Гура, Страхов 1995 — *Гура А.В., Страхов А.Д.* Аист // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 96–100.

Гуцульски говірки 1997 — *Гуцульски говірки.* Короткий словник. Львів: Інститут українознавства, 1997.

Делиниколова 1960 — *Делиниколова З.* Обичаи свързани с поедини празници и неделни дни во Радовиш // Гласник на Етнолошкиот музеј. Скопје, 1960. 1.

Державин 1914 — *Державин Н.С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Т. 1: Материалы по славянской этнографии // СбНУ. София: Издательство на Българската Академия на науките, 1914. Кн. XXIX.

Дражева 1980 — *Дражева Р.* Календарни празници и обичаи // Пирински край. Этнографски, фолклорни и езикови проучвания. София: Издательство на Българската Академия на науките, 1980. С. 422–456.

Дучић 1931 — *Дучић С.* Живот и обичаји племена Куча // СЕЗб. 1931. Књ. 48.

Ђорђевић 1958 — *Ђорђевић Д.М.* Живот и обичаји народни из Лесковачкој Морави // СЕЗб. 1958. Књ. 70.

Этнография... 1992 — Этнография на Македония. София: Издательство на Българската Академия на науките, 1992.

Зайковская, Зайковский 2001 — *Зайковская Т., Зайковский В.* Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с.Эратира, округ Козани) // Исследования по славянской диалектологии. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. Вып. 7: Славянская диалектная лексика и лингвогеография. С. 152–181.

Захариев 1935 — *Захариев Й.* Каменица. Географско-этнографско изучаване // СбНУ. София: Издательство на Българската Академия на науките, 1935. Кн. XL.

Захариев 1949 — *Захариев Й.* Пиянец. Земля и население // СБНУ. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1949. Кн. XLV.

Захариев 1963 — *Захариев Й.* Кюстендилската котловина. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1963.

Зеленчук 1959 — *Зеленчук В.С.* Очерки молдавской народной обрядности. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1959.

Иванов, Топоров 1995а — *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянская мифология // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 5–15.

Иванов, Топоров 1995б — *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Марена // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 253.

Иванова 1977а — *Иванова Ю.В.* Албанцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М.: Наука, 1977. С. 301–321.

Иванова 1977б — *Иванова Ю.В.* Греки // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М.: Наука, 1977. С. 322–336.

Йорданова 1972 — *Йорданова Л.* Към проучването на народните марченици в България // Известия на Етнографски институт и музей при БАН, 1972. Кн. 14. С. 195–227.

Йорданова 1988 — *Йорданова Л.* Изкуство и народни обичаи. София: Народна просвета, 1988.

Йорданова 1996 — *Йорданова Л.* Обичани обичаи. София: Тилиа, 1996.

Кабакова 1989а — *Кабакова Г.И.* Терминология восточнороманской календарной обрядности в сопоставлении со славянской: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1989.

Кабакова 1989б — *Кабакова Г.И.* Терминология восточнороманской календарной обрядности в сопоставлении со славянской: дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1989.

Кабакова 1994 — *Кабакова Г.И.* Структура и география легенды о мартовской старухе // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1994. С. 209–222.

Кабакова 2004 — *Кабакова Г.И.* Мать // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 203–208.

Кайндль 2000 — *Кайндль Р.Ф.* Гуцули. Їх життя, звичаї та народні перекази. Чернівці: Молодий буковинець, 2000.

Кантемир 1973 — *Кантемир Д.* Описание Молдавии. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1973.

Караџић 1964 — *Караџић В.* Расковник. Проза из рјечника. Београд: Просвета, 1964.

Караџић 1969 — *Караџић В. Ст.* Српски рјечник (1818). Београд, 1969.

Кашуба 1977 — *Кашуба М.С.* Народы Югославии // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М.: Наука, 1977. С. 243–273.

Китевски 1996а — *Китевски М.* Македонски народни празници и обичаи. Скопје, 1996.

Китевски 1996б — *Китевски М.* Македонски празнични обичаи // Етнологија на македонците. Скопје: Македонска Академија на науките и уметностите, 1996. С. 223–246.

Китевски 1997 — *Китевски М.* Македонска народна лирика. Скопје, 1997.

Кожевников 1968 — *Кожевников Ю.А.* Михаил Эминеску и проблема румынской литературы XIX в. М.: Наука, 1968.

Колева 1977 — *Колева Т.А.* Болгары // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М.: Наука, 1977. С. 274–295.

Колесса 1938 — *Колесса Ф.* Народні пісні з підкарпатської Русі. Ужгород, 1938.

Костић 1978 — *Костић П.* Годишњи обичаји // Гласник етнографског музеја у Београду. Београд, 1978. Књ. 42: Зајечар и околина. С. 399–441.

Котрелев 1991 — *Котрелев Н.В.* Итальянские сказки. Сказочные сюжеты в итальянской новеллистике / Сост. Н. Котрелев. М.: Правда, 1991.

Куруч 1964 — *Куруч Л.И.* Мифологическая и сказочная образность в поэтическом творчестве М. Эминеску: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кишинев, 1964.

Курьлев 1970 — *Курьлев В.П.* Одежда анатолийских турок // Сборник МАЭ. Т. 26: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970. С. 235–261.

Кустова 1987 — *Кустова О.* Пиренейские сказки / Перевела и пересказала для детей О. Кустова. Л.: Детская литература, 1987.

Маринов 1981 — *Маринов Д.* Избрани произведения. София: Наука и изкуство, 1981. Т 1.

Мартеница 2009 — Мартеница. Mărtișor. Mart'є. Verore...: материалы круглого стола, 25 марта 2008 г. М.: Институт славяноведения РАН. Центр лингвокультурных исследований «Balkanica», 2009.

Масан 2001 — *Масан О.* Літописець Чернівців і... Баби Явдохи. Доба // Громадсько-політичний тижневик. Чернівці, 2001. № 45 (163). 2 листопада.

МДАБЯ 2005 — МДАБЯ. Серия лексическая. München: Biblion Verlag, 2005. Т. I: Лексика духовной культуры.

Миков 1985 — *Миков Л.* Първомартенска обредност. Български празници и обичаи. София: Септември, 1985.

Миладинови 1981 — *Миладинови Д. и К.* Български народни песни. София: Наука и изкуство, 1981.

Михельсон 2002 — *Михельсон О.К.* История религий и новый гуманизм М. Элиаде // *Религиоведение.* 2002. № 4.

Народна проза 1985 — Народна проза от Благоевградски окръг (нови записи) / Л. Даскалова, Д. Добрева, Й. Коцева, Е. Мицева // СБНУ. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1985. Кн. LVIII.

Неготинска крајина 1970 — Неготинска крајина. Традиционална култура Неготинске крајине. Етнографски музеј. Београд, децембар 1970.

Ников 2004 — *Ников Н.* Празници у болгар. Легенды и предания. София: Болгарский бестселлер — национальный музей болгарской книги и полиграфии. София, 2004.

Обрембски 2001 — *Обрембски Ј.* Фолклорни и етнографски материали од Порече. Скопје: Магица Македонска, 2001.

Огняновиќ-Лоноски 2004 — *Огняновиќ-Лоноски Р.* Галичник и мијациите. Скопје: Македонска Академия на науките и уметностите — Фондација «Трифун Костовски», 2004.

Песни јужных славян 1976 — Песни јужных славян. М.: Художественная литература, 1976.

Петреска 1998 — *Петреска В.* Пролетните обичаи, обреди и верувања кај Мијациите. Скопље, 1998.

Петровић 1907 — *Петровић А.* Живот и обичаји народни у Скопској Црној Гори // СЕЗ. 1907. Књ. 7.

Петросян 2011 — *Петросян Э.Х.* Празници армян в контексте европейской культуры. Ереван: Тигран Мец, 2011.

Пећо 1925 — *Пећо Љ.* Обичаји и веровања из Босне // СЕЗб. 1925. Књ.32.

Плотникова 1996 — *Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балкано-славянского ареала. М.: Наука, 1996.

Плотникова 2004а — *Плотникова А.А.* Мартеница // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 188–190.*

Плотникова 2004б — *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.

Плотникова 2006а — *Плотникова А.А.* Этнолингвистические материалы из с. Теово в Македонии (область Велеса, регион Азот) // *Исследования по славянской диалектологии—12.* М.: Индрик, 2006. Вып. 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. С. 192–227.

Плотникова 2006б — *Плотникова А.А.* Весенние заклинательные формулы «изгнания» гадов у южных славян (в ареальной перспективе) // *Сла-*

вянский и балканский фольклор. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. Вып. 12: Семантика и прагматика текста. С. 319–372.

Плотникова 2009 — *Плотникова А.А.* Мартовские сюжеты в полевых исследованиях под Бузэу, Румыния // Мартеница. Mărțișor. Март'е. Veşere...: материалы круглого стола, 25 марта 2008 г. М.: Институт славяноведения РАН. Центр лингвокультурных исследований «Balcanica», 2009. С. 118–138.

Покровская 1977 — *Покровская Л.В.* Народы Франции // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М.: Наука, 1977. С.30–48.

Пономарченко 2001 — *Пономарченко К.А.* Из материалов по этнолингвистической программе МДАБЯ с островов Родос и Карпатос (Южная Греция) // Исследования по славянской диалектологии. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. Вып. 7: Славянская диалектная лексика и лингвогеография. С. 182–198.

Попов 1993 — *Попов Р.* Кратък празничен народен календар. София: Етнографски институт с музей при БАН, 1993.

Попов 1999 — *Попов Р.* Календарни празници и обичаи // Ловешки край. Етнографски проучвания на България. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1999. С. 293–320.

Попович 1977 — *Попович Ю.В.* Календарная обрядность // Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинев, 1977. С. 287–295.

Родопи 1994 — Родопи. Традиционна народна духовна и социално-нормативна култура. София, 1994.

Салих 1973 — *Салих А.* Прилог на проучвањето на обичаите околу Први март кај Турците во Охрид // Македонски фолклор. 1973. Г. 6. Бр. 12.

Сатрустеги 1990 — *Сатрустеги Х.М.* «Дай нам свет жизни и смерти»: Отголоски древних мифов в обычаях и легендах современных басков // Курьер ЮНЕСКО. 1990. № 7. С. 34–35.

Седакова 2004 — *Седакова И.А.* Этнолингвистические материалы из северо-восточной Болгарии (с. Равна, Провадийская община, Варненская обл.) // Исследования по славянской диалектологии. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. Вып. 10: Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. С. 237–267.

Седакова 2009 — *Седакова И.А.* Мартеница в современной городской культуре Болгарии // Мартеница. Mărțișor. Март'е. Veşere...: материалы круглого стола, 25 марта 2008 г. М.: Институт славяноведения РАН. Центр лингвокультурных исследований «Balcanica», 2009.

Сефербеков 2004 — *Сефербеков Р.* Образ «мартовской старухи» в мифологиях народов Дагестана. 2004. URL: http://portal21.ru/news/dagestan_21.php?ELEMENT_ID=4082

Сикимий 2001 — *Сикимий Б.* Свечи црева мотају // Култ светих на Балкану. Крагујевац, 2001.

Снесарев 1969 — *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.

Соболев 1999 — *Соболев А.Н.* Экспедиция в Черногорию (с. Завала, племя пипери) // МДАБЯ: Материалы Третьего рабочего совещания. СПб., 1999. С. 69–83.

Сорочяну 2006 — *Сорочяну Е.С.* Гагаузская календарная обрядность = Soroçanu E. Gagauzların kalendar adetleri. Kişinöv: Gunivas, 2006.

Стаменова 1986 — *Стаменова Ж.* Календарни празници и обичаи // Пловдивски край: Етнографски и езикови проучвания. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1986. С. 244–283.

Старинные... 1958 — Старинные албанские сказания. М.: Гослитиздат, 1958.

Странджа 1996 — Странджа. Материална и духовна култура. София: Акад. М. Дринов, 1996.

Тановић 1927 — *Тановић С.* Српски народни обичаји у Тевђељијској Кази // СЕЗБ. Београд, 1927. Књ. 40.

Тахо-Годи А.А. Дафна // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1.

Телбизов, Векова-Телбизова 1963 — *Телбизов К., Векова-Телбизова М.* Традиционен бит и култура на банатските българи // СБНУ. София, Издателство на Българската Академия на науките, 1963. Књ. LI.

Терновская, Толстой 1995 — *Терновская О.А., Толстой Н.И.* Баба. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 122–123.

Толстов 1931 — *Толстов С.П.* Средняя Азия // Религия народностей СССР. М.: Безбожник, 1931. Т. 1. С. 241–375.

Толстой, Толстая 1978 — *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Ареальные аспекты изучения славянской духовной культуры // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: краткие сообщения. Л.: Наука, 1978. С. 46–47.

Топоров 1976 — *Топоров В.Н.* К древнебалканским связям в области языка и мифологии // Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, 1976. С. 40–58.

Трефилова 2004 — *Трефилова О.В.* Этнолингвистические материалы из с. Стакевцы, район Белоградчика (Северо-Западная Болгария). // Исследования по славянской диалектологии. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. Вып. 10: Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. С. 254–398.

Трефилова 2006 — *Трефилова О.В.* Этнолингвистические материалы из с. Кралев-Дол, Перничская область, община Перник, Средняя Западная

Болгария // Исследования по славянской диалектологии. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. Вып. 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. С. 228–276.

Тэрнер 1983 — *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.

Узенева 2001 — *Узенева Е.С.* Этнолингвистические материалы из юго-западной Болгарии (с. Гега, Петричская община, Софийская область) // Исследования по славянской диалектологии. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. Вып. 7: Славянская диалектная лексика и лингвогеография. С. 127–151.

Узенева 2004а — *Узенева Е.С.* Этнолингвистические материалы из центральной Болгарии (с. Дылбоки, область Старой Загоры) // Исследования по славянской диалектологии. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. Вып. 10: Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. С. 268–297.

Узенева 2004б — *Узенева Е.С.* Терминологическая лексика народной духовной культуры с. Глоговица, Трынский край // Исследования по славянской диалектологии. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. Вып. 10: Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. С. 298–3539.

Фасмер 1964 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополн. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1964. Т. 1 (А–Д).

Филиповић 1949 — *Филиповић М.* Живот и обичаји народни у Височкој Нихији // СЕЗб. 1949. Књ. 61.

Франко 1898 — *Франко І.* Людові віруваня на Підгірю // Етнографічний збірник. 1898. Т. 5. С. 160–218.

Цивьян 1984 — *Цивьян Т.В.* Змея–птица: к истолкованию тождества // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984. С. 47–57.

Цивьян 2009 — *Цивьян Т.В.* Многоликий балканский март // Мартеница. Mărtișor. Март'е. Vegege...: материалы круглого стола, 25 марта 2008 г. М.: Институт славяноведения РАН. Центр лингвокультурных исследований «Balkanica», 2009. С. 48–52.

Чёха 2009 — *Чёха О.В.* О Mάρτης ο πεντάγυωμος // Мартеница. Mărtișor. Март'е. Vegege...: материалы круглого стола, 25 марта 2008 г. М.: Институт славяноведения РАН. Центр лингвокультурных исследований «Balkanica», 2009. С. 53–61.

Шапкарев 1968 — *Шапкарев К.А.* Сборник от български народни умотворения. София: Български писател, 1968. Т. 1: Обредни песни, народни обичаи.

Шишлова 1971 — *Шишлова Т.* Птица-правда. Испанские и португальские народные сказки / Пер. с исп. и порт. Т. Шишловой; лит. обработка для детей М. Туберовского. Л.: Детская литература, 1971.

Элиаде 1987 — *Элиаде М.* Космос и история. М.: Прогресс, 1987.

Элиаде 2000 — *Элиаде М.* Трактат по истории религий. СПб.: Алетейя, 2000. Т. I–II.

Эминеску 1958 — *Эминеску М.* Стихи: пер. с рум. / сост. и вступ. ст. Ю. Кожевникова; ред. переводов И. Миримский. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.

Эминеску 1968 — *Эминеску М.* Лирика / предисл. И. Андроникова; ред. переводов Д. Самойлов. М.: Художественная литература, 1968.

Эминеску 1989 — *Эминеску М.* Звезды новорожденной свет. М.: Художественная литература, 1989.

Юллы, Соболев 2003 — *Юллы Дж. (Ylli Xh.), Соболев А.Н.* Албанский гегский говор села Мухурр (краина Дибыр). München: Biblion Verlag, 2003.

Якушкина 2006 — *Якушкина Е.И.* Этнолингвистические материалы из Западной Сербии (село Ставе, Валевский край) // Исследования по славянской диалектологии. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. Вып. 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. С. 299–323.

Ярхо 1988 — *Ярхо В.Н.* Ниоба // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2.

Ястребов 1889 — *Ястребов И.С.* Обычаи и песни турецких сербов. 2-е изд., доп. прозою. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1889.

Antologie... 1983 — *Antologie dialectalo-folclorică a României.* București: Minerva, 1983. Vol. 1.

Asachi 1973 — *Asachi Gh.* Opere. București: Minerva, 1973. Vol. I: Versuri și teatru.

Asachi 1981a — *Asachi Gh.* Itineraru sau călăuzul la Pion // Opere. Varia. București: Minerva, 1981. Vol. II: Nuvele istorice. P. 390–399.

Asachi 1981b — *Asachi Gh.* Pionul sau Ceahlăul // Opere. Varia. București: Minerva, 1981. Vol. II: Nuvele istorice. P. 736–739.

AT — *Thompson S.* The types of folktale. A Classification and bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen" (FFCN 3) translated and enlarged. Second revision. Helsinki, 1961 (FFC № 184). Vol. 1–6. Copenhagen, 1955–1958 (2-е изд., доп.: 1964; 3-е изд., стереотип.: 1973).

Atlasul... 2011 — *Atlasul etnografic roman. Sărbători și obiceiuri. Români din Bulgaria.* București: Monitorul Oficial, 2011. Vol. 1: Timoc. Vol. 2: Valea Dunării.

Babu-Buznea 1988 — *Babu-Buznea O.* Dacii în conștiința romanticilor noștri. București: Minerva, 1988.

- Banks 1939 — *Banks M.* British calendar customs. Scotland. L.; Glasgow, 1939. Vol. 2.
- Beauquier 1952 — *Beauquier C.* Traditions populaires: Les mois en Franche-Comté. P., 1952. Vol. 1.
- Bhose 1989 — *Bhose A.* Codrul ca fința // Ramuri (Craiova). 1989. Iunie. № 6.
- Bidault de l'Isle 1952 — *Bidault de l'Isle G.* Vieux dictons de nos campagnes. P.: La toison d'or, 1952. Vol. 1.
- Bârlea 1976 — *Bârlea O.* Mică enciclopedie a poveștilor românești. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1976.
- Bot 1971 — *Bot N.* Cânepa în credințele și practicile magice românești // AMET 1968–1970. Cluj-Napoca, 1971.
- Boteanu, Borloveanu 2003 — *Boteanu C., Borloveanu D.* Ponoarele. Craiova: Ed. MJM, 2003.
- Brill 2005 — *Brill T.* Tipologia legendei populare românești. București: Saeculum I.O., 2005. Vol. 1: Legenda etiologică.
- Caballero 1974 — *Caballero F.* Tratado popular de agricultura y de meteorologia // Caballero F. Cuentas y poesias populares andaluces. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1974. P. 110–115.
- Candrea 1944 — *Candrea I.A.* Folclorul medical român comparat. Privire generală. Medicina magică. București: Casa Școalelor, 1944.
- Candrea 1928 — *Candrea I.A.* Iarba fiarelor. București, 1928.
- Caracostea 1928 — *Caracostea D.* Izvoarele lui Gh. Asaki. București: Editura Librăriei Socec & Co., Societate Anonimă, 1928.
- Călinescu 1969 — *Călinescu G.* Opera lui Mihai Eminescu: 1. Descrierea operei. Cultura. Eminescu în timp și spațiu. București: Ed. pentru Literatură, 1969. Vol. 12.
- Călinescu 1978 — *Călinescu G.* Mihai Eminescu: studii și articole. Iași: Junimea, 1978.
- Călinescu 1988 — *Călinescu G.* Istoria literaturii române de la origini până în prezent. București: Minerva, 1988.
- Călinescu 1998 — *Călinescu G.* Mihai Eminescu. Din Istoria literaturii române de la origini până în prezent. București: Cartea Românească, 1998.
- Chicet 1998 — *Chicet I.* Calendarul popular al Mehedințului. Martie. Aprilie // Răstimp (Turmu-Severin). 1998. № 2.
- Ciașanu 2001 — *Ciașanu Gh. F.* Superstițiile poporului român în asemănare cu ale altor popoare vechi și noi. București: Saeculum I.O., 2001.
- Ciorănescu 2007 — *Ciorănescu A.* Dicționarul etimologic al limbii române / Ed. îngrijită și trad. din limba spaniolă, de T. Ș. Mehedinți și M. Popescu Marin. București: Saeculum I.O., 2007.

- Contes 1998 — Contes et légendes de France / éd. G. Kabakova. P.: Flies France, 1998.
- Contes 2006 — Contes et légendes d'Italie / éd. G. Kabakova. P.: Flies France, 2006.
- Contes 2010 — Contes et légendes de Kabylie / éd. D. Arezki. P.: Flies France, 2010.
- Credințe 2000 — Credințe și superstiții românești după Artur Gorovei și Gh.F. Cîașanu / Ed. de I. Nicolau și C. Hulață. București: Humanitas, 2000.
- Densușianu 1926 — *Densușianu O.* Semantism anterior despărțirii dialectelor romîne // Grai și Suflet (București). 1926. Vol. II. Fasc. 2.
- DEX 1998 — Dicționarul explicativ al limbii române. București: Univers Enciclopedic, 1998.
- Eliade 1943 — *Eliade M.* Comentarii la Legenda Meșterului Manole. București: Publicom, 1943.
- Eminescu 1963 — *Eminescu M.* Opere. București: Editura Academiei, 1963. Vol. VI.
- Eminescu 1977 — *Eminescu M.* Literatura populară. București: Minerva, 1977.
- Eminescu 1982 — *Eminescu M.* Poezii (М. Эминеску. Стихотворения) / пер. с рум. Н. Малярчука. Cluj-Napoca: Dacia, 1982.
- Eminescu 1997 — *Eminescu M.* Memento mori. Chișinău: Litera, 1997.
- Evseev 1997 — *Evseev I.* Dicționar de magie, demonologie și mitologie. Timișoara: Amarcord, 1997.
- Evseev 2001 — *Evseev I.* Dicționar de simboluri și arhetipuri culturale. Timișoara: Amarcord, 2001.
- Fochi 1976 — *Fochi A.* Datini și eresuri populare de la sfârșitul secolului al XIX-lea: răspunsurile la chestionarele lui Nicolae Densușianu. București: Minerva, 1976.
- Frobenius 1921 — *Frobenius L.* Atlantis: Volksmärchen und Volksdichtungen Afrikas. Jena: Eugen Diederichs, 1921. Bd 1.
- Genep 1947 — *Genep A. van.* Manuel de folklore français contemporain. P.: Editions A. et J. Picard et Co., 1947. Tome premier. III.
- Gherman 1923 — *Gherman T.* Prognosticuri // Comoara satelor. 1923. an I. № 7–8. P. 121.
- Gherman 1926 — *Gherman T.* Zilele Babelor // Comoara satelor. 1926. an IV. № 3. P. 41–42.
- Gherman 2002 — *Gherman T.* Meteorologie populară. Observări, credințe și obiceiuri. București: Paideia, 2002.
- Ghinoiu 1988 — *Ghinoiu I.* Vârstele timpului. București: Meridiane, 1988.
- Ghinoiu 1997 — *Ghinoiu I.* Obiceiuri populare de peste an. București: Editura Fundației Culturale Române, 1997.

Ghinoiu 2001 — *Ghinoiu I.* Panteonul românesc. București: Univers Enciclopedic, 2001.

Ghinoiu 2005 — *Ghinoiu I.* Comoara satelor: calendar popular. București: Editura Academiei Române, 2005.

Gomis 1888 — *Gomis D.C.* Meteorologia i agricultura populars. Barselona: D. Alvar Verdauer, 1888.

Gorovei 1995 — *Gorovei A.* Credinți și superstiții ale poporului român. București: Grai și suflet — Cultura națională, 1995.

Hașdeu 1893 — *Hașdeu B.P.* Etimologicum Magnum Romaniae. Dicționarul limbii istorice și poporane a românilor. București: Stabilimentul grafic Soces & Teclu, 1893. T. III.

Hedeșan 2005 — *Hedeșan O.* Lecții despre calendar. Curs de folclor. Timișoara: Editura Universității de Vest, 2005.

Iacob-Bencei 1996 — *Iacob-Bencei I.* Dă dor..., dă... jăle..., dă drag... Timișoara: Mirton, 1996.

Lanher, Litaize 1985 — *Lanher J., Litaize A.* Au fil des mois. Nancy, 1985.

Legende 1981 — *Legende populare românești / Ed. critică și studiu introductiv de T. Brill; Prefață de I. D. Balan.* București: Minerva, 1981.

Leotti 1937 — *Leotti A.* Dizionario albanese-italiano, 1937.

Macedonia 1888 — *Macedonia.* Revista Românilor din peninsula Balcanică. 1888.

Mangiuca 1882 — Mangiuca S. Călindariu *julian, gregorian și poporal* român. Biserica Albă: Tip. Wunder, 1882.

Marian 1994 — *Marian S.Fl.* Sărbătorile la români. Studiu etnografic. București: Editura Fundației Culturale Române, 1994. Vol. I.

Marienescu 1994 — *Marienescu A.M.* Arghir și Ileana Cosânzeana. București: Minerva, 1994.

Meyer 1891 — *Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache, 1891.

Meyer 1974 — *Meyer P.* Les jours d'emprunt // *Romania.* 1974. Vol. 3. P. 294–297.

Mistral 1859 — *Mistral F.* Mirèio. Avigno, 1859.

Mușlea 1932 — *Mușlea I.* Cercetări folclorice din Țara Oașului // *Anuarul Arhivei de Folklor (Cluj).* 1932. An. I. P. 117–241.

Mușlea, Bârlea 1970 — *Mușlea I., Bârlea Ov.* Tipologia folclorului. București: Minerva, 1970.

Nenișescu 1895 — *Nenișescu I.* De la Românii din Turcia Europeană. Studiu etnic și statistic asupra armânilor. București, 1895.

Nicolau 1998 — *Nicolau I.* Ghidul sărbătorilor românești. București: Humanitas, 1998.

Niculiță-Voronca 2008 — *Niculiță-Voronca E.* Datinele și credințele poporului roman adunate și așezate în ordine mitologică. București: Saeculum I.O., 2008. Vol. I–II.

Olinescu 2003 — *Olinescu M.* Mitologie românească. București: Saeculum I.O., 2003.

Olteanu 1998 — *Olteanu A.* Metamorfozele sacrului. București: Paideia, 1998.

Olteanu 2001 — *Olteanu A.* Calendarele poporului român. București: Paideia, 2001.

Ortoli 1883 — *Ortoli J.B.F.* Contes populaires de l'île de Corse. P.: Maisonneuve & Cie, 1883.

Pamfile 2000 — *Pamfile T.* Mitologie românească. București: Grai și Suflet — Cultura Națională, 2000.

Pamfile 2001 — *Pamfile T.* Văzduhul după credințele poporului român. București: Paideia, 2001.

Pamfile 2005 — *Pamfile T.* Sărbătorile la români. București: Saeculum I.O., 2005.

Papahagi 1923 — *Papahagi T.* Din Folklorul Romanic și cel Latin. București: Ed. Casei Școalelor, 1923.

Papahagi 1979 — *Papahagi T.* Martie // Papahagi T. Mic dicționar folkloric. Spicuri folclorice și etnografice comparate. București: Minerva, 1979. P. 323–328.

Păcală 1915 — *Păcală V.* Monografia comunei Rășinariu. Sibiu, 1915.

Petrovici 1935 — *Petrovici E.* Folclor din Valea Almajului // Anuarul Arhivei de Folklor. 1935. An. III. P. 125–159.

Rădulescu-Codin 1910 — *Rădulescu-Codin C.* Legende, tradiții și amintiri istorice adunate din Oltenia și din Muscel. București: Librăria SOCEC & Comp., 1910.

Rădulescu-Codin, Mihalache 1909 — *Rădulescu-Codin C., Mihalache D.* Sărbătorile poporului cu obiceiurile, credințele și unele tradiții legate ele. București, 1909.

Rodionov 2010 — *Rodionov M.* Wādī Ḥaḍramawt as a landscape of death and burial // Death and Burial in Arabia and Beyond. Multidisciplinary perspectives / Ed. by Lloyd Weeks. BAR International Series 2107. 2010. P. 341–345.

Rosetti 1964 — *Rosetti A.* Istoria limbii române. București, 1964. Vol. 2.

Sărbători... 2001. 1 — Sărbători și obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului etnografic român. București: Ed. Enciclopedică, 2001. Vol. I: Oltenia.

Sărbători... 2002. 2 — Sărbători și obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului etnografic român. București: Ed. Enciclopedică, 2002. Vol. II: Banat, Crișana, Maramureș.

Sărbători... 2003. 3 — Sărbători și obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului etnografic român. București: Ed. Enciclopedică, 2003. Vol. III: Transilvania.

Sărbători... 2004. 4 — Sărbători și obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului etnografic român. București: Ed. Enciclopedică, 2004. Vol. IV: Moldova.

Sărbători... 2009. 5 — Sărbători și obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului etnografic român. București: Ed. Enciclopedică, 2009. Vol. V: Dobrogea, Muntenia.

Schott 2003 — *Schott A. și A.* Basmе valаhe. Iași: Polirom, 2003.

Scurtu 1942 — *Scurtu V.* Cercetări folclorice în Ugocea românească // Anuarul Arhivei de Folklor. 1942. An. VI. P. 123–301.

Seignolle 1960 — *Seignolle Cl.* Le Folclore de Languedoc. P., 1960.

Spano 1871 — *Spano G.* Proverbi sardi trasportati in lingua italiana e confrontati con quelli degli antichi popoli. Cagliari: Tipografia del Commercio, 1871.

Șăineanu 1896 — *Șăineanu L.* Zilele Babei și legenda Dochiei // Șăineanu L. Studii folklorice. Cercetări în domeniul literaturii populare. București: Editura Librăriei Socecu et Comp., 1896. P. 1–45.

Taloș 1997 — *Taloș I.* Meșterul Manole. București: Grai și suflet — Cultura națională, 1997.

Țîrcomnicu 2004 — *Țîrcomnicu E.* Identitatea românească sud-dunăreană. Aromânii din Dobrogea. București: Editura Etnologică, 2004.

Țîrcomnicu 2009 — *Țîrcomnicu E.* Obiceiuri și credințe macedoromâne. Dicționar. București: Biblioteca Bucureștilor, 2009.

Wailly, Crampon 1968 — *Wailly J., Crampon M.* Le Folklore de Picardie (Somme, Oise, Aisne). Amiens: Musée de Picardie, 1968.

Westermarck 1968 — *Westermarck E.A.* Ritual and belief in Morocco. N.Y.: University Books, 1968. Vol. 2.

Πολίτου 1965 — *Πολίτου Ν.Γ.* Μελεται περί του βίου και της γλώσσης του ελληνικού λαού. Παραδόσεις. Μέρος Α'. Σελ. 163–169. Αθηνα, 1965.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Калашникова 1971 — *Калашникова Н.М.* Научный отчет об экспедиции в Молдавскую ССР в 1971 г. // Рукопись. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. № 1698.

Коллекционные описи РЭМ. Молдаване. Кн. 67, 279.

Новик 2010а — Новик 2010: Бурлачко: Бабин день. АОЕ. Рукопись.

Новик 2010б — *Новик А.А.* Приазовский отряд 2010. Полевая тетрадь. Рукопись. АМАЭ. Ф. К I. Оп. 2. Д. № 1983.

ПМА 1998 — Полевые материалы автора из с. Твардица и Валя Пержей (Тараклийский р-н Республики Молдова), 1998 г. Рукопись. Архив кафедры этнографии и антропологии СПбГУ.

ПМА 1999 — Полевые материалы автора из с. Чийшия (Болградский р-н Одесской обл. Украины), 1999 г. Рукопись. Архив кафедры этнографии и антропологии СПбГУ.

ПМА 2002 — Полевые материалы автора из с. Мусаит (Тараклийский р-н Республики Молдова), 2002 г. Рукопись. Архив автора.

ПМА 2005а — Полевые материалы автора из общины Брегово (область Видин, Болгария), 2005 г. Рукопись. Архив автора.

ПМА 2005б — Полевые материалы автора из коммуны Дэбулень (жудец Долж, Олтения, Румыния), 2005 г. Рукопись. Архив автора.

ПМА 2010 — Полевые материалы автора из коммуны Поноареле (жудец Мехединць, Олтения, Румыния), 2010 г. Рукопись. Архив автора.

ПМА 2011а — Полевые материалы автора из с. Жовтневе (Каракурт), Болградский р-н Одесской обл. Украины, 2011 г. — Рукопись, архив автора.

ПМА 2011б — Полевые материалы автора из г. Бельцы, Бричаны и Сороки (Республика Молдова), 2011 г. Рукопись. Архив автора.

ПМА 2012а — Полевые материалы автора из общины Брегово (область Видин, Болгария), 2012 г. Рукопись. Архив автора.

ПМА 2012б — Полевые материалы автора из коммун Тулничь и Негрилешть (округ Вранча, область Молдова, Румыния), 2012 г. Рукопись. Архив автора.

ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 — Полевые материалы А.А. Плотниковой и автора из коммун Половрадзь и Байя-де-Фьер (жудец Горж, Олтения, Румыния), 2009 г. Рукопись. Архив автора.

Ispirescu 1875 — *Ispirescu P.* Obiceiuri și datini la sărbători, după lunile anului, din ianuarie până în decembrie, în mahalaua Tirchileștilor, din București și din alte părți. Рукопись. В.А.Р. Мss. 5102, 1875. F. 29–30.

Speranția 1907 — *Speranția Th.D.* Răspunsuri la chestionarul de sărbători păgânești. Vol. I (Mehedinți, Gorj, Vâlcea) — ms. 4960; vol. II (Romanăți, Dolj) — Ms. 4961; Vol. III (Argeș, Dâmbovița, Muscel) — Ms. 4962; Vol. IV (Prahova, Buzău, Râmnicul Sărat) — Ms. 4963; Vol. V (Olt, Teleorman, Vlașca, Ilfov) — Ms. 4964; Vol. VI (Ialomița, Brăila, Tulcea, Constanța) — Ms. 4965; Vol. VII (Putna, Tutova, Covurlui, Bacău, Tecuci, Fălciu, Iași) — Ms. 4966; Vol. VIII (Neamț, Suceava, Roman, Vaslui, Botoșani, Dorohoi) — Ms. 4967. Рукописи. В.А.Р. 1907.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМАЭ — Архив МАЭ РАН (СПб.)
АОЕ — Архив отдела европейстики МАЭ РАН (СПб.)
ИЛИ РАН — Институт лингвистических исследований РАН (СПб.)
Исл РАН — Институт славяноведения РАН (М.)
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (СПб.)
МДАБЯ — Малый диалектологический атлас балканских языков
ПМ — Полевые материалы
ПМА — Полевые материалы автора
РНБ — Российская национальная библиотека (СПб.)
РЭМ — Российский этнографический музей (СПб.)
СБНУ — Сборник от български народни умотворения (София)
СЕЗБ — Српски етнографски зборник (Београд)
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет (СПб.)
СЭ — Советская этнография (М.)
АМЕТ — Archiva Muzeului etnografic al Transilvaniei (Cluj-Napoca)
B.A.R. — Biblioteca Atlasului etnografic român
DEX — Dicționarul explicativ al limbii române

Научное издание

Наталья Геннадьевна Голант

МАРТОВСКАЯ СТАРУХА И МАРТОВСКАЯ НИТЬ
Легенды и обряды начала марта у румын

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактирование Т. В. Никифоровой
Корректор Л. Г. Амбросенко
Компьютерный макет Н.И. Пашковской

Подписано в печать 25.11.2013. Формат 60 × 84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ л. 16. Уч.-изд. л. 18.
Тираж 200 экз. Заказ № 3369.

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24.

ISBN 978-5-88431-241-8

